В. МАЙСКІЙ (И. Ляховецкій)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕРМАНІЯ

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ"

В. МАЙСКІЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕРМАНІЯ

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ"

Типографія Т-ва „Книгоиздательство Писателей въ Москвѣ“
Моховая, у Троицкихъ воротъ, д. кн. Гагарина.
1917 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ противоположность ранѣе выпущенной мной книгѣ „Германія и война“, въ которую вошли почти исключительно лишь статьи, писаныя уже во время великаго европейскаго конфликта, настоящая книга составилась главнымъ образомъ изъ очерковъ до-военной эпохи, печатавшихся въ 1912—14 гг. въ „Русскомъ Богатствѣ“ и „Современномъ Мірѣ“. Я постарался выбрать изъ всего имѣющагося въ моемъ распоряженіи матеріала то, что болѣе однородно по своему духу и содержанію, желая такимъ образомъ придать предлагаемому сборнику извѣстныя внутреннія цѣльность и единство. Въ этихъ же видахъ одна глава—о либерализмѣ—была написана мною вновь, специально для настоящаго изданія. Мнѣ хотѣлось дать русской читающей публикѣ нѣкоторое представленіе о политической Германіи, ибо она какъ разъ стоитъ сейчасъ въ полѣ зрѣнія всего человѣчества вообще, Россіи въ частности, она ведетъ войну и подготовляетъ условія будущихъ отношеній между народами. Вотъ почему на протяженіи всего изложенія я стремился ограничиться только сферой политики, касаясь другихъ сторонъ нѣмецкой жизни лишь мимоходомъ и лишь постольку, поскольку это было необходимо для пониманія политическихъ явленій.

Въ первоначальный текстъ собранныхъ здѣсь очерковъ внесено очень мало измѣненій. Отчасти это объясняется тѣмъ, что въ нихъ идетъ рѣчь о лицахъ уже отошедшихъ или событіяхъ уже законченныхъ, въ оцѣнкѣ которыхъ минувшіе два года ничего не могли измѣнить, отчасти же тѣмъ, что мнѣ не хотѣлось, быть можетъ, даже безсознательно отступать отъ началъ исторической объективности. На послѣдующихъ страницахъ читатель найдетъ картину политической Германіи такой, какой она рисовалось глазамъ внимательнаго наблюдателя еще въ мирный періодъ, еще до наступленія того момента, когда всемогущія страсти военнаго времени стали туманить самые свѣтлые умы, заставляя ихъ признавать чернымъ то, что вчера они считали бѣлымъ, и бѣлымъ то, что всю жизнь они называли чернымъ. Думается поэтому, что предлагаемая ниже, на-

бросанная еще въ ясной и спокойной атмосферѣ нормальныхъ условій картина, съ ея естественнымъ распредѣленіемъ свѣта и тѣни, гораздо больше соотвѣтствуетъ дѣйствительности, чемъ та картина, которая могла бы быть создана сейчасъ, въ лихорадочной атмосферѣ текущаго момента. Кромѣ того, въ переживаемые нами бурные дни Германія, подобно всѣмъ другимъ воюющимъ странамъ, находится въ состояніи величайшаго броженія: старыя формы жизни во многомъ сломаны, новыя еще не народились, все приведено въ движеніе, нѣтъ ничего незыблемаго, рѣзко очерченнаго, отстоявшагося. Мы не знаемъ пока, какой Германія выйдетъ изъ историческаго „плавильнаго тигля", въ который она попала, какъ будетъ выглядѣть ея политическое лицо послѣ войны. Однако исходнымъ пунктомъ всей происходящей на нашихъ глазахъ эволюціи является Германія 1913—14 гг., ея тогдашнія такъ отчетливо обрисованныя государственныя, административныя и партійно-политическія отношенія. Съ этой Германіей мы, очевидно, должны знакомиться, если хотимъ вообще составить себѣ о ней какое-либо представленіе, ибо никакой другой болѣе или менѣе законченной Германіи еще нѣтъ, и объ этой-то Германіи какъ разъ и идетъ рѣчь на послѣдующихъ страницахъ.

По всѣмъ указаннымъ выше соображеніямъ я оставляю почти безъ всякихъ перемѣнъ то, что было мной написано 3—4 года назадъ. Впрочемъ, какъ читатель легко убѣдится изъ дальнѣйшаго, многое изъ того, что такъ сильно поражало насъ—въ жизни и дѣйствіяхъ Германіи—на протяженіи минувшихъ двухъ лѣтъ, было намѣчено мной уже раньше, многое оказалось лишь логическимъ развитіемъ тѣхъ взглядовъ и явленій, которые охарактеризованы въ собранныхъ здѣсь статьяхъ.

Октябрь 1916

АВТОРЪ

Великій юнкеръ

„Die Politik ist eben keine Wissenschaft, wie viele der Herren Professoren glauben, sie ist eben eine Kunst".

„Die Politik ist die Lehre vom Möglichen".

Политика отнюдь не наука, какъ думаютъ многіе изъ господъ профессоровъ, она—искусство.

Политика есть ученіе о возможномъ.

Кн. Бисмаркъ

I

...Когда вы начинаете ближе знакомиться съ великимъ „строителемъ" Германской имперіи, васъ больше всего поражаетъ нѣсколько неожиданная сложность и какъ бы даже двойственность его натуры. Обычныя представленія о Бисмаркѣ, широко распространенныя въ публикѣ, исчерпываются нѣсколькими жесткими афоризмами въ родѣ „желѣзнаго канцлера", „политики крови и желѣза" и т. п., да еще нѣсколькими анекдотами, рисующими его находчивость, смѣлость, рѣшительность, безцеремонность. И въ результатѣ въ общественномъ сознаніи встаетъ образъ человѣка-монолита, человѣка, высѣченнаго изъ одного куска камня, суроваго воина, неумолимо-безстрастнаго государственнаго мужа, не знающаго ни сомнѣній, ни колебаній, спокойно шагающаго по трупамъ къ осуществленію поставленныхъ себѣ цѣлей. Нельзя отрицать, что въ характерѣ и карьерѣ Бисмарка было не мало чертъ и событій, дающихъ основаніе для подобнаго рода представленій. И все-таки они не вполнѣ покрываютъ надменную личность великаго канцлера. Въ дѣйствительности она оказывается съ психологической точки зрѣнія гораздо болѣе богатой и разнообразной, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе сложной и противорѣчивой. Однажды въ бытность свою прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ Бисмаркъ какъ-то замѣтилъ: Хоро-

шая музыка возбуждаетъ меня въ двухъ направленіяхъ: она даетъ мнѣ предчувствіе войны и предчувствіе идилліи". Это изреченіе можетъ быть взято эпиграфомъ ко всему духовному лицу творца объединенной Германіи. Въ его груди всегда жили двѣ души— правда, одна гораздо болѣе сильная и могущественная, чѣмъ другая,—но все-таки двѣ души.

Первая и безусловно доминирующая душа ярче всего воплотилась въ его политической и государственной дѣятельности, во всѣхъ тѣхъ актахъ и поступкахъ, за которые исторія подарила ему безсмертіе,—душа грубаго юнкера, душа суроваго солдата, душа „желѣзнаго канцлера", на закатѣ дней своихъ не безъ гордости заявлявшаго, что на его совѣсти лежатъ три войны и 80.000 жизней, скрѣпившихъ, какъ цементомъ, своей кровью зданіе объединенной имперіи. И надо откровенно признать, что для своего полнаго и безпрепятственнаго выявленія эта душа была прекрасно вооружена цѣлымъ рядомъ специфическихъ особенностей бисмарковской натуры.

Уже самая наружность канцлера, его вкусы, манеры, образъ жизни были въ данномъ отношеніи весьма краснорѣчивы. Бисмаркъ отличался исполинскимъ тѣлосложеніемъ, былъ чрезвычайно силенъ физически, любилъ дикія развлеченія и рискованныя удовольствія Ѣлъ онъ страшно много, пилъ еще больше, лѣчиться отъ случайныхъ недуговъ предпочиталъ различными „домашними" и притомъ большей частью сильно дѣйствующими средствами. Его утренняя порція въ лучшіе годы обычно состояла изъ 11 крутыхъ яицъ, за обѣдомъ онъ нерѣдко единолично уничтожалъ по цѣлому громадному пирогу, запивалъ ѣду всегда бордо, коньякомъ и другими тяжелыми южными винами.

Какъ настоящій „потомственный почетный" юнкеръ (родъ Бисмарковъ въ Бранденбургѣ старше рода Гогенцоллерновъ и впервые упоминается въ исторіи свыше 600 лѣтъ назадъ), великій канцлеръ въ душѣ былъ солдатомъ. Его семья въ теченіе 300 лѣтъ принимала активное участіе во всѣхъ войнахъ съ Франціей. И еще во время борьбы съ Наполеономъ въ 1806—14 гг. его семеро родственниковъ, включая отца, находились въ рядахъ войскъ анти-французской коалиціи, при чемъ трое изъ нихъ остались на полѣ битвы, а остальные четверо вернулись домой съ „желѣзными крестами" на шеѣ. Военныя традиціи никогда не давали Бисмарку покоя. Всю жизнь онъ сожалѣлъ о томъ, что, благодаря вліянію честолюбивой матери, прочившей его въ блестящіе дипломаты, онъ пошелъ „по гражданской части" и вынужденъ былъ проводить время не передъ фронтомъ, а за письменнымъ столомъ. „Даже сейчасъ,—писалъ онъ уже старикомъ императору Вильгельму I,—послѣ того, какъ Ваше Величество осыпали меня величайшими почестями, которыя выпадаютъ на долю государственнаго человѣка, я не могу вполнѣ подавить чувство со-

жалѣнія о томъ, что мнѣ не суждено было пройти тѣ же ступени въ качествѣ солдата. Быть можетъ, изъ меня вышелъ бы плохой генералъ, но, поскольку дѣло касается моихъ склонностей, я предпочелъ бы выигрывать битвы для Вашего Величества".

Судьба сложилась иначе, но и подъ „гражданскимъ мундиромъ" у Бисмарка продолжало биться военное сердце. Изъ чистой любви къ искусству онъ, напр., часто присутствуетъ на маневрахъ, и, какъ безумный, носится съ утра до вечера верхомъ по полю дѣйствія. Своимъ сыновьямъ въ 1870 г. онъ преподноситъ въ подарокъ сабельные клинки. Въ письмахъ и рѣчахъ онъ постоянно употребляетъ воинскія выраженія: называетъ себя „солдатомъ Господа", сравниваетъ себя съ „солдатомъ на посту", заявляетъ, что отказъ отъ должности министра-президента былъ бы равносиленъ съ его стороны „измѣнѣ знамени" и т. д. Съ величайшимъ интересомъ относится онъ къ развитію военнаго дѣла и усиленію арміи и подчасъ подаетъ профессіональнымъ стратегамъ, какъ это было, напр., на военномъ совѣтѣ въ Чернабора во время войны 1866 г., блестящія идеи. Та же военная складка въ психологіи помогаетъ Бисмарку оказывать могущественное вліяніе на Вильгельма I, этого типичнаго солдата-короля.

Неудовлетворенная страсть къ борьбѣ, къ преодолѣнію препятствій и опасностей ищетъ и находитъ себѣ выходы въ другихъ направленіяхъ. Бисмаркъ—страстный охотникъ. Изъ Петербурга онъ ѣздитъ за 200—300 верстъ „на медвѣдей". Въ прибалтійскихъ лѣсахъ однажды раненый медвѣдь яростно бросился на будущаго канцлера, грозя разорвать его на части. Бисмаркъ спокойно подпустилъ его на пять шаговъ и затѣмъ выстрѣломъ изъ ружья уложилъ на мѣстѣ. Возможность дикихъ охотъ вообще очень сильно привлекала будущаго творца объединенной Германіи къ Россіи, и въ письмахъ и частныхъ разговорахъ онъ не перестаетъ сожалѣть объ отсутствіи подобныхъ удовольствій въ Помераніи.

Но Бисмаркъ не только страстный охотникъ, онъ также не менѣе страстный наѣздникъ. Строптивыя, норовистыя лошади—его особенная симпатія, ѣзда въ галопъ спеціальное наслажденіе. По собственнымъ своимъ признаніямъ, онъ падалъ въ своей жизни не меньше 50 разъ съ коня, иногда лишь чудомъ избѣгая серьезныхъ пораненій. И уже 65-лѣтнимъ старикомъ онъ все еще способенъ былъ по цѣлымъ часамъ скакать въ карьеръ по своему имѣнію или на маневрахъ.

Опасности Бисмарка не пугали. Наоборотъ, онѣ только притягивали его къ себѣ. И нерѣдко именно эта черта его характера доставляла немало хлопотъ окружающимъ его людямъ. Такъ, однажды къ большому ужасу и смятенію венгерскаго правительства будущій канцлеръ, занимавшій въ то время еще только постъ прусскаго

посланника, отправляется изъ Будапешта въ окрестныя степи для того, чтобы „нѣсколько ближе познакомиться съ разбойниками“, которыми въ серединѣ прошлаго вѣка кишѣли всѣ пустынныя мѣстности страны. Благодаря счастливой случайности, Бисмарку не пришлось повстрѣчаться съ „королями большихъ дорогъ“, но онъ долго не могъ успокоиться по поводу этой неудачи. Въ Версали, гдѣ канцлера не разъ предупреждали о грозившей его жизни опасности, онъ спокойно выходитъ каждый вечеръ одинъ гулять, иногда, чтобы полюбоваться волшебнымъ освѣщеніемъ лунной ночи; но всегда беретъ съ собой револьверъ, ибо, какъ онъ самъ не разъ выражался, онъ „готовъ при извѣстныхъ условіяхъ позволить себя убить, но не хочетъ умереть неотмщеннымъ“.

Сильная натура таитъ въ себѣ и сильныя страсти. Въ гнѣвѣ Бисмаркъ былъ страшенъ, въ ненависти безпощаденъ, въ мести неумолимъ. Когда въ 1863 г. прусскій король собирался принять участіе въ созывавшемся на августъ мѣсяцъ „съѣздѣ нѣмецкихъ князей“, на которомъ должна была быть сдѣлана еще одна попытка къ объединенію Германіи путемъ соглашенія ея многочисленныхъ монарховъ, Бисмаркъ помчался въ Баденъ, гдѣ тогда находился его суверенъ, и приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы отговорить его отъ этого намѣренія (оно путало карты Бисмарка, подготовлявшаго разгромъ Австріи и созданіе Германской имперіи подъ главенствомъ Пруссіи). Свиданіе короля съ министромъ-президентомъ носило очень бурный характеръ, и послѣдній, наткнувшись на упорное сопротивленіе, дошелъ до состоянія бѣлаго каленія. Когда, наконецъ, rendez-vous закончилось—и закончилось побѣдой Бисмарка,—онъ стремительно выбѣжалъ изъ комнаты монарха и на глазахъ остолбенѣвшихъ адъютантовъ разбилъ вдребезги стоявшій на столѣ хрустальный сервизъ. Только тогда онъ немного успокоился и, обращаясь къ приближеннымъ, замѣтилъ: „Теперь мнѣ стало лучше“!

Не менѣе страстныя формы принимала и его ненависть. Бисмаркъ любилъ, когда его ненавидѣли,—это льстило его самолюбію, это доставляло ему какую-то особую гордую радость: но онъ любилъ и умѣлъ и самъ ненавидѣть. Въ 1874 г. въ самый разгаръ Kulturkampf'а онъ какъ-то разъ воскликнулъ въ прусскомъ ландтомѣ:

„Пойдите отъ Гаронны до Вислы и отъ Бельта до Тибра, поищите на родныхъ берегахъ Одера и Рейна, и вы увидите, что въ настоящій моментъ я являюсь—утверждаю это съ гордостью—наиболѣе ненавидимой личностью въ странѣ. Я очень радъ—иронически добавилъ канцлеръ,—что предшествующій ораторъ кивкомъ головы вполнѣ подтверждаетъ мое заявленіе“ [1]).

---

[1]) Fürst Bismarck—„Gesammelte Reden“, Berlin, 1892, т II, стр. 39.

Ненависть вообще играла большую роль въ жизни Бисмарка. Она вливала въ него силы и энергію, стимулировала способность къ борьбѣ, доставляла—странно сказать—своеобразныя удовольствія и наслажденіе. Самъ Бисмаркъ однажды выразился такъ: „Ненависть такой же двигатель жизни, какъ и любовь. Мою жизнь поддерживаютъ и украшаютъ двѣ вещи: моя жена и Виндгорстъ“ (Виндгорстъ—знаменитый вождь центра, именемъ котораго Бисмаркъ вообще опредѣлялъ всѣхъ своихъ политическихъ враговъ). Въ другой разъ утромъ на вопросъ, какъ онъ спалъ ночь, канцлеръ отвѣтилъ: „Совсѣмъ не спалъ, я всю ночь ненавидѣлъ“. Это означало, что онъ хорошо провелъ ночь.

Извѣстна ненависть Бисмарка, кромѣ упоминавшагося только что Виндгорста, къ Евгенію Рихтеру, Вирхову и Бебелю, людямъ, которыхъ онъ по-своему высоко цѣнилъ и съ которыми серьезно считался, но которыхъ онъ тѣмъ не менѣе готовъ былъ бы, если бы на то была только его воля, стереть съ лица земли. Менѣе извѣстна, но не менѣе неумолима была его ненависть къ принцу Аугустенбергскому, игравшему роль претендента на шлезвигъ-голштинскій престолъ въ 1864 г.; къ Эдвину фонъ-Мантейфелю, подвинувшему императора Вильгельма I вопреки совѣтамъ и наставленіямъ Бисмарка на свиданіе въ августѣ 1879 г. съ императоромъ Александромъ II; наконецъ, къ его главному и наиболѣе опасному противнику, императрицѣ Августѣ, всегда стремившейся парализовать вліяніе канцлера на ея супруга. Въ бурные мартовскіе дни 1848 г. эта самая женщина, бывшая еще только кронпринцессой, предлагала Бисмарку, тогда еще только вліятельному вождю консервативной партіи, планъ устраненія ея супруга отъ престола, объявленія наслѣдникомъ ея сына, а за малолѣтствомъ послѣдняго—провозглашенія ея собственнаго регентства. Бисмаркъ съ негодованіемъ отвергъ тогда сдѣланное предложеніе. Но эта тайна, которой онъ такъ никогда и не сообщилъ императору, давала ему въ руки сильное оружіе противъ своего врага, оружіе, которымъ онъ не разъ очень успѣшно пользовался.

Быть можетъ, однако любопытнѣе всего съ психологической точки зрѣнія та неугасимая ненависть, которую великій канцлеръ всю жизнь питалъ къ злосчастному коллегѣ-студенту, нанесшему ему еще въ бытность въ Геттингенѣ единственную рану на корпорантской дуэли (обычно Бисмаркъ всегда выходилъ побѣдителемъ). Встрѣтивъ его случайно 40 лѣтъ спустя, Бисмаркъ, уже великій государственный человѣкъ, съ негодованіемъ воскликнулъ: — „Ахъ, это вы тотъ самый?“ И, когда собесѣдникъ, съ улыбкой кивая на красовавшійся на лицѣ канцлера шрамъ, подтвердилъ, что онъ дѣйствительно „тотъ самый“, Бисмаркъ съ необычайной горячностью сталъ доказывать, что ударъ, нанесенный ему четыре десятилѣтія

назадъ, былъ „Sauhieb“ („свинскій ударъ“) и не достоинъ честнаго дуэлянта. „Ваше сіятельство,— отвѣчалъ противникъ канцлера — вы утверждали то же самое и тогда, но записи въ книгѣ дуэлей доказываютъ обратное.“ Бисмарку ничего больше не оставалось, какъ замолчать, но до конца дней своихъ онъ не могъ забыть нанесеннаго ему „оскорбленія“.

И, когда Бисмаркъ ненавидѣлъ, — онъ мстилъ, жестоко мстилъ. Еще какъ-то въ 1849 г. онъ сказалъ въ разговорѣ съ Бейстомъ: „Если врагъ въ моихъ рукахъ, — я долженъ его уничтожить“. Быть можетъ, наиболѣе яркимъ примѣромъ этой неумолимости Бисмарка къ врагамъ является исторія его борьбы съ графомъ Гарри Арнимомъ. Послѣдній провинился тѣмъ, что вздумалъ выступить политическимъ соперникомъ великаго юнкера и его конкурентомъ на постъ имперскаго канцлера. Впослѣдствіи онъ, вѣроятно, проклиналъ день и часъ, когда ему пришла въ голову эта честолюбивая идея. Бисмаркъ, раздраженный интригами и различными инсинуаціями Арнима, поклялся стереть его съ лица земли и, дѣйствительно, свято исполнилъ свое обѣщаніе. Съ неутомимой энергіей онъ преслѣдовалъ своего врага по пятамъ, все тѣснѣе сжимая вокругъ него желѣзное кольцо, пока не довелъ его — аристократа, посланника, одного изъ звѣздъ бюрократическаго міра — до каторги, отъ которой Арнимъ могъ избавиться только бѣгствомъ [1]). Точно также, когда въ 1875 г. „Kreuz-Zeitung“ начала публикацію серіи статей противъ Бисмарка, обвиняя его въ интимной близости съ высокими финансовыми кругами, канцлеръ пришелъ въ страшное бѣшенство и, несмотря на тысячи нитей, связывавшихъ его съ консервативной партіей, не остановился передъ жестокимъ преслѣдованіемъ и самого органа, и всѣхъ вельможныхъ людей, упорствовавшихъ въ его поддержкѣ.

При наличности указанныхъ выше чертъ бисмарковскаго характера читатель едва ли удивится, если я скажу, что въ творцѣ объединенной Германіи чрезвычайно ярко выступало то качество, та

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя подробности, касающіяся этой любопытной исторіи. Графъ Арнимъ, состоя нѣмецкимъ посломъ въ Парижѣ, вздумалъ, вопреки инструкціямъ Бисмарка, считавшаго болѣе выгоднымъ для Германіи утвержденіе во Франціи республики, поддерживать тамъ монархическую партію. За это въ 1874 г. онъ былъ отозванъ съ своего поста. Покидая Парижъ, графъ Арнимъ незаконно присвоилъ себѣ нѣкоторые важные дипломатическіе документы и сталъ распространять про Бисмарка различные позорящіе слухи. Послѣдовалъ первый судебный процессъ, по которому бывшій посолъ былъ приговоренъ къ отрѣшенію отъ должности и 9 мѣсяцамъ тюрьмы. Опальный дипломатъ однако не успокоился и выпустилъ личный памфлетъ, направленный противъ канцлера. Послѣдовалъ второй процессъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, закончившійся приговоромъ на 5-ть лѣтъ каторги.

страсть, которая такъ хорошо опредѣляется нѣмецкимъ выраженіемъ: „Wille zur Macht“. Да, Бисмаркъ любилъ власть, стремился къ власти, жилъ и дышалъ властью, и притомъ властью возможно болѣе неограниченной, возможно болѣе близкой къ абсолютизму. Данное свойство его натуры рѣзко проявлялось всегда, начиная съ первыхъ годовъ его дѣтства. Разсказываютъ, что поступивъ 6-лѣтнимъ мальчикомъ въ школу, онъ рѣшительно отказался подчиняться всѣмъ тѣмъ установленнымъ обычаемъ „испытаніямъ“, которыя по правилу выпадали на долю „новичковъ“. Но онъ не только отказался подчиняться, — онъ пошелъ дальше: онъ сплотилъ вокругъ себя всю оппозицію противъ „стариковъ“, оторвалъ отъ послѣднихъ часть ихъ сверстниковъ и, въ концѣ концовъ, самъ превратился въ фактическаго повелителя товарищеской среды. Не правда ли, недурное предзнаменованіе для будущаго диктатора объединенной имперіи?

Позднѣе, въ возрастѣ 24 лѣтъ, покидая карьеру государственной службы, Бисмаркъ въ чрезвычайно любопытномъ письмѣ къ отцу (отъ 29 сентября 1839 г.) слѣдующимъ образомъ объясняетъ мотивы своего поступка:

„Я долженъ откровенно сознаться, что я не свободенъ отъ страсти честолюбія и знаки отличія солдата на войнѣ или положеніе государственнаго человѣка, при болѣе свободныхъ порядкахъ, въ родѣ Пиля, О'Коннеля, Мирабо, и т. п., равно какъ и роль участника широкихъ политическихъ движеній, способны были бы оказать на меня неотразимо-притягательное вліяніе, подобное тому, какое свѣтъ оказываетъ на мошку. Зато гораздо менѣе меня привлекаютъ успѣхи, которыхъ я могъ бы достигнуть на проторенной дорогѣ экзаменовъ, изученія актовъ, выслуги лѣтъ и благоволенія начальства“.

И затѣмъ далѣе прибавляетъ:

„Что мое честолюбіе влечетъ меня не повиноваться, а приказывать, — это не подлежащій сомнѣнію фактъ, который объясняется, конечно, лишь моимъ вкусомъ, но который тѣмъ не менѣе приходится брать такимъ, каковъ онъ есть... Я хочу играть свою собственную музыку или совсѣмъ никакой“ [1]).

И еще 20 годами позже, уже на посту главы кабинета, въ Версали, подъ стѣнами осажденнаго Парижа, Бисмаркъ въ разговорѣ съ другомъ однажды восклицаетъ:

„Ахъ, если бы я хоть разъ въ жизни имѣлъ на пять минутъ власть приказать: пусть будетъ такъ или пусть будетъ не такъ! Чтобы не нужно было доказывать и клянчить въ самыхъ, казалось

---

[1]) C. Klien-Hattingen, Bismarck und seine Welt, Berlin, 1902-04, т. I. стр. 16.

бы, простыхъ вещахъ! Какъ быстро все дѣлалось у такихъ людей, какъ Фридрихъ Великій, которые сами были и военными, и администраторами, и своими собственными министрами! То же самое и съ Наполеономъ. А тутъ! Вѣчное словоговореніе, вѣчная необходимость упрашивать. Да, вотъ если бы я былъ ландграфомъ!" [1])

Но Бисмарку не пришлось жить въ эпоху ландграфовъ и онъ волей-неволей долженъ былъ приспособляться къ сложной обстановкѣ нашего времени. Долженъ былъ ладить съ королемъ, опасаться интригъ императрицы Августы, спорить съ коллегами по министерству, выступать съ рѣчами въ парламентѣ, считаться съ силой общественнаго мнѣнія. Однако въ этихъ поставленныхъ условіями жизни границахъ онъ все-таки бралъ отъ дѣйствительности максимумъ возможнаго и фактически пользовался такимъ полновластіемъ, какое рѣдко выпадаетъ на долю государственному человѣку. Въ теченіе цѣлой четверти вѣка монархъ былъ простой игрушкой въ рукахъ всесильнаго главы министерства; народное представительство, несмотря на всю свою оппозицію, лишено возможности обуздать непокорнаго; бюрократическая среда, подавленная геніемъ канцлера, обречена на смиренное преклоненіе предъ баловнемъ успѣха. Бисмаркъ поистинѣ царилъ надъ объединенной Германіей, и одинъ остроумный каррикатуристъ 70-хъ гг. не безъ основанія изобразилъ какъ-то имперскій орелъ, снабдивъ его характерной головой „перваго чиновника государства". Многіе въ ту эпоху серьезно задавались вопросомъ, кто будетъ руководить въ дальнѣйшемъ судьбами страны: династія Бисмарковъ или династія Гогенцоллерновъ? И герцогиня дармштадтская только отражала это общее настроеніе, когда объясняла причину своего нерасположенія къ канцлеру слѣдующими, нѣсколько наивными словами: „Онъ вѣчно стоитъ и смотритъ такъ, точно онъ былъ бы великій герцогъ".

Бисмаркъ такимъ образомъ въ полной мѣрѣ проявилъ въ дѣйствительности свою „Wille zur Macht", и онъ умѣлъ пользоваться своей властью и защищать ее отъ всякихъ покушеній, откуда бы они ни исходили. Такъ, еще въ 1868 г. онъ рѣшительно воспротивился установленію юридической отвѣтственности канцлера предъ народнымъ представительствомъ, на чемъ настаивалъ сѣверо-германскій рейхстагъ. И, какъ извѣстно, этой отвѣтственности въ Германіи не существуетъ понынѣ. Въ слѣдующемъ 1869 г. онъ также не менѣе рѣшительно выступилъ противъ учрежденія коллегіальнаго имперскаго министерства, по поводу котораго со свойственной ему безцеремонностью выраженій частнымъ образомъ замѣтилъ: „Если я хочу съѣсть ложку супу,—я долженъ предварительно просить у восьми ословъ разрѣшенія". Какъ извѣстно, коллегіальнаго мини-

---

[1]) E. Ludwig. „Bismarck", 1913, Berlin, стр. 275.

стерства тоже не имѣется въ Германіи понынѣ. И это ревнивое отношеніе къ собственному могуществу никогда не покидало Бисмарка. Оно проявлялось въ тысячахъ крупныхъ и мелкихъ вещей. При немъ члены кабинета были простыми исполнителями его распоряженій, „совѣтники министерства"—обыкновенными секретарями, посланники и дипломаты—безвольными унтеръ-офицерами, служащіе и чиновники—маленькими винтиками огромнаго механизма, къ которымъ шефъ относился съ величайшей строгостью. Все и вся наполнялъ собой всемогущій канцлеръ, онъ дергалъ всѣ нити, рѣшалъ всѣ дѣла, во все вмѣшивался, за всѣмъ наблюдалъ и все направлялъ по своему усмотрѣнію. Разсказываютъ, что Бисмаркъ больше всего не терпѣлъ у своихъ подчиненныхъ привычки „Dreinreden", и что онъ почти никогда не оставлялъ безъ измѣненій представляемыхъ ему на утвержденіе актовъ, записокъ, рѣчей и др. документовъ офиціальнаго характера. Онъ былъ по натурѣ чистѣйшій автократъ и не могъ допустить, чтобы кто-нибудь былъ въ состояніи что-нибудь сдѣлать, что не нуждалось бы въ его просвѣщенномъ исправленіи.

Если ко всему сказанному выше еще прибавить, что за цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ своей жизни (между двадцатью и восьмьюдесятью годами) Бисмаркъ не сумѣлъ пріобрѣсти ни одного близкаго друга и что женщины не играли въ его личной исторіи почти никакой роли [1]),—то образъ великаго канцлера пріобрѣтетъ еще больше законченности и суровой выразительности. И, быть можетъ, иной читатель подумаетъ, что этотъ образъ, писаный такими рѣзкими и крупными мазками, образъ, въ которомъ все грандіозно, сильно, подавляюще, напоминаетъ собой эпическія фигуры героевъ далекаго прошлаго. И, быть можетъ, читатель будетъ не совсѣмъ не правъ.

II

Но этотъ желѣзный человѣкъ, этотъ гнѣвный и неумолимый диктаторъ имѣлъ въ груди и другую душу,—странно сказать!—блѣдную и меланхолическую душу нѣмецкаго романтика-идеалиста. Она, эта другая душа, правда, по большей части пряталась стыдливо въ дальнихъ уголкахъ бисмарковской натуры и напоминала о себѣ обычно лишь въ тихіе часы размышленія и умственной рефлексіи, но она все-таки существовала, она все-таки до извѣстной степени окрашивала собой его личность.

---

[1]) Даже въ своей женѣ, которую Бисмаркъ всю жизнь сильно любилъ, онъ цѣнилъ не столько женщину, сколько вѣрнаго друга, мать своихъ дѣтей, тихое прибѣжище, куда онъ приходилъ отдыхать отъ тревогъ и волненій политической борьбы.

Кто бы могъ представить себѣ, напр., что Бисмаркъ,—этотъ прославленный политикъ „крови и желѣза",—былъ очень нервенъ и порой способенъ былъ плакать, плакать, какъ самый обыкновенный человѣкъ? Онъ самъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о слѣдующемъ характерномъ инцидентѣ. Дѣло происходило въ Никольсбургѣ въ 1866 г. Битва подъ Кёниггрецомъ была только что выиграна, и военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ короля обсуждалъ условія заключенія мира. При этомъ и самъ король, и подавляющее большинство генераловъ настаивали на необходимости аннексіи части австрійской территоріи и полнаго возмѣщенія со стороны побѣжденнаго расходовъ Пруссіи по веденію кампаніи. Бисмаркъ былъ рѣшительнымъ противникомъ подобныхъ плановъ. Монархія Габсбурговъ была разбита и больше не стояла на пути Пруссіи въ качествѣ соперника въ борьбѣ за гегемонію въ Германію,—этого было достаточно. Теперь необходимо было возможно скорѣе закончить войну, заключить почетный міръ съ Австріей и, вырвавши изъ ея груди жало реванша, подготовить въ дальнѣйшемъ сближеніе между обѣими родственными странами, ибо на горизонтѣ вырисовывались уже новыя бури, вставали призраки новыхъ воинъ и, прежде всего, войны съ Франціей. Такъ разсуждалъ Бисмаркъ и такъ его устами говорила государственная мудрость. Но опьяненная побѣдой военщина не хотѣла слышать ни о какихъ уступкахъ, ни о какой умѣренности по отношенію къ поверженному врагу. Министръ-президентъ изложилъ еще разъ всѣмъ присутствовавшимъ свои соображенія, но остался въ полномъ одиночествѣ. Король также высказался въ пользу военной партіи. „Мои нервы—вспоминаетъ Бисмаркъ—были больше не въ силахъ сопротивляться день и ночь бьющимъ по нимъ впечатлѣніямъ, я молча всталъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату и судорожно залился слезами" [1])...

Но слабость нервовъ и приступы слезъ могутъ быть отнесены на счетъ несовершенствъ физической природы человѣка и потому отведены въ качествѣ свидѣтелей бисмарковскаго „романтизма". Приведу поэтому другія доказательства.

Мнѣ кажется, трудно найти въ автобіографической литературѣ что-нибудь болѣе трогательное и нѣжно-сентиментальное, чѣмъ переписка Бисмарка съ своей невѣстой, ставшей впослѣдствіи его женой. „Почему ты такъ печальна, почему ты одѣта въ черное, мой ангелъ?—пишетъ онъ ей.—Отдавай предпочтеніе зеленому цвѣту надежды"... „Или ты поблекшій листъ? Или ты полинявшее платье?.." „Я хочу посмотрѣть, не сможетъ ли моя любовь освѣжить всѣ краски, заставить снова расцвѣтать цвѣты. Ты должна срывать свѣжіе листы, а старые я положу между страницами въ книгѣ моего

1) Bismarck, „Gedanken und Erinnerungen", Stuttgart, 1898, т. II, стр. 54

сердца, и мы будемъ находить ихъ при чтенiи этой книги, какъ воспоминанiя милаго прошлаго...“ „Почему ты плачешь, моя любимая? Не потому ли, что ты была столь легкомысленна, чтобы стать моей невѣстой? Или потому, что твои родители и всѣ окружающiе тебя любятъ? Или потому, что приближается весна и мы скоро съ тобой увидимся?..“ „Сознанiе, что ты, мой ангелъ, любишь меня и что я также всецѣло принадлежу тебѣ, наполняетъ все мое существо, проникаетъ до самой глубины сердца“...

„Скажи мнѣ, моя любимая, какъ долженъ я къ тебѣ явиться? Долженъ ли я явиться тихимъ лѣтнимъ вечеромъ въ черномъ бархатѣ, въ шляпѣ съ страусовымъ перомъ на головѣ, и подъ звуки цитры внизу у твоихъ оконъ запѣть: „Бѣжимъ...“ и т. д.?.. Или же я долженъ явиться въ ясный полдень, одѣтый въ сѣрый верховой костюмъ и коричневыя перчатки, и обнять тебя, ничего не говоря, безъ серенады?..“ И посмотрите, какiя обращенiя находитъ этотъ суровый и грубый юнкеръ: „Angela mia“, „Sweetest heart“, „единственная любимая Жаннета“, „моя бѣдная больная кошечка“, „Giovannina mia“, „мое милое сердечко“, „любимая“, „самая любимая“ и т. д. [1]) Чѣмъ не мечтательный нѣмецкiй романтикъ? Прибавьте къ этому, что Бисмаркъ прожилъ пятьдесятъ лѣтъ въ счастливомъ бракѣ съ своей женой и что, будучи уже сѣдымъ старикомъ, онъ, вынужденный часто по дѣламъ службы покидать семью, посылалъ утромъ срочную телеграмму домой съ запросомъ о здоровьи, если видѣлъ ночью во снѣ свою „Жаннету“ черезчуръ блѣдной...

Но не только страстная любовь къ невѣстѣ и женѣ выдаетъ присутствiе другой души въ груди „желѣзнаго канцлера“,—цѣлый рядъ фактовъ иного характера говоритъ о томъ же. Такъ, Бисмаркъ всегда съ величайшей охотой путешествуетъ, интересуется жизнью и обычаями чужихъ странъ, радуется, какъ дитя, встрѣчающимся по дорогѣ курьезамъ и достопримѣчательностямъ, съ подъемомъ и остроумiемъ описываетъ друзьямъ свои впечатлѣнiя. Онъ любитъ общество и веселое общество и однажды онъ уѣхалъ съ знаменитаго курорта только потому, что присутствовавшiе на „водахъ“ французы были слишкомъ молчаливы. Онъ долгое время отказывается отъ принятiя поста министра, такъ какъ боится, что новое положенiе слишкомъ свяжетъ свободу его движенiй и помѣшаетъ ему бродить изъ страны въ страну. Онъ предпочитаетъ поэтому карьеру дипломата.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ есть немало мечтательности, почти сентиментальности. Въ бытность свою прусскимъ посланникомъ при Bundestag'ѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ, онъ иногда по вечерамъ въ лунныя ночи выѣзжаетъ одинъ въ лодкѣ на середину Рейна, отдает-

[1]) См. Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin, Stuttgart, 1906.

ся на волю теченія и волнъ и, лежа въ рыбачьемъ челнокѣ, созерцаетъ гористые берега, звѣздное небо и предается размышленіямъ о жизни, о людяхъ, о природѣ и вселенной. Позднѣе, въ Берлинѣ, въ самый разгаръ жестокой политической борьбы, онъ какъ-то попадаетъ въ тотъ домъ, въ которомъ протекла часть его дѣтства. Воспоминанія толпой обступаютъ его, онъ ходитъ изъ комнаты въ комнату, дотрогивается до каждаго дерева въ саду и начинаетъ философствовать на тему о бренности и преходящцести всего земного.

Но менѣе неожиданными являются и вкусъ и любовь Бисмарка къ литературѣ, музыкѣ, вообще къ искусству. Въ возрастѣ между двадцатью и тридцатью годами онъ проглотилъ цѣлыя библіотеки, при чемъ особенное вниманіе удѣлялъ при этомъ поэзіи. Бисмаркъ въ совершенствѣ владѣлъ англійскимъ, французскимъ и итальянскими языками, былъ знакомъ съ датскимъ и испанскимъ и зналъ русскій настолько, что могъ вести дипломатическія бесѣды съ Александромъ II по-русски. При такихъ условіяхъ сокровища всемірной литературы были передъ нимъ раскрыты, и онъ щедрой рукой черпалъ изъ нихъ. Въ молодости его любимымъ авторомъ былъ Байронъ, позднѣе—Шекспиръ, до конца дней Бисмарка остававшійся его фаворитомъ. Въ 50-хъ гг. въ перепискѣ съ своимъ другомъ генераломъ Герлахомъ будущій канцлеръ выработалъ даже цѣлый условный языкъ, примѣняя имена шекспировскихъ героевъ къ политическимъ персонажамъ того времени. Французскихъ и англійскихъ лириковъ Бисмаркъ зналъ въ совершенствѣ и могъ цѣлыми страницами наизусть цитировать изъ нихъ. Однажды на званомъ обѣдѣ, когда рѣчь зашла о трубадурахъ, онъ продекламировалъ на память стихотвореніе Бертрана де-Борна на старо-провансальскомъ нарѣчіи. Изъ нѣмецкихъ поэтовъ онъ всѣмъ предпочиталъ Гете. Любимыми литературными образами Бисмарка были Гамлетъ, Фаустъ, Коріоланъ, Валленштейнъ—все сложныя, двойственныя, „загадочныя" натуры.

Почти также страстно „желѣзный канцлеръ" относился и къ музыкѣ. Отъ природы онъ былъ надѣленъ превосходнымъ слухомъ и могъ съ перваго же раза усваивать даже самую трудную мелодію. Фальшь при исполненіи музыкальныхъ вещей рѣзала его ухо и всегда привлекала къ себѣ его вниманіе. Во время французскаго похода онъ замѣчаетъ, напр., въ одномъ письмѣ: „Въ теченіе четырехъ часовъ маршируютъ мимо баварцы, оркестръ привираетъ". Посѣщать концерты Бисмаркъ очень не любилъ, ибо находилъ всю обстановку послѣднихъ крайне искусственной и натянутой, но дома слушалъ игру мастеровъ скрипки и рояля съ величайшимъ наслажденіемъ. Канцлеръ не принадлежалъ къ особымъ поклонникамъ Моцарта—послѣдній былъ для него слишкомъ ясенъ и уравновѣшенъ,— но зато восхищался Шопеномъ и особенно Бетховеномъ, музыка котораго оказывала на него неотразимое вліяніе. Когда одинъ зна-

комый піанистъ въ первый разъ исполнилъ предъ Бисмаркомъ F-Moll-сонату, суровый политикъ „крови и желѣза“ не могъ удержаться отъ слезъ. А когда въ 1866 г. былъ изданъ, наконецъ, приказъ о мобилизаціи и долголѣтняя мечта Бисмарка о военномъ поединкѣ между Австріей и Пруссіей могла считаться такимъ образомъ исполненной,—онъ пригласилъ оркестръ въ помѣщеніе министерства иностранныхъ дѣлъ и приказалъ ему играть C-Moll-сонату Бетховена.

Быть можетъ, любопытнѣе всего съ психологической точки зрѣнія тотъ глубокій внутренній скептицизмъ, то почти пессимистическое отношеніе къ міру, которое вы нерѣдко находите въ письмахъ, разговорахъ и воспоминаніяхъ Бисмарка. Не странно ли? Онъ, который всю свою жизнь провелъ въ самой гущѣ политической борьбы, онъ, который въ теченіе четверти вѣка руководилъ судьбами могущественной имперіи, создавалъ и разрушалъ царства, парламенты, династіи, онъ, который всегда былъ и до конца остался убѣжденнымъ роялистомъ pur sang,—онъ съ насмѣшкой, съ сдержаннымъ презрѣніемъ относился къ королямъ и герцогамъ, министрамъ и конституціямъ, орденамъ и титуламъ. О монархіи и монархахъ онъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „Абсолютизмъ былъ бы наиболѣе идеальной формой государственнаго устройства въ Европѣ, если бы государь и его чиновники не были смертными, какъ всѣ прочіе, которымъ не дано править съ сверхчеловѣческими знаніемъ, предусмотрительностью и справедливостью. Въ дѣйствительности однако даже наиболѣе совершенные изъ абсолютныхъ владыкъ подвержены всѣмъ человѣческимъ слабостямъ и недостаткамъ въ родѣ переоцѣнки собственной прозорливости, капитуляціи предъ желаніями и уговорами временщиковъ, не говоря уже о законныхъ и незаконныхъ женскихъ вліяніяхъ“.

Отсюда на практикѣ—холодно-враждебное и иронически-насмѣшливое отношеніе Бисмарка къ столь многочисленнымъ въ Германіи коронованнымъ особамъ и окружающей ихъ придворной средѣ со всѣмъ ея этикетомъ и лицемѣріемъ. Когда однажды герцогъ Кобургскій прислалъ канцлеру длинное письмо на двѣнадцати страницахъ съ изложеніемъ своихъ взглядовъ на вопросы текущей политики, Бисмаркъ отвѣтилъ ему кратко и выразительно: изъ всѣхъ пунктовъ, упомянутыхъ въ письмѣ, есть только одинъ, который до сихъ поръ еще не былъ подвергнутъ тщательному обсужденію со стороны государственной власти, да и этотъ одинъ не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Въ другой разъ, рекомендуя своей женѣ одного „высокаго“ гостя, Бисмаркъ писалъ: „Я сейчасъ очень занятъ и у меня есть время только на то, чтобы послать тебѣ сердечный привѣтъ и вмѣстѣ съ нимъ еще одного Рейса, если не ошибаюсь десятаго по счету“. Точно также канцлеръ болѣе, чѣмъ равнодушно, относился къ разнымъ вещественнымъ и невещественнымъ знакамъ отли-

чія: смѣялся надъ титулами и погоней за титулами, ордена надѣвалъ крайне рѣдко, да и то только потому, что они „составляютъ часть туалета дипломата“, любилъ носить либо обычное домашнее платье, либо форму. Когда во время визита къ Наполеону III Бисмарку пришлось облачиться въ придворный костюмъ (чулки, короткія панталоны и т. д.),—онъ, глядя на себя въ зеркало, хохоталъ до упаду. При докладахъ королю во дворцѣ канцлеру приходилось вначалѣ являться въ парадномъ придворномъ туалетѣ. Однако Вильгельмъ I, узнавши о нелюбви Бисмарка къ подобнаго рода облаченіямъ, разрѣшилъ ему приходить „запросто“ въ форменномъ мундирѣ. Впрочемъ, и этотъ послѣдній находился у канцлера въ такомъ „безпорядкѣ“, что зашедшій какъ-то къ нему въ кабинетъ передъ аудіенціей Мольтке, глядя на него, не могъ удержаться отъ смѣха.

Съ еще большими сарказмомъ и презрѣніемъ Бисмаркъ относился къ парламентамъ, которые представлялись ему безцѣльными, ни къ чему ненужными говорильнями, къ парламентаріямъ, которыхъ онъ не уставалъ называть самыми обидными именами, къ дипломатамъ и дипломатіи, къ шахматной игрѣ европейской политики, къ верхнимъ десяти тысячамъ и къ массамъ, къ человѣчеству вообще. Бисмаркъ убѣжденъ, что „никогда еще не было министра или короля (глупцы, обманывающіе самихъ себя, конечно, не въ счетъ), которые покидали бы этотъ міръ съ сознаніемъ, что своей дѣятельностью имъ удалось снять à la longue съ плечъ довѣренныхъ ихъ управленію людей хотя бы *одну* печаль, прибавить къ ихъ существованію хотя бы *одну* радость“. И въ заключеніе канцлеръ начинаетъ серьезно задаваться вопросомъ: дѣйствительно ли заслуживаетъ человѣкъ наименованія вѣнца природы? И не мыслимы ли разумныя существа болѣе высокой организаціи, чѣмъ онъ, и не населяютъ ли эти болѣе совершенныя творенія уже въ настоящее время иные міры, наполняющіе безграничное пространство вселенной?..

Такова другая сторона натуры Бисмарка, его вторая, блѣдно романтическая душа. И вотъ, когда знакомишься со всѣми приведенными фактами, мыслями, цитатами, поступками, невольно возникаетъ вопросъ: какъ сочетать? Какъ сочетать суроваго юнкера и тонкаго цѣнителя поэзіи и музыки? Какъ сочетать жестокаго воина, спокойно перешагивавшаго черезъ потоки крови, съ тихимъ мечтателемъ, въ лунную ночь прислушивающимся къ плеску рейнской волны? Какъ сочетать „желѣзнаго канцлера“, безстрастно низвергающаго царства и династіи, съ нѣжно влюбленнымъ женихомъ, умѣющимъ находить такія задушевныя слова для выраженія волнующихъ его чувствъ? Какъ сочетать, наконецъ, государственнаго дѣятеля, отличительными чертами котораго являются сила, энергія, безцеремонность, съ полу-философскимъ скептикомъ, не пріемлющимъ міра сего?

Дѣйствительность разрѣшала сравнительно просто эту психоло-

тическую загадку: душа „романтическая“ всецѣло подчинялась у Бисмарка душѣ юнкерско- солдатской. Не было кооперацiи или внутренней борьбы душъ. Скорѣе наблюдалось установленное законами физики вытѣсненiе одного тѣла другимъ: душа „романтическая“ занимала во внутреннемъ мiрѣ государственнаго дѣятеля ровно столько мѣста, сколько оставалось еще свободнымъ отъ души „желѣзнаго канцлера“, она обвивала послѣднюю, какъ плющъ обвиваетъ каменную стѣну. Она была скромна и появлялась только по праздникамъ, предоставляя все остальное время въ безусловное распоряженiе своей соперницы. Ибо только на этомъ условiи душа юнкерско-солдатская могла мириться съ наличностью души романтической.

И какъ разъ въ этомъ отношенiи Бисмаркъ былъ типичнымъ воплощенiемъ современной Германiи. Не вѣрно, будто бы Германiя Гёте и Бетховена въ наши дни умерла,—нѣтъ, она есть, живетъ, существуетъ, но она отодвинута на заднiй планъ шумной и матерiалистически-безцеремонной Германiей Круппа, „Deutsche Bank“ и кайзера, она загнана въ отдаленные закоулки нацiональной души. Германiя философiи, поэзiи и музыки терпится въ имперiи Гогенцоллерновъ лишь постольку, поскольку она не мѣшаетъ Германiи пушекъ, биржи и паровыхъ машинъ.

III

„Желѣзный канцлеръ“—вотъ подлинный, настоящiй Бисмаркъ, вписавшiй огненными буквами свое имя въ книгу исторiи. И потому читатель, конечно, не удивится, если теперь, послѣ того, какъ мы познакомились съ основными чертами характера великаго юнкера, я перейду къ изображенiю его, какъ *политика*. Ибо вѣдь какъ разъ тутъ, въ этой сложной и запутанной области внѣшнихъ и внутреннихъ отношенiй государствъ, лежитъ дѣло всей жизни Бисмарка, дѣло, на которомъ выросла и развернулась его могучая личность, и которое единственно объясняетъ и оправдываетъ проявляемый къ творцу современной Германiи всеобщiй интересъ.

Въ отличiе отъ Бисмарка-человѣка Бисмаркъ-политикъ чрезвычайно цѣльная и монолитная фигура. Бисмаркъ-политикъ—это по мiровоззрѣнiю типичный *прусскiй юнкеръ-консерваторъ* со всѣми положительными и отрицательными (больше, конечно, отрицательными) сторонами, свойственными данной разновидности Homo sapiens. За исключенiемъ ранняго перiода молодости, когда, по собственнымъ признанiямъ канцлера, въ религiи онъ былъ пантеистомъ, а въ политикѣ—полусознательнымъ поклонникомъ республики, Бисмаркъ на протяженiи всей своей остальной жизни никогда не выходилъ за предѣлы мiросозерцанiя, которое характеризовалось тремя основными понятiями: Пруссiя, роялизмъ, христiанство.

Уже въ бурные дни 1848 и послѣдующихъ годовъ, съ которыми совпало первое появленіе Бисмарка на политической аренѣ, онъ выступаетъ передъ нами вполнѣ сформировавшимся *пруссакомъ*-консерваторомъ и таковымъ же онъ остался до конца дней своихъ. Я неслучайно подчеркиваю слово „пруссакомъ", потому что именно Пруссія была всегда первой и послѣдней мыслью великаго юнкера, интересы которой онъ ставилъ превыше всего на свѣтѣ, превыше даже религіи, даже монархизма. А это значитъ очень много, ибо по вѣрѣ, традиціямъ, соціальному положенію Бисмаркъ былъ горячимъ и убѣжденнымъ роялистомъ. Въ 1848 г. онъ страстно негодуетъ на короля за то, что тотъ уступилъ напору „черни" и во имя поддержанія авторитета монархическаго принципа совѣтуетъ генераламъ Приттвицу и Врангелю, вопреки приказаніямъ Фридриха-Вильгельма IV, стрѣлять въ возмутившійся народъ. Приглашенный на аудіенцію во дворецъ онъ въ такомъ тонѣ разговариваетъ съ своимъ сувереномъ, что супруга послѣдняго, наконецъ, не выдерживаетъ и съ раздраженіемъ восклицаетъ: „какъ вы осмѣливаетесь *такъ* говорить со своимъ королемъ"[1]? Подобное поведеніе Бисмарка объяснялось, конечно, не тѣмъ, что онъ внезапно подъ вліяніемъ окружающихъ настроеній сдѣлался революціонеромъ-демократомъ, а тѣмъ, что онъ былъ глубоко оскорбленъ за монархическій принципъ. Позднѣе, въ 1862 г., принимая постъ прусскаго министра-президента, онъ на вопросъ Вильгельма I, каковы будутъ его условія, безъ колебаній отвѣчалъ: „У меня нѣтъ никакихъ условій. Я чувствую себя такъ, какъ чувствовалъ бы себя курбранденбургскій вассалъ, видящій, что его владѣтельный князь находится въ опасности". (Какъ извѣстно, въ 1861-2 гг. борьба между короной и либеральнымъ бюргерствомъ въ Пруссіи достигла своего апогея и, не видя никакого выхода изъ создавшагося положенія, король носился съ идеей отреченія отъ престола).

И однако даже этотъ глубоко выношенный и глубоко прочувствованный роялизмъ Бисмаркъ готовъ былъ принести въ жертву Пруссіи! И вотъ чрезвычайно яркое доказательство: въ томъ же 1848 г. онъ, въ качествѣ депутата соединеннаго ландтага, отказался вотировать въ отвѣтъ на тронную рѣчь благодарственный адресъ королю только потому, что монархъ въ этой рѣчи высказывалъ пожеланіе о „раствореніи" Пруссіи въ Германіи [1]). Для „вѣрноподданнаго консерватора" поистинѣ не легкая задача. Во имя той же Пруссіи уже въ 50-хъ гг. Бисмаркъ изъ страстнаго поклонника Австріи превратился въ ея злѣйшаго врага и потратилъ цѣлыхъ 10 лѣтъ на систематическую подготовку „братоубійственной" войны 1866 г. Во имя той

---

[1]] Bismarck, „Gedanken und Erinnerungen", т. I, стр. 14.

[2]) Bismarck, „Gesammelte Reden, Berlin, 1892, т. I, стр. 11.

же Пруссіи онъ готовъ былъ вести борьбу съ кѣмъ угодно и когда угодно. Въ бытность свою посланникомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ на вопросъ, является ли онъ сторонникомъ Россіи или западно-европейскихъ державъ, будущій канцлеръ неизмѣнно отвѣчалъ: „Я—пруссакъ и, если это будетъ лежать въ интересахъ прусской политики, я съ совершенно одинаковымъ удовлетвореніемъ буду привѣтствовать борьбу прусскихъ войскъ на русской, французской, англійской или австрійской границахъ“. Даже Провидѣніе окрашено для Бисмарка въ тотъ же нѣмецко-прусскій цвѣтъ: съ своимъ Богомъ онъ не можетъ во французской церкви въ Франкфуртѣ „говорить по-французски“; ему кажется даже однажды, что „Господь приказалъ ему что-то по-нѣмецки“.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ духомъ міросозерцанія Бисмарка находятся и его взгляды по различнымъ вопросамъ политической, экономической и соціальной жизни. „Желѣзный канцлеръ“— фанатическій врагъ демократіи, и это опять-таки уже вполнѣ ясно и отчетливо обнаруживается въ 1848-50 гг. Въ 1849 г. онъ попадаетъ на кладбище въ Фридрихсгайнъ, гдѣ похоронены „мартовскіе борцы“, и приходитъ въ негодованіе: „Даже мертвымъ я не могу простить—пишетъ онъ.—Я говорю себѣ, что всѣ мы умираемъ въ грѣхѣ. Но мое сердце переполняется ядомъ и желчью, когда я вижу, что сдѣлали изъ моего отечества эти убійцы, на которыхъ берлинцы продолжаютъ до сихъ поръ молиться“. Въ прусскомъ ландтагѣ 1850 г. Бисмаркъ рѣшительно выступаетъ противъ свободы союзовъ, противъ свободы торговли, противъ гражданскаго брака, противъ всякихъ ограниченій правъ собственности, противъ нападокъ на земельное дворянство. И, хотя въ дальнѣйшемъ ему пришлось измѣнить свои воззрѣнія по многимъ пунктамъ,—онъ навсегда остался смертельнымъ противникомъ суверенитета массъ. Извѣстна жестокая борьба Бисмарка съ соціалъ-демократіей. Извѣстно также, что, проводя свою широко задуманную схему соціальнаго законодательства, онъ разсматривалъ ее подъ угломъ зрѣнія монархическо-христіанскаго патріархализма: это былъ актъ милостиваго благоволенія короны по отношенію къ народу, свободный подарокъ отца-господина своимъ „труждающимся и обремененнымъ дѣтямъ“. О *правѣ* рабочихъ на заботу со стороны государства при такой постановкѣ вопроса, конечно, не могло быть и рѣчи. И точно также съ величайшей враждебностью Бисмаркъ всегда относился къ парламенту и парламентаризму. Безчисленны его афоризмы и изреченія, подчасъ очень ѣдкія и остроумныя, направленныя противъ народнаго представительства. Послѣднее для него—лишь „Haus der Phrasen“; его дѣятельность—„конституціонная комедія“, „ерунда“; депутаты—„дураки“, „болтуны“, „парламентскія амфибіи“ и т. д.

Въ томъ же родѣ и взгляды Бисмарка на методы и средства достиженія поставленныхъ себѣ цѣлей. Всѣ они сводятся къ одному фокусу, къ одному источнику—силѣ. Сила, грубая, матеріальная, желѣзная сила—вотъ настоящій Богъ Бисмарка, къ помощи котораго онъ любилъ всегда прибѣгать, которому онъ не переставалъ молиться въ теченіе всей своей политической карьеры. Бисмаркъ былъ убѣжденъ, что на войнѣ вопросъ рѣшается въ первую голову перевѣсомъ силъ и уже только затѣмъ способностью и искусствомъ полководцевъ. „Наши успѣхи въ 1870 г.—говорилъ онъ—объясняются тѣмъ, что наши солдаты физически крѣпче французскихъ, лучше маршируютъ, неудержимы въ атакѣ. Если бы Макъ-Магонъ имѣлъ прусскихъ солдатъ, а Альвенслебенъ—французскихъ, то Альвенслебенъ былъ бы все-таки побитъ, несмотря на то, что онъ мой другъ". Вопросы права для Бисмарка—прежде всего „Machtfragen" („вопросы силы"). Въ 1864 г. онъ прямо заявляетъ: „Вопросы государственнаго права въ послѣднемъ счетѣ рѣшаются при помощи штыковъ". Вскорѣ послѣ своего назначенія министромъ-президентомъ онъ произноситъ свои знаменитыя слова: „Германія смотритъ не на либерализмъ Пруссіи, а на ея мощь. Великіе вопросы вѣка рѣшаются не рѣчами и парламентскими резолюціями,—это была ошибка 48—49 гг.,—а желѣзомъ и кровью".

И мы знаемъ хорошо, что всѣ эти и имъ подобныя слова были для Бисмарка не только словами,—они были его символомъ вѣры въ практической борьбѣ. Это какое-то почти слѣпое преклоненіе предъ грубой физической силой имѣло своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ непониманіе канцлеромъ значенія современной демократіи и недооцѣнку имъ роли идеологическаго фактора. Въ результатѣ онъ, великій искусникъ, когда дѣло шло объ уловленіи въ свои сѣти королей, правительствъ и дипломатовъ, оказывался часто безпомощнымъ ребенкомъ, когда ему приходилось столкнуться съ неистребимой властью коренящихся въ условіяхъ дѣйствительности идей. Два раза на протяженіи своей политической карьеры Бисмаркъ пытался сокрушить враждебную ему идею при помощи физической силы, при помощи полицейской репрессіи: въ эпоху Kulturkampf'а и исключительнаго закона противъ соціалистовъ. И оба раза, несмотря на развитую имъ колоссальную энергію, „желѣзный канцлеръ" потерпѣлъ самое позорное пораженіе. Предъ нами такимъ образомъ типичный представитель прусско-юнкерскаго консерватизма, котораго нынѣшніе властители имперіи Гогенцоллерновъ—всѣ эти графы Ревентловы, Вестарны, Гейдебранды и т. д.—имѣютъ полное право считать своимъ предшественникомъ и въ извѣстной степени даже своимъ духовнымъ родоначальникомъ.

IV

Если тѣмъ не менѣе мы называемъ этого „типичнаго юнкера“ великимъ юнкеромъ, то это объясняется двумя причинами. Во-первыхъ, тѣмъ, что Бисмаркъ всю свою жизнь былъ яркимъ носителемъ большой истинно государственной идеи; и, во-вторыхъ, тѣмъ, что при осуществленіи данной идеи онъ обнаружилъ несокрушимую волю, блестящій организаторскій талантъ и совершенно безпримѣрныя гибкость и приспособляемость. Все качества, которыя не часто встрѣчаются у современныхъ эпигоновъ „желѣзнаго канцлера“.

Большая государственная идея, которая наполняла собой все существо Бисмарка,—было созданіе могущественной объединенной Германіи подъ главенствомъ Пруссіи. Онъ выносилъ эту идею глубоко въ душѣ и, какъ художникъ, охваченный вдохновеніемъ, со страстью, съ нетерпѣніемъ отдался воплощенію ея въ дѣйствительности. Онъ думаетъ только объ этомъ, онъ интересуется только этимъ, онъ болѣетъ и волнуется только по поводу этого. Единая Германія—его первая мысль, когда онъ просыпается, единая Германія—его послѣдняя мысль, когда онъ ложится спать. Въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ онъ пишетъ, говоритъ, занимается интригами, ставитъ вольчи ямы дипломатамъ, воюетъ, низвергаетъ и возводитъ на престолъ королей—и все для того, чтобы осуществить свой идеалъ, чтобы собрать воедино разрозненную націю и построить могучую тевтонскую имперію. И, когда дѣло оказывается, наконецъ, сдѣланнымъ, когда, выйдя изъ огня трехъ военныхъ кампаній, единая Германія гордо подымаетъ къ небу свою голову, Бисмаркъ вмѣстѣ съ понятнымъ чувствомъ торжества и удовлетворенія начинаетъ испытывать сожалѣніе по недавнему прошлому. „Я скучаю—говоритъ онъ какъ-то одному другу въ началѣ 70-хъ гг.,—всѣ великія дѣла свершены. Имперія создана, она признана и уважаема всѣми народами. Вражескія коалиціи легко предупредить. Охотиться на зайцевъ у меня нѣтъ никакого желанія. Вотъ если бы можно было уложить крупнаго кабана,—тогда другое дѣло. Тогда я ожилъ бы“.

И теперь единственнымъ интересомъ, единственной заботой канцлера становится охранять цѣлость и неприкосновенность своего творенія, способствовать его росту, развитію, процвѣтанію. Какъ любящая мать, онъ пристально слѣдитъ за каждымъ шагомъ новорожденной монархіи, радуется ея радостями, болѣетъ ея печалями. „Въ безсонныя ночи—пишетъ онъ въ 70-хъ гг.,—я не могу отдѣлаться отъ мысли, что, быть можетъ, нашимъ сыновьямъ придется снова сидѣть за хорошо извѣстнымъ круглымъ столомъ Bundestag'а во Франкфуртѣ“. И позднѣе въ 1885 г.: „Партійный духъ—вотъ, что я обвиняю предъ Богомъ и исторіей, если прекрасное твореніе нашей націи 1866 и 1870 гг. снова разобьется и перо испортитъ

то, что было создано мечомъ". И для предупрежденія этой опасности нѣтъ жертвы, которой Бисмаркъ не принесъ бы. Онъ, какъ тигръ, бросается на ультрамонтановъ и соціалистовъ, потому что въ нихъ ему чудятся враги имперіи, подкапывающіеся подъ ея основы. Онъ рветъ съ консерваторами, когда ихъ узко-эгоистическій партикуляризмъ становится на пути развитія единой Германіи. Въ области внѣшней политики онъ не перестаетъ работать надъ предупрежденіемъ какой-либо враждебной коалиціи противъ Германіи и въ 1879 г. въ тѣхъ же видахъ заключаетъ союзъ съ Австріей, жертвуя ради этого своими личными симпатіями къ Россіи. Словомъ, вся жизнь, вся дѣятельность, всѣ мысли и чувства Бисмарка строятся около одного основного лозунга: „все для имперіи, все ради имперіи!" Онъ—фанатикъ этого лозунга, и на службу ему онъ отдаетъ всѣ свои силы.

Впрочемъ величіе Бисмарка, какъ упомянуто было выше, объясняется не только величіемъ преслѣдовавшейся имъ цѣли, но также и самыми методами ея осуществленія. И тутъ на первый планъ естественно выступаетъ та черта его характера, которая по справедливости можетъ быть названа геніальнымъ политическимъ реализмомъ. „Самое опасное для дипломата—замѣтилъ какъ-то канцлеръ—имѣть иллюзіи". Вотъ этихъ-то иллюзій у Бисмарка никогда не было. Онъ былъ всегда олицетворенная трезвость, видѣлъ вещи такими, какія онѣ есть, умѣлъ быстро оріентироваться въ положеніи, отчетливо сознавая всѣ его сильныя и слабыя стороны. Людей и ихъ психологію Бисмаркъ зналъ превосходно и почти по первому взгляду безошибочно опредѣлялъ, какъ легче всего подойти къ данному персонажу. Главное же, „желѣзный канцлеръ" никогда не былъ упрямымъ догматикомъ. Онъ прекрасно понималъ, что каждому государственному дѣятелю приходится работать въ опредѣленной исторической обстановкѣ, которой измѣнить нельзя; что въ жизни имѣются факторы, съ которыми, независимо отъ того, пріятны они или непріятны, приходится считаться, какъ съ данными; и что нелѣпо и безсмысленно затрачивать силы и энергію на борьбу съ неустранимыми явленіями, какъ нелѣпо и безсмысленно негодовать на рѣку, въ весеннее половодье затопившую крестьянскія поля. „Политика есть ученіе о возможномъ"—этотъ афоризмъ Бисмарка лучше всего характеризуетъ его методы государственной дѣятельности. Да, ученіе о возможномъ въ направленіи желательнаго. И прекрасной иллюстраціей къ данному афоризму могутъ служить слѣдующія слова его же самого, сказанныя въ 1866 г. въ парламентѣ по поводу датскаго вопроса: „Я всегда держался того мнѣнія, что личная унія съ Даніей была бы лучше того, что существовало въ дѣйствительности; что самостоятельный князь былъ бы

лучше, чѣмъ личная унія; и что объединеніе съ Пруссіей было бы лучше, чѣмъ самостоятельный князь. Какое изъ этихъ рѣшеній было достижимо, могли показать только событія“ [1]).

Пожалуй, ярче всего эти черты бисмарковскаго характера проявлялись въ области внѣшней политики. Какъ дипломатъ, великій юнкеръ былъ въ своемъ родѣ неподражаемъ. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ Граммонъ даетъ слѣдующій портретъ его, относящійся къ серединѣ 60 гг.: „Его улыбка всегда ограничивалась лишь plissure des levres, онъ никогда не смѣялся глазами и говорилъ, казалось, съ стиснутыми зубами, что давало совершенно особенный акцентъ его французскому языку. Чувствовалось, что онъ въ любой моментъ готовъ къ борьбѣ, несмотря на то, что въ его поведеніи замѣтны были нѣсколько аффектированныя легкость въ обращеніи съ дипломатическими тайнами и какъ бы нежеланіе мѣшать естественному ходу вещей... Онъ обнаруживалъ нетерпѣніе при каждомъ противорѣчіи и невольно обращалъ на себя вниманіе абсоютностью своихъ доктринъ и смѣлостью своихъ мыслей“ [2]). Въ бесѣдахъ съ представителями другихъ государствъ Бисмаркъ почти всегда избѣгалъ формы прямыхъ вопросовъ. При трудныхъ переговорахъ любилъ курить, ибо это давало возможность въ случаѣ надобности выиграть время для обдумыванія отвѣта. Смотря по обстоятельствамъ могъ быть то рѣшительно-откровеннымъ, то непроницаемо-загадочнымъ. Такъ, напр., обѣдая въ іюнѣ 1862 г. въ Лондонѣ у Дизраэли, Бисмаркъ безъ обиняковъ заявилъ: „Въ непродолжительномъ времени я буду вынужденъ взять на себя руководство прусской политикой. Моей первой заботой будетъ съ помощью или безъ помощи ландтага реорганизовать армію. Далѣе я воспользуюсь первымъ удобнымъ предлогомъ для того, чтобы объявить войну Австріи, уничтожить „Германскій союзъ«, подчинить своему вліянію среднія и мелкія государства и создать единую Германію подъ главенствомъ Пруссіи. Я пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобы сообщить объ этомъ министрамъ королевы“. Какъ видимъ, тутъ вся программа Бисмарка, осуществленная имъ въ теченіе ближайшихъ 8 лѣтъ до послѣдней точки надъ і. Это откровеніе произвело такое сильное впечатлѣніе на англійскаго государственнаго дѣятеля, что въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ друзей онъ воскликнулъ: „Остерегайтесь его. Онъ говоритъ, что думаетъ“.

Но зато, если Бисмарку было необходимо держать кого-нибудь въ неизвѣстности относительно своихъ истинныхъ намѣреній, онъ умѣлъ это дѣлать съ неподражаемымъ искусствомъ. Такъ, въ теченіе

[1]) Bismarck, „Gesammelte Reden“, т. I. стр. 131.

[2]) E. Ludwig, „Bismarck“, стр. 181.

цѣлаго ряда лѣтъ онъ ухитрялся скрывать отъ испытаннѣйшихъ дипломатовъ Австріи, что въ случаѣ столкновенія ея съ Франціей Пруссія будетъ поддерживать послѣднюю. Въ свою очередь, и Наполеона III вплоть до самаго 1870 г. онъ умѣлъ увѣрить въ своемъ дружескомъ расположеніи къ нему и неопредѣленными обѣщаніями какихъ-то „компенсацій" гарантировать себѣ его нейтралитетъ въ 1864 и 1866 гг. Въ сношеніяхъ съ королями и дипломатами Бисмаркъ могъ мѣняться, какъ хамелеонъ: онъ могъ быть любезенъ, угрожающъ, вкрадчивъ, рѣзокъ, грубъ. Все зависѣло отъ человѣка и ситуаціи. Назначенный прусскимъ посланникомъ во Франкфуртъ на Майнѣ, будущій канцлеръ явился съ визитомъ къ предсѣдателю Bundestag'a графу Туну. Послѣдній, какъ представитель Австріи, намѣренно старался въ то время третировать уполномоченныхъ другихъ нѣмецкихъ государствъ и принялъ Бисмарка съ сигарой въ зубахъ за рабочимъ столомъ въ кабинетѣ, даже не ставъ и не предложивъ своему гостю сѣсть. Въ слѣдующій разъ Бисмаркъ, войдя въ кабинетъ Туна, молча снялъ съ себя сюртукъ, сѣлъ, непринужденно закинувъ ногу за ногу, на стулъ, спокойно закурилъ сигару и уже только затѣмъ обратился къ хозяину съ привѣтствіемъ и съ изложеніемъ своего дѣла. Австрійскій дипломатъ понялъ и сразу перемѣнилъ свое обращеніе съ представителемъ ненавистной Пруссіи.

Зато совсѣмъ иной методъ дѣйствій примѣнялъ позднѣе Бисмаркъ къ французскому послу Бенедетти. Хорошо зная мягкую, льстивую, нерѣшительную натуру послѣдняго, Бисмаркъ старался—и не безъ успѣха—оказать на него вліяніе любезностью, предупредительностью, различными внѣшними проявленіями довѣрія. И не даромъ. Когда въ 1867 г. Франція предложила Пруссіи заключеніе оборонительно-наступательнаго союза на условіи, что Франція аннектируетъ Бельгію, а Пруссія—южную Германію, Бисмаркъ попросилъ Бенедетти изложить этотъ проектъ на бумагѣ. Бенедетти согласился. Изъ переговоровъ о союзѣ, въ концѣ концовъ, ничего не вышло. Но въ рукахъ будущаго канцлера остался весьма компрометирующій документъ, которымъ онъ въ свое время сумѣлъ великолѣпно воспользоваться. Шесть дней спустя послѣ объявленія Франціей войны Пруссіи, пресловутая записка Бенедетти появилась на страницахъ „Times'a" и одновременно Бисмаркъ разослалъ всѣмъ европейскимъ кабинетамъ фотографическіе снимки съ текста меморандума, собственноручно подписаннаго французскимъ посломъ. Эффектъ этого шага оказался поразительный и именно такой, какой былъ нуженъ Бисмарку: весь нейтральный міръ былъ страшно раздраженъ противъ Франціи и шумно привѣтствовалъ побѣду Пруссіи.

Но не только въ этомъ необыкновенномъ умѣніи пользоваться

людьми и обстоятельствами проявлялся реализмъ „желѣзнаго канцлера",—въ гораздо большей степени онъ сказывался въ его рѣдкой способности сразу охватить политическую ситуацію, быстро уловить взглядомъ основныя движущія силы совершающихся событій и въ соотвѣтствіи съ этимъ намѣтить большія истинно-государственныя цѣли. Бисмаркъ никогда не увлекался повседневными мелочами дипломатической дѣятельности,—ему было въ нихъ узко, тѣсно, непривычно: Смѣло и рѣшительно онъ набрасывалъ всегда широкія, глубоко продуманныя, разсчитанныя на длительный эффектъ схемы. Лучшій примѣръ тому Австрія. Уже въ 1856 г., тотчасъ послѣ крымской кампаніи, онъ приходитъ къ выводу, что объединеніе Германіи можетъ быть совершено не вмѣстѣ, а лишь противъ Габсбургской монархіи. И въ то время, какъ всѣ прославленные дипломаты и министры той эпохи продолжаютъ еще носиться съ неразрѣшимыми проектами сочетанія Австріи и Пруссіи въ рамкахъ одной имперіи, Бисмаркъ создаетъ совершенно иной планъ: усиленіе прусской арміи, международная изоляція Вѣнскаго правительства, военный разгромъ соперника и образованіе единой Германіи подъ эгидой Гогенцоллерновъ. Десять лѣтъ онъ упорно, систематически работаетъ надъ осуществленіемъ своего плана и, наконецъ, на поляхъ Кенигреца добивается полнаго торжества. Но тутъ происходитъ крутой переломъ. Австрія разбита и больше не страшна Пруссіи. Непосредственная цѣль Бисмарка достигнута. Онъ сразу дѣлаетъ поворотъ въ 180 градусовъ и ищетъ дружбы и сближенія съ недавнимъ противникомъ. Вопреки оппозиціи короля и военной партіи, онъ добивается почетнаго мира съ Габсбургской монархіей и затѣмъ такъ же систематически и упорно, какъ раньше готовилъ войну съ ней, начинаетъ готовить съ ней соглашеніе. Дѣйствительно, 13 лѣтъ спустя (въ 1879 г.) онъ заключаетъ существующій еще понынѣ союзъ съ Австріей, упрочившій на долгіе годы международную позицію Германіи. Подобныя смѣлость и дальновидность, трезвость и самообладаніе, подобный modus in rebus могъ обнаружить только истинно-геніальный политическій дѣятель.

А вотъ еще одинъ, пожалуй, не менѣе любопытный примѣръ. Война 1870—71 гг. кончена. Единая Германія создана. Бисмаркъ заботится объ укрѣпленіи и усиленіи только что родившейся имперіи. И онъ опять набрасываетъ новую грандіозную схему. Его цѣль—предупредить образованіе враждебной Германіи коалиціи и на разрозненности великодержавной Европы построить гегемонію своего отечества на континентѣ. Съ этой цѣлью онъ, во-первыхъ, къ великому ужасу берлинскихъ консервативно-придворныхъ сферъ всячески поддерживаетъ во Франціи республику, такъ какъ полагаетъ, что данная форма правленія будетъ затруднять сближеніе Франціи съ другими государствами, и, во-вторыхъ, усиленно толкаетъ свою за-

рейнскую сосѣдку на путь колоніальной политики. Послѣднимъ достигается сразу двоякая цѣль: силы и вниманіе Франціи отвлекаются отъ Европы за океанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Франція приходитъ въ рѣзкое столкновеніе съ Англіей и Италіей. Италія подъ вліяніемъ раздраженія противъ Франціи 1883 г. присоединяется даже къ австрогерманскому союзу. Далѣе Россію Бисмаркъ поддерживаетъ противъ Англіи въ Европѣ и такимъ образомъ создаетъ постоянное яблоко раздора между обѣими державами на Балканахъ. Въ Азіи онъ предоставляетъ Россіи свободу дѣйствій и этимъ опять-таки сталкиваетъ ее съ Великобританіей. Наоборотъ, Англію онъ поддерживаетъ внѣ Европы—въ сферѣ ея колоніальныхъ предпріятій,—особенно въ Африкѣ противъ Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ при помощи ловкой игры на дипломатическихъ струнахъ Бисмаркъ заботится о томъ, чтобы намѣчающееся сближеніе между Франціей и Россіей не приняло слишкомъ интимнаго характера и не перешло въ союзъ. Результатомъ этой сложной и хитроумной политики является продленіе разорванности Европы, изолированность почти всѣхъ ея крупныхъ государствъ и, какъ выводъ изъ этой ситуаціи, болѣе чѣмъ 20-лѣтная международная гегемонія Германіи. Едва ли нужно доказывать, что успѣшное осуществленіе и этого грандіознаго плана было по плечу только человѣку исключительныхъ дарованій.

Тотъ же реализмъ и тѣ же поразительныя гибкость и приспособляемость составляли отличительныя черты Бисмарка и въ области домашнихъ нѣмецкихъ дѣлъ. И здѣсь онъ тоже жилъ и дышалъ лишь одной мечтой: созданіемъ единой могущественной Германіи. И всю свою внутреннюю политику подчинялъ этой главной задачѣ, разсматривалъ ее подъ угломъ зрѣнія этого идеала. Онъ самъ какъ-то заявилъ въ рейхстагѣ: „все, что послѣ этого (т.-е. послѣ образованія имперіи) наступитъ,—либеральная, реакціонная, консервативная конституція,—все это, сознаюсь откровенно, имѣетъ для меня лишь второстепенное значеніе, все это—роскошь внутренняго убранства, умѣстная, когда домъ уже окончательно построенъ. Возведемъ сначала прочное, хорошо защищенное извнѣ зданіе и тогда уже спрашивайте мое мнѣніе о томъ, какъ лучше меблировать домъ. Тогда можно будетъ сдѣлать такъ или этакъ. Бываютъ времена, когда нужно править либерально, и бываютъ времена, когда нужно править по-диктаторски“.

„Желѣзный канцлеръ“ прекрасно усвоилъ себѣ мораль послѣдняго предложенія и свято руководился этой моралью въ своей практической дѣятельности. Возьмите, въ самомъ дѣлѣ, весь періодъ 60-70 гг. и прослѣдите на его протяженіи поведеніе Бисмарка. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ (1862—66) онъ ведетъ упорную борьбу съ прусскимъ ландтагомъ изъ-за реорганизаціи арміи. Ландтагъ, въ которомъ

господствуетъ либералы, систематически отказываетъ въ вотированіи бюджета и ведетъ широкую агитацію въ странѣ противъ правительства. Бисмаркъ до крайности раздраженъ оппозиціей „парламентскихъ амфибій“. Онъ преслѣдуетъ ихъ репрессіями, онъ правитъ вопреки конституціи и живетъ на основаніи неутвержденнаго бюджета, но упорно продолжаетъ усиливать боевую мощь Пруссіи, ибо это нужно для осуществленія мечты всей его жизни—для созданія единой Германіи. Наступаетъ 1866 г. Австрія разгромлена, Бисмаркъ торжествуетъ. Настроеніе въ странѣ круто мѣняется, общественное мнѣніе, привыкшее бѣжать за колесницей побѣдителя, теперь оборачивается противъ либераловъ и переходитъ на сторону министра-президента. Реакціонеры всѣхъ оттѣнковъ нашептываютъ ему заманчивые планы: онъ долженъ использовать благопріятный моментъ; онъ долженъ разъ навсегда положить конецъ ненужной „говорильнѣ“ и возстановить въ чистомъ видѣ королевскій абсолютизмъ!

Что же Бисмаркъ? Онъ рѣшительно отвергаетъ всѣ подобные проекты. Не потому, конечно, что ему особенно нравится парламентаризмъ (мы видѣли, съ какими ненавистью и презрѣніемъ онъ всегда относился къ народному представительству), а потому, что онъ великій политическій реалистъ и прекрасно сознаетъ, что страна выросла уже изъ абсолютистскаго режима и что попытки повернуть колесо исторіи назадъ могутъ вызвать серьезныя внутреннія осложненія и—что особенно важно—затруднить созданіе объединенной Германіи. И потому онъ не только отказывается прикончить съ „говорильней“, онъ, наоборотъ, самъ идетъ къ этой „говорильнѣ“ и, стоя на вершинѣ тріумфа, всемогущій, всѣми обожаемый, протягиваетъ руку примиренія ненавистной камерѣ: онъ проситъ объ индемнитетѣ, объ утвержденіи заднимъ числомъ незаконныхъ бюджетовъ прошлыхъ лѣтъ. Ибо это примиреніе нужно ему для осуществленія его дальнѣйшихъ плановъ, нужно для созданія все той же единой Германской имперіи. Шагъ, который опять-таки по силамъ только дѣйствительно очень крупному государственному человѣку, и который по мудрости и дальновидности можетъ быть смѣло поставленъ на одну доску съ политикой великаго юнкера по отношенію къ Австріи.

Но Бисмаркъ не ограничивается только индемнитетомъ. Въ томъ же 1866 г. онъ—упрямый монархистъ до мозга костей—низвергаетъ съ престола короля Ганновера и превращаетъ его владѣнія въ прусскую провинцію. Въ слѣдующемъ 1867 г. онъ, неумолимый врагъ демократіи, вводитъ всеобщее голосованіе для выборовъ въ сѣверогерманскій рейхстагъ, а впослѣдствіи переноситъ его и въ конституцію Германской имперіи. Одновременно онъ пробуетъ заигрывать съ соціалистами (извѣстны его сношенія съ Лассалемъ еще въ 1864 г.),

предлагаетъ Марксу и Либкнехту работать въ правительственныхъ изданіяхъ, рветъ съ консерваторами, погрязшими въ специфически-прусскомъ партикуляризмѣ, вступаетъ въ союзъ съ лучше понимающими потребности времени либералами и, опираясь на нихъ, закладываетъ основы объединенной имперіи: устанавливаетъ свободу торговли (вспомнимъ, какъ рѣзко относился къ ней Бисмаркъ въ 50 гг.), гражданскую свободу, единое для всей страны гражданское и уголовное право и т. д. Въ началѣ 70-хъ г. Бисмаркъ (самъ вѣрующій христіанинъ) опять-таки въ союзѣ съ либералами открываетъ гоненія на католическую церковь, проводитъ гражданскій бракъ, противъ котораго онъ самъ такъ страстно возставалъ въ 1851 г., освобождаетъ школы отъ надзора духовенства и носится съ идеей о привлеченіи лидеровъ націоналъ-либераловъ въ министерство. Не правда ли, нѣсколько странный образъ дѣйствій для убѣжденнаго консерватора и монархиста?

Но потомъ около конца 70-хъ гг. происходитъ рѣзкій поворотъ. Въ 1878 г. проводится исключительный законъ противъ соціалъ-демократіи. Въ 1879 г. разыгрывается ссора Бисмарка съ либералами на почвѣ отказа послѣднихъ поддерживать протекціонистскую политику канцлера (до того Бисмаркъ былъ фритредеромъ). Канцлеръ круто порываетъ съ своими вчерашними сотрудниками и ищетъ сближенія съ вчерашней оппозиціей—консерваторами. Онъ дѣлаетъ больше: онъ идетъ на мировую съ католиками, которыхъ оказался не въ силахъ побѣдить, и превращаетъ центръ въ правительственную партію. Создается знаменитый „черно-голубой блокъ", который съ тѣхъ поръ почти непрерывно вплоть до нашихъ дней держитъ въ своихъ рукахъ руль государственнаго корабля, все болѣе оттѣсняя либерализмъ на положеніе безсильной и вымирающей опозиціи.

Не думайте однако, что между той и другой полосой дѣятельности Бисмарка лежитъ какое-то непроходимое противорѣчіе. Ничего подобнаго. За всю свою долгую политическую карьеру Бисмаркъ никогда не мѣнялся, онъ всегда оставался вѣренъ самому себѣ. Просто—и въ этомъ несомнѣнно сказывается его величіе, какъ государственнаго человѣка,—не средства владѣли имъ, а онъ—средствами. Просто въ 60-70-хъ гг. для осуществленія его цѣлей пригодны были одни методы дѣйствія, одни люди и партіи, а въ 80-хъ гг.—другіе. Ибо „бываютъ времена, когда нужно править либерально, и бываютъ времена, когда нужно править по-диктаторски". И, какъ смѣлый наѣздникъ, для котораго успѣхъ покрываетъ все, онъ безъ колебаній мѣняетъ на пути одного коня на другого. Цѣли же и стремленія его все время остаются тѣ же—созданіе и укрѣпленіе могучей тевтонской имперіи...

Въ Гамбургѣ, на высокомъ берегу Эльбы, каждому путеше-

ственнику невольно бросается въ глаза грандіозный (вышиной съ пятиэтажный домъ) памятникъ. На массивномъ постаментѣ изъ краснаго гранита подымается исполинская гранитная же фигура рыцаря, закованнаго въ латы. Руки рыцаря покоятся на рукояткѣ длиннаго меча. У ногъ его съ обѣихъ сторонъ хищно выгибаютъ шею два каменныхъ орла. Лицо рыцаря открыто, на немъ лежитъ отпечатокъ суровой мысли, и взоры его глубоко сидящихъ подъ угрюмо сдвинутыми бровями глазъ обращены на кипящій лихорадочной жизнью міровой портъ и на ту узкую полосу воды, на которой то-и-дѣло появляются приходящіе изъ-за синѣющей океанской дали морскіе гиганты. Это — Бисмаркъ. Весь огромный, тяжелый, неподвижный, онъ точно царитъ надъ раскинувшимся вокругъ городомъ и безжалостно давитъ его своей гранитной стопой. И мнѣ кажется, что изъ всѣхъ безчисленныхъ монументовъ „желѣзному канцлеру", которыми пестрѣетъ современная имперія Гогенцоллерновъ, гамбургскій памятникъ является все-таки самымъ лучшимъ, наиболѣе художественнымъ, ибо онъ точнѣе и полнѣе другихъ воплощаетъ личность того, кого онъ долженъ увѣковѣчить. Вѣдь Бисмаркъ, какъ онъ занесенъ на страницы политической исторіи, тоже былъ тяжелымъ и угрюмымъ каменнымъ гигантомъ, вѣдь онъ тоже былъ суровымъ рыцаремъ, всю жизнь свою вѣрно служившимъ одной дамѣ сердца, имя которой гласило: единая Германія.

Пруссія и прусскій режимъ

I

Въ сложномъ комплексѣ королевствъ, герцогствъ и республикъ, составляющихъ въ суммѣ современную Германскую имперію, Пруссія занимаетъ совершенно исключительное положеніе. Она—точно исполинскій политическій Гулливеръ, попавшій въ страну государственныхъ лиллипутовъ. Достаточно привести нѣсколько цифръ для того, чтобы убѣдиться въ полной справедливости даннаго утвержденія. Такъ, поверхность, занимаемая Прусскимъ королевствомъ, составляетъ 65% всей нѣмецкой территоріи (349 тыс. кв. км. изъ 541 тыс.), а его населеніе, по даннымъ переписи 1910 г.,—61% всего населенія имперіи (40 милл. изъ 65). Сельскохозяйственная обрабатываемая площадь Пруссіи достигаетъ 66% всей культивируемой площади Германіи ($28^1/_2$ милл. гкт. изъ 43). Изъ числа 283 тыс. промышленныхъ предпріятій съ 6,6 милл. рабочихъ, подчиненныхъ въ предѣлахъ имперіи надзору фабричной инспекціи, на долю Пруссіи приходится 157 тыс. (55%) предпріятій и 4 милл. (61%) занятыхъ въ нихъ лицъ. Государственный бюджетъ Прусскаго королевства, равняющійся, напр. по даннымъ 1911 г., 3.745 милл. мк., далеко превышаетъ бюджеты всѣхъ остальныхъ частей имперіи, вмѣстѣ взятыхъ (2.133 милл. мк.), а его военныя силы составляютъ около двухъ третей военныхъ силъ всей Германіи (14 корпусовъ изъ 22). Этому „реальному соотношенію силъ" соотвѣтствуетъ и „юридическая надстройка": въ „Союзномъ Совѣтѣ", служащемъ представительнымъ органомъ правительствъ всѣхъ федерированныхъ государствъ, Пруссія со своими 17 голосами изъ 61 всегда играетъ роль рѣшающаго фактора. Вдобавокъ ея министръ-президентъ является одновременно имперскимъ канцлеромъ, а ея король—императоромъ Германіи.

Огромное политическое и экономическое преобладаніе Пруссіи чрезвычайно усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что вся остальная Германія не представляетъ собой единаго государственнаго цѣлаго, а распадается на 25 независимыхъ частей, изъ которыхъ самая крупная—Баварія—едва насчитываетъ 7 милл. жителей. Различие

историческихъ традицій и неодинаковость интересовъ въ настоящій моментъ дѣлаютъ сплоченныя выступленія всѣхъ не-прусскихъ государствъ почти что невозможными. Благодаря этому, исполину-Гулливеру противостоитъ лишь нестройная толпа взаимно ссорящихся и грызущихся лиллипутовъ-карликовъ, и данное обстоятельство открываетъ передъ нимъ возможность широкаго примѣненія извѣстнаго принципа: divide et impera.

Между Берлиномъ и главными городами другихъ союзныхъ государствъ натянуты тонкія дипломатическія струны, и фокусники, сидящіе въ столицѣ имперіи, ловко дергая за ту или иную изъ нихъ, умѣютъ заставлять плясать политическихъ маріонетокъ въ 25 маленькихъ резиденціяхъ по своему вкусу и желанію. Съ нѣкоторыми изъ своихъ коллегъ по федераціи, напр., съ Брауншвейгомъ, Мекленбургами или Саксоніей, Пруссіи вообще почти никогда не приходится сталкиваться: всѣ эти меньшіе братья нѣмецкаго государственнаго Гулливера имѣютъ вмѣстѣ съ нимъ ein Herz und eine Seele (одно сердце и одну душу) и оказываются подчасъ даже plus royaliste que le roi même. Но зато больше хлопотъ Берлину доставляютъ либеральныя ганзейскія республики и свободомыслящія южныя государства (Баварія, Баденъ, Вюртембергъ, Эльзасъ-Лотарингія). Однако и тутъ въ рукахъ Пруссіи имѣется цѣлый арсеналъ средствъ воздѣйствія для приведенія къ покорности строптивыхъ протестантовъ: угрозы, предостереженія, придворныя интриги, закулисныя вліянія, болѣе или менѣе откровенный подкупъ въ видѣ устройства займа, облегченія какихъ-либо финансовыхъ операцій и т. д.

Что эта постоянная опека Пруссіи надъ другими частями имперіи имѣетъ, къ сожалѣнію, глубоко реальное значеніе,—о томъ свидѣтельствуютъ многочисленные факты изъ прошлаго и настоящаго объединенной Германіи. Такъ, Гамбургъ подъ давленіемъ Пруссіи еще въ 80-хъ гг. минувшаго столѣтія вынужденъ былъ отказаться отъ существовавшаго у него portofranco и вступить въ имперскую таможенную черту. Такъ, Вюртембергъ все подъ тѣмъ же давленіемъ Пруссіи до сихъ поръ не рѣшается открыто перейти къ парламентаризму, хотя тамъ имѣются уже всѣ необходимыя для того предпосылки. Такъ, Баденъ все по тѣмъ же основаніямъ долженъ былъ отказаться отъ возможности превратиться въ страну, управляемую либерально-соціалистическимъ большинствомъ. Въ 1910 г. баденское правительство обнаруживало довольно явственное стремленіе опираться въ ландтагѣ на такъ называемый „великій блокъ“ соціалъ-демократовъ, прогрессистовъ и націоналъ-либераловъ. Но Берлинъ вовремя нажалъ соотвѣтственныя кнопки, и на устахъ баденскихъ министровъ внезапно замерли крамольно-либеральныя слова. Баденъ

въ послѣднее время вообще привлекаетъ къ себѣ пристальное вниманіе прусскихъ политиковъ. Еще совсѣмъ недавно въ прусскомъ ландтагѣ со стороны правыхъ ораторовъ раздались столь рѣзкія нападки на одного изъ баденскихъ министровъ—фонъ-Бодмана, что великогерцогское правительство увидало себя вынужденнымъ офиціально протестовать противъ подобнаго „чужеземнаго“ вмѣшательства во внутреннія баденскія дѣла. И такъ—вездѣ и во всемъ; Пруссія приняла на себя роль всегерманскаго жандарма и, въ качествѣ таковаго, энергично предупреждаетъ и пресѣкаетъ свободолюбивыя стремленія политически болѣе прогрессивныхъ меньшихъ государствъ.

Но этого мало. Среди высшихъ руководителей прусской монархіи съ давнихъ поръ уже стало признакомъ хорошаго тона противопоставлять демократическому рейхстагу консервативный прусскій ландтагъ и читать съ трибуны послѣдняго строгія нотаціи за излишнее легкомысліе дѣйствительнымъ народнымъ представителямъ, засѣдающимъ у Бранденбургскихъ воротъ[1]). Сколько разъ уже въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ съ этой трибуны метались громы и молніи противъ избирательнаго права въ рейхстагъ! И сколько разъ уже черная трехклассная камера пыталась вмѣшиваться и руководить совершенно неподвѣдомственными ей имперскими дѣлами! Вотъ одинъ изъ многихъ любопытный примѣръ этой аграрно-консервативной безцеремонности, имѣвшій мѣсто всего лишь нѣсколько недѣлъ назадъ. Въ засѣданіи ландтага 16 апрѣля 1913 г. консерваторы подняли вопросъ ни больше и ни меньше какъ о финансовой сторонѣ обсуждавшагося въ то время въ рейхстагѣ законопроекта объ увеличеніи арміи. Консервативные ораторы угрожающе требовали, чтобы средства, необходимыя для покрытія новыхъ расходовъ на вооруженія, были добыты путемъ косвеннаго обложенія и чтобы была оставлена даже самая мысль о введеніи имперскаго налога на имущества. Да что консервативные ораторы! Самъ прусскій министръ финансовъ не постѣснился произнести въ томъ же засѣданіи 16 апрѣля длинную рѣчь, въ которой рѣшительно предостерегалъ рейхстагъ отъ попытки установленія налога на имущества, заявляя, что „недостойно Пруссіи находиться въ финансовой зависимости отъ имперіи“.

И подобные выпады противъ демократическаго общегерманскаго парламента не остаются лишь однѣми словесными угрозами. Элементы, господствующіе въ прусскомъ ландтагѣ, крайне вліятельны при дворѣ, они назначаютъ имперское правительство и они же опредѣляютъ общій характеръ имперской политики. Если бы Бетманъ-Гольвегъ даже хотѣлъ (а иногда бываетъ, что онъ хочетъ)

---

[1]) Около Бранденбургскихъ воротъ находится зданіе рейхстага.

проявить нѣсколько больше либерализма, чѣмъ онъ проявляетъ его теперь,—онъ не можетъ этого сдѣлать, ибо находится въ плѣну у прусскаго юнкерства, въ плѣну у прусскаго ландтага. Вотъ почему имѣетъ глубокій политическій смыслъ столь обычное въ Германіи выраженіе Preussen-Deutschland (Пруссія-Германія). Имперія находится подъ пятой Пруссіи или, точнѣе говоря, подъ пятой правящаго Пруссіей чернаго ландтага. Ландтагъ дѣлаетъ политическую погоду внутри Германіи, ландтагъ, въ конечномъ счетѣ, направляетъ и ея внѣшнюю политику, ибо немного найдется въ Европѣ парламентовъ, которые пользовались бы столь непререкаемымъ вліяніемъ на правительство, какъ эта уродливая, антидемократическая трехклассная камера. Вотъ почему, желая лучше понять сущность современныхъ германскихъ отношеній, необходимо прежде всего ближе ознакомиться съ физіономіей прусскаго ландтага и созданнымъ имъ въ странѣ общественно-политическимъ режимомъ.

II

Происхожденіе нынѣшняго прусскаго парламента и его избирательнаго права тѣсно связано съ бурными событіями 1848—49 гг. Какъ извѣстно, первое народное представительство Пруссіи, собравшееся въ Берлинѣ, вышло изъ всеобщихъ и равныхъ, хотя и двухстепенныхъ выборовъ. Демократическое по своему составу и настроенію, оно очень быстро навлекло на себя гнѣвъ начавшей подымать голову реакціи и въ концѣ 1848 г. подверглось распущенію. Одновременно съ указомъ о роспускѣ министерствомъ Бранденбурга былъ октроированъ новый избирательный законъ, сохранявшій равные и тайные выборы, но исключавшій изъ числа избирателей всѣхъ „несамостоятельныхъ" мужчинъ. Кромѣ того, въ дополненіе къ нижней палатѣ устанавливалась палата верхняя, выбиравшаяся на основѣ высокаго ценза и обладавшая чрезвычайно широкими полномочіями. Однако собранная въ февралѣ 1849 г. новая, „реформированная" камера оказалась все еще слишкомъ строптивой и послѣ двухмѣсячнаго существованія была также разогнана правительствомъ. Вслѣдъ затѣмъ окончательно утвердившаяся реакція вторично произвела государственный переворотъ, и 30 мая 1849 г. октроировала въ качествѣ временной мѣры (впредь до выработки палатой предусмотрѣннаго ст. 72 конституціи модуса выборовъ) трехклассный избирательный законъ. Съ момента изданія послѣдняго прошло больше 60 лѣтъ, но черная камера вплоть до настоящаго дня все никакъ не могла удосужиться осуществить торжественное обѣщаніе 1849 г. Временная мѣра мало-по-малу превратилась въ постоянно дѣйствующій законодательный актъ, нынѣ

превозносимый апологетами реакціи какъ величайшее созданіе государственнаго генія [1]).

Согласно закону 1849 г., прусскимъ избирателемъ является каждое лицо мужского пола, достигшее 24-лѣтняго возраста и проживше не меньше 6 мѣс. въ предѣлахъ одного и того же округа. Избирательное право въ ландтагъ можетъ быть названо такимъ образомъ всеобщимъ, поскольку дѣло касается мужчинъ, но зато всѣ остальныя три части извѣстной демократической формулы въ немъ нарушены.

Прежде всего право голоса является неравнымъ и непрямымъ. Всѣ прусскіе избиратели дѣлятся на три класса въ зависимости отъ размѣровъ уплачиваемыхъ ими налоговъ, при чемъ въ первый классъ въ каждомъ участкѣ, въ порядкѣ убывающей очереди, записываются самые крупные плательщики, пока не составится треть всей суммы прямыхъ налоговъ, уплачиваемыхъ участкомъ; во второй классъ такимъ же порядкомъ записываются самые крупные плательщики изъ оставшихся, пока не получится вторая треть; всѣ лица, не вошедшія въ составъ первыхъ двухъ классовъ, зачисляются въ третій классъ. Каждый классъ въ избирательномъ смыслѣ разсматривается, какъ равноцѣнный, и выбираетъ одинаковое число выборщиковъ (выборы въ ландтагъ двухстепенные), которые, собравшись вмѣстѣ, на общемъ собраніи и намѣчаютъ въ каждомъ округѣ депутата ландтага. Фактически такимъ образомъ привилегированные элементы, объединенные въ первомъ и второмъ классахъ, имѣютъ въ собраніи выборщиковъ громадный численный перевѣсъ надъ демократіей третьяго класса, располагая тамъ двумя третями голосовъ. Къ какому вопіющему неравенству при такихъ условіяхъ приводитъ дѣленіе избирателей на классы, можетъ прекрасно иллюстрировать слѣд. небольшая таблица. По спискамъ 1913 г. избирателей числилось:

	Количество избирателей. Абсолютно.	Въ %.
въ I классѣ	371.887	4,43
„ II „	1.323.708	15,76
„ III „	6.704.519	79,81
	8.400.114	100,00

Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это означаетъ, что голосъ одного избирателя перваго класса равняется въ среднемъ голосамъ $3^1/_2$ избирателей второго и 18 голосамъ избирателей третьяго класса. И это въ среднемъ! По отдѣльнымъ же участкамъ неравенство

[1]) Въ 1891—93 и 1906 гг. прусское избирательное право подверглось нѣкоторымъ „реформамъ“,—къ сожалѣнію, однако обѣ эти „реформы“ носили исключительно лишь формально-декоративный характеръ и нисколько не затронули сущности трехклассной системы.

избирательнаго права принимаетъ еще болѣе вопіющій характеръ. Такъ, напр., въ берлинскомъ участкѣ № 263, согласно спискамъ того же 1913 г., одному единственному избирателю перваго класса противостояло 316 избирателей третьяго класса, въ участкѣ № 370—одному же избирателю перваго класса—384 третьяго, а въ участкѣ № 841 одному избирателю перваго класса—даже 440 избирателей третьяго! Къ какимъ нелѣпостямъ приводитъ трехклассная система, можно судить также хотя бы потому, что, напр., въ 1913 г. почти всѣ прусскіе министры съ Бетманъ-Гольвегомъ во главѣ выбирали въ третьемъ классѣ и что въ Берлинѣ насчитывается цѣлыхъ 47 участковъ, гдѣ въ первомъ классѣ имѣется только одинъ, и 50 участковъ, гдѣ въ первомъ классѣ имѣются только два избирателя. Поистинѣ Geldsack-Wahlrecht (избирательное право денежнаго мѣшка), какъ принято называть въ Германіи прусскую трехклассную систему!

Ко всѣмъ указаннымъ прелестямъ послѣдней присоединяются еще открытое голосованіе и безконечно устарѣлое дѣленіе страны на избирательные округа. Послѣднее не мѣнялось съ 1858 г., хотя съ тѣхъ поръ произошли громадныя перемѣны въ распредѣленіи населенія по странѣ. Особенно страдаютъ отъ этого устарѣлаго дѣленія крупные города, обнаружившіе за послѣднія 30—40 лѣтъ исполинское развитіе и дающіе въ настоящее время государству главную массу подоходнаго налога. По расчетамъ извѣстнаго с.-д. политика П. Гирша, на долю 33 крупныхъ городовъ Пруссіи (съ населеніемъ свыше 100 тыс.) въ соотвѣтствіи съ размѣрами уплачиваемыхъ ими прямыхъ налоговъ должно было бы приходиться 200 депутатскихъ мѣстъ въ ландтагѣ, на самомъ же дѣлѣ ихъ приходится только 57.

Естественнымъ послѣдствіемъ крайняго несовершенства прусскаго избирательнаго права является глубокое равнодушіе широкихъ массъ населенія къ выборамъ въ ландтагъ, въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій еще усиливавшееся бойкотомъ послѣднихъ со стороны соціалъ-демократіи. За все время господства трехклассной системы число дѣйствительно голосующихъ ни разу не превысило $^1/_3$ общаго количества избирателей; даже въ эпоху конституціоннаго конфликта 60-хъ гг. процентъ голосующихъ не подымалася выше 31, и даже въ 1908 и 1913 гг., когда соціалъ-демократія впервые приняла энергичное участіе въ избирательной кампаніи, данный процентъ едва достигъ 33. И это въ то время когда при выборахъ въ рейхстагъ голосуетъ до 85% избирателей!

Какова при такихъ условіяхъ физіономія прусскаго ландтага, не трудно себѣ представить. Когда-то, въ далекую эпоху 60-хъ гг., трехклассная камера была твердыней либерализма, располагавшаго въ ней большинствомъ почти трехъ четвертей голосовъ, но тѣ вре-

мена давно миновали. Въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій консерваторы, насчитывавшіе, напр., послѣ выборовъ 1862 г. всего лишь 12 депутатовъ, сумѣли сдѣлаться въ ландтагѣ поистинѣ всемогущими хозяевами. Живой примѣръ тому выборы 1908 г., давшіе слѣд. результатъ:

	Число голосовъ.			Число мандатовъ.
Соціалъ-демократы	600	тыс.	(23,9%)	7
Центръ	500	„	(19,9%)	103
Консерват. группы	438	„	(17,2%)	215
Націоналъ-либералы	319	„	(12,6%)	65
Поляки, датчане и др.	226	„	(9,0%)	17
Прогрессисты	121	„	(4,8%)	36
Неизвѣстн. партійности . . .	320	„	(12,6%)	—
	2.509	тыс.	(100,0%)	443

Какъ видно изъ приведенной таблицы, консерваторы, собравшіе на выборахъ всего лишь 17 % голосовъ, захватили тѣмъ не менѣе почти половину, а вмѣстѣ съ своимъ союзникомъ центромъ (при общей суммѣ голосовъ, равной 37 %)—почти три четверти всѣхъ депутатскихъ мѣстъ. Наоборотъ, соціалъ-демократія, сумѣвшая даже при господствѣ открытаго голосованія объединить подъ своимъ знаменемъ 24 % избирателей, могла провести въ ландтагъ только 7 представителей. Трудно поистинѣ придумать болѣе яркую иллюстрацію неравенства и реакціонности трехклассной системы.

Безусловное господство консервативныхъ партій въ ландтагѣ накладываетъ глубокій отпечатокъ не только на всю законодательную дѣятельность, но также и на всю, если можно такъ выразиться, „личную физіономію“ этого замѣчательнаго представительнаго учрежденія. Уже самый соціальный составъ прусскихъ депутатовъ оказывается въ высшей степени характернымъ: въ самомъ дѣлѣ, въ легислатуру 1908—13 гг. среди нихъ насчитывалось—159 сельскихъ хозяевъ (въ томъ числѣ 113 крупныхъ помѣщиковъ) и 130 представителей военной и гражданской бюрократіи;—наоборотъ, лицъ свободныхъ профессій имѣлось только 85 (въ томъ числѣ 6 журналистовъ) и рабочихъ всего лишь 2. Такимъ образомъ свыше $^2/_3$ палаты вербуется изъ среды юнкерско-чиновничьихъ элементовъ. И данное обстоятельство необыкновенно ярко сказывается во всемъ поведеніи, во всѣхъ нравахъ и обычаяхъ ландтага, глубоко проникнутыхъ духомъ фельдфебельской грубости и узко-классоваго дворянскаго эгоизма. На засѣданіяхъ прусской палаты воздухъ стономъ стоитъ отъ ругани и площадныхъ словечекъ, выразительности которыхъ могъ бы позавидовать любой берлинскій извозчикъ. Важнѣйшіе вопросы народной жизни, какъ реформа избирательнаго права, охрана труда и т. п., едва способны собрать нѣсколько дюжинъ

скучающихъ депутатовъ, но зато медлительность министерства съ устройствомъ какого-нибудь лѣтняго сада при зданіи палаты можетъ повести, какъ это было, напр., въ 1912 году, къ настоящей парламентской революціи. Всякое дуновеніе прогресса и свободы встрѣчается въ застоявшейся атмосферѣ ландтага, какъ дьявольское наважденіе, и борьба съ демократическими тенденціями вѣка въ его стѣнахъ принимаетъ подчасъ совершенно анекдотическія формы.

Такъ, совсѣмъ недавно ландтагъ за излишній радикализмъ изгналъ изъ своей библіотеки неугомоннаго „Simplicissimus'a", и онъ охотно сдѣлалъ бы то же самое, если бы могъ, и съ маленькой кучкой представителей пролетаріата, присутствіе которыхъ въ палатѣ большинствомъ депутатовъ разсматривается, какъ личное оскорбленіе. Появленіе с.-д. ораторовъ на трибунѣ сплошь да рядомъ привѣтствуется возгласами въ родѣ: „Висѣльники!", „Паршивцы!" и т. д., и спеціально ради борьбы съ „красной опасностью" консервативно-клерикальнымъ большинствомъ въ 1910 г. былъ внесенъ въ наказъ противозаконный Hausknechtsparagraph, дающій предсѣдателю право насильно выкидывать непокорныхъ депутатовъ изъ залы засѣданія. Къ какимъ безобразіямъ данный параграфъ приводитъ на практикѣ, прекрасно иллюстрировалъ въ 1912 г. громкій скандалъ съ полицейскимъ удаленіемъ двухъ членовъ с.-д. фракціи, Борхардта и Лейнерта.

Таковъ этотъ замѣчательный трехклассный парламентъ, подъ пятой котораго въ настоящее время находится вся Германія, и который, въ свою очередь, самъ находится подъ пятой 25.000 прусскихъ помѣщиковъ.

III

Современную Пруссію нерѣдко называютъ идеальнымъ полицейскимъ государствомъ. И, дѣйствительно, трудно придумать болѣе удачную характеристику для того режима, который въ теченіе десятилѣтій сложился и такъ пышно расцвѣлъ подъ эгидой всемогущаго трехкласснаго парламента. Имя полицейскаго государства очень часто—и не безъ основанія—прилагается также къ Россіи, однако наша родина имѣетъ меньше всего правъ претендовать на титулъ идеальнаго полицейскаго государства. Режимъ, господ-

[1]) Какъ ни „надеженъ" самъ по себѣ прусскій ландтагъ, онъ вынужденъ все-таки дѣлить свою власть еще съ верхней палатой, такъ наз. „палатой господъ" (Herrenhaus). Послѣдняя, окончательно реформированная въ 1854 г., состоитъ въ настоящее время изъ 116 наслѣдственныхъ „пэровъ" (принцевъ, князей, графовъ и т. д.) и 277 назначаемыхъ королемъ представителей дворянства, высшей бюрократіи, духовенства, университетовъ и городовъ (число бургомистровъ въ верхней камерѣ равняется 51). Палата господъ обладаетъ почти тѣми же правами, что и ландтагъ, и въ смыслѣ реакціонности, конечно, ни въ чемъ не уступаетъ послѣднему.

ствующій сейчасъ въ Россіи, можно сравнить съ тяжелой, скрипучей, плохо-смазанной колымагой, на облучкѣ которой сидитъ сильно подвыпившій возница, безъ толку дергающій замученныхъ лошадей и безъ разбору хлещущій кнутомъ направо и налѣво. Оттого въ движеніи колымаги нѣтъ ни равномѣрности, ни увѣренности, и оттого же на каждомъ шагу она попадаетъ въ глубокія рытвины и придорожныя колдобоины. Совсѣмъ не то въ Пруссіи. Продолжая то же сравненіе, я бы сказалъ, что прусскій режимъ очень напоминаетъ построенный по послѣднему слову техники быстроходный автомобиль, ровно и спокойно бѣгущій по широкому, прекрасно утрамбованному шоссейному пути. Шоферъ, управляющій движеніемъ автомобиля, конечно, совершенно трезвъ, не кричитъ и не ругается непечатными словами, а если и давитъ по дорогѣ людей, то дѣлаетъ это не иначе, какъ на точномъ основаніи закона и съ соблюденіемъ всѣхъ положенныхъ въ такихъ случаяхъ процессуальныхъ формальностей. Сравните, въ самомъ дѣлѣ, Россію и Пруссію въ области административно-полицейскаго дѣлопроизводства, почтово-телеграфнаго управленія, желѣзнодорожнаго хозяйства, эксплуатаціи казенныхъ имуществъ, наконецъ, всего функціонированія сложнаго бюрократическаго аппарата,—какой хаотическій безпорядокъ, произволъ, неспособность и продажность здѣсь, какая точность, умѣлость, дисциплина и неподкупность тамъ! Можно смѣло утверждать, что въ современной Европѣ едва-ли найдется другая страна, которая по необыкновенному совершенству своей государственно-технической организаціи могла бы сравниться съ Пруссіей. И однако... основной духъ, проникающій оба режима—русскій и прусскій—долженъ быть признанъ безусловно тождественнымъ. Да оно и понятно: одни и тѣ же соціальные элементы держатъ въ обѣихъ странахъ руль государственнаго корабля.

Иллюстрацій къ только что высказанному положенію можно найти сколько угодно. Взять, напр., хотя бы неприкосновенность личности, являющуюся основнымъ устоемъ всякаго дѣйствительно конституціоннаго государства,—въ этомъ отношеніи въ Пруссіи господствуютъ нравы, подчасъ сильно напоминающіе нашу родину. Соціалистическія и радикальныя газеты почти ежедневно пестрятъ сообщеніями о произвольныхъ обыскахъ и арестахъ, о варварскомъ обращеніи съ заподозрѣнными въ какихъ-либо преступленіяхъ лицами, подчасъ даже о форменныхъ пыткахъ и избіеніяхъ во время допросовъ и слѣдствій, особенно въ болѣе глухихъ сельскихъ мѣстностяхъ. Какой систематическій характеръ носятъ подобныя превышенія власти со стороны административно-полицейскихъ чиновъ, свидѣтельствуетъ хотя бы тотъ замѣчательный фактъ, что въ 1902 г. послѣ одной с.-д. интерпелляціи въ рейхстагѣ самъ прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ увидалъ себя вынужденнымъ обратиться

къ подчиненнымъ ему инстанціямъ съ двумя послѣдовательными циркулярами, напоминая въ нихъ о необходимости точнѣе выполнять законъ. Впрочемъ, циркуляры эти никакихъ практическихъ результатовъ не имѣли, и все вплоть до настоящаго дня остается по-старому.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ гражданской свободой, въ частности съ правомъ собраній и союзовъ. Хотя это право въ довольно широкихъ размѣрахъ гарантировано прусскимъ гражданамъ имперскимъ закономъ 1908 г.,—однако усиліями королевскихъ властей оно сведено фактически до очень узкихъ предѣловъ. Такъ, вопреки прямому смыслу закона, въ Пруссіи почти не разрѣшаются уличныя манифестаціи, хотя въ другихъ союзныхъ государствахъ онѣ устраиваются безпрепятственно. Точно также закрытыя собранія политическихъ организацій нерѣдко совершенно произвольно объявляются публичными собраніями, подлежащими контролю полиціи, а профессіональные союзы—политическими объединеніями, обязанными выполнять всѣ формальности, установленныя закономъ для послѣднихъ. Культурно-образовательной дѣятельности пролетаріата ставятся на пути всѣ возможныя и невозможныя препятствія: просвѣтительныя юношескія организаціи противозаконно распускаются и запрещаются, а литературно-драматическіе ферейны подвергаются мелочно-придирчивому надзору. Въ Берлинѣ существуетъ, напр., так. наз. „Neue Freie Volksbühne“—громадная рабочая организація (насчитываетъ сейчасъ около 50.000 членовъ), выстроившая свой собственный прекрасный театръ [1]) и поставившая своей задачей приближеніе драматическаго искусства къ широкимъ массамъ пролетарскаго населенія,—организація, представляющая собой, несомнѣнно, одно изъ лучшихъ и наиболѣе замѣчательныхъ созданій германскаго соціалистическаго движенія. Но Боже мой! какую тяжелую борьбу за существованіе приходится вести этому мирному, благородному, чисто-культурному учрежденію! Оно—точно бревно въ глазу у администраціи, старающейся извести ее всевозможными формальностями, придирками, цензурными непріятностями и даже прямымъ запрещеніемъ тѣхъ или иныхъ пьесъ. Такъ, въ 1912 году берлинскимъ президентомъ полиціи была запрещена къ постановкѣ на сценѣ „Volksbühne“ драма саксонскаго писателя Розенова „Die im Schatten leben“, рисующая картину изъ жизни горнорабочихъ. Распоряженіе это руководителями „Volksbühne“ было обжаловано въ высшую инстанцію, однако протестъ ихъ не увѣнчался успѣхомъ: потсдамскій оберъ-президентъ сталъ на сторону своего берлинскаго коллеги и подтвердилъ

---

[1]) Война тяжело отразилась на дѣятельности „N. F. V.“ и, между прочимъ, заставила ее сдать свой театръ на два года въ аренду извѣстному Рейнгардту.

изданное имъ запрещеніе. Мотивировка послѣдняго настолько анекдотична, что невольно вызываетъ въ памяти образы курскаго губернатора Муратова или законниковъ петербургскаго присутствія объ обществахъ и союзахъ. Оберъ-президентъ, видите-ли, находитъ, что драма Розенова дѣйствуетъ возбуждающе на рабочія массы, такъ какъ изображеніе судьбы углекоповъ въ ней не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Съ фактами въ рукахъ онъ доказываетъ, что при описаніи участи бѣднаго инвалида авторъ не принялъ во вниманіе горнаго закона отъ 19 іюня 1906 г., предоставляющаго потерпѣвшему увѣчье право на полученіе соотвѣтственной ренты, а при изображеніи доли бѣдной вдовы точно также не принялъ въ расчетъ нѣкоторыхъ существенныхъ параграфовъ закона 1900 г., касающагося несчастныхъ случаевъ въ горной промышленности. Не правда-ли, чрезвычайно вѣскіе доводы? Но для того, чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить всю восхитительную прелесть этой полицейской словесности, необходимо еще прибавить, что злосчастный Розеновъ умеръ въ 1904 г., и что, по волѣ фантазіи автора, все дѣйствіе драмы разыгрывается въ эпоху 80 гг. прошлаго столѣтія!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ с.-д. организація въ Галле, доведенная до отчаянія систематическими придирками полиціи, вынуждена была тряхнуть далекой стариной и собрать свое годовое собраніе, какъ во времена исключительнаго закона, за городомъ, въ лѣсу, подъ покровомъ ночной тайны. Какъ угодно, но для страны, уже цѣлыхъ 60 лѣтъ считающейся конституціонной, это все-жъ таки какъ будто бы немножко много! И таково положеніе дѣлъ въ городахъ, а о деревнѣ и говорить не приходится: тамъ для лѣвыхъ партій, особенно для соціалъ-демократіи, вообще не существуетъ права собраній, такъ какъ терроризованные администраціей и помѣщиками владѣльцы сельскихъ пивныхъ и ресторановъ почти никогда не рѣшаются отдавать свои залы подъ болѣе или менѣе радикальные митинги. Да и можно-ли удивляться всему этому царству полицейскаго произвола, если сами высшіе представители государственной власти признаютъ соблюденіе законовъ для себя совершенно необязательнымъ? Вѣдь заявилъ же какъ-то прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-деръ-Рекке въ отвѣтъ на интерпелляцію прогрессиста Риккерта, что онъ „принципіально беретъ подъ свою защиту всякаго ландрата, даже преступившаго допущенныя закономъ рамки“ въ борьбѣ съ „общественно-опасными“ движеніями, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ представитель власти долженъ имѣть возможность „дѣлать то, что ему, какъ чиновнику, въ интересахъ добраго дѣла представляется полезнымъ и необходимымъ“ [1]).

Что съ законностью въ Пруссіи вообще не очень-то считаются,

---

1) Засѣданіе 11 мая 1897 г.

ярко свидѣтельствуетъ и пресловутая польская политика правительства. Въ погонѣ за насильственной германизаціей поляковъ послѣднее при полномъ сочувствіи трехклассной камеры провело рядъ законовъ, дающихъ властямъ право принудительно отчуждать польскія земельныя владѣнія и воспрещать поселенія поляковъ въ восточныхъ провинціяхъ королевства. Тщетно крупнѣйшие юридическіе авторитеты доказывали полную противозаконность данныхъ мѣропріятій, нарушающихъ прусскую и имперскую конституціи, основы гражданского и международнаго права,—остъ-эльбскіе зубры остались глухи ко всѣмъ предостерегающимъ голосамъ. Sic volo sic jubeo,—что общаго съ этимъ основнымъ политическимъ принципомъ аграрнаго юнкерства имѣютъ соображенія права и законности?

Но юстиція!—воскликнетъ, быть можетъ, иной читатель—вѣдь существуетъ же она еще въ Пруссіи! Вѣдь есть еще судьи въ Берлинѣ! О, конечно, есть, но это въ конечномъ итогѣ ничуть не мѣняетъ дѣла. „Frau Iustitia", какъ иронически называютъ нѣмецкіе с. д. богиню правосудія, въ настоящее время сильно измѣнилась по сравненію съ античной эпохой своего существованія. Ея легендарная повязка, закрывавшая когда-то оба глаза, теперь сползла на одинъ бокъ, открывая передъ богиней возможность односторонняго созерцанія міра. Оттого словосочетаніе „классовая юстиція" стало въ Пруссіи столь ходячимъ и непреложнымъ, что его признаютъ теперь не только с.-д., но и представители буржуазныхъ партій включительно до національ-либераловъ. Объ этой классовой юстиціи, слишкомъ часто напоминающей Шемякинъ судъ, могутъ много интереснаго поразсказать с.-д. редакторы, особенно редакторы изъ Галле и Бреславля, ежегодно проводящіе по нѣскольку мѣсяцевъ на казенномъ содержаніи О ней же свидѣтельствуютъ и сотни процессовъ, закончившихъ въ 1912 г. несчастную стачку горнорабочихъ въ Рурской области .То, что происходило въ угольномъ районѣ послѣ ликвидаціи гигантскаго столкновенія, представляетъ даже для Пруссіи нѣчто необычайное. Нѣсколько тысячъ человѣкъ были привлечены къ суду по обвиненію въ „терроризированіи" штрейкбрехеровъ; всѣхъ подсудимыхъ въ цѣляхъ устрашенія „принципіально" подвергали предварительному заключенію, даже и въ такихъ случаяхъ, когда совершенно отсутствовали требуемыя для этого закономъ основанія. Въ разныхъ частяхъ области опять-таки совершенно противозаконно были открыты спеціальныя камеры для разсмотрѣнія „стачечныхъ" дѣлъ. Процессы велись съ военно-полевой быстротой, для чего всѣхъ обвиняемыхъ, по приказанію министра юстиціи, заставляли подписывать отказъ отъ предоставляемаго имъ судебными уставами недѣльнаго срока для вызова свидѣтелей. Оправдательныхъ приговоровъ почти совсѣмъ не было, и тысячи мужчинъ и женщинъ и даже дѣтей хладнокровно отправлялись въ тюрьму единственно

только за то, что въ порывѣ раздраженія они бросили не совсѣмъ парламентское выраженіе по адресу коллеги, позорно измѣнившаго общему дѣлу. Реакціонеры всѣхъ толковъ и оттѣнковъ привѣтствовали шумными одобреніями судебную расправу съ побѣжденными стачечниками. Рурскіе процессы 1912 г. навсегда останутся однимъ изъ наиболѣе яркихъ и позорныхъ памятниковъ классовой юстиціи въ Пруссіи [1]). И опять-таки приходится ли удивляться подобному поруганію правосудія, если высшіе представители государственной власти считали возможнымъ неоднократно заявлять въ прусскомъ ландтагѣ, что отсутствіе исключительнаго закона противъ соціалъ-демократіи они будутъ замѣнять специфическимъ „разъясненіемъ" нормъ общаго права? Какъ видимъ, это та же теорія „нажима на законъ", которая такъ хорошо извѣстна намъ со временъ столыпинской эры.

Не менѣе реакціонный духъ господствуетъ и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ прусской государственной жизни. Всемогущая бюрократія испоконъ вѣковъ относилась подозрительно и враждебно къ свободной самодѣятельности населенія; поэтому мѣстное самоуправленіе въ Пруссіи остается вплоть до настоящаго дня подчиненнымъ назойливой опекѣ административныхъ властей, доходящей подчасъ до насильственнаго удаленія особенно неугодныхъ послѣднимъ бургомистровъ. Излишне прибавлять, конечно, что соц.-демократы, выбираемые на должность городскихъ головъ или ихъ замѣстителей, систематически не утверждаются. Въ области финансовой политики дѣлается все возможное для переложенія податныхъ тягостей съ плечъ зажиточныхъ классовъ на плечи трудящейся массы. Прусскій подоходный налогъ затрагиваетъ бюджетъ, начиная уже съ 900 мк. (415 р.) въ годъ (въ Англіи—лишь съ 3200 мк.);—благодаря этому, болѣе демократическая часть населенія съ доходомъ отъ 900—3000 мк. даетъ казнѣ около 45% всѣхъ сборовъ, получаемыхъ отъ даннаго вида обложенія. Съ другой стороны, благодаря господству юнкерскихъ элементовъ въ рядахъ бюрократіи, крупнымъ землевладѣльцамъ удается безнаказанно уклоняться отъ уплаты большей части причитающихся съ нихъ налоговъ. По расчетамъ консервативнаго профессора Дельбрюка, государственная касса ежегодно обворовывается, такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ, на 85 милл. мк.

Особенно рѣзко выступаетъ отсталость Пруссіи въ области народнаго образованія. Согласно статистикѣ 1911 г., свыше половины всѣхъ дѣтей школьнаго возраста обучается въ неполныхъ школахъ

[1]) Недавно с.-д. пресса подсчитала, что за 20-лѣтіе 1890—1910 гг. дѣятели нѣмецкаго рабочаго движенія (главнымъ образомъ, конечно, въ Пруссіи) въ суммѣ были приговорены къ 1188 годамъ тюрьмы, 111 годамъ каторжныхъ работъ, $1^1/_2$ годамъ крѣпости и 556.000 мк. денежнаго штрафа. Въ среднемъ за одинъ годъ это составитъ: 65 лѣтъ тюремнаго заключенія и 28.000 мк. денежнаго штрафа.

(т.-с. ниже установленныхъ закономъ 6 классовъ). Во многихъ районахъ наблюдается крайній недостатокъ учащаго персонала, такъ что свыше 20% всѣхъ школъ офиціально признаются переполненными. Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ въ среднемъ на 1 учителя приходится по 150—200 учениковъ (обычная прусская норма—70—80 чел.). Школьныя зданія сплошь да рядомъ совершенно не отвѣчаютъ своему назначенію, а учителя—не удовлетворяютъ минимальнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ воспитателямъ молодого поколѣнія. И этому не приходится удивляться, если принять во вниманіе, что нормы вознагражденія учительскаго персонала въ Пруссіи все еще оставляютъ желать весьма многаго и что зависимость учителя отъ сильныхъ міра сего, особенно въ сельскихъ мѣстностяхъ, поистинѣ безгранична. Излишне прибавлять, конечно, что все преподаваніе въ народныхъ школахъ построено по обычному церковно-патріотическому шаблону, имѣющему своей задачей не столько снабженіе юношества необходимымъ запасомъ положительныхъ знаній, сколько превращеніе его въ „королевски-вѣрное“, благонамѣренное стадо.

Еще характернѣе, быть можетъ, роль политической реакціи въ сферѣ университетскаго образованія. Статья 26-я прусской конституціи гласитъ: „наука и ея ученія свободны“;—однако эта прекрасная статья равно, какъ и многія другія, на практикѣ уже давно затоптана въ грязь грубымъ каблукомъ остъ-эльбскаго юнкера. Извѣстно, что еще въ 1898 г., по иниціативѣ министра народнаго просвѣщенія Боссе, ландтагомъ былъ принятъ такъ называемый Lex Arons съ спеціальной цѣлью удалить изъ берлинскаго университета молодого приватъ-доцента физики д-ра Лео Аронса, имѣвшаго несчастье принадлежать къ соц.-демократической партіи. Съ тѣхъ поръ ни одинъ представитель крайней лѣвой не появлялся на каѳедрѣ прусскаго университета. И въ pendant къ этому изгнанію соц.-демократовъ изъ храма офиціальной науки небезынтересно привести слова того же министра г. Боссе, сказавшаго однажды въ ландтагѣ буквально слѣдующее:

„Необходимо позаботиться о томъ, чтобы при трактованіи рабочаго вопроса въ университетскихъ лекціяхъ точка зрѣнія предпринимателей находила себѣ болѣе яркое выраженіе, чѣмъ это имѣло мѣсто до сихъ поръ: было бы неблагоразумно, въ самомъ дѣлѣ, убивать курицу, которая несетъ золотыя яйца“.

Я могъ бы, конечно, сильно удлинить перечень общественно-политическихъ грѣховъ прусской реакціи,—думаю, однако, что и приведеннаго уже вполнѣ достаточно для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе о сущности юнкерскаго режима. Было бы, разумѣется, не совсѣмъ справедливо утверждать, что этотъ режимъ абсолютно ни въ чемъ не отличается отъ режима русскаго. Все-таки шесть десятилѣтій какой-ни-какой конституціи успѣли заложить

въ странѣ нѣкоторыя основы правопорядка, что иллюстрируется, напр., возможностью открытаго существованія социалъ-демократіи, и до извѣстной степени расширили по сравненію съ Россіей кругъ той pays legal, которая пользуется на практикѣ всѣми благами гражданской свободы. У насъ эта pays legal, какъ извѣстно, ограничивается исключительно лишь право-октябристскими элементами; въ Пруссіи въ ея черту входитъ также и большая часть либеральнаго бюргерства, такъ что на положеніи политическаго пасынка остаются только пролетаріатъ да „инородцы". Амплитуда колебаній административно-судебнаго усмотрѣнія въ Пруссіи также значительно уже, чѣмъ въ Россіи, что, впрочемъ, не въ послѣдней степени объясняется разницей въ характерѣ переживаемаго обѣими странами историческаго момента: Пруссія находилась въ минувшіе годы на „мирномъ положеніи", между тѣмъ какъ Россія все еще не вышла изъ полосы ликвидаціи революціи.

Какъ бы однако ни были существенны указанныя различія,— они все-таки носятъ не качественный, а только количественный характеръ и не въ состояніи затушевать глубокаго внутренняго сродства политическихъ режимовъ по ту и по сю сторону Вислы.

IV

Знакомясь ближе съ прусскимъ избирательнымъ правомъ и прусскимъ режимомъ, невольно задаешь себѣ вопросъ: какъ могла высоко-развитая, культурная нація въ теченіе цѣлыхъ 60 лѣтъ безропотно сносить столь вопіющее поруганіе своихъ наиболѣе элементарныхъ политическихъ и гражданскихъ правъ?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить небольшая справка изъ политическаго прошлаго современной Германіи. Какъ извѣстно, до начала 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія прусскій ландтагъ оставался твердыней либерализма, такъ что въ ту эпоху, по странной ироніи судьбы, прогрессисты являлись сторонниками трехклассной системы и противниками демократическаго избирательнаго права, а консерваторы, наоборотъ, рѣзко высказывались противъ классныхъ выборовъ и очень недвусмысленно вздыхали о всеобщемъ голосованіи. Вѣдь никто иной, какъ именно Бисмаркъ и реакціонная „Kreuz-Zeitung" въ концѣ 60-хъ годовъ впервые подвергли уничтожающей критикѣ прусскую выборную систему. Затѣмъ положеніе радикально измѣнилось: правая завладѣла трехклассной камерой и, разумѣется, сразу послѣ этого потеряла всякій реформаторскій пылъ. Вниманіе же передовыхъ элементовъ націи было отвлечено отъ ландтага въ сторону имперскаго народнаго представительства, свободное избирательное право котораго давало естественный

выходъ ихъ демократическимъ стремленіямъ и потребностямъ. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ десятилѣтій блескъ обще-германскаго рейхстага совершенно затмевалъ блѣдное мерцаніе прусскаго парламента, вводя широкіе круги населенія въ заблужденіе относительно истинной роли и значенія послѣдняго. Когда же эта ошибка, наконецъ, открылась, и вопросъ о реформированіи трехклассной камеры сталъ передъ страной, внутреннее политическое положеніе въ Пруссіи оказалось весьма мало благопріятнымъ для быстраго осуществленія назрѣвшаго преобразованія.

Исторія послѣднихъ десятилѣтій съ полной неопровержимостью устанавливаетъ фактъ крупной роли, какую либеральное бюргерство играетъ въ исходѣ движеній за демократизацію парламентскаго избирательнаго права. Конечно, наиболѣе активнымъ борцамъ за избирательную реформу почти вездѣ является пролетаріатъ, но для послѣдняго все-таки далеко не безразлична та позиція, какую въ данномъ вопросѣ занимаютъ мелко и средне-буржуазные слои населенія. Рабочій классъ еще ни въ одной странѣ не достигъ такого политическаго могущества, чтобы онъ могъ совершенно самостоятельно, вопреки или хотя бы помимо воли прогрессивно-бюргерскихъ элементовъ, провести широкую демократизацію народнаго представительства и всего государственнаго механизма. И, наоборотъ, эта демократизація становится тѣмъ болѣе легкой, возможной и осуществимой, чѣмъ больше энергіи и жизнеспособности обнаруживаетъ либерализмъ и чѣмъ рѣшительнѣе поддерживаетъ онъ пролетаріатъ въ его борьбѣ за измѣненіе избирательнаго права.

Какъ разъ въ данномъ отношеніи прусскія условія являются очень мало благопріятными,—пожалуй, менѣе благопріятными, чѣмъ условія любой изъ странъ современной Европы. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ картину болѣе печальную и безнадежную, чѣмъ нынѣшнее состояніе нѣмецкаго либерализма. Исторія сыграла съ нимъ злую шутку. Стремительный ходъ экономическаго развитія вырвалъ у него изъ-подъ ногъ прочную соціальную базу и, наоборотъ, создалъ всѣ необходимыя предпосылки для могущественнаго расцвѣта соціализма. Рядомъ съ пестрыми толпами прогрессистскаго бюргерства въ теченіе десятилѣтій сложилась и выросла гигантская армія дисциплинированнаго пролетаріата, систематически оттягивавшая къ себѣ всѣ свѣжія, молодыя и здоровыя силы націи. Чѣмъ больше расцвѣталъ соціализмъ, тѣмъ явственнѣе хирѣлъ, старился и блѣднѣлъ, точно отъ потери демократической крови, либерализмъ. Цвѣты вдохновенія и энтузіазма, столь необходимые для успѣха всякаго великаго народнаго движенія, въ наши дни могутъ произрастать только на почвѣ коллективизма,—это общее правило, приложимое почти ко всѣмъ государствамъ Запада, — нигдѣ, пожалуй не находитъ себѣ столь яркаго подтвержденія, какъ именно въ Германіи.

Взгляните, въ самомъ дѣлѣ, на нѣмецкій либерализмъ, — вѣдь это не живой, полный силы и энергіи организмъ, это—какая-то безплотная политическая тѣнь, безпомощно качающаяся изъ стороны въ сторону при каждомъ порывѣ вѣтра. Не говоря уже о націоналъ-либералахъ, которые совершенно всуе претендуютъ на имя либерализма,—даже и болѣе лѣвые прогрессисты абсолютно лишены какого бы то ни было присутствія демократической воли. Ихъ характеръ—безхарактерность, ихъ натура—рефлексія и нерѣшительность, ихъ тактика—компромиссы и соглашенія, ихъ политическая исторія—рядъ позорныхъ „паденій" съ высотъ собственной партійной программы. Всѣ эти органическіе пороки нѣмецкаго либерализма прекрасно иллюстрируются какъ разъ его позиціей въ вопросѣ объ избирательной реформѣ въ Пруссіи. Теоретически прогрессисты признаютъ полную нелѣпость и нетерпимость трехклассной системы и необходимость замѣны ея всеобщимъ голосованіемъ, однако на практикѣ они не находятъ въ себѣ достаточно силы хоть сколько-нибудь энергично выступить въ интересахъ осуществленія собственнаго требованія. Даже въ парламентѣ они не рѣшаются занять по данному предмету рѣзко-опредѣленной позиціи, и даже въ прессѣ они поддерживаютъ соціалъ-демократію всегда какъ-то такъ, что отъ этого больше выгоды получается не для друзей, а для враговъ демократическаго избирательнаго права.

Тѣмъ самымъ сила общественнаго натиска на твердыни прусской реакціи весьма чувствительно ослабляется, и юнкерство искусственно пріобрѣтаетъ вліяніе и значеніе, далеко превышающія его реальное могущество. Роль почти единственнаго борца за свободное избирательное право выпадаетъ на долю соціалистическаго пролетаріата, и это обстоятельство естественно оттягиваетъ торжество демократіи въ Пруссіи вплоть до того момента, когда рабочій классъ однѣми собственными силами безъ сколько-нибудь существенной поддержки со стороны буржуазныхъ элементовъ окажется въ состояніи свалить господство аграрно-политической реакціи.

Подобный моментъ, разумѣется, когда-нибудь наступитъ, и онъ наступилъ бы несомнѣнно еще скорѣй, если бы вопросъ о демократизаціи прусскаго парламента не игнорировался такъ долго руководящими кругами нѣмецкаго пролетаріата.

Еще въ 1893 г. на своемъ кельнскомъ партейтагѣ соціалъ-демократія приняла тактику бойкота по отношенію къ трехкласснымъ выборамъ, мотивируя ее тѣмъ, что при господствующей избирательной системѣ партія не можетъ разсчитывать на какой-либо положительный успѣхъ, не входя въ коалиціи съ буржуазными элементами,—а такія коалиціи несовмѣстимы съ ея принципіальными взглядами. И только семь лѣтъ спустя на майнцкомъ конгрессѣ 1900 г. соціалъ-демократія измѣнила свою точку зрѣнія и впервые

постановила принять организованное участіе въ ближайшей избирательной кампаніи.

Вступая въ борьбу, соціалъ-демократія прекрасно сознавала всѣ препятствія, лежащія на пути осуществленія поставленной ею себѣ задачи. Она сознавала, что ей придется имѣть дѣло съ могущественнымъ, безпощаднымъ, прекрасно вооруженнымъ врагомъ, опирающимся на традиціи полувѣкового господства и располагающимъ силой сопротивленія великолѣпно организованнаго государственнаго механизма. Она сознавала также, что люди, руководящіе судьбами Пруссіи, менѣе всего склонны къ политическому сентиментализму и, въ случаѣ необходимости, не остановятся предъ самыми крайними мѣрами для защиты своихъ привилегій. Всѣ эти трудности не могли, конечно, удержать соціалъ-демократію отъ выполненія того, что она считала своимъ долгомъ и обязанностью, но зато онѣ опредѣлили тѣ формы и методы дѣйствія, при помощи которыхъ она считала возможнымъ завоеваніе столь необходимой для страны демократизаціи ландтага: выражаясь фигурально, партія избрала въ предстоящей борьбѣ не тактику открытаго штурма, а тактику медленной систематической осады. Сначала соціалъ-демократія хотѣла расшевелить широкія массы пролетаріата и заинтересовать ихъ вопросами избирательной реформы, затѣмъ привлечь на свою сторону прогрессивные элементы бюргерства, далѣе накалить путемъ неустанной агитаціи и повторныхъ манифестацій политическую атмосферу страны до высшаго предѣла и поставить такимъ образомъ господствующія силы предъ альтернативой: рѣшительныя уступки или острый катаклизмъ. И если бы правительство и юнкерство, ослѣпленныя узко-классовымъ эгоизмомъ, выбрали, вопреки голосу благоразумія, вторую перспективу,—нанести отмирающему режиму уже послѣдній насильственный ударъ.

Практическое осуществленіе намѣченной тактики началось съ 1903 г., когда соціалъ-демократія впервые приняла официальное участіе въ выборахъ въ ландтагъ. Несмотря на всѣ невыгоды открытаго голосованія, ей все-таки удалось собрать свыше 300 тыс. голосовъ и привлечь вниманіе широкихъ массъ пролетаріата къ вопросу о прусской избирательной реформѣ. Вторичное выступленіе рабочей демократіи въ томъ же направленіи состоялось во время слѣдующихъ выборовъ 1908 г., давшихъ ей уже не одно только моральное удовлетвореніе, но и нѣкоторый, правда, очень незначительный, практическій успѣхъ: собравъ около 600 тыс. голосовъ, она провела въ палату 7 депутатовъ[1]). Побѣды с.-д. на выборахъ

---

1) Одинъ изъ 7 завоеванныхъ с.-д. мандатовъ былъ потерянъ партіей на дополнительныхъ выборахъ 1909 г., такъ что фактически въ теченіе легислатуры 1909—13 гг. с.-д. фракція состояла изъ 6 человѣкъ.

и уличныя манифестаціи съ требованіемъ всеобщаго голосованія, начало которымъ было положено партіей въ томъ же 1908 г., не остались безъ извѣстнаго вліянія и на правящія сферы. Въ тронной рѣчи, которой были открыты засѣданія новаго ландтага, король въ слѣдующихъ выраженіяхъ возвѣщалъ необходимость избирательной реформы:

„Я повелѣваю, чтобы... избирательное право въ палату депутатовъ было подвергнуто органической переработкѣ въ соотвѣтствіи съ требованіями экономическаго развитія, съ ростомъ образованія и политической сознательности и съ укрѣпленіемъ чувства отвѣтственности предъ государствомъ. Въ этомъ я усматриваю одну изъ важнѣйшихъ задачъ нашей эпохи“.

Результатомъ высочайшаго повелѣнія явился проектъ избирательной реформы, внесенный правительствомъ въ ландтагъ въ февралѣ 1910 г. Проектъ этотъ, ожидавшійся всей страной съ понятнымъ нетерпѣніемъ, однако глубоко разочаровалъ даже наиболѣе умѣренныя прогрессивныя группы. Трехклассная система, согласно предположеніямъ министерства, попрежнему оставалась неприкосновенной, сохранялось также открытое голосованіе и существующее распредѣленіе страны на избирательные округа. Единственными нововведеніями были: установленіе прямыхъ выборовъ и нѣкоторыя, впрочемъ, очень незначительныя облегченія для перехода части избирателей третьяго класса во второй.

Правительственный законопроектъ вызвалъ понятное возбужденіе въ рабочихъ массахъ. Въ теченіе февраля—апрѣля 1910 г. Пруссія стала ареной еще небывалыхъ по грандіозности и внушительности уличныхъ манифестацій (особенно замѣчательна была демонстрація 200 тыс. рабочихъ въ берлинскомъ Тиргартенѣ, о которой полиція узнала только post factum), сопровождавшихся кое-гдѣ кровавыми столкновеніями съ полиціей и глубоко наэлектризовавшихъ всю политическую атмосферу страны. И подъ гулъ народнаго движенія на площадяхъ и на улицахъ—тамъ, въ душныхъ кулуарахъ прусскихъ представительныхъ учрежденій, была рѣшена судьба пресловутой министерской „реформы“. Уже въ нижней палатѣ она подверглась довольно существеннымъ измѣненіямъ (консервативно-клерикальнымъ большинствомъ были возстановлены косвенные выборы, но зато введено тайное голосованіе),—въ верхней палатѣ правительственный проектъ подвергся дальнѣйшимъ ухудшеніямъ и сокращеніямъ. Въ итогѣ дѣтище Бетманъ-Гольвега приняло столь чудовищно-безобразный видъ, что въ маѣ 1910 г. онъ самъ поспѣшилъ взять искалѣченный проектъ назадъ, отказавшись отъ намѣренія довести начатое дѣло до конца.

Такимъ образомъ торжественное обѣщаніе короля закончилось жалкой и позорной комедіей, исходъ которой, впрочемъ, всѣ друзья

демократіи привѣтствовали шумными аплодисментами. „Реформа“ Бетманъ-Гольвега, правда, не состоялась, но зато путь для борьбы за всеобщее и равное избирательное право оставался свободнымъ [1]).

V

Послѣ провала „реформы“ 1910 г. въ борьбѣ за демократизацію избирательнаго права наступило нѣкоторое затишье. Правительство не считало возможнымъ вторично выступать съ проектами новыхъ измѣненій передъ той же палатой; съ другой стороны, и вниманіе соціалъ-демократіи въ теченіе послѣдующихъ двухъ лѣтъ было цѣликомъ поглощено избирательной кампаніей въ рейхстагъ и международными осложненіями. Тѣмъ временемъ истекъ срокъ полномочій стараго ландтага, и страна оказалась передъ новыми выборами. Такимъ образомъ волею вещей партія пролетаріата была поставлена предъ вопросомъ: что же дальше?

Отвѣту на этотъ вопросъ и былъ главнымъ образомъ посвященъ собравшійся въ январѣ 1913 года партейтагъ прусской соціалъ-демократіи. Послѣ тщательнаго обсужденія создавшагося положенія съѣздъ единодушно рѣшилъ, что предстоящіе выборы должны быть превращены въ новую внушительную манифестацію къ пользу всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Съ этой цѣлью партія должна развить широкую и повсемѣстную предвыборную агитацію и привести къ урнѣ возможно большее количество своихъ сторонниковъ. Чѣмъ внушительнѣе будетъ ихъ число и чѣмъ рѣзче обнаружится вопіющее несоотвѣтствіе между количествомъ поданныхъ голосовъ и полученныхъ мандатовъ, тѣмъ нагляднѣе будетъ иллюстрированъ плутократическій характеръ господствующей избирательной системы и тѣмъ могущественнѣе будетъ агитаціонное дѣйствіе выборной кампаніи. А вѣдь въ этомъ и заключается главная цѣль участія соціалъ-демократіи въ нынѣшнихъ выборахъ, ибо на какіе-либо положительные парламентскіе успѣхи при наличности трехклассной системы разсчитывать, конечно, не приходится. По вопросу объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ (т.-е. фактически къ прогрессистамъ) также единодушно было рѣшено, что соглашенія съ послѣдними, вообще говоря, допустимы, но что заключеніе подобныхъ

[1]) Въ маѣ 1912 г. прогрессистами была сдѣлана дальнѣйшая попытка добиться парламентскимъ путемъ нѣкотораго улучшенія нынѣшняго избирательнаго права. Сознавая полную безнадежность проведенія черезъ ландтагъ дѣйствительно демократической выборной системы, либеральная партія внесла въ палату предложеніе установить лишь прямые выборы и тайное голосованіе. Однако и этотъ скромный шагъ впередъ, благодаря предательству центра, былъ отклоненъ большинствомъ 188 противъ 158 голосовъ.

соглашенiй должно покоиться на принципѣ полной взаимности: соцiалъ-демократiя оказываетъ поддержку либераламъ только въ томъ случаѣ, если и либералы, въ свою очередь, обязуются содѣйствовать успѣху соцiалъ-демократiи. Кромѣ того было постановлено требовать отъ кандитатовъ, желающихъ получить рабочiе голоса, письменнаго обѣщанiя, въ случаѣ избранiя ихъ въ ландтагъ, отстаивать тамъ требованiе демократическаго избирательнаго права.

На ряду съ соцiалъ-демократiей готовились къ выборамъ, конечно, и другiя партiи. По обычаю консервативныя группы разныхъ оттѣнковъ и на этотъ разъ шли въ битву сомкнутыми рядами, и имъ вездѣ, гдѣ это было необходимо, неизмѣнно помогалъ католическiй центръ. Наибольшiй интересъ и значенiе представляла однако позицiя либерализма. Правое крыло послѣдняго—нацiоналъ-либералы—на своемъ съѣздѣ въ Магдебургѣ постановили рѣшительно отказаться отъ какихъ бы то ни было переговоровъ и соглашенiй съ соцiалъ-демократiей и, наоборотъ, искать союза и поддержки консерваторовъ. Послѣднее имъ кое-гдѣ, напр., въ Шлезвигъ-Голштинiи, и удалось, такъ что ландтагскiе выборы 1913 г. только лишнiй разъ подтвердили ту старую истину, что потомки Ласкера и Бенигсена нынѣ съ большимъ правомъ могутъ претендовать на титулъ консерваторовъ, чѣмъ либераловъ. Къ сожалѣнiю, не на высотѣ положенiя при установленiи своей избирательной тактики оказались и прогрессисты. Тщетно болѣе честные и дальновидные сторонники либерализма, въ родѣ бывшаго депутата рейхстага Г. Потгофа, убѣждали своихъ партiйныхъ коллегъ отложить въ сторону излишнюю спесь и дружески принять руку, протянутую имъ рабочей демократiей, такъ какъ помимо послѣдней немыслима вообще никакая серьезная борьба за реформу прусскаго избирательнаго права,—широкая масса прогрессистовъ оказалась глуха къ этимъ увѣщанiямъ. На состоявшемся въ Берлинѣ прогрессистскомъ съѣздѣ докладчикъ по вопросу о выборной тактикѣ депутатъ Фишбекъ, при шумномъ одобренiи большинства присутствующихъ, заявилъ, что условiя, выставленныя с.-д. на случай соглашенiя съ либералами, несовмѣстимы съ достоинствомъ партiи, и что поэтому естественнымъ союзникомъ прогрессистовъ въ предстоящей кампанiи являются нацiоналъ-либералы. Совмѣстное выступленiе съ рабочей демократiей такимъ образомъ не осуществилось, и въ результатѣ лѣвый либерализмъ въ большей части Пруссiи оказался на поводу у рейнско-вестфальскихъ промышленныхъ королей, составляющихъ основное ядро нацiоналъ-либеральной партiи.

Въ противоположность лихорадочной агитацiи, сопровождающей каждые выборы въ рейхстагъ, ландтагская избирательная кампанiя 1913 г. носила повсемѣстно крайне вялый и какой-то безкрасочный

характеръ. И въ соотвѣтствіи съ этимъ, самый день перваго голосованія—16 (3) мая—ничѣмъ не отличался отъ всякаго иного обычнаго дня. Особенно рѣзко это бросалось въ глаза въ Берлинѣ. Было жарко и душно, и вся столица мирно дремала въ садахъ и на окрестныхъ озерахъ. И только с.-д. велосипедисты неутомимо шныряли во всѣхъ направленіяхъ по исполинскому городу, таская къ избирательной урнѣ лѣнивыхъ или запоздавшихъ „товарищей". Эти энергія и настойчивость партійныхъ „довѣренныхъ людей", впрочемъ, не пропали даромъ. Поскольку позволяютъ судить предварительныя свѣдѣнія (точная избирательная статистика появится значительно позднѣе), соціалъ-демократія собрала на первой стадіи выборовъ никакъ не меньше 1 милл. голосовъ. Милліонъ голосовъ, поданныхъ за „партію переворота" при условіи открытаго голосованія,—это, несомнѣнно, и очень крупный успѣхъ и очень внушительная манифестація.

Какъ однако ни отраденъ самъ по себѣ настоящій фактъ, онъ оказался все-таки не въ состояніи сколько-нибудь существенно повліять на окончательный исходъ выборовъ. Въ самомъ дѣлѣ, вторая стадія выборовъ—3 іюня—дала слѣдующій результатъ (въ скобкахъ цифры 1908 г.):

	Число голосовъ			Число мандатовъ	
Консерваторы	478	(444)	тыс.	203	(212)
Центръ	452	(499)	„	103	(102)
Націоналъ-либералы	371	(319)	„	73	(65)
Прогрессисты	183	(121)	„	38	(35)
Поляки, датчане и пр.	216	(226)	„	12	(14)
Соціалъ-демократы	775	(599)	„	10	(6)
Прочіе	257	(300)	„	3	(8)
	2.732	(2.508)	тыс.	442	442

Какъ видимъ, по сравненію съ прошлыми выборами консерваторы потеряли 9 мандатовъ, перешедшихъ къ болѣе лѣвымъ партіямъ—націоналъ-либераламъ, прогрессистамъ и с.-д.,—однако это обстоятельство нисколько не отразилось на общей физіономіи ландтага. Новая палата, по существу дѣла, не заключаетъ въ себѣ рѣшительно ничего новаго, и духъ мракобѣсія и злобной реакціи находитъ въ ней столь же яркое выраженіе, какъ и въ ея предшественницѣ.

Старый вопросъ о демократизаціи прусскаго представительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего прусскаго режима остается такимъ образомъ тамъ же, гдѣ онъ былъ до выборовъ. И отношеніе различныхъ партій къ нему послѣ голосованія 16 мая также ни въ чемъ не измѣнилось. Консерваторы попрежнему не желаютъ вообще ника-

кой реформы трехклассной системы, такъ какъ, по ихъ своеобразной государственной теорiи, открыто провозглашенной извѣстнымъ вождемъ остъ-эльбскаго юнкерства фонъ-Гейдебрандомъ, реакцiонный прусскiй ландтагъ служитъ противовѣсомъ демократическому имперскому рейхстагу. И чѣмъ болѣе прогрессивный характеръ принимаетъ физiономiя послѣдняго, тѣмъ болѣе основанiй имѣютъ консерваторы придерживаться по отношенiю къ трехклассному избирательному праву лозунга: noli me tangere! (не смѣй касаться!). На той же точкѣ зрѣнiя стоитъ, по существу, и католическiй центръ, хотя въ крайнемъ случаѣ онъ можетъ согласиться на введенiе прямыхъ и тайныхъ выборовъ при сохраненiи, однако стараго распредѣленiя страны на избирательные округа. Нацiоналъ-либералы хотѣли бы замѣнить трехклассную систему болѣе сродной имъ системой плюральнаго вотума по бельгiйскому или саксонскому образцу. И только с.-д., прогрессисты и поляки стоятъ на почвѣ дѣйствительно демократическаго избирательнаго права, обезпечивающаго равное право голоса всему, по крайней мѣрѣ, мужскому населенiю страны. Но какъ разъ эти три партiи располагаютъ въ ландтагѣ ничтожнымъ меньшинствомъ и добиться осуществленiя своего требованiя чисто-парламентскимъ путемъ, конечно, не въ состоянiи. Тѣмъ самымъ предъ всѣми сторонниками избирательной реформы въ Пруссiи и прежде всего, разумѣется, предъ соцiалъ-демократiей во всей остротѣ своей становится вопросъ о внѣпарламентскихъ методахъ борьбы, о массовыхъ митингахъ протеста, о широкихъ уличныхъ манифестацiяхъ, быть можетъ, о всеобщей политической стачкѣ.

Властелители современной Германіи

I

Это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Я только что попалъ на территорію Германской имперіи и съ интересомъ приглядывался къ окружающей меня политической и общественной обстановкѣ. Мы—я и одинъ изъ видныхъ берлинскихъ соціалъ-демократовъ—сидѣли за столикомъ большого столичнаго кафе и я, тогда еще не вполнѣ твердо справляясь съ тайнами нѣмецкаго синтаксиса, засыпалъ моего собесѣдника рядомъ недоумѣнныхъ вопросовъ, недовольно возникающихъ въ головѣ у каждаго русскаго, впервые знакомящагося съ современной имперіей Гогенцоллерновъ.

— Вы, нѣмцы, — говорилъ я,— являетесь въ настоящее время одной изъ наиболѣе передовыхъ и цивилизованныхъ націй міра. Ваша промышленность достигла исполинскаго развитія и успѣшно конкурируетъ съ англійской и американской. Ваша торговля захватила въ свой гигантскій оборотъ весь земной шаръ. Ваша наука литература и искусство должны быть, несомнѣнно, причислены къ величайшимъ созданіямъ человѣческаго генія. Ваши города поражаютъ своей чистотой и благоустроенностью, а ваша деревня — необыкновенной высотой сельскохозяйственной культуры. Ваше рабочее движеніе — могущественно и на него съ завистью смотрятъ ваши товарищи во многихъ другихъ странахъ. И однако, несмотря на все это, въ политическомъ отношеніи вы еще — почти варвары. Вашъ рейхстагъ не пользуется крупнымъ вліяніемъ. Вашъ прусскій ландтагъ — важнѣйшій факторъ германской политики — по составу реакціоннѣе русской Государственной Думы.

— Парламентаризма, — продолжалъ я,— у васъ нѣтъ и ваши государственные люди отплевываются и открещиваются отъ него, какъ отъ дьявольскаго наважденія. Вашъ императоръ во многихъ отношеніяхъ абсолютный владыка, а ваша бюрократія почти столь же могущественна, какъ россійская. Ваши гражданскія свободы такъ узки, что культурный народъ въ нихъ только что не задохнется, произволъ властей такъ великъ, что при чтеніи газетъ мнѣ часто

вспоминается моя родина. Вотъ этотъ украшенный остроконечной каской шуцманъ, стоящій на углу улицы, является, пожалуй, наиболѣе яркимъ воплощеніемъ вашей государственности, придавившей своимъ тяжелымъ каблукомъ грудь націи. И, когда сводишь на очную ставку ваше культурное и ваше политическое лицо, то невольно останавливаешься въ изумленіи: какъ могутъ они существовать вмѣстѣ и одновременно? Какъ можетъ страна, смѣло бросающая вызовъ Великобританіи на міровомъ рынкѣ, мириться дома съ государственнымъ режимомъ, достойнымъ какой-нибудь Венгріи или Португаліи? Какъ можетъ народъ, высоко поднявшій надъ головой свѣтильникъ знанія и считающій въ своей средѣ 3 милліона соціалъ-демократовъ [1]), жить и развиваться въ политической обстановкѣ, обнаруживающей такое близкое сходство съ обстановкой по ту сторону Вержболова?

Мой собесѣдникъ терпѣливо выслушалъ мою тираду и, стряхнувъ пепелъ со своей сигары, спокойно отвѣчалъ:

— Всѣ иностранцы, а въ особенности вы, русскіе, дѣлаете одну и ту же ошибку при оцѣнкѣ внутреннихъ отношеній Германіи. Всѣ вы берете какой-нибудь одинъ особенно поразившій васъ фактъ и обобщаете его на *всю* нѣмецкую жизнь. Точно каждый національный организмъ долженъ непремѣнно представлять собой совершенно однородное, во всѣхъ своихъ частяхъ равно прогрессивное или равно реакціонное цѣлое. Въ дѣйствительности это далеко не такъ. Любая изъ современныхъ европейскихъ странъ—одна больше, другая меньше—является сложнымъ сплавомъ различныхъ историческихъ элементовъ: чугуна и желѣза прошлаго съ благородными металлами настоящаго и будущаго. Не составляетъ исключенія изъ общаго правила и Германія. Наша страна подобна двуликому Янусу: своей соціально-экономической и духовной культурой она смотритъ впередъ, туда, гдѣ смутно рисуются очертанія грядущаго соціалистическаго царства; своимъ же государственно-политическимъ режимомъ она смотритъ назадъ, въ сторону давно отжившихъ идеаловъ средневѣковья. Въ процессѣ историческаго развитія создалось извѣстное раздѣленіе труда между различными классами нашего общества: буржуазія монополизировала въ своихъ рукахъ дѣло экономическаго и умственнаго прогресса, крупное землевладѣніе — сферу государственнаго управленія. Въ области духовной культуры Германія выдвинула десятки славныхъ именъ — Шиллера и Гёте, Гумбольдта и Фихте, Либиха и Гельмгольца—все типичныхъ представителей „третьяго сословія". А въ области государственнаго управленія у насъ есть только одна, дѣйствительно крупная фигура — Бисмаркъ, — ко-

[1]) Разговоръ происходилъ въ началѣ 1909 г., когда соціалъ-демократія насчитывала еще только 3.250 тыс. избирателей.

торый всегда былъ и до конца остался лишь великимъ юнкеромъ...

— Это раздѣленіе труда — мой знакомый помолчалъ немного и затѣмъ снова заговорилъ:—сохраняется, къ большому несчастью нашей родины, вплоть до настоящаго времени. Нѣмецкая промышленность, нѣмецкая наука, нѣмецкая литература и искусство, — это все воплощеніе буржуазнаго и отчасти пролетарскаго начала нашего общественнаго бытія. Наоборотъ, германская политика и германскій государственный строй есть прежде всего (хотя, конечно, не исключительно) выраженіе его юнкерскаго, крупно-землевладѣльческаго начала. А что такое юнкеръ? Современный прусскій юнкеръ по своей психологіи и по своимъ идеаламъ является типичнымъ представителемъ дворянской вольницы XVI и XVII ст. Не думайте, что я преувеличиваю. Вы, напр., вѣроятно, согласитесь со мной, что величайшимъ сокровищемъ нынѣшняго человѣчества должна быть признана его наука. А какъ относится юнкеръ къ наукѣ? Онъ терпитъ ее въ извѣстныхъ предѣлахъ, конечно, ибо безъ науки въ настоящее время нельзя обойтись, но въ душѣ презираетъ ее и называетъ забавой дураковъ, благо низкій уровень его собственнаго образованія лишаетъ его возможности судить о всей грандіозности современнаго знанія: вѣдь въ кавалерійскихъ училищахъ и разныхъ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя воспитываютъ нашихъ будущихъ дипломатовъ и министровъ, все, что выходитъ за предѣлы хорошихъ манеръ и изящной посадки на лошади, считается отъ лукаваго. И дальше. Образованіе для народа юнкеръ разсматриваетъ, какъ опасную роскошь, демократію ненавидитъ отъ всей души и до сихъ поръ убѣжденъ, что кровь, текущая въ его жилахъ, радикально отличается отъ крови, текущей въ жилахъ его работника. Единственной формой дѣятельности, соотвѣтствующей его положенію, юнкеръ признаетъ лишь сельское хозяйство да государственную и военную службу, и единственнымъ „мирнымъ“ занятіемъ, не роняющимъ его достоинства, считаетъ охоту и веселое бражничанье. Все, что хотя бы въ самой отдаленной степени напоминаетъ о прогрессѣ, ему органически ненавистно и все, что выходитъ за узкій кругъ его текущихъ дѣлъ и интересовъ, представляется ему опаснымъ новшествомъ. Хотя съ устъ юнкера не сходятъ слова о христіанствѣ и религіи, однако душа его откликается только на призывы самаго грубаго матеріализма. Отечество для него — лишь дойная корова, которая обязана въ ущербъ другимъ поддерживать его драгоцѣнное существованіе. Побывайте какъ-нибудь на ежегодномъ собраніи „Союза сельскихъ хозяевъ“ въ циркѣ Бушъ, и вы получите достаточное представленіе о всей глубинѣ юнкерскаго нахальства и невѣжества и о всемъ блескѣ юнкерскаго краснорѣчія, такъ сильно отдающаго ароматомъ лошадинаго стойла... И вотъ эта-то злобно-реакціонная, пережившая себя соціальная группа, вся живущая въ воспоминаніяхъ

и идеалахъ средневѣковья, держитъ въ своихъ рукахъ руль государственнаго корабля. Она-то и направляетъ всю внутреннюю и внѣшнюю политику Германіи.

— Да, но не странно ли,—прервалъ я моего собесѣдника,—что буржуазія, достигнувъ столь высокой ступени развитія въ областяхъ экономической и культурной, не сумѣла въ то же время захватить въ свои руки и политическую власть, какъ захватила ее буржуазія Англіи или Франціи? Не странно ли, что она примирилась съ продолженіемъ господства консервативнаго юнкерства?

— Конечно, странно, — отвѣчалъ, оживляясь, мой знакомый,— но на то были особыя историческія причины. И главная изъ нихъ— это быстрота капиталистической эволюціи нашей страны въ теченіе минувшихъ трехъ-четырехъ десятилѣтій и связанная съ ней быстрота роста соціалистическаго сознанія пролетаріата. Вѣдь если британская буржуазія остается въ извѣстной степени прогрессивной вплоть до настоящаго дня, то это объясняется прежде всего тѣмъ, что она опирается на широкія массы рабочихъ, еще не ставшихъ на путь принципіальной классовой борьбы. У насъ было иначе. Лассалю, Марксу, Бебелю и Либкнехту удалось вырвать пролетаріатъ изъ-подъ духовной опеки либерализма на зарѣ нашего политическаго развитія. Эпоха, послѣдовавшая за объединеніемъ Германіи, съ ея лихорадочнымъ темпомъ экономическаго развитія и колоссальнымъ обостреніемъ соціальныхъ противорѣчій, могла только утвердить рабочія массы въ правильности ученія, принесеннаго ему апостолами соціализма. Въ результатѣ сложилось мощное, классовое движеніе пролетаріата, но именно потому германскій либерализмъ оказался въ критическомъ положеніи: рабочія массы ушли отъ него; городская мелкая буржуазія подъ косой капитализма быстро таяла и сокращалась въ числѣ; демократическая кровь отливала отъ прогрессивной буржуазіи и это естественно дѣлало послѣднюю все менѣе способной къ борьбѣ за власть. Какая ужъ тутъ борьба, когда буржуазія была поставлена между молотомъ юнкерства и наковальней пролетарскихъ массъ! Кончилось тѣмъ, что угрожаемый съ тыла рабочей демократіей, лишенный воли и энергіи германскій либерализмъ отказался отъ сколько-нибудь серьезныхъ попытокъ превратиться въ правящее сословіе. Власть осталась въ монопольномъ владѣніи юнкерства, нашедшаго въ дальнѣйшемъ могущественную поддержку въ лицѣ родственной ему во многихъ отношеніяхъ партіи католическаго центра, а буржуазія удовлетворилась чечевичной похлебкой экономическихъ выгодъ, принесенныхъ ей капиталистическимъ расцвѣтомъ послѣдняго 40-лѣтія.

— Ну, а пролетаріатъ? Вѣдь онъ же представляетъ все-таки очень крупную силу въ Германіи?

— Вотъ-вотъ, я такъ и ожидалъ этого вопроса съ вашей стороны,—съ улыбкой возразилъ мой собесѣдникъ.—Всѣ русскіе воображаютъ, что если мы имѣемъ 3 милліона голосовъ, то, значитъ мы могли бы быть въ Германіи всемогущи. Большая ошибка. Вліяніе каждой партіи измѣряется не только собственной ея силой, но также и силой противодѣйствующихъ факторовъ. Въ этомъ отношеніи положеніе наше крайне неблагопріятно: намъ приходится вести борьбу съ могущественной, прекрасно организованной, ни предъ чѣмъ не останавливающейся юнкерской реакціей при полномъ почти отсутствіи настоящей буржуазной демократіи. Мы уже достаточно сильны для того, чтобы воспрепятствовать ухудшенію политическаго режима, о чемъ такъ страстно мечтаютъ реакціонеры всѣхъ оттѣнковъ, но мы пока еще лишены возможности превратить шуцмана изъ маленькаго царька въ покорнаго слугу общества. Погодите, дайте срокъ! А пока, несмотря на наши 3 милліона голосовъ и на 70 слишкомъ ежедневныхъ партійныхъ газетъ, мы — увы! — еще не въ состояніи сломить господствующаго въ имперіи порядка. Вы видите, такимъ образомъ, что сила консервативнаго юнкерства въ Германіи является не его дѣйствительной силой, а лишь результатомъ слабости либеральной буржуазіи и недостаточнаго еще могущества соціалистическаго пролетаріата.

Впослѣдствіи, знакомясь ближе съ политической жизнью имперіи Гогенцоллерновъ, я не разъ вспоминалъ приведенный выше разговоръ. Мой тогдашній собесѣдникъ былъ несомнѣнно глубоко правъ въ своей обрисовкѣ внутренняго положенія въ странѣ, но въ особенности правъ онъ былъ въ своей характеристикѣ той „маленькой, но могущественной“ юнкерско-реакціонной партіи, которая держитъ въ своихъ рукахъ руль нѣмецкаго государственнаго корабля.

II

Политическая біографія германскаго консерватизма поражаетъ крайней скудностью драматическихъ моментовъ. Его офиціальное выступленіе относится къ бурному 1848 г., когда германская демократія впервые бросилась на штурмъ стараго порядка [1]). Группа

[1]) Попытки созданія консервативныхъ организацій дѣлались и раньше Такъ въ 1810 г., въ виду реформаторскихъ плановъ министерства Гарденберга, въ Берлинѣ возникло „Christeich deutsche Tischgesellschaft“ съ Ахимомъ фонъ-Арнимомъ во главѣ, программа котораго сводилась къ слѣдующимъ принципамъ; христіанство, вѣрность королю, борьба противъ французскаго владычества и защита исторически пріобрѣтенныхъ правъ. Общество это издавало особый органъ „Berliner Abendblätter“, правда, очень скоро. прекратившій свое существованіе. Вслѣдъ за органомъ распалось и самое

видныхъ представителей дворянской аристократіи, среди которыхъ особенно крупную роль играли графъ Фоссъ и братья Людвигъ и Леопольдъ фонъ-Герлахъ, тотчасъ же послѣ штурма берлинскаго цейхгауза основала консервативный органъ „Neue Preussische Feitung", получившій скоро широкую извѣстность подъ именемъ „Kreuz-Feitung" («Крестовая Газета»). Редакторомъ органа былъ приглашенъ талантливый журналистъ и одинъ изъ лучшихъ теоретиковъ реакціи, Германъ Вагенеръ, его покровителемъ охотно согласилась быть такъ наз. придворная «камарилья». О духѣ, господствовавшемъ въ редакціи газеты, можно съ достаточной ясностью судить по слѣдующему небольшому отрывку изъ программной статьи послѣдней:

«Мы будемъ отстаивать,—писала „Kreûz-Feitung",—право, дарованное свыше, противъ произвольнаго, возникшаго снизу прававласть Божьей милостью противъ самозванной власти, существующій правовой порядокъ и защищаемые имъ интересы противъ скрытаго или открытаго насилія, противъ натиска радикализма, не уничтожающаго неравенства, но лишь дающаго ему обратное направленіе» [1]).

„Krenz-Feitung" помогла кристаллизаціи всѣхъ консервативныхъ элементовъ, вспугнутыхъ революціонной бурей, и къ концу 1848 г. превратилась уже въ офиціальный органъ, если и недостаточно еще объединенной, то уже очень вліятельной реакціонной партіи. Торжество контръ-революціи въ Пруссіи вознесло консерваторовъ на самую вершину могущества: демократическій парламентъ былъ разогнанъ, избирательный законъ насильственно измѣненъ, къ власти призвано реакціонное министерство Мантейфеля-Бранденбурга, начавшее энергично „ликвидировать" всѣ завоеванія „безумнаго года" Правда, возстановить прежній абсолютизмъ въ полной мѣрѣ оказалось все-таки немыслимымъ и конституціонную форму пришлось оставить. Однако консерваторы сдѣлали все возможное для того, чтобы вынуть изъ этой формы всякое реальное содержаніе. Присяга арміи на вѣрность конституціи была уничтожена; бюджетное право

«Tischgesellschaft». Въ 30-хъ годахъ, когда, подъ вліяніемъ іюльской революціи во Франціи, нѣмецкое бюргерство начало обнаруживать признаки политическаго оживленія, фонъ-Радовицъ основалъ консервативный еженедѣльникъ «Berliner politisches Wochenblatt», появлявшійся до 1841 г. Въ 1845 г. проф. Викторъ Эме, при дѣятельной поддержкѣ прусскаго правительства, началъ издавать реакціонный органъ «Janus», не пользовавшійся, впрочемъ, никакимъ вліяніемъ. Однако, всѣ эти попытки не имѣли прочнаго успѣха и не оставили по себѣ сколько-нибудь серьезнаго слѣда въ исторіи.

[1]) O. Stillich, „Die politischen Partelen in Deutschland. Bandl:a 40 гр. Lie Konservativen", 1908, Leipzig.

палатъ крайне ограничено; выборная верхняя камера превращена (съ 1854 г.) въ назначаемую королемъ „палату господъ“; сравнительно демократически организованное мѣстное самоуправленіе „реформировано“ въ желательномъ для юнкерства направленіи; право собраній фактически уничтожено; пресса отдана подъ строжайшій контроль администраціи. Усердіе послѣдней въ преслѣдованіи свободнаго слова заходило такъ далеко, что подчасъ сама „Kreuz-Feitung“ подвергалась набѣгамъ со стороны берлинскаго полицей-президента фонъ-Гинкельдея.

Въ 1856 г. уже упоминавшіеся выше Вагенеръ и Леопольдъ фонъ-Герлахъ рискнули даже поднять въ палатѣ депутатовъ, слывшей въ то время подъ именемъ „камеры ландратовъ“, вопросъ о формальной отмѣнѣ ст. 4 конституціи, гласившей, что всѣ пруссаки равны передъ закономъ. Предложеніе смѣлыхъ патріотовъ юнкерства, правда, не было принято. Однако практика жизни вполнѣ соотвѣтствовала выраженнымъ ими пожеланіямъ. Не даромъ же самъ духовный глава тогдашняго консерватизма, проф. Юліусъ Сталь, однажды въ палатѣ господъ откровенно заявилъ: „Существованіе нашей конституціи является возможнымъ главнымъ образомъ потому, что она перестала быть реальностью“.

Однако съ конца 50-хъ годовъ положеніе стало постепенно измѣняться. Страна начала оттаивать изъ-подъ льда реакціи. Смѣна монарха (въ 1858 г.), международныя отношенія, ростъ демократической энергіи въ рядахъ прогрессивнаго бюргерства, наконецъ, все острѣе ощущавшаяся потребность въ объединеніи Германіи — вызывали широкое политическое оживленіе. И для консерваторовъ снова наступили тяжелые дни. Совы реакціи хорошо чувствуютъ себя только темной ночью,—и первые же лучи восходящаго солнца всегда заставляютъ ихъ въ ужасѣ бросаться назадъ. Такъ случилось и теперь. Еще въ 1856 г. консерваторы, разбитые, правда, на нѣсколько различныхъ фракцій, но глубоко единые въ своей ненависти къ прогрессу и демократіи, располагали большинствомъ мѣстъ въ прусскомъ ландтагѣ: изъ 352 мандатовъ они имѣли въ своихъ рукахъ 181. На выборахъ 1859 г. число ихъ сразу сократилось до 47, и на выборахъ 1862 г., происходившихъ въ самый разгаръ „конституціоннаго конфликта“, даже всего лишь до 12. Въ соотвѣтствіи съ этимъ упало и ихъ политическое значеніе. Тактика консерваторовъ втеченіе всего періода 60-хъ годовъ сводилась къ энергичной поддержкѣ автократическихъ аллюровъ Бисмарка, да къ беззубой оппозиціи проектамъ объединенія Германіи. Консерваторы всегда были и вплоть до настоящаго дня остались типичными прусскими партикуляристами и образъ великой объединенной имперіи, поглощающей милую ихъ сердцу реакціонную Пруссію, способенъ

былъ въ то время наводить на нихъ только паническій ужасъ. Впрочемъ, въ описываемую эпоху, какъ шиканье, такъ и аплодисменты небольшой юнкерской группы производили на страну одинаково ничтожное впечатлѣніе.

Послѣ трехъ побѣдоносныхъ военныхъ походовъ и десяти лѣтъ небывалаго общественнаго возбужденія имперія, наконецъ, была создана и консерваторамъ волей-неволей приходилось примириться съ фактомъ ея существованія. Но они не переставали стремиться къ максимальному суженію полномочій федеральныхъ учрежденій, чтобы такимъ путемъ хотя бы до извѣстной степени вознаградить потерю своей старо-прусской самостоятельности. Когда въ ноябрѣ 1871 г. вождь націоналъ-либераловъ, Ласкеръ, внесъ въ рейхстагъ предложеніе объ установленіи общеимперскаго гражданскаго и уголовнаго права, консерваторы вмѣстѣ съ центромъ рѣшительно высказались противъ столь опаснаго новшества. И, когда въ 1913 г. правительство Бетманъ-Гольвега предложило рейхстагу общеимперскій налогъ на собственность для покрытія расходовъ по вооруженіямъ, тѣ же самые консерваторы подняли страшный шумъ объ узурпаціи федеральной власти правъ отдѣльныхъ федерированныхъ частей. За 42 года, раздѣляющихъ оба названные момента, въ психологіи прусскаго юнкерства не произошло никакой существенной перемѣны.

Защита старо-прусскаго партикуляризма естественно приводила консерваторовъ къ конфликту съ Бисмаркомъ. Но въ ту эпоху руководители новорожденной имперіи довольно далеко отклонились отъ прямого пути ортодоксальной реакціи и шли скорѣе въ ногу съ прогрессивномъ бюргерствомъ. Въ нижней палатѣ ландтага въ 70-хъ годахъ господствовали либералы, энергично поддерживавшіе политику „желѣзнаго канцлера". Зато консервативная „палата господъ" старалась оказывать сопротивленіе слишкомъ лѣвому курсу. Однако Бисмарка это нисколько не смутило: по его настоянію въ 1872 г. королемъ было назначено достаточное количество сочувствующихъ министерству новыхъ пэровъ, и оппозиція юнкерства была сломлена.

Судьбы консервативныхъ партій обычно бываютъ тѣсно связаны съ отношеніемъ къ нимъ господствующей власти: подъ солнцемъ правительственнаго благоволенія онѣ расцвѣтаютъ пышнымъ цвѣтомъ и сразу же блекнутъ, когда это солнце затягивается облаками. Борьба съ Бисмаркомъ въ началѣ 70-хъ годовъ нанесла реакціонному землевладѣнію тяжелыя раны и привела консервативную партію почти къ полному разложенію. Еще въ 1866 г. отъ нея откололась значительная часть сторонниковъ въ связи съ вопросомъ о

такъ называемомъ „индемнитетѣ“[1]) и образовала въ ландтагѣ подъ руководствомъ принца Карла Гогенлоэ особую „свободно-консервативную“ фракцію. Въ 1870-73 г. оставшіеся вѣрными старому знамени могикане снова раскололись на „старо-консерваторовъ“ и „ново-консерваторовъ“: первые отвергали борьбу Бисмарка съ католической церковью, вторые энергично поддерживали ее. Впрочемъ, и тѣ, и другіе въ палатѣ депутатовъ были осуждены на полное ничтожество: такъ, въ легислатуру 1873-76 г. „старо-консерваторовъ“ было всего 6, „ново-консерваторовъ“—24; въ легислатуру 1877-79 г. первыхъ насчитывалось 10, вторыхъ—31. Точно также и въ рейхстагѣ въ 1874 г. имѣлось всего лишь 22 представителя консервативной партіи, и только въ 1877 г. число ихъ возросло до 40.

Съ конца 70-хъ годовъ счастье однако снова улыбнулось оттѣсненному на задній планъ юнкерству. Къ этому времени какъ разъ относится ссора Бисмарка съ либералами на почвѣ введенія табачной монополіи, а также растущихъ притязаній бюргерства на непосредственное участіе въ государственной власти. Потерявши своихъ либеральныхъ сторонниковъ, канцлеръ естественно сталъ искать себѣ какой-нибудь новой парламентской опоры и взоры его невольно обратились на консерваторовъ и центръ. Дальнѣйшее понятно: „Kulturkampf“ была постепенно прекращена; юнкерство привлечено въ составъ министерскаго большинства, и узами между обѣими частями вновь образованной правительственной коалиціи стала протекціонистская таможенная политика, о которой мнѣ еще придется говорить. Тѣмъ самымъ было положено начало тому консервативно-клерикальному курсу, подъ игомъ котораго страна находится вплоть до настоящаго дня [2]).

Вмѣстѣ съ возвращеніемъ правительственнаго благоволенія начался быстрый подъемъ юнкерской партіи. Въ 1876 г. произошло возсозданіе ея программы и ея разсыпанной организаціи, а вслѣдъ затѣмъ наступила эра ея парламентскихъ и избирательныхъ успѣ-

---

[1]) Въ періодъ „конституціоннаго конфликта“ 1862—66 г. бюджетъ не получалъ санкціи народнаго представительства. Послѣ кампаніи 1866 г. Бисмаркъ, имѣя въ виду предстоящую войну съ Франціей, рѣшилъ примириться съ общественнымъ мнѣніемъ и съ этой цѣлью обратился къ ландтагу съ просьбой заднимъ числомъ утвердить незаконныя смѣты годовъ конфликта. Большинство консерваторовъ высказывалось противъ цѣлесообразности подобной просьбы, усматривая въ ней излишнее расшаркиваніе передъ парламентаризмомъ. Однако отколовшееся меньшинство рѣшило поддержать Бисмарка.

[2]) Маленькимъ перерывомъ въ этомъ курсѣ явился лишь кратковременный періодъ бюловскаго «консервативно-либеральнаго блока 1907—09 г., названный блокъ оказался однако крайне нежизнеспособнымъ созданіемъ и распался два года спустя послѣ своего возникновенія, на вопросѣ о „финансовой реформѣ“ 1909 г.

ховъ. О размѣрахъ послѣднихъ на выборахъ въ рейхстагъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

Годъ	Консерваторы. Голосовъ.	Мандатовъ.	Свободные Голосовъ.	консерваторы. Мандатовъ.
1881	831 тыс.	50	379 тыс.	28
1884	861 „	78	384 „	28
1887	1.147 „	80	736 „	41
1890	895 „	73	482 „	20
1893	1.038 „	72	438 „	28
1898	859 „	51	343 „	20
1903	948 „	54	333 „	21
1907	1.060 „	60	472 „	24
1912	1.129 „	42	370 „	14

Важнѣе, чѣмъ этотъ (въ общемъ все-таки довольно скромный, а, главное, неровный) прогрессъ въ имперскомъ народномъ представительствѣ, былъ непрерывный ростъ вліянія юнкерства въ прусскомъ ландтагѣ и придворныхъ сферахъ. Мы видѣли, что еще въ 1878 г. въ нижней палатѣ ландтага засѣдалъ всего лишь 41 консерваторъ (число „свободныхъ консерваторовъ“ опредѣлялось тогда въ 35). Въ 1879 г. количество первыхъ сразу прыгнуло до 110, а вторыхъ—до 51. Систематически увеличиваясь въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій, число консервативныхъ депутатовъ въ 1913 г. достигло 148, а число „свободно-консервативныхъ“—53. Обѣ партіи, вмѣстѣ взятыя, составляютъ такимъ образомъ въ настоящее время почти половину всей палаты изъ 443 депутатовъ и являются въ ней полновластными хозяевами. Въ еще большей мѣрѣ возросло за указанный періодъ могущество юнкерства въ придворныхъ сферахъ. Послѣ Бисмарка въ рядахъ государственной бюрократіи не оказалось ни одного человѣка, который былъ бы въ состояніи держать хоть до нѣкоторой степени въ уздѣ консервативную партію. Тѣмъ болѣе, что, съ вступленіемъ на престолъ нынѣшняго императора Вильгельма съ его средневѣково-романтическими вкусами и склонностями, передъ графами и баронами восточной Пруссіи открылись чрезвычайно широкія возможности реакціоннаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Въ то же время разложеніе либерализма, обусловленное стремительнымъ ростомъ рабочей демократіи, шло быстрыми шагами впередъ, и сила сопротивленія его юнкерскому натиску годъ отъ году становилась слабѣе. Результатомъ отмѣченной эволюціи явилась радикальная перемѣна въ положеніи консервативной партіи: изъ чахлаго растенія 70-хъ годовъ, протягивавшаго свои листья къ солнцу офиціальнаго благоволенія, она превратилась теперь въ могущественную политическую силу, держащую въ своихъ рукахъ весь государственный механизмъ имперіи, свергающую и назначающую по своему усмотрѣнію „отвѣтственныхъ только предъ короной“ министровъ.

III

Уже изъ предыдущаго достаточно ясно, что консервативная партія не является *народной* (хотя бы и реакціонной по характеру) партіей въ родѣ, напр., католическаго центра. Сила центра заключается въ его колоссальномъ идейномъ вліяніи на массы, умѣло гипнотизируемыя іезуитскими „ловцами" душъ человѣческихъ. Массовая партія требуетъ и массовой организаціи, которая у нѣмецкихъ клерикаловъ, дѣйствительно, стоитъ на очень высокой ступени технического совершенства.[1]) Совсѣмъ иное дѣло консерваторы. Ихъ мощь покоится не на господствѣ надъ умами широкихъ слоевъ населенія, а на ихъ доминирующемъ положеніи въ придворныхъ сферахъ и въ рядахъ государственной бюрократіи. Вѣдь всѣ министры дипломаты, высшіе чиновники, генералы и т. д. вербуются исключительно изъ ихъ среды. Консерваторы—это партія аристократической олигархіи par excellence, для которой „народъ" не больше, какъ подъяремное быдло, подлежащее укрощенію при помощи „ежовыхъ рукавицъ". При такихъ условіяхъ нисколько не удивительно, что консерваторы не ощущаютъ особой потребности и, дѣйствительно, не имѣютъ большой *партійно-политической* организаціи. Къ чему она? „Воспитывать" массы имъ не приходится. А для цѣлей „давленія" на избирателей во время парламентскихъ выборовъ оказывается совершенно достаточной организація административно-полицейскаго аппарата восточной Пруссіи, находящагося цѣликомъ въ рукахъ представителей юнкерства.

Что беззастѣнчивое „террорирherизованіе" сельскаго населенія [2]) является основой всей избирательной политики консерваторовъ,— уже давно признано въ Германіи. Но, чтобы ярче иллюстрировать „остъ-эльбскіе" методы воздѣйствія на „голосующую скотину", приведу здѣсь только одинъ характерный примѣръ. Въ началѣ 1914 г. въ комиссіи рейхстага обсуждался націоналъ-либеральный протестъ противъ выборовъ парламентскаго вождя юнкерской партіи фонъ-

---

[1]) См. объ этомъ ниже главу „Черная армія".

[2]) Консерваторы являются типичной „деревенской" партіей. На выборахъ 1912 г. 75 % всѣхъ собранныхъ ими голосовъ были получены ими въ селеніяхъ съ количествомъ жителей, не превышающимъ 2.000, и 86 % всѣхъ голосовъ—въ селеніяхъ съ количествомъ жителей, не превышающихъ 10.000. Соотвѣтственныя цифры для „свободныхъ консерваторовъ" равняются 61% и 80%. Изъ общаго количества 56 мандатовъ, которыми обѣ консервативныя фракціи располагаютъ въ рейхстагѣ, нѣтъ ни одного крупно-городского. Почти всѣ завоеваны въ деревенскихъ округахъ, притомъ преимущественно въ деревенскихъ округахъ восточной Пруссіи (39 изъ 56),— этого царства помѣщичьихъ латифундій.

Гейдебранда, прошедшаго въ одномъ изъ округовъ Верхней Силезіи. Было установлено, что для доставленія побѣды своему кандидату консерваторы не останавливались рѣшительно ни предъ какими средствами: бойкотомъ сторонниковъ противныхъ партій, запрещеніемъ владѣльцамъ пивныхъ залъ сдавать помѣщенія подъ либеральныя или соціалистическія собранія, прямой покупкой голосовъ и беззастѣнчивымъ застращиваніемъ всѣхъ зависимыхъ и подначальныхъ. Банды подневольныхъ партизановъ, спеціально организованныя крупными помѣщиками изъ числа служащихъ и рабочихъ, разсылались по всему округу, врывались въ помѣщенія, гдѣ происходили „враждебные" митинги, разгоняли слушателей палочными ударами и забрасывали ораторовъ грязью и каменьями. Агенты Гейдебранда ходили по домамъ и отбирали у жителей избирательные бюллетени противныхъ партій, оставляя въ рукахъ у нихъ только консервативные. Полицейскіе служители разносили по квартирамъ юнкерскія воззванія и прокламаціи. Сельскіе рабочіе пригонялись толпами къ избирательнымъ бюро и тамъ подъ надзоромъ приказчиковъ и управляющихъ подавали свои бюллетени. Больше того. Кое-гдѣ были констатированы даже случаи, когда офиціальныя лица, обязанныя наблюдать за правильностью выборной процедуры, сами вскрывали запечатанные конверты и замѣняли лежавшіе тамъ либеральные или соціалистическіе бюллетени бюллетенями консервативными [1]). Такъ проходилъ въ рейхстагъ политическій вождь современнаго юнкерства. И такъ проходятъ почти всѣ его, правда, довольно немногочисленныя коллеги...

Впрочемъ, въ странѣ всеобщаго избирательнаго права совсѣмъ обойтись безъ организаціи, разсчитанной на широкія массы, даже и для консерваторовъ оказывается невозможнымъ. Цѣлямъ уловленія „народа" въ юнкерскія сѣти служитъ основанный въ 1893 г. пресловутый „Bund der Landwirté" („Союзъ сельскихъ хозяевъ"). Первоначально этотъ союзъ ставилъ себѣ чисто-экономическія задачи. Въ своемъ программномъ заявленіи онъ говорилъ:

„Нѣмецкое сельское хозяйство является первой и важнѣйшей изъ отраслей нашей промышленности, надежнѣйшей опорой имперіи и отдѣльныхъ союзныхъ государствъ. Поэтому наша главная и основная задача состоитъ въ защитѣ интересовъ и укрѣпленіи сельскаго хозяйства, такъ какъ съ его процвѣтаніемъ тѣсно связано благополучіе всѣхъ остальныхъ отраслей труда".

„Bund der Landwirte" требовалъ повышенія хлѣбныхъ пошлинъ, различныхъ льготъ для сельскаго хозяйства въ налоговой области, введенія биметаллизма, организаціи с.-х. камеръ, реформы права.

---

[1]) См. „Vorwärts" № отъ 12 февраля 1914 г.

собственности на землю, измѣненія законодательства о наймѣ рабочихъ и цѣлаго ряда другихъ преобразованій, все того же аграрно-протекціонистскаго характера. Для осуществленія поставленныхъ себѣ цѣлей Союзъ рѣшилъ принимать непосредственное участіе въ избирательныхъ кампаніяхъ и, разъ ставши на эту дорогу, естественно очень быстро попалъ въ политическое русло консервативной партіи: вѣдь его ядро составляли тѣ же самые представители правовѣрнаго юнкерства, да и всѣ его остальные, преимущественно крупно-крестьянскіе, элементы вербовались изъ среды консервативныхъ избирателей восточной Пруссіи. Въ настоящее время „Bund der Landwirte" является главной опорой юнкерской реакціи въ народныхъ массахъ. Онъ созываетъ по деревнямъ митинги и собранія, издаетъ и распространяетъ кой-какую (въ общемъ не слишкомъ обширную) литературу, представляетъ интересы сельскаго хозяйства предъ различнаго рода оффиціальными органами и властями и собирается ежегодно (въ февралѣ мѣсяцѣ) на торжественный съѣздъ-парадъ въ циркѣ Бушъ въ Берлинѣ, гдѣ всѣ великіе и малые вожди аграрно-консервативной реакціи даютъ полную волю своему юнкерско-фельдфебельскому краснорѣчію.

Объ истинныхъ размѣрахъ союза судить очень трудно, такъ какъ правленіе его въ послѣдніе годы публикуетъ лишь крайне неполные отчеты. Руководители утверждаютъ, что у нихъ имѣется 300 тыс. членовъ,—однако не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта цифра сильно преувеличена. Едва ли въ рядахъ союза насчитывается больше 150-200 тыс. человѣкъ. Какъ бы то ни было, но нельзя отрицать, что „Союзъ сельскихъ хозяевъ" въ настоящее время на востокѣ Германіи играетъ крупную роль въ жизни земледѣльческаго населенія. Впрочемъ, его значеніе приходится объяснять не столько силой и авторитетомъ самой организаціи, какъ таковой, сколько непосредственнымъ участіемъ въ немъ всемогущихъ прусскихъ помѣщиковъ и всемѣрной поддержкой, оказываемой ему мѣстными и центральными органами государственной власти [1]).

---

[1]) Кромѣ „Союза сельскихъ хозяевъ", консерваторами въ теченіе минувшихъ десятилѣтій былъ созданъ еще цѣлый рядъ спеціальныхъ организацій, обслуживающихъ тѣ или иные пункты ихъ обще-реакціонной программы. Таково, наприм. „Vereinigung der Steuer-und Wirtschaftsreformer" (основано въ 1876 г.), общество, преслѣдующее задачи ослабленія экономическаго вліянія движимаго капитала путемъ болѣе суроваго налогового обложенія послѣдняго; таковъ возникшій въ 1898 г. „Flottenverein", поставившій въ центрѣ своей дѣятельности агитацію за усиленіе морской мощи Германіи; таковъ же созданный въ 1904 г. знаменитый „Reichsverband zur Bekämpfung der Sozial demokratie", объявившій, какъ показываютъ уже самое его названіе, смертельную войну соціалистическому движенію. Нѣсколько особое мѣсто занимаетъ небольшая партія антисемитовъ, отдѣлившаяся подъ предводительствомъ пастора Штекера еще въ 1878 г.

IV

Каждая большая политическая партія имѣетъ свою идеологію. И, хотя прусскіе консерваторы никогда не отличались большой охотой къ опаснымъ теоретическимъ умствованіямъ, они имѣютъ все-таки то, что можетъ быть названо ихъ общественно-политическимъ міросозерцаніемъ. Но странно это міросозерцаніе!

Какъ и всякое типичное реакціонное теченіе, консерваторы исходятъ въ своихъ построеніяхъ, конечно, изъ религіи. „Наше политическое ABC это соціальные и политическіе принципы христіанства„—писалъ еще въ 1857 г. „Wagenersche Lexikon“, эта официозная библія юнкерской идеологіи. И точно также 35 лѣтъ спустя Tivoli-Programm консервативной партіи (принята въ 1892 г.), дѣйствующая еще понынѣ, заявляла: „мы стремимся къ сохраненію и укрѣпленію христіанскаго міросозерцанія въ народѣ и государствѣ и разсматриваемъ его практическое примѣненіе въ законодательствѣ, какъ незамѣнимую основу всякаго здороваго развитія“. Изъ христіанства, окрашеннаго въ средневѣковые цвѣта, консерваторы выводятъ всю свою общественную философію и потому нисколько неудивительно, что послѣдняя въ обстановкѣ XX столѣтія выглядитъ приблизительно такъ, какъ выглядѣли бы развалины стариннаго феодальнаго замка среди шума и грохота современнаго капиталистическаго города.

Доминирующей идеей юнкерскаго міросозерцанія является, несомнѣнно, идея прирожденнаго, отъ вѣка установленнаго соціальнаго неравенства. „Люди—писала въ 1890 г. (№ 324) „Kreuz-Zeitung“—отъ природы неравны, неравны въ смыслѣ пола, таланта, характера и тѣлесной силы. Богъ восхотѣлъ неравенства людей, ибо онъ сотворилъ ихъ неравными; къ тому же природное равенство сдѣлало бы невозможнымъ никакой прогрессъ. Неравенство людей зависитъ не только отъ рожденія, но также и отъ ихъ развитія. Вотъ почему „великое“ слово „égalité“ является не больше, какъ вопіющей нелѣпостью (monströser Blödsinn)“. Индивидуальное неравенство имѣетъ своимъ послѣдствіемъ и соціальное неравенство. Каждый народъ распадается въ горизонтальномъ отношеніи на двѣ неодинаковыхъ по численности части: благородное дворянство, олицетворяющее собой какъ бы мозгъ націи (консерваторы являются сторонниками органической теоріи общества и потому очень любятъ сравнивать послѣднее съ человѣческимъ тѣломъ. В. М.) и призванное въ силу рожденія и воспитанія руководить и повелѣвать, и широкую массу всего остального населенія, имѣющаго только одну задачу—повиноваться. Кромѣ того, каждый народъ

вертикально подраздѣляется на рядъ внутренно замкнутыхъ сословно-профессіональныхъ группъ, которыя подъ командой вождей націи (т.-е. того же дворянства. В. М.) несутъ на себѣ всѣ тяготы по содержанію верховъ общественной пирамиды. Вертикальныя группы выполняютъ различныя, являющіяся необходимыми экономическія функціи, уподобляясь тѣмъ самымъ органамъ человѣческаго тѣла. Самой основной и почетной изъ отраслей хозяйственной дѣятельности признается земледѣліе, а потому его интересы всегда должны выдвигаться на первый планъ.

Уже отсюда совершенно ясно, что соціальная философія прусскаго юнкерства стоитъ въ коренномъ противорѣчіи съ тенденціями капиталистической эпохи. И, дѣйствительно, на протяженіи послѣдняго полустолѣтія мы можемъ неоднократно наблюдать случаи враждебнаго отношенія консерваторовъ къ экономической системѣ нашихъ дней. Такъ, въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка они очень недружелюбно встрѣтили попытки разведенія свекловицы въ Саксоніи, не безъ основанія усматривая въ этихъ попыткахъ проникновеніе капиталистическихъ началъ въ сельское хозяйство. Позднѣе консерваторы вели рѣшительную борьбу съ быстрымъ распространеніемъ въ Германіи акціонерныхъ обществъ, банковъ и биржъ,— этихъ наиболѣе яркихъ носителей капиталистическихъ тенденцій эпохи. Вліянію юнкерской партіи приходится приписать изданіе въ 1896 г. особаго биржевого закона, нѣсколько ограничившаго дѣятельность современныхъ „Монтекарло безъ музыки", какъ окрестилъ ихъ теоретикъ прусскихъ аграріевъ, проф. Руландъ. И подъ тѣмъ же вліяніемъ были проведены законы о частичномъ возстановленіи цеховой организаціи ремесленниковъ (1881 и 1897 г.) и объ ограниченіи правъ мастеровъ на пріемъ къ себѣ учениковъ (1908 г.). Если къ сказанному прибавить, что консерваторы вплоть до настоящаго дня ведутъ ожесточенную атаку противъ универсальныхъ магазиновъ, что они упорно отстаиваютъ сохраненіе дѣйствующаго въ Пруссіи еще понынѣ Gesindeordnung 1810 г., осуждающаго сельскихъ рабочихъ на полукрѣпостное состояніе, и не перестаютъ требовать ограниченія свободы передвиженія для сельскаго населенія,— то ихъ соціально-экономическая физіономія выяснится съ достаточной опредѣленностью [1]).

Соціально-экономической физіономіи въ полной мѣрѣ соотвѣтствуетъ и политическая. Государство консерваторовъ есть „христіанское государство". А это въ переводѣ на языкъ практики

[1]) На съѣздѣ „Bund der Landwirte" въ 1914 г. нѣкоторые ораторы договорились до того, что стали требовать введенія принудительныхъ работъ на поляхъ у аграріевъ для всѣхъ безработныхъ промышленныхъ пролетаріевъ.

означаетъ, что оно представляетъ собой военно-аристократическую организацію, служащую интересамъ первенствующаго сословія. Во главѣ подобнаго государства стоитъ непремѣнно единоличный правитель, ибо, подобно человѣческому тѣлу, и политическое тѣло также нуждается въ головѣ. Правитель этотъ, разумѣется, не выборный или назначенный, а монархъ „Божьей милостью". Онъ правитъ страной вмѣстѣ съ народнымъ представительствомъ, организованнымъ по типу средневѣковыхъ сословныхъ „штатовъ" или „ландтаговъ". Парламентаризма, конечно, никакого нѣтъ, и король, по крылатому выраженію прусскаго друга Пуришкевича, знаменитаго Ольденбурга-Янушау, имѣетъ право въ каждый данный моментъ позвать „лейтенанта съ десятью солдатами" и приказать имъ разогнать надоѣвшую говорильню.

Но этого мало. Въ противоположность либеральному представленію о государствѣ, какъ объ организаціи порядка, консерваторы исповѣдуютъ принципъ, что государство, по самому существу своему, является организаціей господства, господства внутренняго и внѣшняго. А такъ какъ подобное господство можетъ покоиться лишь на физической силѣ, то консерваторы всегда были и остаются поднесь восторженными поклонниками арміи и флота и ярыми партизанами милитаризма. Войско должно служить цѣлямъ охраны существующихъ соціальныхъ отношеній и обезпеченія „національнаго престижа" на аренѣ міровой политики и оно же должно открывать для юнкерскихъ сыновей возможность демонстрировать urbi et orbi прирожденные административные и боевые таланты первенствующаго сословія. Оттого консерваторы всегда такъ охотно поддерживали правительственныя предложенія объ увеличеніи арміи. Оттого же они неоднократно такъ торжественно заявляли, что въ области „національной обороны" не должно и не можетъ быть никакой экономіи. Въ прямомъ соотвѣтствіи съ указанными взглядами находится и требованіе консерваторовъ о совершенно особомъ, исключительномъ правовомъ положеніи войска въ государствѣ. Еще Бисмаркъ въ свое время заявлялъ, что „армія должна быть не парламентской, а императорской", и около того же времени (въ 1874 г.) „Kreuz-Zeitung" писала: „Горе странѣ, въ которой армія превратилась въ парламентское войско, присягающее на вѣрность параграфамъ конституціи!" [1])

Неудивительно поэтому, что консерваторы всегда стремились къ возможному изъятію арміи и флота изъ сферы компетенціи народнаго представительства, что они энергично поддерживали въ качествѣ наименьшаго зла системы квинквената и септената (вотирова-

---

[1]) См. O. Stillich, „Die politischen Parteien", стр. 61.

нія численности войска сразу на пять или на семь лѣтъ), и что они поистинѣ геройски сопротивлялись всякимъ попыткамъ ослабить единоличную власть императора надъ арміей или хоть до нѣкоторой степени смягчить варварскія законоположенія военной юстиціи. Это отношеніе прусскаго юнкерства къ арміи, какъ какому-то священному „табу“, которому все позволено, но котораго никто не можетъ касаться, въ необыкновенно-яркой формѣ проявилось во время знаменитыхъ цабернскихъ событій (въ концѣ 1913 г.). Не характерно ли, въ самомъ дѣлѣ, что послѣ опубликованія первыхъ извѣстій о безобразіяхъ, учиненныхъ въ эльзасскомъ городкѣ лейтенантомъ Форстнеромъ и К°, германскій кронпринцъ—по взглядамъ и понятіямъ типичный представитель крайняго юнкерства—телеграфировалъ виновникамъ беззаконнаго избіенія мирныхъ гражданъ краткое, но выразительное: „Браво!“? И не еще болѣе ли характерно, что послѣ оправданія полковника Рейтера судомъ офицерскаго трибунала герой процесса получилъ свыше 15.000 привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ отъ самыхъ разнообразныхъ представителей первенствующаго сословія?

Но армія и флотъ не являются самоцѣлью. Они—лишь средства къ опредѣленной цѣли, именуемой въ просторѣчіи открытой войной. И консерваторы вполнѣ послѣдовательно и логично выступаютъ страстными защитниками и проповѣдниками войны. По ихъ мнѣнію, мечъ является главнымъ носителемъ человѣческой культуры, основнымъ двигателемъ и проводникомъ міроваго прогресса. Такъ, напр., баронъ фонъ-Фризенъ, долголѣтній вождь саксонскаго юнкерства, въ своей монументальной работѣ объ основахъ консервативнаго міровоззрѣнія пишетъ: „Не смотря на всѣ возраженія, война остается все-таки *нравственнымъ* факторомъ въ жизни народовъ, отъ Бога *установленнымъ* явленіемъ въ культурной исторіи человѣческаго рода“ [1]). И тотъ же Фризенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризуетъ положительное значеніе тридцатилѣтней войны, превратившей Германію въ одну груду дымящихся развалинъ: „Въ этой войнѣ нѣмецкій народъ снова научился молиться и работать, и подъ давленіемъ нужды въ немъ развились тѣ гражданскія добродѣтели и та способность къ спокойной творческой дѣятельности, которыя были необходимы для національнаго возрожденія Германіи“... Этого было впрочемъ не вполнѣ достаточно. „Однако сѣмя,—продолжаетъ авторъ—которое взошло изъ удобренной кровью нивы той войны, нуждалось еще въ силезскихъ войнахъ и наполеоновскихъ походахъ для того, чтобъ окончательно превратиться въ пышный

---

[1]) Freiherr v. Friesen, „Schwert und Pflüg,“ Berlin, 1907, стр. 225. Курсивъ мой.

плодъ, явившійся источникомъ благоденствія для послѣдующихъ поколѣній“ [1]).

Такъ пишется юнкерская исторія. И не естественно ли, что, когда на консервативномъ съѣздѣ 1906 г. зашла рѣчь объ утвержденіяхъ графа Ревентлова, будто Вильгельмъ II не отличается достаточной аггрессивностью характера, проф. Зуксландъ въ отчаяніи воскликнулъ: „Если нашъ императоръ лишенъ воинственности,— тогда отечество почти въ опасности!“?

И вотъ, когда знакомишься съ подобнымк фактами и воззрѣніямн начинаешь конкретно понимать, какъ много правды скрывается въ столь невѣроятномъ на первый взглядъ утвержденіи, что прусскіе консерваторы нашихъ дней духовно все еще живутъ въ мракѣ XVI и XVII столѣтій.

V

Если общественно-политическая идеологія юнкерства поражаетъ своей отсталостью и своимъ реакціоннымъ цинизмомъ, то едва-ли не въ еще большей степени тѣ же самыя качества бросаются въ глаза при знакомствѣ съ его общественно-политической практикой. Наиболѣе характерной чертой этой послѣдней является поистинѣ вопіющая, ни предъ чѣмъ рѣшительно не останавливающаяся беззастѣнчивость „первенствующаго сословія“ въ отстаиваніи своихъ матеріальныхъ выгодъ и правовыхъ привилегій. Конечно, каждая политическая партія защищаетъ интересы какой-либо опредѣленной соціальной группы: защищаютъ ихъ соціалъ-демократы, защищаютъ либералы, защищаетъ центръ. Но все-таки нѣтъ въ Германіи ни одной партіи, которая въ борьбѣ за интересы представляемаго ею общественнаго слоя обнаруживала бы такую жестокую послѣдовательность и такое вызывающе-циническое пренебреженіе ко всему рѣшительно на свѣтѣ, какія обнаруживаютъ нѣмецкіе консерваторы. И едва-ли не самымъ поразительнымъ образчикомъ этой истинно-юнкерской тактики является экономическая политика консервативной партіи, вращающаяся около всемѣрной защиты высокихъ пошлинъ на иностранный хлѣбъ.

Прусскіе аграріи не всегда были тѣми отчаянными протекціонистами, какими мы знаемъ ихъ въ настоящее время. Вплоть до середины 70-хъ годовъ консерваторы являлись горячими сторонниками свободной торговли, которую они, согласно своей обычной ханжеской привычкѣ, стремились вывести непремѣнно изъ откровенія Божія. Такъ, въ 1850 г. „Kreuz-Zeitung“ усердно доказывала, что свобода торговли не только „не противорѣчитъ христіанской рели-

---

1) Friesen, стр. 220.

гіи, но даже непосредственно изъ нея вытекаетъ", ибо „свободный обмѣнъ товарами является какъ бы богослуженіемъ, въ которомъ люди радуются дарамъ, ниспосланнымъ имъ отъ Бога, и въ мудрой предусмотрительности дѣлятся между собой отпущенными имъ плодами и талантами" [1]). Однако съ конца 70-хъ годовъ на міровомъ рынкѣ въ качествѣ экспортеровъ хлѣбныхъ злаковъ выступили страны сначала сѣверной, а потомъ и южной Америки. Подъ вліяніемъ ихъ уничтожающей конкуренціи европейское сельское хозяйство вступило въ полосу длительнаго кризиса. За „жирными годами" матеріальнаго благополучія для прусскаго юнкерства пришли „тощіе годы". Эта перемѣна въ экономической ситуаціи не замедлила отразиться и на воззрѣніяхъ аграріевъ: точно по мановенію волшебнаго жезла, изъ ярыхъ фритрэдеровъ они превратились въ такихъ же ярыхъ протекціонистовъ и при помощи того же самаго слова Божія стали доказывать необходимость высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ.

Вопли прусскаго юнкерства не остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и въ 1879 г. Бисмаркъ провелъ первый таможенный тарифъ, устанавливавшій, впрочемъ, еще очень скромные размѣры пошлинъ (1 мк. съ двойного центнера=100 килогр. хлѣба). Данная мѣра не возымѣла однако желательнаго для аграріевъ дѣйствія, хлѣбныя цѣны продолжали стоять низко,—тогда, подъ давленіемъ консерваторовъ, пошлины были повышены въ 1885 г. до 3 мк. и въ 1887 г.—до 5 мк. Юнкерство нѣсколько вздохнуло, ибо подъ вліяніемъ законодательныхъ мѣропріятій правительства цѣны поднялись и сельское хозяйство начало приносить доходъ, но зато тѣмъ сильнѣе страдали отъ вздорожанія пищевыхъ продуктовъ рабочія массы. Непосредственнымъ результатомъ этого вздорожанія явился рядъ бурныхъ стачекъ въ городахъ и промышленныхъ центрахъ (особенно крупное значеніе имѣла стачка 150 тыс. углекоповъ въ 1889 г.); затѣмъ наступили кризисъ и массовая безработица, которые еще болѣе обострили общее положеніе. Ситуація становилась часъ отъ часу серьезнѣе и правительство вынуждено было искать какихъ-либо способовъ къ смягченію господствующей нужды. Въ 1892—94 г. канцлеръ Каприви при заключеніи торговыхъ договоровъ съ Австріей и Россіей провелъ пониженіе хлѣбныхъ пошлинъ до $3^1/_2$ мк. Это послужило подлиннымъ casus beri для аграріевъ.

Ихъ положеніе въ описываемый моментъ было отнюдь не плохое. Но тѣмъ не менѣе юнкерство подняло невѣроятный шумъ о предстоящей гибели всего сельскаго хозяйства Германіи и открыло ожесточенную кампанію противъ правительства и самого монарха. Въ 1893 г. возникъ упоминавшійся „Bund der Landwirte", который

---

[1]) O. Stillich, стр. 132—133.

съ самаго начала сталъ грозить, въ случаѣ упорства Каприви въ принятомъ имъ направленіи политики, перейти на сторону соціалъ-демократіи. 24 ноября того же года „Kreuz-Zeitung" писала: „Мы должны во что бы то ни стало разорвать заключенные съ Австріей и Италіей (т.-е. двумя союзными государствами! В. М.) договоры, хотя бы это пришлось сдѣлать съ оружіемъ въ рукахъ". Парламентскіе представители юнкерства нападали на канцлера въ такихъ выраженіяхъ, что послѣдній нѣсколько разъ долженъ былъ напоминать имъ объ ихъ монархическихъ принципахъ. О высшихъ представителяхъ государственной власти руководители консерваторовъ публично заявляли (на съѣздѣ „Bund der Landwirte" въ 1896 г.): „Что говоритъ министръ или чего онъ не говоритъ, на это намъ въ высокой степени наплевать". Даже императора не пощадили разъяренные аграріи. На собраніи „Союза сельскихъ хозяевъ" въ 1894 г. предсѣдатель послѣдняго при бурномъ одобреніи слушателей многозначительно замѣтилъ: „мы поддерживаемъ, конечно, авторитарную власть, но это должна быть истинная авторитарная власть". А нѣкоторые агитаторы Союза заходили такъ далеко, что грозили ни больше и ни меньше какъ сокрушеніемъ троновъ („die Tronen werden krachen").

Это юнкерское возстаніе не прошло безслѣдно. Каприви долженъ былъ уйти. Пониженіе хлѣбныхъ пошлинъ было вознаграждено аграріямъ рядомъ крупныхъ экономическихъ поблажекъ иного рода. А въ 1902 г., вопреки страстной обструкціи соціалъ-демократовъ и части либераловъ, княземъ Бюловымъ подъ диктовку консерваторовъ были проведены новые торговые договоры съ сосѣдними странами, взвинтившіе хлѣбныя пошлины до 5 мк. на рожь и овесъ и $5^1/_2$ мк. на пшеницу. Непосредственнымъ результатомъ указанной мѣры явилось колоссальное вздорожаніе жизни въ Германіи и, разумѣется, небывалое процвѣтаніе остъ-эльбскихъ властителей. По вычисленіямъ проф. Л. Брентано, которыя тщетно пытались опровергнуть теоретики аграріевъ, производители хлѣба, т. е. въ подавляющей массѣ восточно-прусскіе помѣщики, благодаря наличности пошлинъ, имѣютъ ежегодный „экстра-профитъ" въ размѣрѣ не меньше 900 милл. мк. [1]). Сумма, какъ видимъ, весьма солидная, могущая удовлетворить даже очень прихотливые аппетиты.

И однако... довольно ли юнкерство своимъ настоящимъ положеніемъ? О, конечно, нѣтъ. „Святое безпокойство" за полноту своего кошелька не позволяетъ благороднымъ аграріямъ мирно почивать на лаврахъ. Близится время пересмотра торговыхъ договоровъ съ европейскими державами и юнкерство уже заранѣе начинаетъ готовиться къ новой атакѣ. Оно снова подымаетъ вопли о

[1]) L. Brentano, „Die deutschen Getreidezölle", 1911.

стѣсненномъ положенiи сельскаго хозяйства. Оно снова публикуетъ статьи и брошюры, обосновывающiя требованiе особыхъ привилегiй для „первенствующаго сословiя". Оно снова посылаетъ въ высокiя правительственныя учрежденiя депутацiи, доказывающiя необходимость дальнѣйшаго повышенiя таможенныхъ пошлинъ, безъ котораго „лучшая и важнѣйшая отрасль народнаго хозяйства" вынуждена будетъ пасть подъ ударами иностранной конкуренцiи. Пусть голодаютъ широкiя рабочiя массы, пусть отягчается положенiе нѣмецкой промышленности на мiровомъ рынкѣ, пусть приходятъ въ разстройство государственные финансы,—это все неинтересно и неважно. Важно и интересно только одно, чтобы кошелекъ остъ-эльбскаго юнкерства былъ плотно набитъ золотыми червонцами [2]).

Та же вопiющая безцеремонность юнкерства во всемъ, что касается его матерiальныхъ выгодъ, прекрасно иллюстрируется и цѣлымъ рядомъ другихъ любопытныхъ случаевъ и фактовъ. Остановимся здѣсь еще на исторiи пресловутаго средне-германскаго канала, разыгравшейся лѣтъ 15 тому назадъ. Въ видахъ усиленiя стратегической позицiи имперiи, а также въ цѣляхъ облегченiя транзита между западной и восточной частями государства прусское правительство внесло въ 1899 г. въ ландтагъ проектъ соединенiя прямымъ воднымъ путемъ трехъ крупнѣйшихъ рѣкъ Германiи, Рейна, Эльбы и Везера. Экономическое и культурное значенiе даннаго начинанiя было громадно. Его энергично отстаивали промышленные короли Рурской области. За него усиленно распинался военный министръ въ комиссiи нижней палаты. Съ его осуществленiемъ связало свою судьбу прусское министерство. Въ его пользу рѣшительно высказался самъ императоръ, заявивъ въ торжественной рѣчи въ Дортмундѣ: „Я и мое правительство твердо и непоколебимо рѣшили довести постройку канала до конца". Но... прусскiе аграрiи оказались иного мнѣнiя: они боялись, что удешевленiе транс-

[2]) Насколько несправедливо и экономически нецѣлесообразно требованiе односторонняго покровительства сельскому хозяйству, явствуетъ изъ слѣдующихъ немногихъ цифръ. По переписи 1907 г., въ сельскомъ хозяйствѣ Германiи занято было только 28,65% всего населенiя, остальные 71,35% получали средства къ существованiю отъ иныхъ промысловъ (въ томъ числѣ 56,16% отъ промышленности, транспорта и торговли). Точно также, по относящимся къ 1908 г. вычисленiямъ президента имперскаго статистическаго бюро Ванъ-деръ-Боргта, цѣнность ежегоднаго с.-х. производства Германiи опредѣляется круглымъ счетомъ въ 15 миллiардовъ марокъ, а цѣнность ежегоднаго промышленнаго производства—въ 36 миллiардовъ. Для полноты картины слѣдуетъ еще прибавить, что даже и большинство сельскаго населенiя вовсе не заинтересовано въ осуществленiи аграрныхъ пошлинъ. По расчетамъ того же Брентано, непосредственную выгоду отъ пошлинъ получаютъ максимумъ 23—26% всѣхъ сельскихъ хозяевъ, для остальныхъ трехъ четвертей пошлины либо безразличны, либо прямо убыточны.

порта будетъ способствовать наводненію мѣстностей на востокъ отъ Эльбы дешевымъ хлѣбомъ и что поэтому ихъ баснословный „профитъ“ будетъ нѣсколько пониженъ,—и они поклялись не допустить проектовъ канала до осуществленія. Несмотря на императора, правительство, Круппа и интересы „національной обороны“, консерваторы рѣшительно голосовали противъ министерскаго законопроекта и тѣмъ самымъ поставили крестъ надъ многообѣщавшимъ предпріятіемъ. Ожидали, что министерство выйдетъ въ отставку. Однако этого не случилось (въ Пруссіи, слава Богу, нѣтъ парламентаризма!) Лишь полторы дюжины ландратовъ, да двое крупныхъ бюрократовъ, принимавшихъ въ качествѣ членовъ нижней палаты дѣятельное участіе въ юнкерскомъ „возстаніи“, были въ наказаніе за проявленную ими дерзость отчислены отъ двора и уволены въ отставку. Впрочемъ, и эта кара оказалась не слишкомъ продолжительной: нѣсколько лѣтъ спустя всѣ „пострадавшіе“ были высочайше помилованы и снова приняты въ бюрократическое лоно, причемъ нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи дослужились даже до министерскихъ постовъ.

VI

Послѣ всего, что было сказано выше, мнѣ едва ли нужно особенно много доказывать, что консерваторы являются злѣйшими врагами современной демократіи, которая медленно, но неуклонно заполняетъ своими густыми рядами авансцену исторіи. Юнкерство, продолжающее еще понынѣ жить мечтами и представленіями средневѣковья, органически не въ состояніи примириться съ величайшей идеей нашего времени—идеей политическаго и соціальнаго равенства всѣхъ человѣческихъ существъ, заключающей въ себѣ тѣмъ самымъ признаніе неоспоримаго права каждаго индивидуума на равное участіе во всѣхъ благахъ и радостяхъ земного существованія. Оно всѣмъ сердцемъ ненавидитъ эту идею, оно берется съ ней аргументами религіи и давно переживишхъ себя традицій, и оно стремится задержать ея неизбѣжное торжество мѣрами административной и законодательной репрессіи. И, такъ какъ въ Германіи идея демократіи ярче всего воплощается въ лицѣ соціалистическаго пролетаріата, то вполнѣ естественно, что тяжелыя орудія юнкерской реакціи обращены своими дулами всегда въ сторону трудящихся массъ.

Надо отдать справедливость консерваторамъ, они не дѣлаютъ тайны изъ своихъ чувствъ по отношенію къ рабочему движенію. Въ 1878 году они энергично поддерживали исключительный законъ противъ соціалистовъ и въ дальнѣйшемъ неизмѣнно вотировали за его продолженіе. Въ 1896 г. они же отстаивали направленную про-

тивъ соціалъ-демократіи такъ называемую Umsturzworlage, а въ 1899 г. направленную къ ограниченію коалиціоннаго права Zuchthausvorlage. И въ 1912 г. все тѣ же консерваторы рискнули внести въ рейхстагъ предложеніе объ усиленіи наказаній за „терроризированіе“ штрейкбрехеровъ,—предложеніе, конечно, рѣшительно отвергнутое демократическимъ народнымъ представительствомъ. Извѣстны также глубокая ненависть юнкеровъ къ избирательному праву рейхстага и ихъ страстное стремленіе измѣнить данное право въ реакціонномъ духѣ. Все это факты достаточно яркіе и краснорѣчивые. Но, быть можетъ, еще ярче и краснорѣчивѣе нѣкоторыя поистинѣ классическія изреченія лидеровъ консервативной реакціи, касающіяся пролетаріата и рабочаго движенія. Такъ, бывшій президентъ прусскаго ландтага, фонъ-Крехеръ, съ трибуны имперскаго парламента однажды заявилъ:

„Развѣ это не печальное недоразумѣніе, развѣ это не противорѣчитъ здравому человѣческому разсудку, что соціалъ-демократія можетъ быть представлена здѣсь, въ рейхстагѣ?.. Вѣдь совершенно ясно, что соціалъ-демократія по всему характеру исповѣдуемыхъ ею принциповъ пригодна быть не субъектомъ, а лишь объектомъ законодательства“, (Засѣданіе 1 декабря 1902 г.).

Съ партіей пролетаріата—полагаютъ консерваторы—должна вестись борьба на жизнь и на смерть. Но борьба не духовнымъ оружіемъ, какъ о томъ мечтаютъ либералы, а мѣрами самой суровой, самой безпощадной репрессіи (юнкеръ всегда больше довѣряетъ палкѣ!). Двумя годами позже Крехера ближайшій единомышленникъ послѣдняго, баронъ фонъ-Мантейфель, откровенно признался въ прусской палатѣ господъ, что „съ такъ называемымъ духовнымъ оружіемъ мы далеко впередъ не уйдемъ, а будемъ только пятиться назадъ“, и для большей убѣдительности своей апологіи кулака привелъ слѣдующее картинное сравненіе: „Когда хотятъ искоренить холерную бациллу, то не обращаютъ вниманія на то, хорошо ли пахнутъ примѣняемыя дезинфекціонныя средства“ [1]). О томъ же, что въ послѣднемъ счетѣ подразумѣвалъ сіятельный ораторъ подъ не совсѣмъ хорошо пахнущими „дезинфекціонными средствами“, даетъ достаточно ясное представленіе слѣдующая выдержка изъ рѣчи консервативнаго депутата рейхстага Дирксена, произнесенной имъ на одномъ собраніи своихъ единомышленниковъ 30 января 1908 г.:

„Безусые молодцы и безработные манифестировали въ Берлинѣ и требовали демократическаго избирательнаго права для Пруссіи,— лучше бы они шли въ деревню и работали. Но для этого они

---

[1]) „Der Zukunftsstaat der Junker“, Berlin, 1914, изд. „Vorwärts“, стенографич. отчетъ о засѣданіяхъ палаты господъ 11 и 13 мая 1904 г.

слишкомъ лѣнивы. Безработные на большихъ собраніяхъ требовали, чтобы государство приступило къ постройкамъ и при томъ платило заработную плату по тарифамъ профессіональныхъ союзовъ. И такія требованія осмѣливается выставлять эта банда!.. Слѣдовало бы встрѣтить ее боевыми патронами,—пусть даже прольется кровь! По крайней мѣрѣ, мы имѣли бы на нѣкоторое время спокойствіе" [1]).

Та же фанатическая ненависть юнкерства къ демократіи превращаетъ его въ пламеннаго врага всякаго образованія, науки и культуры. Сами представители „первенствующаго" сословія не очень-то любятъ обременять свой умъ сокровищами человѣческаго знанія. Да и къ чему? Самое важное, по ихъ мнѣнію,—это „здоровый человѣческій разсудокъ" и „религіозно-нравственное воспитаніе души". Разъ это есть,—все остальное приложится. И потому нисколько не удивительно, что консерваторы крайне недовольны современной постановкой народнаго образованія. Прежде всего они недовольны тѣмъ, что данному вопросу посвящается слишкомъ много вниманія и законодательными учрежденіями, и обществомъ. Въ „Kreuz-Zeitung" и другихъ реакціонныхъ изданіяхъ то-и-дѣло можно встрѣтить такія выраженія, какъ: „образовательное увлеченіе", „образовательное безуміе". „образовательный потопъ" и т. д. И, поскольку это зависитъ отъ представителей юнкерства, они всегда усердно стараются отодвинуть на задній планъ столь легко воспламеняющую тему. Еще болѣе консерваторы недовольны тѣмъ, что въ современныхъ школахъ дѣтямъ даютъ слишкомъ хорошее образованіе. „Религія, чтеніе, письмо, ариѳметика, отечествовѣдѣніе, знакомящее съ основными чертами нашей исторіи и географіи,—вотъ все, что нужно ученику"—писала въ 1886 г. „Kreuz-Zeitung". Съ тѣхъ поръ объемъ преподаванія въ нѣмецкихъ народныхъ школахъ безконечно расширился и это приводитъ благородныхъ аграріевъ въ настоящую ярость. Они повсюду ведутъ упорную борьбу противъ всякаго увеличенія школьныхъ программъ и образованіе, даваемое нынѣшними школами, презрительно называютъ „полузнайствомъ".

Но юнкерство недовольно не только постановкой народнаго образованія,—оно чрезвычайно недовольно также и характеромъ современной прессы: послѣдняя занимается, видите ли, черезчуръ много политикой, играетъ въ парламентаризмъ и только развращаетъ читателей. Идеальная газета должна быть, напротивъ, совсѣмъ иного рода. Она должна выбросить всю эту смѣхотворную политическую болтовню и освободившееся такимъ образомъ мѣсто использовать для печатанія „подробныхъ отчетовъ о дѣйствительно важныхъ и

---

[1]) „Leipziger Volkszeitung", 1908, № отъ 6 февраля.

интересныхъ событіяхъ, въ родѣ, напр., рожденій, свадебъ и погребеній среди лицъ княжескаго рода, о войнахъ, возстаніяхъ и т. п. Гдѣ бы на свѣтѣ—на Критѣ, въ Македоніи или въ какой-нибудь колоніи—ни происходило что-нибудь воинское или милитаристское—все это должно обстоятельно и въ увлекательной формѣ „индійскихъ разсказовъ" сообщаться читателю. Далѣе: полезны были бы интересныя и живыя путевыя письма, подчеркивающія въ особенности тѣневыя стороны односторонне-меркантильной, капиталистическо-демократической жизни, напр., общественную коррупцію во французской или американской республикахъ... Или еще подробные отчеты о маневрахъ, подробныя описанія военныхъ праздниковъ, парадовъ, полковыхъ юбилеевъ и т. д. Главное—это то, чтобы вмѣстѣ съ политикой изъ газеты ушло все абстрактное, касающееся борьбы понятій, принциповъ, параграфовъ и проч." [1]).

Наконецъ, своей максимальной степени недовольство консерваторовъ достигаетъ, когда рѣчь заходитъ объ университетской наукѣ. О либеральной профессурѣ они не могутъ говорить спокойно, а нѣкоторыхъ, особенно ненавистныхъ имъ именъ въ родѣ именъ Брентано, Геккеля, Вирхова, Моммзена и др. они не могутъ произносить безъ скрежета зубовнаго. Каждый свободомыслящій ученый рисуется юнкерству въ видѣ кровожаднаго волка, одѣвшаго овечью шкуру, и каждое высшее учебное заведеніе—въ видѣ очага революціи. Для того, чтобы дать читателю нѣкоторое представленіе о всей глубинѣ ненависти къ наукѣ, кипящей въ душѣ каждаго истиннаго консерватора, я приведу здѣсь одну поразительную выдержку изъ книги „Altkonservativ, Versuch einer Zusammenfassung und Begründung altkonservativer Anschauungen", появившейся въ 1890 г. въ Берлинѣ.

„Такъ какъ—пишетъ авторъ—$^{9}/_{10}$ человѣчества заняты тяжелой работой и не имѣютъ ни времени, ни охоты особенно раздумывать надъ требованіями ученыхъ,—то всѣ изслѣдованія послѣднихъ вообще лишены всякой цѣны". И для того, чтобы ученые это поняли, авторъ рекомендуетъ слѣдующую оригинальную мѣру: „Надо каждый день—говоритъ онъ—посылать отрядъ ученыхъ въ деревню и тамъ показывать имъ... навозъ. Пожалуйста, милостивые государи!—долженъ сказать имъ всякій добрый сельскій хозяинъ,—это навозъ, это—драгоцѣннѣйшій продуктъ, которымъ владѣетъ человѣчество. Вотъ видите, я беру его пальцами; подумайте, милостивые государи, я беру ваши отвратительные экскременты, я—капитанъ гвардіи, ухаживавшій за прелестнѣйшими дамами,—эти отвратительные экскременты, смѣшанные съ пометомъ моего скота, я беру ихъ въ мои высокоблагородныя руки, тщательно разминаю ихъ и бро-

[1]) „Deutsche Tagzeitung" 1907, № 593.

саю въ землю. Навозъ, милостивые государи, да, навозъ, навозъ, навозъ! Сначала идетъ навозъ, потомъ еще навозъ, потомъ долго-долго ничего, потомъ снова навозъ, потомъ все важное и интересное въ жизни,—и потомъ уже подъ самый конецъ появляетесь и вы, милостивые государи!"

Какъ не вспомнить, при чтенiи этой поистинѣ класическской тирады, о госпожѣ Простаковой и ея братцѣ Скотининѣ! И вотъ эта-то жадная, невѣжественная и злобно-реакцiонная клика 25.000 прусскихъ помѣщиковъ держитъ въ своихъ рукахъ политическiя судьбы имперiи Гогенцоллерновъ, поставляетъ ея министровъ и дипломатовъ, высшихъ представителей ея гражданской и военной бюрократiи и грубо издѣвается надъ культурой и соцiальнымъ развитiемъ великой 65-миллiонной нацiи!

Черная армія

„Für Wahrheit, Freiheit und Recht!"
(Девизъ германскаго центра)

I

Человѣку, привыкшему къ прочнымъ очертаніямъ политической карты современной Европы, трудно себѣ представить то состояніе крайней неустойчивости всѣхъ общественно-государственныхъ отношеній и то глубокое повсемѣстное броженіе, которыя ярче всего характеризовали жизнь большинства культурныхъ націй въ 60-хъ гг. прошлаго столѣтія. Во Франціи въ ту эпоху Вторая имперія доживала свои послѣдніе дни, и глухіе подземные удары уже предвѣщали господствующимъ классамъ близость неизбѣжной катастрофы. Въ Италіи, только что освободившейся отъ чужеземнаго ига, закладывались первые камни политическаго объединенія, но стѣны вновь возводимаго государственнаго зданія еще качались, грозя похоронить дерзкихъ зодчихъ подъ своими развалинами. Въ Австріи, пережившей два тяжелыхъ военныхъ пораженія 1859 и 1866 гг., въ атмосферѣ всеобщаго возбужденія вводились конституціонныя реформы. Наконецъ, въ сложномъ мірѣ большихъ и малыхъ германскихъ государствъ зрѣла идея національнаго объединенія, диктуемая всѣмъ ходомъ историческаго развитія. На политическомъ горизонтѣ уже обрисовалась могучая фигура кн. Бисмарка, и никто еще не могъ съ увѣренностью сказать; чѣмъ закончатся смѣлые объединительные эксперименты великаго юнкера.

Въ этой атмосферѣ повсемѣстнаго политическаго броженія и недовольства особое мѣсто занималъ внезапно обострившійся религіозный вопросъ. Папа, лишенный свѣтской власти и низведенный до роли духовнаго владыки католиковъ, заперся въ Ватиканѣ и началъ оттуда систематическій обстрѣлъ мятежнаго человѣческаго міра. Въ знаменитыхъ Syllabus'ахъ онъ объявилъ безпощадную войну либерализму: въ особомъ открытомъ письмѣ къ протестантамъ, появившемся въ 1868 г., онъ призывалъ послѣднихъ сознать свои заблужденія и, раскаявшись, вернуться въ лоно единоспасающей

католической церкви; на Римскомъ конклавѣ 1870 г. онъ, какъ бы въ видѣ демонстративнаго вызова невѣрующему человѣчеству, добился признанія папской непогрѣшимости.

Агрессивная политика Пія IX естественно вызывала глубокое раздраженіе въ рядахъ протестантскихъ націй. Въ частности въ Пруссіи она имѣла послѣдствіемъ возникновеніе широкаго антиклерикальнаго движенія. По всей странѣ происходили массовые митинги и собранія, единодушно требовавшіе закрытія монастырей и высылки іезуитовъ, а въ прусскомъ ландтагѣ настойчиво обсуждались мѣры для борьбы съ католической опасностью. Въ апрѣлѣ 1869 г., въ берлинскомъ кварталѣ Моабитъ разыгрались шумные антиклерикальные безпорядки на улицахъ, при чемъ толпой была забросана камнями только что построенная доминиканская церковь. Около того же времени прусская палата депутатовъ, по докладу извѣстнаго теоретика государственнаго права Гнейста, приняла постановленіе о неукоснительномъ примѣненіи эдикта 1810 г., предписывавшаго закрытіе монастырей на пространствѣ всего государства, въ томъ числѣ и его западныхъ католическихъ провинцій. Еще раньше—въ 1867 г.—въ Познани и на Рейнѣ распоряженіемъ властей былъ уничтоженъ цѣлый рядъ францисканскихъ монастырей.

Это антиклерикальное движеніе поставило предъ нѣмецкими католиками вопросъ объ организаціи самообороны. Необходимость самообороны была тѣмъ настоятельнѣй, что послѣ разгрома Австріи подъ Садовой и вытѣсненія ея изъ союза германскихъ государствъ католики оказались въ меньшинствѣ и могли не безъ нѣкотораго основанія опасаться непріязненныхъ дѣйствій со стороны протестантскаго большинства складывавшейся имперіи. Тѣмъ самымъ естественно создавалась почва, на которой мало-по-малу выростали идеи объ образованіи особой политической партіи, спеціально посвященной защитѣ интересовъ католицизма.

Первымъ практическимъ шагомъ въ этомъ направленіи было опубликованіе депутатомъ прусскаго ландтага Петромъ Рейхенспергеромъ особаго избирательнаго воззванія, появившагося 11 іюня 1870 г. въ „Kölnische Volkszeitung". Это воззваніе, явившееся результатомъ „совѣщанія католиковъ изъ различныхъ частей страны", указывало на необходимость выработки спеціально-католической программы и намѣчало ея основные пункты: охрану самостоятельности церкви, защиту религіознаго воспитанія юношества, федеративный характеръ Сѣверо-Германскаго Союза и нѣкоторыя требованія въ области налогового законодательства, административныхъ и военныхъ реформъ. Проектъ программы, изложенный въ воззваніи Рейхенспергера, былъ съ незначительными измѣненіями утвержденъ въ началѣ іюля 1870 г., въ Эссенѣ, собраніемъ католическихъ организацій и вслѣдъ затѣмъ получилъ боевое крещеніе на

выборахъ того же года въ прусскій ландтагъ. Въ новой палатѣ 47 депутатовъ, избранныхъ на платформѣ католической программы, образовали особую фракцію „христіанско-консервативнаго направленія“, получившую по наслѣдству отъ своихъ предшественницъ 50-хъ гг. наименованіе центра. На протяженіи сессіи фракція увеличилась до 54 человѣкъ.

Объединеніе католиковъ не ограничилось однако ареной одного лишь прусскаго ландтага. То же самое было ими сдѣлано и въ имперскомъ рейхстагѣ, впервые собравшемся въ мартѣ 1871 г. Здѣсь 63 депутата, избранные на основѣ упомянутой выше католической программы въ Рейнской области и Вестфаліи, составили ядро новой фракціи. Къ нимъ присоединились южно-германскіе партикуляристы изъ Бадена и Вюртемберга, „баварскіе патріоты“, поляки и такъ наз. вельфы—представители разрушеннаго Бисмаркомъ бывшаго Ганноверскаго королевства. Такимъ образомъ фракція центра съ самаго же начала пріобрѣла сохраненный ею отчасти вплоть до нашихъ дней характеръ католическо-партикуляристской оппозиціи протестантской и централистической имперіи. Этотъ ея характеръ еще болѣе былъ подчеркнутъ тѣмъ обстоятельствомъ,тчто вскорѣ во главѣ ея въ качествѣ признаннаго вождя и руководителя оказался Людвигъ Виндгорстъ, бывшій министръ юстиціи все того же разгромленнаго Ганноверскаго королевства. 21 мая 1871 г. фракція опубликовала свое политическое credo, являющееся официальной программой центра до настоящаго времени. Существенные пункты этой программы гласили:

„Фракція ставитъ себѣ задачей охрану основного характера имперіи, какъ союзнаго государства, и въ соотвѣтствіи съ этимъ противодѣйствіе всѣмъ стремленіямъ, направленнымъ на измѣненіе федеративнаго характера имперской конституціи; самоопредѣленіе и самостоятельность отдѣльныхъ государствъ въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ не должны быть ограничены больше, чѣмъ того безусловно требуютъ интересы общаго цѣлаго.

„Фракція оказываетъ посильное содѣйствіе моральному и матеріальному благополучію всѣхъ классовъ населенія, стремится къ установленію конституціонныхъ гарантій гражданской и религіозной свободы для всѣхъ гражданъ имперіи и, въ особенности, защищаетъ права религіозныхъ обществъ противъ вмѣшательства со стороны законодательства“.

Въ рейхстагѣ дѣятельность новой фракціи сразу же приняла специфическую окраску воинствующаго клерикализма. Уже въ мартѣ 1871 г., во время обсужденія отвѣта на тронную рѣчь, фракція потребовала вмѣшательства имперскаго правительства въ пользу возстановленія свѣтской власти папы, а мѣсяцемъ позже она внесла предложеніе включить въ имперскую конституцію ст. 15 и 18 прус-

скихъ основныхъ законовъ, гарантирующихъ церкви независимость отъ государства. Весьма вѣроятно, однако, что, по минованіи остраго момента конфессіональной распри, центръ мало-по-малу прекратилъ бы самостоятельное существованіе, слившись съ родственными ему консервативными теченіями. Но крайне неудачная попытка Бисмарка съ помощью кулака и полицейской сабли сокрушить власть католической церкви въ имперіи Гогенцоллерновъ придала прочность новой партіи и, окруживши послѣднюю ореоломъ мученичества, превратила ее въ могущественнѣйшую политическую силу, заставляющую нынѣ трепетать высшихъ представителей правительственнаго Олимпа.

Мотивы, руководившіе Бисмаркомъ при открытіи имъ похода противъ католической церкви, остаются не вполнѣ выясненными до сихъ поръ. Однако, едва ли будетъ большой ошибкой признать, что главную роль при этомъ играли заботы о цѣлости и единствѣ только что созданной имъ имперіи. Творецъ современной Германіи несомнѣнно долженъ былъ видѣть въ центрѣ съ его ярко выраженными партикуляристскими стремленіями страшнаго врага для любимаго дѣтища своей жизни. За сепаратистскими аллюрами баварцевъ и за оппозиціей католиковъ въ парламентѣ ему чудились тайные происки Римской куріи, болѣзненно затронутой разгромомъ двухъ „правовѣрныхъ“ монархій—Австріи и Франціи протестантской Пруссіей. Это предположеніе Бисмарка находило себѣ, казалось, нѣкоторое подтвержденіе въ фактѣ упоминавшагося уже выше крайне вызывающаго поведенія Папы Пія IX въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг. А такъ какъ великій юнкеръ никогда не останавливался передъ самыми крайними средствами для сокрушенія „враговъ имперіи“, то вполнѣ естественно, что, заподозривъ подобнаго врага въ католической церкви, онъ обрушился и на нее со всей тяжестью самой грубой и откровенной репрессіи. Не осталось, повидимому, безъ вліянія на настроеніе „желѣзнаго канцлера“ и широкое антиклерикальное движеніе, охватившее въ тотъ періодъ протестантскую Пруссію. Наконецъ, сыграло извѣстную роль также и опьяненіе отъ блестящей побѣды надъ Франціей, въ огромной степени увеличившее его властолюбіе и самоувѣренность. На этой-то политико-психологической почвѣ и выросла та, по выраженію Вирхова, „борьба за культуру“—Kulturkampf,—въ которую Бисмаркъ бросился въ началѣ 70-хъ гг. со всей страстью и энергіей своей крайне активной натуры.

Предвѣстники надвигающейся бури обнаружились почти тотчасъ же послѣ созыва рейхстага 1871 г. Уже въ іюнѣ того же года, въ прусскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія было уничтожено существовавшее съ давнихъ поръ такъ называемое „католическое отдѣленіе“, и завѣдываніе всѣми дѣлами послѣдняго передано

въ руки протестантскихъ чиновниковъ. Почти одновременно министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ Адальбертъ Фалькъ, правая рука Бисмарка, любитель сильной власти и заклятый врагъ католической церкви. По всему складу своего характера этотъ бюрократъ какъ нельзя больше подходилъ для роли тарана, сокрушающаго стоящія на пути препятствія, и если Kulturkampf принялъ впослѣдствіи такія рѣзкія и ожесточенныя формы, то это не въ послѣдней степени объясняется, между прочимъ, и личными особенностями министра народнаго просвѣщенія. Въ декабрѣ 1871 г., по иниціативѣ баварскаго министра-президента, рейхстагомъ былъ внесенъ въ имперское уложеніе о наказаніяхъ особый параграфъ, воспрещающій пользованіе церковной каѳедрой въ политическихъ цѣляхъ. А въ 1872 г. появились два новыхъ важныхъ закона, направленныхъ противъ католической церкви. Это, во-первыхъ, прусскій законъ о передачѣ надзора за школами изъ рукъ духовенства въ руки свѣтскихъ властей, и, во-вторыхъ, имперскій законъ о іезуитахъ, запрещавшій образованіе въ Германіи различныхъ учрежденій названнаго органа, а также предоставлявшій правительству право высылать отдѣльныхъ членовъ ордена изъ предѣловъ имперіи. Агрессивная политика Бисмарка вызывала естественно крайнее раздраженіе въ Ватиканѣ. Въ 1872 г. папа отказался признать вновь назначеннаго германскаго посланника при куріи, принца Гогенлоэ; въ отвѣтъ на это возмущенный Бисмаркъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ просто уничтожилъ самое посольство въ Ватиканѣ.

Однако, все это было только своего рода преддверіемъ настоящей борьбы съ католической церковью. Самая борьба началась съ слѣдующаго 1873 года, найдя себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ такъ называемыхъ „майскихъ законахъ“, появившихся тремя серіями подърядъ въ 1873, 1874 и 1875 годахъ. Суть „майскихъ законовъ“ въ общихъ чертахъ сводилась къ слѣдующему: облегчался выходъ изъ церкви; уничтожалась дисциплинарная власть папы въ предѣлахъ Пруссіи, и наложеніе церковныхъ наказаній нѣмецкими духовными князьями подвергалось нѣкоторымъ ограниченіямъ со стороны государства; образованіе и назначеніе католическихъ священниковъ ставилось подъ надзоръ правительственныхъ властей, получавшихъ право отвода предложенныхъ для занятія приходовъ кандидатовъ; вводился институтъ гражданскаго брака; уволенные за сопротивленіе властямъ священники подвергались высылкѣ изъ мѣста жительства; управленіе церковными имуществами въ діоцезахъ, гдѣ епископы были отрѣшены отъ должности, а клиръ отказывался выбрать временно завѣдующихъ дѣлами, переходило въ руки особыхъ правительственныхъ комиссаровъ; всѣ монашескіе ордена за исключеніемъ тѣхъ, которые посвящали себя уходу за больными, изгонялись; завѣдываніе собственностью, принадлежащей приходу, изъ рукъ свя-

щенника передавалось въ руки самой общины; наконецъ, отмѣнялись статьи 15 и 18 прусской конституціи, гарантирующія независимость церкви, и изъ государственной казны прекращались всякія выдачи на поддержку различнаго рода католическихъ учрежденій. Бóльшая часть перечисленныхъ законовъ была проведена Бисмаркомъ черезъ прусскій ландтагъ и потому распространяла свое дѣйствіе лишь на предѣлы прусскаго королевства. Только два закона—о гражданскомъ бракѣ и о высылкѣ отрѣшенныхъ отъ должности священниковъ—были приняты рейхстагомъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ находили себѣ примѣненіе на пространствѣ всей имперіи.

Какъ видимъ, законодательные скорпіоны, обрушившіеся на католическую церковь, были очень суровы, и не менѣе сурова была практика проведенія ихъ въ жизнь.

Съ самаго же начала правительственныхъ репрессій прусскіе католики (весь Kulturkampf разыгрался главнымъ образомъ въ Пруссіи) подъ руководствомъ клира прибѣгли къ тактикѣ пассивнаго сопротивленія. Эта тактика, рекомендованная своей паствѣ нѣмецкими епископами, впослѣдствіи нашла себѣ полное одобреніе со стороны папы Пія IX, объявившаго въ особой энцикликѣ отъ 5 февраля 1875 г. все „майское законодательство“ богопротивнымъ и несуществующимъ и, какъ таковое, для католиковъ совершенно необязательнымъ. Справедливость требуетъ сказать, что тактика систематическаго и послѣдовательнаго бойкота осуществлялась католиками во все время Kulturkampf'а съ ожесточеніемъ и настойчивостью, поистинѣ необычайными. Католическіе теологи не являлись на установленные для нихъ государственные экзамены. Духовныя семинаріи отказывались подчиняться правительственному надзору. Священники, не обращая вниманія на новыя предписанія властей, продолжали „явочнымъ порядкомъ“ совершать церковные обряды такъ, какъ они это дѣлали раньше; когда же власти ставили имъ физическія препятствія для выполненія своихъ обязанностей, они служили тайныя мессы и тайно наставляли свою паству. Мѣста уволенныхъ священниковъ были объявлены подъ бойкотомъ и по цѣлымъ годамъ оставались незамѣщенными. А завѣдываніе церковнымъ имуществомъ въ діоцезахъ отрѣшенныхъ епископовъ, за отказомъ клира выбирать управляющихъ, систематически переходило въ руки агентовъ центральной власти.

На тактику пассивнаго сопротивленія Бисмаркъ отвѣчалъ цѣлымъ градомъ административно-полицейскихъ репрессій. Католическіе теологи особымъ министерскимъ циркуляромъ были привлечены къ отбыванію воинской повинности. Духовныя семинаріи одна за другой были закрыты. Непокорнымъ священникамъ прекращена выдача жалованья, такъ что многіе изъ нихъ долгое премя вынуждены были существовать на доброхотныя даянія своей паствы. Въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда послѣдняя мѣра не помогала, слѣдовало отрѣшеніе священниковъ отъ должности, принявшее къ концу 70-хъ годовъ поистинѣ массовый характеръ: по статистикѣ, приведенной Виндгорстомъ въ январѣ 1881 года въ прусскомѣ ландтагѣ, въ тотъ моментъ въ Пруссіи количество устраненныхъ священниковъ и ихъ помощниковъ доходило до 1770 чел. (изъ общаго числа около $8^1/_2$ тыс.), такъ что церковныя каѳедры въ болѣе чѣмъ 600 приходахъ совершенно пустовали. Въ то же время шло безпощадное разрушеніе монашескихъ орденовъ (за время дѣйствія „майскихъ законовъ“ было уничтожено 296 монастырей съ 4000 монаховъ), и широко практиковалась высылка неугодныхъ священниковъ (всего было выслано около 300 чел.).

Особенно усилились правительственныя преслѣдованія послѣ неудачнаго покушенія на жизнь Бисмарка, произведеннаго въ іюлѣ 1874 г. католическимъ рабочимъ Кульманомъ. Хотя это покушеніе никакъ нельзя было поставить въ связь съ дѣятельностью центра, тѣмъ не менѣе канцлеръ бросилъ въ рейхстагѣ въ лицо католикамъ свои сдѣлавшіяся историческими слова: „Вы можете какъ угодно отъ него (т.-е. отъ Кульмана) открещиваться,—онъ все-таки продолжаетъ висѣть на полахъ вашихъ рясъ“! Непосредственно послѣ покушенія послѣдовали увольненія католическихъ ландратовъ въ Западной Пруссіи, а на католическую прессу, католическія собранія и организаціи преслѣдованія посыпались въ удвоенномъ количествѣ. Для характеристики жестокости тогдашнихъ репрессій достаточно будетъ привести хотя бы тотъ фактъ, что цѣлый рядъ редакторовъ католическихъ газетъ за простую перепечатку упоминавшейся выше папской энциклики 5 февраля 1875 года были приговорены судомъ къ многомѣсячному тюремному заключенію (одинъ даже къ годичному).

Однако своего кульминаціоннаго пункта гоненія на католическую церковь достигли въ походѣ, открытомъ Бисмаркомъ противъ наиболѣе строптивыхъ нѣмецкихъ епископовъ. Епископы отказывались выполнять „майскіе законы“, и за это на нихъ сначала налагались тяжелые денежные штрафы. Какъ широко пользовалось правительство послѣднимъ оружіемъ, можно судить по тому, что, напр., епископъ кульмскій былъ приговоренъ въ суммѣ къ 20.000 марокъ штрафа, епископъ гильдесгеймскій—къ 87.000, а архіепископъ познанскій даже къ 99.000. Епископы принципіально отказывались платить наложенныя на нихъ взысканія,—тогда слѣдовали смѣщенія ихъ съ должности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже заключенія въ тюрьму. 8 епископовъ за время Kulturkampf'а подверглись отрѣшенію, и 6 изъ нихъ свели очень близкое знакомство съ тюремной кельей. Особенно сильно пришлось поплатиться за свое упорство архіепископу познанскому, Ледоховскому: онъ былъ лишенъ своей

каѳедры, просидѣлъ $2^1/_2$ года въ тюрьмѣ и затѣмъ послѣ освобожденія отправленъ въ ссылку въ Торгау, откуда и бѣжалъ, въ концѣ концовъ, въ Римъ подъ защиту папскаго престола. Уже послѣ своего побѣга Ледоховскій заочно былъ приговоренъ къ новому году тюремнаго заключенія, и, по распоряженію судебныхъ властей, во всей имперіи были вывѣшены объявленія съ указаніемъ точныхъ примѣтъ „преступника" и съ требованіемъ неукоснительнаго задержанія послѣдняго въ случаѣ появленія его въ предѣлахъ досягаемости. Но не одинъ Ледоховскій, а и другіе опальные епископы вынуждены были подъ вліяніемъ правительственныхъ репрессій мало-по-малу перейти на эмигрантское положеніе и, удалившись заграницу, оттуда руководить дѣлами своей паствы, пользуясь для этой цѣли вѣчно старыми и вѣчно юными средствами всѣхъ подпольныхъ организацій—„конспиративной" перепиской и посылкой отъ времени до времени тайныхъ делегатовъ.

Вплоть до 1879 г. продолжалась, не ослабѣвая, эта вакханалія гоненій и преслѣдованій, при чемъ во все время борьбы съ обѣихъ сторонъ были обнаружены поистинѣ рѣдкія упорство, выдержка и неустрашимость. Можно смѣло сказать, что въ тысячелѣтней исторіи католической церкви не много найдется эпохъ, равныхъ по силѣ и энергіи гоненій нѣмецкому Kulturkampf'у. И, тѣмъ не менѣе, когда на исходѣ 70-хъ гг. Бисмаркъ подвелъ, наконецъ, итоги результатамъ своей многолѣтней антиклерикальной политики,—предъ нимъ во весь свой пугающій ростъ всталъ вопросъ:

— Что же дальше?

II

Этотъ вопросъ въ тотъ моментъ былъ, дѣйствительно, полонъ для „желѣзнаго канцлера" самаго серьезнаго значенія. Шесть лѣтъ суровыхъ репрессій не только не приблизили Бисмарка къ осуществленію его завѣтной цѣли—сокрушенію могущества католической церкви, но, наоборотъ, чрезвычайно отдалили отъ достиженія ея. Точно смѣясь надъ усиліями своихъ преслѣдователей, центръ всѣ эти годы обнаруживалъ исполинское развитіе, не имѣвшее ничего себѣ равнаго въ политической исторіи Германіи. Правительственныя гоненія послужили ему только на пользу: они спаяли католическія массы въ единое неразрывное цѣлое, зажгли въ нихъ яркое пламя воодушевленія и энтузіазма и толкнули ихъ въ ряды партіи, которая написала на своемъ знамени защиту интересовъ попранной религіи. Въ результатѣ католическая пресса въ теченіе 70-хъ гг. быстро множилась и процвѣтала, католическія организаціи росли, какъ грибы, а парламентскіе успѣхи центра отъ выборовъ къ выборамъ становились все болѣе крупными и несомнѣнными. На пер-

выхъ выборахъ въ рейхстагъ въ 1871 г., центръ собралъ 724 тыс. голосовъ и провелъ въ палату 63 депутата, а уже на вторыхъ выборахъ 1874 г., пришедшихся какъ разъ на эпоху жесточайшихъ гоненій правительства, онъ получилъ 1.446 тыс. голосовъ и 91 мандатъ. На выборахъ 1877 г. количество голосовъ центра опустилось до 1.341 тыс., но зато число его депутатскихъ мѣстъ возросло до 93 [1]). Приблизительно аналогичные успѣхи обнаружилъ центръ и на выборахъ въ прусскій ландтагъ. Эти факты были очень краснорѣчивы, и еще краснорѣчивѣй становились они оттого, что въ то время какъ Бисмаркъ послѣ шести лѣтъ ожесточенной борьбы съ церковью чувствовалъ себя зашедшимъ въ тупикъ и совершенно истощеннымъ,—центръ, наоборотъ, несмотря на всѣ пережитыя имъ гоненія и преслѣдованія, былъ полонъ юношеской свѣжести и непоколебимой энергіи. Было отчего задуматься даже „желѣзному канцлеру“ и задать себѣ тревожный вопросъ: да раціональна ли была, въ самомъ дѣлѣ, та антиклерикальная политика, которую онъ съ такой настойчивостью преслѣдовалъ въ теченіе всего періода 70-хъ годовъ?

Къ этому основному психологическому моменту прибавлялись и еще нѣкоторыя иныя обстоятельства, также настойчиво побуждавшія Бисмарка искать примиренія съ ультрамонтанами. Среди этихъ обстоятельствъ самымъ важнымъ, несомнѣнно, былъ его разрывъ съ націоналъ-либералами, составлявшими до сихъ поръ правительственную партію въ имперскомъ парламентѣ. Въ апрѣлѣ 1878 г. націоналъ-либералы единодушно отклонили табачную монополію, на которой очень настаивалъ канцлеръ, а въ 1879 г. они же высказались противъ новаго таможеннаго тарифа, долженствовавшаго знаменовать собой переходъ Германіи отъ системы свободной торговли къ системѣ покровительственныхъ пошлинъ. Тѣмъ самымъ была разорвана 8-лѣтняя тѣсная связь, существовавшая между Бисмаркомъ и либералами, и канцлеръ былъ поставленъ въ необходимость искать себѣ новыхъ союзниковъ для проведенія намѣченной имъ политики. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ такими союзниками могли быть для него единственно только консерваторы и центръ, и это соображеніе естественно должно было настраивать Бисмарка на болѣе мирный ладъ по отношенію къ своимъ недавнимъ противникамъ.

---

[1]) Дальнѣйшее развитіе центра въ цифрахъ голосовъ и мандатовъ на выборахъ въ рейхстагъ представляетъ собой слѣдующую картину:

	Голосовъ.	Мандатовъ.		Голосовъ.	Мандатовъ.
1878	— 1.328 т.	94	1893	— 1.468 т.	96
1881	— 1.182 „	100	1898	— 1.455 „	102
1884	— 1.282 „	99	1903	— 1.875 „	100
1887	— 1.516 „	98	1907	— 2.180 „	105
1890	— 1.342 „	106	1912	— 2.035 „	93

Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ также и сильный ростъ соціалъ-демократіи, обнаружившійся какъ разъ къ концу 70-хъ гг.: тѣснимое революціоннымъ движеніемъ пролетаріата, правительство естественно должно было искать для себя опоры въ помощи церкви, въ особенности же католической церкви. Наконецъ, не послѣднюю роль играли и придворныя вліянія: императоръ, и раньше лишь крайне неохотно слѣдовавшій за Бисмаркомъ въ его походѣ противъ католицизма, теперь, послѣ двухъ покушеній, произведенныхъ на его жизнь въ 1878 г., настоятельно требовалъ перемѣны курса. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, и обусловили тотъ поворотъ въ антиклерикальной политикѣ „желѣзнаго канцлера“, который начинается съ 1879—80 гг. Повороту этому въ высшей степени благопріятствовало, между прочимъ, и то случайное обстоятельство, что со смертью папы Пія IX, послѣдовавшей въ 1879 г., на престолъ вступилъ папа Левъ XIII, сразу занявшій по отношенію къ Германіи болѣе примирительную позицію. Политическое положеніе складывалось, такимъ образомъ, для центра въ высшей степени удачно, и онъ, руководимый своимъ блестящимъ парламентскимъ вождемъ Людвигомъ Виндгорстомъ, сумѣлъ использовать это положеніе поистинѣ превосходно.

Бывшій ганноверскій министръ, депутатъ рейхстага и прусскаго ландтага, Виндгорстъ принадлежалъ къ числу наиболѣе видныхъ основателей центра. Политическая дѣятельность очень быстро создала ему крупное имя въ католическомъ мірѣ. Но только со смертью стараго Маллинкродта въ 1874 г. Виндгорстъ сталъ офиціальнымъ руководителемъ фракцій въ рейхстагѣ и ландтагѣ, завоевавъ себѣ въ короткое время безусловное признаніе въ рядахъ партіи. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ впрочемъ не было ничего удивительнаго, ибо въ этомъ маленькомъ хиломъ старичкѣ (Виндгорстъ попалъ въ рейхстагъ 60 лѣтъ), благодаря необыкновенной слабости зрѣнія передвигавшемся по улицамъ не иначе, какъ опираясь на руку когонибудь изъ товарищей, скрывался одинъ изъ величайшихъ парламентаріевъ XIX в. Хорошій, нѣсколько академическаго типа ораторъ и неподражаемый полемистъ, обладавшій поистинѣ феноменальной памятью, Виндгорстъ былъ въ высокой степени надѣленъ столь важнымъ для политика даромъ всегда схватывать сущность предмета, не расплываясь въ мелочахъ, и съ необыкновенной легкостью оріентироваться въ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ. Реальный политикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ отличался рѣдкимъ знаніемъ людей и удивительной способностью заставлять обстоятельства служить своимъ цѣлямъ. Далекій отъ какого бы то ни было догматизма, гибкій, ловкій, находчивый и необыкновенно энергичный, онъ умѣлъ использовать любое парламентское положеніе, какъ никто другой. Болѣе замѣчательнаго тактика рейхстагъ

еще не видѣлъ въ своихъ стѣнахъ, и не случайность, конечно, то обстоятельство, что именно Виндгорстъ, будучи вождемъ гонимой и подавляемой правительствомъ партіи, сумѣлъ тѣмъ не менѣе мало-по-малу загнать совершенно въ тупикъ самаго могущественнаго государственнаго дѣятеля своего времени.

Политика Виндгорста по отношенію къ Бисмарку покоилась на извѣстномъ принципѣ: do ut des. Бисмаркъ нуждался въ помощи центра для проведенія своей политики въ рейхстагѣ, и Виндгорстъ охотно готовъ былъ оказывать ему эту помощь. Но за каждую услугу, полученную отъ центра въ имперскомъ парламентѣ, канцлеръ обязанъ былъ сторицей расплачиваться съ нимъ въ прусскомъ ландтагѣ отмѣной одного изъ „майскихъ законовъ". И такъ какъ выборы 1881 года создали католикамъ рѣшающее положеніе въ рейхстагѣ, а Бисмаркъ какъ разъ въ это время приступалъ къ осуществленію своей соціалъ-политической программы (государственное страхованіе и проч.), которую отказывались поддерживать либералы, то надменному творцу объединенной имперіи не оставалось ничего больше, какъ подчиниться злой необходимости и со скрежетомъ зубовнымъ пойти на поводу у „маленькаго превосходительства" (такъ звали Виндгорста въ парламентѣ). Если же канцлеръ порой не обнаруживалъ достаточной для Виндгорста мягкости и податливости, то центръ немедленно переходилъ въ оппозицію и начиналъ систематически проваливать правительственные законопроекты. Тѣмъ самымъ онъ сразу убивалъ двухъ зайцевъ: съ одной стороны давалъ почувствовать Бисмарку всю необходимость для послѣдняго добрыхъ отношеній съ нимъ, а съ другой—подогрѣвалъ въ массахъ свою репутацію истинно-демократической партіи, пріобрѣтенную имъ въ тяжелые годы Kulturkampf'а. Благодаря подобной тактикѣ Виндгорсту удалось добиться того поистинѣ замѣчательнаго результата, что неумолимый гонитель католицизма въ Германіи въ концѣ концовъ вынужденъ былъ заискивать и ухаживать за политической партіей того же самаго католицизма.

Сжатый, такимъ образомъ, желѣзнымъ кольцомъ своихъ непобѣдимыхъ противниковъ, Бисмаркъ поставленъ былъ въ необходимость начать мало-по-малу отпускать тотъ винтъ угнетенія католиковъ, который онъ такъ старательно закручивалъ въ теченіе предшествующаго десятилѣтія. Уже въ 1879 г. министръ народнаго просвѣщенія Фалькъ, олицетворявшій своей особой самую идею Kulturkampf'а, вынужденъ былъ покинуть свой постъ и былъ замѣненъ болѣе подходящимъ для новаго курса Путкаммеромъ. А съ 1880 г. началась „обратная" работа и законодательной машины. Въ пять пріемовъ „церковно-политическими новеллами" 1880, 1882, 1883, 1886 и 1887 годовъ была отмѣнена большая часть „майскихъ законовъ", и католической церкви возвращено почти полностью ея прежнее

положеніе. Отъ всѣхъ мѣропріятій эпохи Kulturkampf'а до настоящаго времени уцѣлѣли лишь свѣтскій надзоръ за школами въ Пруссіи, институтъ гражданскаго брака, да,—въ нѣсколько смягченной формѣ,—законъ о іезуитахъ.

Во время обсужденія въ прусскомъ ландтагѣ четвертой церковно-политической новеллы Бисмаркъ вынужденъ былъ открыто признать полное фіаско своей антиклерикальной политики. Въ засѣданіи 4 мая 1886 г. онъ произнесъ большую покаянную рѣчь, въ которой называлъ свои репрессивныя мѣропріятія противъ католицизма „ударомъ шпагй по водѣ“ и „охотой верхомъ за дикими гусями“ и приглашалъ гонимую католическую церковь отнынѣ примириться съ государствомъ на почвѣ установленія между ними пріемлемаго для обѣихъ сторонъ modus'а vivendi. „Я дѣлаю эту попытку (примиренія), — закончилъ Бисмаркъ свою рѣчь,—въ твердомъ довѣріи, раздѣляемомъ также и королемъ, не только къ папѣ, но и къ нашимъ католическимъ согражданамъ. Я надѣюсь, что они будутъ готовы на пространствѣ, очищенномъ отъ мусора, оставленнаго на немъ майскими законамй, воздвигнуть вмѣстѣ съ нами храмъ мира, посадить, лелѣять и взращивать вмѣстѣ съ нами дубъ мира, являющійся символомъ достигнутаго примиренія. Во всякомъ случаѣ, я могу вполнѣ искренно обѣщать, что за мной въ этомъ отношеніи остановки не будетъ“.

Такъ говорилъ тотъ самый человѣкъ, который 13 лѣтъ назадъ гордо заявилъ: „Мы не пойдемъ въ Каноссу!“ Центръ имѣлъ полное право торжествовать блестящую побѣду надъ своимъ могущественнымъ врагомъ, и онъ, дѣйствительно, торжествовалъ. Его звѣзда стояла въ тотъ періодъ очень высоко. и когда въ 1891 г. скончался великій Виндгорстъ, гробъ послѣдняго украшалъ роскошный вѣнокъ, присланный германскимъ императоромъ.

Съ паденіемъ исключительныхъ законовъ противъ католической церкви заканчивается героическій періодъ въ исторіи центра. Теперь, когда исчезли внѣшнія причины, насильно толкавшія его въ сторону рѣзкой оппозиціи господствующей власти, онъ мало-по-малу начинаетъ сбрасывать съ себя не совсѣмъ привычный для него демократическій нарядъ и обнаруживать свою истинную, провозглашенную еще въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ „христіанско-консервативную“ сущность. Свой переходъ въ правительственный лагерь центръ совершаетъ однако не сразу, а съ мудрой осторожностью, не забывая отъ времени до времени, при помощи какого-нибудь эффектнаго демагогическаго пріема, поддержать въ массахъ падающую вѣру въ свою демократичность. Такъ, въ 1893 г. центръ голосовалъ противъ новаго военнаго закона, связаннаго съ увеличеніемъ бюджета на 66 милл. марокъ въ годъ, чѣмъ и вынудилъ правительство къ роспуску рейхстага. Точно также въ 1895 г. онъ провалилъ пресло-

вутую Umsturzvorlage (законопроектъ противъ разрушительныхъ стремленій), направленную противъ соціалъ-демократіи, правда, главнымъ образомъ потому, что никакъ не могъ сторговаться съ тогдашнимъ канцлеромъ Гогенлоэ о размѣрахъ компенсаціи за вотированіе этого закона. Наконецъ, въ 1900 г., благодаря отрицательному отношенію того же центра, рейхстагомъ была отклонена такъ называемая Zuchthausvorlage (законъ объ исправительномъ домѣ), грозившая серьезнымъ ограниченіемъ коалиціоннаго права рабочихъ.

Какъ бы, однако, ни были эффектны сами по себѣ всѣ перечисленные демократическіе „жесты“,—они не въ состояніи все-таки затушевать быстро растущую министеріабельность центра, которая является, несомнѣнно, наиболѣе характерной чертой его развитія въ теченіе послѣдняго 20-лѣтія. Съ 1895 г. эта министеріабельность нашла себѣ даже опредѣленное внѣшнее выраженіе въ фактѣ систематическаго замѣщенія президентскаго поста въ рейхстагѣ представителемъ политическаго католицизма. И по мѣрѣ возрастанія парламентской мощи и вліянія центра (съ средины 90-хъ гг., вслѣдствіе разложенія либерализма, изъ рѣшающей онъ превратился въ господствующую силу въ рейхстагѣ), обнаруживалась естественная эволюція его воззрѣній: демократическія румяна постепенно спадали съ его партійной физіономіи, и подъ ними все рѣзче и опредѣленнѣе начинало проглядывать его подлинное реакціонное лицо. Такъ, центръ спокойно вотировалъ правительству законъ о флотѣ 1898, 1900, 1906 и 1908 гг.; въ 1899, 1905 и 1911 гг. онъ также спокойно голосовалъ за новые „военные законы“, въ 1902 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ проведеніи антинароднаго таможеннаго тарифа, а въ 1909 г. онъ же „спасъ“ отъ гибели знаменитую „финансовую реформу“, игравшую такую крупную роль въ политическихъ битвахъ послѣдняго времени.

16-лѣтнее (1895—1911) неоспоримое господство центра было лишь на короткое время прервано въ 1907/08 г.г. маленькимъ консервативно-либеральнымъ интермеццо, поставленнымъ на политической сценѣ имперскимъ канцлеромъ, кн. Бюловымъ. Интермеццо этому суждено было, однако, поистинѣ эфемерное существованіе: созданный Бюловымъ консервативно-либеральный блокъ не выдержалъ перваго серьезнаго испытанія и рухнулъ лѣтомъ 1909 г., споткнувшись на только что упоминавшейся финансовой реформѣ. Его творецъ за дерзкую попытку избавиться отъ назойливой опеки центра долженъ былъ заплатить своимъ паденіемъ. И послѣ этого выросъ болѣе прочный и жизнеспособный „черно-голубой блокъ“ поповъ и помѣщиковъ, вернувшій центру на время поколебленное могущество. Выборы въ 1912 г. въ рейхстагъ обнаружили огромный ростъ соціалъ-демократіи и одновременно значительное ослабленіе правой коалиціи, въ частности центра. Какъ, однако, ни отраденъ

самъ по себѣ этотъ фактъ, было бы большой ошибкой переоцѣнивать его значеніе. Несмотря на начинающіе постепенно обнаруживаться признаки прогрессирующаго внутренняго разложенія въ настоящее время центръ все-таки еще очень силенъ. И даже послѣ выборовъ 1912 г. едва ли можно отрицать, что политическая жизнь Германіи продолжаетъ попрежнему протекать въ черной тѣни, отбрасываемой католической рясой.

III

На предыдущихъ страницахъ мы познакомились съ исторіей центра. Перейдемъ теперь къ его настоящему и постараемся выяснить наиболѣе характерныя черты его политической физіономіи, формы его организаціи и методы практической дѣятельности. Съ этой цѣлью остановимся, прежде всего, на вопросѣ о конфессіональномъ и соціальномъ составѣ центра.

Что касается его конфессіональнаго состава, то тутъ въ настоящее время не можетъ больше быть никакихъ сомнѣній. Какъ бы ни старались вожди центра доказать, что ихъ партія—не конфессіональная организація, а такая же политическая, какъ и всѣ остальныя,—они не могутъ все-таки опровергнуть того замѣчательнаго факта, что въ рядахъ центра невозможно найти почти ни одного не-католика. Этотъ фактъ является настолько неоспоримымъ, что партія даже въ особомъ официальномъ заявленіи, выпущенномъ въ 1909 г. съ спеціальной целью доказать ея неконфессіональный характеръ, вынуждена была все-таки констатировать „принадлежность почти всѣхъ ея избирателей и депутатовъ къ католической церкви". Авторитетное мнѣніе высшихъ учрежденій центра вполнѣ подтверждается и статистикой выборовъ въ рейхстагъ. Въ самомъ дѣлѣ, напр., статистика 1907 г. прежде всего устанавливаетъ, что сфера политическаго вліянія центра концентрирована въ нѣсколькихъ, вполнѣ опредѣленныхъ областяхъ страны. Далѣе та же статистика указываетъ, что изъ общаго количества 105 „черныхъ округовъ" лишь два (Гаммъ и Оснабрюкъ) имѣли большинство протестантскаго населенія, но какъ разъ оба эти округа были получены католиками на перебаллотировкѣ, благодаря поддержкѣ с.-д. Во всѣхъ же остальныхъ 103 округахъ подавляющее большинство населенія (въ 74 округахъ свыше 80%) принадлежало къ католическому вѣроисповѣданію. Приведенныя данныя настолько краснорѣчивы, что вопросъ о конфессіональномъ составѣ центра можно считать окончательно исчерпаннымъ.

Нѣсколько сложнѣе обстоитъ дѣло съ вопросомъ объ его соціальномъ составѣ. Ни одна партія Германіи не объединяетъ подъ своимъ знаменемъ такихъ разнообразныхъ общественныхъ элемен-

товъ, какъ именно центръ. Въ его рядахъ вы найдете крестьянина и помѣщика, рабочаго и предпринимателя, ремесленника и представителя свободной профессіи, простого поденщика и потомка стариннаго аристократическаго рода, князя церкви и бюрократа высшаго ранга. Всѣ классы и сословія современнаго общества представлены въ центрѣ (хотя, разумѣется, не въ равной мѣрѣ), такъ что его не безъ нѣкотораго основанія можно разсматривать, какъ настоящій соціальный микрокосмъ.

Такимъ образомъ, крайнюю пестроту внутренняго состава центра отрицать совершенно не приходится. Какіе же именно соціальные элементы обладаютъ наибольшимъ вѣсомъ и вліяніемъ въ его партійномъ организмѣ? И въ этомъ отношеніи та же статистика выборовъ въ рейхстагъ даетъ намъ цѣлый рядъ чрезвычайно цѣнныхъ указаній. Изъ этой статистики мы, между прочимъ, узнаемъ, что изъ числа 105 округовъ, завоеванныхъ центромъ въ 1907 г., лишь 4 (Эссенъ, Дюссельдорфъ, Кёльнъ-городъ и Кёльнъ-предмѣстья) принадлежатъ къ категоріи крупно-городскихъ, остальные же 101— относятся къ категоріи сельскихъ и мелко-городскихъ. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ наводитъ на нѣкоторыя размышленія. Но еще яснѣе начинаетъ обнаруживаться соціальная структура центра, когда мы обратимъ вниманіе на характеръ разселенія жителей въ районахъ его политическаго вліянія. Ибо при этомъ оказывается, что 73,2% населенія всѣхъ 105 „черныхъ" округовъ проживаетъ въ мѣстахъ съ числомъ жителей не свыше 10.000, и 50,6% въ мѣстахъ съ числомъ жителей не свыше 2.000 чел. Еще характернѣе распредѣленіе голосовъ, полученныхъ центромъ на выборахъ, по городамъ и селеніямъ различной величины: за исключеніемъ 4 крупно-городскихъ округовъ, въ остальномъ 101 округѣ 83% всѣхъ католическихъ голосовъ было подано въ поселеніяхъ съ числомъ жителей не свыше 10.000, и 63%—въ поселеніяхъ съ числомъ жителей не свыше 2.000! Эти цифры бросаютъ необыкновенно яркій свѣтъ на соціальный составъ главной массы „народа" въ партіи центра. Съ полной опредѣленностью онѣ устанавливаютъ, что это, во-первыхъ, широкіе пласты крестьянства (и притомъ, прибавимъ мы отъ себя преимущественно зажиточнаго крестьянства), дающіе почти ²/₃ его избирателей, и это, во-вторыхъ, мелкая буржуазія небольшихъ захолустныхъ городковъ, слегка разбавленная нѣкоторой дозой рабочаго элемента.

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ выше данныхъ мы имѣемъ право утверждать, что центръ по существу дѣла является ничемъ инымъ, какъ политическимъ представительствомъ широкихъ массъ католической мелкой буржуазіи, при томъ по преимуществу сельской и мелко-городской. А если это такъ, то не нужно отличаться особенно большой проницательностью для того,

чтобы понять, что основные принципы практической политики центра неизбѣжно должны быть окрашены въ специфическіе ярко-реакціонные цвѣта.

Въ самомъ дѣлѣ, рѣзко-выраженный католическій характеръ центра имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что официальной идеологіей партіи является идеологія католицизма. Намъ едва ли нужно много доказывать глубокую, если можно такъ выразиться, органическую реакціонность этой идеологіи. Ея характеръ и безъ того достаточно извѣстенъ, такъ что здѣсь для нашихъ цѣлей мы можемъ ограничиться лишь приведеніемъ нѣкоторыхъ любопытныхъ иллюстрацій.

Ретроградность центра, вытекающая изъ существа его католической природы, ярче всего сказывается въ сферѣ такъ наз. культурной политики. Какъ извѣстно, католическая церковь всегда характеризовалась крайнимъ властолюбіемъ и фанатической нетерпимостью. Въ средніе вѣка, когда римскій престолъ находился на вершинѣ могущества и распоряжался судьбами народовъ и царей, вся политическая, общественная и культурно-бытовая жизнь тогдашняго западно-христіанскаго міра была скована желѣзными догмами церкви. Разумѣется, ни о чемъ подобномъ въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Эпоха безраздѣльнаго господства папскаго престола, эпоха церковнаго государства, стоящаго надъ государствами свѣтскими, безвозвратно прошла и больше не вернется. И, хотя католицизму волей-неволей приходится считаться съ этими измѣнившимися обстоятельствами, онъ все-таки и сейчасъ не хочетъ отказаться отъ своихъ властолюбивыхъ притязаній, съ поразительной цѣпкостью отстаивая каждую пядь своего былого всемогущества. Теоретически католицизмъ и теперь признаетъ пріоритетъ духовной власти по сравненію со свѣтской на томъ основаніи, что „политика отдѣльнаго человѣка, какъ и цѣлаго общества, должна быть подчинена нравственному закону, истолкователемъ котораго является непогрѣшимая церковь“ [1]). Однако на практикѣ онъ уже не рѣшается (или почти не рѣшается) больше претендовать на непосредственное вмѣшательство въ сферу общественно-политическихъ дѣлъ современныхъ государствъ. Зато съ тѣмъ большей настойчивостью онъ предъявляетъ свои права въ области культурно-бытовой жизни христіанскихъ народовъ. Семья, бракъ, воспитаніе, нормы

---

[1]) См. Staatsslexikon der Görresgesellschaft, 1910, т. III, стр. 122—123. Названный лексиконъ, изданный подъ редакціей извѣстнаго дѣятеля центра Юлія Бахема, является если не официальной, то во всякомъ случаѣ официозной энциклопедіей германскаго политическаго католицизма.—Приведенная цитата взята изъ проекта постановленій объ отношеніи между церковью и государствомъ, предложенныхъ послѣднему римскому конклаву 1870 г.

морали, наука, искусство, религія—все это, по мнѣнію папскаго престола, относится къ той сферѣ человѣческаго существованія, въ которой церковь и понынѣ владѣетъ неограниченнымъ, отъ Бога дарованнымъ ей правомъ вязать и разрѣшать по своему усмотренію. Такъ думаетъ католицизмъ въ лицѣ своихъ наиболѣе яркихъ представителей. Такъ же думаетъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ поступаетъ центръ.

Взять, напр., хотя бы политику центра въ области народнаго образованія,—она вся рѣзко окрашена въ специфически-клерикальные цвѣта. Вотъ уже скоро 20 лѣтъ, какъ католики упорно добиваются отмѣны свѣтскаго надзора за школами въ Пруссіи, введеннаго тамъ въ эпоху Kulturkampf'а, и изданія ландтагомъ новаго „христіанскаго школьнаго закона", болѣе соотвѣтствующаго ихъ желаніямъ. Къ счастью, однако, эти реакціонныя домогательства до сихъ поръ остаются безуспѣшными. Зато тамъ, гдѣ, какъ въ Баваріи, центръ является господиномъ положенія, его завѣтныя стремленія находятъ полное осуществленіе въ дѣйствительности: въ Баваріи народная школа, особенно въ деревнѣ, головой выдана католическому духовенству.

Тотъ же специфически-ретроградный характеръ носитъ и позиція центра въ вопросахъ религіозной свободы. Конечно, объ отмѣнѣ свободы совѣсти въ настоящее время нечего и думать, и поэтому центру не остается ничего больше, какъ довольствоваться политикой мелкихъ уколовъ по отношенію къ ненавистному ему институту. Напр., въ той же Баваріи центръ ведетъ отчаянную и, разумѣется, вполнѣ успѣшную борьбу противъ открытія интерконфессіональныхъ народныхъ школъ: школы здѣсь въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ либо католическія, либо протестантскія, но не смѣшанныя. Не менѣе враждебно относится центръ и къ сооруженію крематоріевъ. Въ прусскомъ ландтагѣ онъ недавно голосовалъ противъ закона, допускающаго факультативное сожженіе труповъ, но не имѣлъ успѣха. А вотъ въ Баваріи крематоріевъ такъ и до сихъ поръ нѣтъ, и если какому-нибудь мюнхенцу или нюрнбержцу придетъ въ голову завѣщать сжечь свое тѣло послѣ смерти, то его трупъ для этой операціи приходится отправлять въ сосѣдній Вюртембергъ.

Особое вниманіе удѣляетъ центръ вопросамъ нравственности и морали, и въ этой области его мелочно-назойливая лицемѣрно-елейная опека подчасъ становится прямо нестерпимой. Гражданскаго брака, установленнаго имперскими законами, центръ, разумѣется, не признаетъ и разсматриваетъ его, какъ одну изъ формъ грѣховнаго конкубината. Къ картинамъ, статуямъ, театральнымъ представленіямъ и т. д. люди центра относятся съ величайшей подозрительностью, и горе тому художнику, который осмѣлился бы показать

на картинѣ немножко больше голаго тѣла, чѣмъ это полагается по церковно-каноническимъ законамъ! Онъ будетъ отданъ на растерзаніе католической прессѣ, а при случаѣ можетъ поплатиться и еще болѣе чувствительно. Въ Мюнхенѣ, напр., на этой почвѣ неоднократно разыгрывались очень громкіе скандалы, заканчивавшіеся нерѣдко въ камерѣ судебнаго слѣдователя. Не ограничиваясь, однако, мѣрами, такъ сказать, частнаго характера для защиты попранной нравственности, центръ упорно дѣлаетъ попытки призвать себѣ на помощь защиту законодательства. Всѣмъ памятна исторія знаменитаго Lex Heinze (въ 1900 г.), грозившаго свести совершенно на нѣтъ современную свободу искусства. Аналогичныя выступленія, но несравненно меньшаго масштаба, дѣлались центромъ и въ послѣдующіе годы. Такъ, напр., совсѣмъ недавно (въ 1912 г.) онъ внесъ въ рейхстагъ предложеніе повысить сверхъ нормы тарифъ писемъ „до востребованія",—на томъ только основаніи, что такимъ путемъ, главнымъ образомъ, ведется любовная переписка. Предложеніе это было встрѣчено въ парламентѣ громкимъ смѣхомъ и ироническими аплодисментами. Впрочемъ процентъ незаконорожденныхъ дѣтей въ „черно"-католической Баваріи далеко превышаетъ среднюю общегерманскую норму.

Наконецъ, не менѣе реакціонно отношеніе центра къ свободѣ науки и изслѣдованія. И это вполнѣ понятно. Не даромъ теоретическія свѣтила центра откровенно заявляютъ: „системы монизма, пантеизма, матеріализма, гилозоизма и т. д. знаменуютъ собой не прогрессъ мышленія, а, наоборотъ, возвратъ его къ старымъ, давно пережившимъ себя языческимъ воззрѣніямъ... Постепенное возвращеніе народовъ въ состояніе язычества можетъ закончиться только всеобщимъ одичаніемъ и варварствомъ" [1]). Разумѣется, не въ силахъ центра уничтожить въ настоящее время свободу науки, но зато онъ привѣтствуетъ недавнее Motu proprio папы Пія X, требующее отъ католическихъ ученыхъ „присяги противъ модернизма".

Реакціонность центра, обусловливаемая его конфессіональнымъ характеромъ, дополняется реакціонностью, вытекающей изъ соціальнаго состава главной массы его сторонниковъ. Вглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, въ основныя черты экономической и соціальной политики центра, и вы сейчасъ же замѣтите въ нихъ ярко-выраженный реакціонно-мелкобуржуазный характеръ. Такъ, центръ съ довольно явнымъ недружелюбіемъ относится къ крупному, особенно биржевому и банковскому, капиталу и при каждомъ удобномъ случаѣ (главнымъ образомъ въ налоговой сферѣ) готовъ дать почувствовать ему свою тяжелую руку. Наоборотъ, тотъ же центръ съ величайшей энергіей защищаетъ интересы такъ наз. городского Mittelstand'a

---

[1]) Staatslexikon, т. III стр. 562.

(средняго сословія), охотно жертвуя для этой цѣли различными сторонами промышленной свободы. Все современное германское законодательство, преслѣдующее задачи поддержки „средняго сословія“ (законы о новой организаціи ремесла, о реформѣ подряднаго дѣла, о торговыхъ судахъ, о борьбѣ съ безчестной конкурренціей, объ установленіи экзаменовъ для ремесленыхъ мастеровъ и пр.) либо вызвано къ жизни самимъ центромъ,либо создано при его дѣятельномъ участіи. Чрезвычайно типичны, также для экономической политики центра его упорная законодательная война съ Waarenhäuser (крупные магазины) и его крайне враждебное отношеніе къ потребительскому движенію.

Еще ближе, пожалуй, центру интересы деревенскаго міра, особенно же міра зажиточнаго крестьянства. Для него онъ создалъ совмѣстно съ юнкерами знаменитый таможенный тарифъ 1902 г., для него же онъ всегда упорно отстаиваетъ различныя поблажки и привелегіи въ области налоговаго обложенія. Въ Баваріи, являющейся идеальнымъ государствомъ центра, эти податныя привелегіи деревнѣ за счетъ города такъ вопіюще-несправедливы, что способны вызвать возмущеніе даже у самаго хладнокровнаго человѣка.

Тотъ же характерный мелко-буржуазный оттѣнокъ лежитъ и соціальной политикѣ центра. Справедливость требуетъ признать, что изъ всѣхъ буржуазныхъ партій Германіи центръ больше другихъ обращаетъ вниманіе на вопросы соціальной политики: къ этому его обязываютъ $^1/_2$ милліона рабочихъ голосовъ (изъ общаго количества 2 милл.), получаемыхъ имъ на выборахъ. Однако, въ высшей степени замѣчательно, что даже и въ этой сферѣ центръ все-таки остается неизмѣнно вѣренъ своему основному мѣщанско-мужицкому характеру: его соціальная политика кончается тамъ, гдѣ начинаются интересы средняго сословія. Любопытнымъ подтвержденіемъ только что высказанной мысли можетъ служить, напр., позиція, занятая въ свое время католиками по отношенію къ закону о государственномъ страхованіи отъ старости и инвалидности: какъ извѣстно, они голосовали противъ этого закона исключительно лишь потому, что дѣйствіе послѣдняго распространяется не только на промышленныхъ, но также и на сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и ремесленниковъ. Впрочемъ, законъ былъ принятъ большинствомъ рейхстага, несмотря на сопротивленіе центра.

Подчеркивая такъ рѣзко мелкобуржуазно-аграрный характеръ партіи политическаго католицизма, я отнюдь не хочу однако тѣмъ самымъ сказать, что она ведетъ лишь исключительно мѣщанскую или исключительно-мужицкую политику, подобно, скажемъ, антисемитамъ или „Баварскому крестьянскому союзу“. Совсѣмъ наоборотъ Являясь „христіанско-консервативной“ партіей въ широкомъ смыслѣ этого слова, центръ при случаѣ (и, надо сказать, довольно часто)

энергично поддерживаетъ интересы и всѣхъ другихъ охранительныхъ слоевъ населенія: аграріевъ, чиновничества, даже столь нелюбимаго имъ крупнаго капитала. Эту поддержку онъ оказываетъ тѣмъ охотнѣе, что въ его собственныхъ рядахъ имѣется не очень многочисленная, но зато очень вліятельная группа консервативно-аристократическихъ элементовъ.

IV

Тайна поразительнаго могущества центра кроется несомнѣнно въ его великолѣпной организаціи, съ которой по широтѣ и прочности можетъ сравниться развѣ только организація с.-д. партіи.

Естественнымъ базисомъ этой организаціи является прежде всего католическая церковь. На пространствѣ Германіи раскинуты десятки тысячъ католическихъ приходовъ; приходы объединены въ діоцезы съ епископами во главѣ, а діоцезы, въ свою очередь, находятся въ тѣсной зависимости отъ римскаго престола, являющагося высочайшей инстанціей и въ то же время руководящимъ центромъ всего интернаціональнаго католическаго міра. Огромная армія духовенства, прекрасно вышколенная и обученная, располагающая тысячилѣтнимъ опытомъ іезуитовъ въ дѣлѣ уловленія душъ человѣческихъ, густо заполняетъ всѣ ступени исполинской духовной іерархіи отъ князя церкви до скромнаго сельскаго священника. Въ каждомъ глухомъ мѣстечкѣ, въ каждой заброшенной деревушкѣ эта армія имѣетъ своего вѣрнаго солдата, своего ревностнаго агитатора, пользующагося въ районѣ своей дѣятельности неоспоримымъ и непререкаемымъ авторитетомъ. Ибо католическій патеръ въ деревнѣ все: посредникъ между людьми и небомъ, утѣшитель въ несчастіяхъ, совѣтникъ въ житейскихъ затрудненіяхъ, судья въ спорахъ и несогласіяхъ, наставникъ и учитель во всѣхъ сложныхъ вопросахъ, которые возникаютъ предъ его духовными дѣтьми.

И вотъ эта-то огромная, широко развѣтвленная, въ глазахъ вѣрующаго населенія озаренная особымъ мистическимъ свѣтомъ организація стоитъ цѣликомъ къ услугамъ центра въ его политической борьбѣ. И какъ стоитъ! Для того, чтобы дать читателю нѣкоторое представленіе о дѣятельности духовенства на службѣ католической партіи, я приведу здѣсь одно чрезвычайно любопытное посланіе, разосланное Erzpriester'омъ (протоіереемъ) Диденгофенскимъ (въ Эльзасъ-Лотарингіи) всѣмъ подвѣдомтственнымъ ему священникамъ въ время послѣднихъ (1912 г.) выборовъ въ рейхстагъ. Вотъ что гласило это посланіе:

„Господинъ патеръ! Первое голосованіе не принесло намъ, правда, желаннаго результата, однако оно показало, что мы имѣемъ право надѣяться. Мы обращаемся, поэтому, къ Вамъ за помощью въ виду

предстоящей въ понедѣльникъ перебаллотировки. Мы просимъ Васъ: 1) созвать въ каждомъ мѣстечкѣ Вашего прихода въ ближайшую субботу или воскресенье избирательное собраніе и притомъ назначить его по возможности такимъ образомъ, чтобы противники наши за недостаткомъ времени уже лишены были возможности залить то доброе зерно, которое Вы посѣете, своимъ пивомъ и виномъ; 2) на этихъ собраніяхъ присутствовать и выступать въ цѣляхъ поученія Вашей паствы: личное выступленіе священника особенно необходимо потому, что избиратели вводятся въ заблужденіе газетами, и даже католическими; 3) обратиться за помощью къ своимъ сосѣдямъ, если Вы считаете это необходимымъ, а также самому предложить свою помощь тѣмъ изъ окрестныхъ священниковъ, которые, въ силу своего преклоннаго возвраста, болѣзненности и т. д. могутъ въ ней нуждаться; 4) немедленно сообщить намъ названія тѣхъ селеній, въ которыхъ священникъ не можетъ или не хочетъ созвать подобнаго избирательнаго собранія, съ тѣмъ, чтобы мы могли туда кого-нибудь послать: у насъ имѣется въ распоряженіи нѣсколько ораторовъ; 5) организовать распространеніе избирательныхъ бюллетеней, какъ и въ прошлый разъ; 6) слѣдить за тѣмъ чтобы каждый Вашъ прихожанинъ принялъ участіе въ голосованіи,— на этотъ разъ необходимо привести къ избирательной урнѣ claudum et novissimum in Israel (калѣку и послѣдняго человѣка въ Израилѣ), — организовать наблюденіе во время подачи голосовъ, въ особенности же въ моментъ ихъ подсчета, и немедленно сообщить намъ на приложенной открыткѣ объ окончательномъ результатѣ.

„Впередъ за доброе дѣло!

„*Вагнеръ*, пасторъ въ Диденгофенѣ“ [1]).

Приведенный документъ настолько краснорѣчивъ, что не требуетъ никакихъ комментаріевъ. И только когда пробѣгаешь его глазами, начинаешь конкретно понимать все значеніе восклицанія, вырвавшагося однажды у католическаго депутата рейхстага д-ра Биттера: „Что сталось бы съ центромъ, если бы клиръ хоть одинъ разъ во время выборовъ оставался нейтральнымъ?!“

Какъ ни могущественна, однако, организація католической церкви, центръ не можетъ все-таки удовлетвориться однимъ лишь использованіемъ ея огромнаго, но собственно приспособленнаго для другихъ цѣлей аппарата. Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ онъ упорно и неустанно работалъ надъ созданіемъ самыхъ разнообразныхъ политическихъ, культурныхъ и экономическихъ объединеній своихъ сторонниковъ, и — надо отдать ему полную справедливость — успѣлъ достичь въ этой области поистинѣ замѣчательныхъ результатовъ.

1) „Vorwärts“, 1912, № 17.

Прежде всего центръ, подобно всѣмъ другимъ политическимъ партіямъ, имѣетъ, конечно, свою партійную организацію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ различныхъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ разбросаны его многочисленные партійные союзы; союзы эти объединены въ областныя, провинціальныя и такъ наз. „государственныя“ (т. е. по союзнымъ государствамъ) организаціи и на самой вершинѣ увѣнчаны особымъ „имперскимъ комитетомъ“, являющимся высшимъ официальнымъ представителемъ партіи. Впрочемъ, этотъ политическо-партійный механизмъ, на который вожди центра всегда любятъ ссылаться въ доказательство не-конфессіональнаго характера послѣдняго, не играетъ на практикѣ сколько-нибудь значительной роли: онъ предназначенъ спеціально для избирательныхъ целей, въ обычное же время влачитъ довольно скромное и мало-замѣтное существованіе.

Главную же боевую силу центра, источникъ его мощи и основаніе его величія представляетъ созданный еще Виндгорстомъ знаменитый „Volksverein für das katholische Deutschland“ („Народный союзъ католической Германіи“). Официальной задачей этого учрежденія является с о ц і а л ь н о е в о с п и т а н і е католическаго населенія и литературно-политическая борьба съ соціалъ-демократіей. Организаціонный аппаратъ Volksverein'а, насчитывающаго въ настоящее время (1913 г.) свыше 800 тыс. членовъ, поражаетъ своей грандіозностью и строго проведеннымъ принципомъ централизма. 24-членное правленіе Verein'а, выбираемое по половинамъ ежегоднымъ съѣздомъ союза, назначаетъ особыхъ представителей для отдѣльныхъ провинцій и діоцезъ, которымъ подчинены, въ свою очередь, предсѣдатели окружныхъ и городскихъ организацій. Послѣдніе—каждый въ районѣ своей дѣятельности—назначаютъ такъ наз. Vertrauensmänner („довѣренныхъ людей“) отъ улицъ и кварталовъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждыя 20—40 католическихъ семей приходился одинъ Vertrauensmann. О гигантскихъ размѣрахъ Volksverein'а можно судить, между прочимъ, по тому, что общее количество его „довѣренныхъ людей“ опредѣляется приблизительно въ 30.000 чел. Всѣ органы союза отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ обязаны безусловнымъ повиновеніемъ центральному правленію, имѣющему свое мѣстопребываніе въ небольшомъ рейнскомъ городѣ Мюнхенъ-Гладбахъ. Членскій взносъ въ союзъ равняется 1 мк. въ годъ, и за это всѣ участники организаціи безплатно получаютъ официальное изданіе послѣдней, „Der Volksverein“, выходящій 8 разъ въ годъ.

Центральное правленіе союза представляетъ собой въ высшей степени обширное и сложное учрежденіе. 50 чиновниковъ выполняютъ всю его огромную канцелярскую, бухгалтерскую и техническую работу, 18 спеціальныхъ служащихъ (всѣ—люди съ высшимъ

образованіемъ) заняты исключительно литературной работой. Система раздѣленія труда между послѣдними проведена очень строго, такъ что одни пишутъ только по рабочему вопросу, другіе—только по аграрному, третьи—только по финансовому и т. д. Къ услугамъ литературныхъ работниковъ имѣется большая библіотека, содержащая 22.000 томовъ, свыше 200 газетъ и журналовъ, рядъ пишущихъ машинъ, обширный штатъ стенографистокъ и, наконецъ, особая типографія, занимающая до 50 чел. рабочихъ.

Дѣятельность Volksverein'a распадается на литературную и агитаціонно-просвѣтительную. Литературная дѣятельность его необыкновенно широка и разнообразна, ибо здѣсь, въ Мюнхенъ-Гладбахѣ, куется все духовное оружіе центра, съ которымъ затѣмъ его многочисленные агитаторы идутъ въ бой противъ врага по всей странѣ. Кромѣ упоминавшагося уже выше офиціальнаго органа „Der Volksverein", центральнымъ правленіемъ издаются еще два спеціальныхъ ежемѣсячника: „Soziale Kultur", предназначенный для широкихъ круговъ католической интеллигенціи, и „Pläsides Correspondenz", дающій руководящія указанія дѣятелямъ рабочихъ и юношескихъ организацій. Къ числу періодическихъ изданій Volksverein'a можно, пожалуй, еще отнести двѣ такъ наз. „Корреспонденціи", появляющіяся еженедѣльно и посвященныя—одна соціально-политическимъ, а другая церковно-теологическимъ вопросамъ. „Корреспонденціи" эти разсылаются болѣе, чѣмъ 400 католическимъ газетамъ, перепечатывающимъ затѣмъ статьи, содержащіяся въ „Корреспонденціяхъ", на своихъ столбцахъ.

Наряду съ періодическими Volksverein выпускаетъ также въ огромномъ количествѣ и непеpіодическія изданія. Среди послѣднихъ первое мѣсто, несомнѣнно, занимаютъ летучіе листки по различнымъ вопросамъ политики, экономики, общественной жизни и т. д. Листки эти, всегда написанные въ специфическомъ хлестко-демагогическомъ, такъ называемомъ, „мюнхенъ-гладбаховскомъ" стилѣ, печатаются въ милліонахъ и десяткахъ милліоновъ экземпляровъ и расходятся буквально по всей странѣ. Далѣе Volksverein'омъ издаются отдѣльными небольшими тетрадями „соціальная", „апологетическая" и „общеполезная" библіотека для народа, также тетрадями, но побольше (и посерьезнѣе) „Соціальные вопросы дня" и „Апологетическіе вопросы дня", особыя брошюры для рабочихъ, письма къ руководителямъ и дѣятелямъ организаціи подъ общимъ заголовкомъ „Программа работы народнаго союза" и т. д. Наконецъ, имъ же изданы спеціальныя руководства для католическихъ ораторовъ— „Соціальные рефераты" и „Апологетическіе рефераты",—содержащія тщательно подобранный матеріалъ для произнесенія рѣчей на самыя разнообразныя общественно-экономическія и теологическія темы.

Не менѣе обширна и агитаціонно-просвѣтительная дѣятельность

Volksverein'a. Ежегодно имъ созывается до 5.000 народныхъ собраній, посвященнымъ различнымъ вопросамъ дня; имъ организуются народныя бюро и рабочіе секретаріаты (въ настоящее время свыше 200) для оказанія юридической помощи бѣднѣйшимъ слоямъ населенія; открываются общественныя библіотеки и читальни; устраиваются просвѣтительные вечера для народа и образовательные курсы для рабочихъ сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ; созываются многочисленныя „соціальныя конференціи", на которыхъ слушатели въ рядѣ систематическихъ докладовъ знакомятся съ различными вопросами соціальной политики (обыкновенно такія конференціи продолжаются 7—8 дней); создаются „соціальные кружки" среди студентовъ; выдаются стипендіи для поддержки лицъ, изучающихъ политическую экономію въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и т. д.

Такова широкая, разносторонняя и планомѣрно направленная работа величайшей организаціи германскаго политическаго католицизма, ставящей себѣ, по выраженію ея вождя, депутата рейхстага А. Пипера, основной задачей „наблюдать за поведеніемъ многочисленныхъ враговъ, оказывать послѣднимъ своевременный рѣшительный отпоръ и подготовлять для этого отпора планъ дѣйствій, оружіе и опытныхъ вождей [1]).

Volksverein является организаціей культурно-политическаго характера. Но центръ отлично понимаетъ значеніе экономическаго момента въ жизни современнаго общества и потому обращаетъ особенное вниманіе на созданіе экономическихъ объединеній различныхъ классовъ населенія, представленныхъ въ его партійномъ микрокосмѣ. Такъ, для крестьянъ у него имѣется сельско-хозяйственная кооперація (кредитная, закупочная и т. д.), въ послѣднія десятилѣтія нашедшая въ Германіи необыкновенно широкое распространеніе. Въ настоящій моментъ общее число кооперативно-организованныхъ крестьянъ превышаетъ $1^1/_2$ милл. человѣкъ, причемъ особенно густая сѣть кооперативныхъ союзовъ покрываетъ Баварію, Баденъ, Вюртенбергъ, Гессенъ, Рейнскую область и т. д.,— какъ разъ все главные районы политическаго вліянія католиковъ. Конечно, официально сел.-хоз. кооперація является совершенно нейтральной,—фактически, однако, она состоитъ, по меньшей мѣрѣ, въ столь же тѣсной связи съ центромъ, въ какой состоятъ, напр., „свободные" профессіональные союзы съ соціалъ-демократической партіей. Организаціи Mittelstand'а служатъ многочисленные „христіанскіе" союзы купцовъ, союзы ремесленныхъ мастеровъ, союзы торговыхъ служащихъ и т. д. Рабочихъ, какъ стихію особенно непокорную, центръ старается приручить при помощи двоякаго рода организацій: „христіанскихъ профессіональныхъ союзовъ" и такъ

---

[1]) „Das Arbeitsprogramm des Volksvereines", Brief 7, 1909.

называемыхъ „католическихъ рабочихъ ферейновъ“. Первые были созданы имъ въ цѣляхъ конкуренціи съ соціалистическимъ профессіональнымъ движеніемъ еще въ 90-хъ гг. прошлаго столѣтія и объединяютъ въ настоящее время около 300 тысячъ членовъ. Это— довольно безпринципныя и непослѣдовательныя экономическія рабочія организаціи, вѣчно колеблющіяся между энергичной аттакой капитала, съ одной стороны, и самымъ откровеннымъ штрейкбрехерствомъ—съ другой. Христіанскіе союзы интерконфессіональны (они принимаютъ въ свою среду какъ католиковъ, такъ и протестантовъ), и это обстоятельство,—мы увидимъ ниже,—даетъ поводъ къ жестокимъ нападкамъ со стороны болѣе консервативныхъ элементовъ центра. Что же касается „католическихъ рабочихъ ферейновъ“, то они всѣ безъ исключенія строго конфессіональны, находятся обычно подъ эгидой патеровъ и носятъ частью религіозный, частью образовательно-увеселительный характеръ. Число ихъ членовъ, судя по отчетнымъ даннымъ 1911—2 гг., также достигаетъ приблизительно 300 тыс. человѣкъ.

Особое мѣсто въ ряду организацій, созданныхъ центромъ, занимаютъ католическіе юношескіе союзы. Возникши еще въ суровую эпоху Kulturkampf'а, они получили въ послѣдніе годы необыкновенно широкое распространеніе. Формы и характеръ этихъ организацій весьма различны—среди нихъ имѣются союзы ремесленныхъ учениковъ, союзы молодыхъ рабочихъ, союзы христіанскихъ дѣвушекъ и т. д.,—а ихъ численность и размѣры чрезвычайно внушительны: въ настоящее время онѣ объединяютъ отъ 250—300 тыс. юношей и дѣвушекъ въ возрастѣ 14—20 лѣтъ. Всѣ католическіе союзы молодежи вмѣстѣ образуютъ особый „Verband der katholischen Jugendvereinigungen Deutschlands“, составляющій одинъ изъ краеугольныхъ камней партійно-политическаго зданія центра.

Весь этотъ длинный (и все-таки еще не совсѣмъ полный) рядъ религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ и культурныхъ организацій, созданныхъ германскимъ католицизмомъ, дополняется его необыкновенно широко развѣтвленной и многочисленной прессой. Въ одной Баваріи, напр., съ ея 7-милл. населеніемъ насчитывается 115 католическихъ газетъ съ болѣе, чѣмъ 700 т. абонентовъ. А во всей Германіи число ежедневныхъ органовъ съ ярко выраженной клерикальной и физіономіей, по статистикѣ 1910 г., достигало 500 (точно 492) съ общимъ тиражемъ около 3 милл. экземпляровъ. Какъ незначительна еще въ сравненіи съ этимъ гигантскимъ потокомъ католическаго печатнаго слова соціалъ-демократическая пресса, насчитывавшая въ томъ же 1910 г. только 76 ежедневныхъ газетъ съ 1.160 тыс. абонентовъ!

Таковъ сложный и многообразный міръ политическаго католицизма въ Германіи. И вотъ, когда окидываешь взглядомъ всю его

исполинскую машину съ десятками тысячъ церковныхъ кафедръ и исповѣдаленъ, съ черными полчищами фанатически-настроеннаго духовенства, съ густой сѣтью юношескихъ и рабочихъ организацій, съ безчисленными кооперативами, профессіональными союзами, народными домами, благотворительными учрежденіями, юридическими секретаріатами, съ колоссальной, проникающей въ самые глухіе уголки прессой,—когда все это видишь, начинаешь понимать, какую неизмѣримую силу представляетъ собою центръ, и какимъ образомъ ему удается, несмотря на быстро растущую дифференціацію въ рядахъ нѣмецкаго народа, поддерживать до сихъ поръ почти въ полной неприкосновенности существованіе своего партійно-политическаго микрокосма.

V

Впрочемъ, не одна только изумительная организація, какъ ни важна она сама по себѣ, обезпечиваетъ центру его нынѣшнее политическое положеніе. На ряду съ организаціей, дополняя и подкрѣпляя ее, въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и его поразительно ловкая истинно-іезуитская тактика, сознательно разсчитанная на систематическое одурачиваніе малосвѣдущихъ и неопытныхъ въ политикѣ широкихъ народныхъ массъ.

Крайняя разношерстность соціальнаго состава центра ставитъ предъ его руководителями въ тактической области поистинѣ нелегкія задачи. Какъ примирить, въ самомъ дѣлѣ, напр., интересы рабочихъ и предпринимателей, одинаково входящихъ въ ряды партіи въ сферѣ соціальнаго законодательства? Какъ согласить интересы крестьянина и помѣщика въ вопросахъ налоговой политики? Или, какъ сочетать интересы широкой массы потребителей съ интересами многочисленной группы мелкихъ торговцевъ? Разумѣется, путемъ обламыванія острыхъ угловъ у требованій отдѣльныхъ составныхъ частей можно до извѣстной степени поддерживать худой миръ въ рядахъ партійнаго организма. Центръ именно такъ и поступаетъ. Несмотря, однако, на все дипломатическое искусство его вождей, ему все-таки очень часто приходится попадать въ чрезвычайно критическія положенія, характеризующіяся извѣстнымъ выраженіемъ: не довернись—бьютъ, перевернись—бьютъ. Выкарабкаться изъ этихъ фатальныхъ затрудненій при помощи политически-чистыхъ средствъ нѣтъ никакой возможности, и вотъ тутъ-то для сохраненія партійнаго statu quo пускается въ ходъ знаменитая „тактика центра“, представляющая собой искусное сочетаніе лжи и лицемѣрія, кощунства и насилія, обмана и демагогіи. Поставленная въ необходимость примирять непримиримое, партія вьется, какъ угорь, и мѣняетъ ежечасно свою окраску, какъ настоящій хамелеонъ. Вожди центра

называютъ подобную тактику „тактикой примиренія", но ее съ гораздо большимъ правомъ можно было бы назвать тактикой самаго безпардоннаго политическаго мошенничества. Чтобы не быть голословнымъ, приведу здѣсь нѣсколько характерныхъ примѣровъ.

Однимъ изъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ соціальной политики, игравшихъ въ послѣдніе годы въ Германіи особенно крупную роль, несомнѣнно, является проблема страхованія отъ безработицы. Проблема эта впервые была выдвинута соціалъ-демократами и мало-помалу привлекла къ себѣ вниманіе очень широкихъ круговъ населенія. Центру, всегда такъ кичащемуся своимъ пристрастіемъ къ вопросамъ соціальнаго лаконодательства, въ высшей степени неудобно выступать открыто противъ с.-д. предложенія: вѣдь „его" католическіе рабочіе заинтересованы въ страхованіи отъ безработицы не меньше, чѣмъ ихъ с.-д. коллеги. Съ другой стороны, однако, центру еще менѣе удобно поддерживать энергично столь радикальное требованіе „красныхъ", ибо „его" предприниматели, а отчасти и „его" Mittelstand находятъ, что соціальной политики въ Германіи и безъ того ужъ слишкомъ много. Въ этомъ затруднительномъ положеніи центръ прибѣгаетъ къ очень легкому и простому выходу: онъ не отвѣчаетъ прямо ни да, ни нѣтъ, а начинаетъ тактику систематической обструкціи по отношенію къ с.-д. предложенію. Когда с.-д. вносятъ свой проектъ въ рейхстагъ, ораторы центра, дѣлая глубокій реверансъ предъ столь важной и необходимой реформой, рѣшительно, однако, заявляютъ, что страхованіе отъ безработицы — дѣло не имперскаго парламента, а отдѣльныхъ мѣстныхъ ландтаговъ. Когда же с.-д. вносятъ свое предложеніе въ мѣстные ландтаги, — ландтагскіе представители того же центра съ напряженіемъ всѣхъ силъ доказываютъ, что и отдѣльное союзное государство представляетъ собой все еще слишкомъ крупную территоріальную единицу для проведенія подобнаго рода реформы, и предлагаютъ передать все дѣло на усмотрѣніе городскихъ коммунъ. С.-д. соглашаются и на это и вслѣдъ затѣмъ возбуждаютъ вопросъ о введеніи страхованія отъ безработицы въ муниципальныхъ совѣтахъ крупныхъ городовъ... Но тогда мѣстные политики центра начинаютъ категорически утверждать, что отдѣльная коммуна по экономическимъ соображеніямъ не въ состояніи осуществить столь крупнаго преобразованія, и что проведеніе его надо возложить на плечи союзнаго государства или даже всей имперіи. Эта игра въ прятки съ страхованіемъ отъ безработицы тянется непрерывно изъ года въ годъ и практическое разрѣшеніе наболѣвшаго вопроса, исключительно лишь благодаря іезуитской тактикѣ центра, такъ до сихъ поръ и не двигается ни на шагъ впередъ.

Не менѣе двулична позиція католической партіи и по отношенію къ другой еще болѣе острой и важной проблемѣ современной германской жизни—къ реформѣ прусскаго избирательнаго права. Какъ

извѣстно, соціаль-демократія настаиваетъ на замѣнѣ нынѣшней плутократической трехклассной системы извѣстной четырехчленной формулой. И опять-таки центру, неоднократно торжественно заявлявшему о своей глубокой приверженности къ всеобщему избирательному праву, немыслимо выступать открыто противъ предложенія с.-д. Но, съ другой стороны, ему еще меньше хочется вносить вообще какія-либо измѣненія въ существующую избирательную систему, отдающую прусскій ландтагъ, а черезъ него фактически и всю Германскую имперію въ руки поповъ и дикихъ помѣщиковъ. И вотъ начинается хитроумный Eiertanz (танецъ на яйцахъ) центра около непріятнаго вопроса. Когда весной 1910 г. избирательная реформа, подъ вліяніемъ широкаго движенія пролетаріата, была поставлена на обсужденіе ландтага, центръ, всегда такъ любящій рекламировать свою демократичность, съ величайшей готовностью ухватился за замѣчавшійся тогда между буржуазными партіями куцый компромиссъ, согласно которому старая трехклассная система должна была быть сохранена и только нѣсколько „исправлена“ установленіемъ прямыхъ выборовъ и тайной подачи голосовъ, Свою тогдашнюю скромность вожди центра объясняли крайнимъ упорствомъ консерваторовъ, не желавшихъ вообще никакой реформы: лучше что-нибудь — говорили они,— чѣмъ ничего. Компромиссъ 1910 г. однако по разнымъ причинамъ не осуществился, и вопросъ, къ великому удовольствію центра, временно снятъ съ порядка дня.

Но вотъ въ маѣ 1912 г. свободомыслящимъ пришло въ голову снова привлечь общественное вниманіе къ кардинальной проблемѣ политической жизни Германіи. Прекрасно сознавая полную невозможность при нынѣшнемъ составѣ ландтага добиться какихъ-либо радикальныхъ измѣненій дѣйствующаго избирательнаго права, они, оставивъ въ сторонѣ всеобщее голосованіе, ограничились внесеніемъ въ палату лишь скромнаго предложенія объ установленіи прямыхъ выборовъ и тайной подачи голосовъ при сохраненіи основъ старой избирательной системы. Иными словами, свободомыслящіе повторили въ 1912 г. тотъ самый компромиссъ, который два года тому назадъ находилъ полное сочувствіе въ рядахъ центра. Основываясь на програмныхъ заявленіяхъ различныхъ партій, прогрессисты вполнѣ разсчитывали на принятіе этотъ разъ ихъ предложенія большинствомъ палаты, т. к., по ихъ подсчету, за компромиссъ должно было быть подано 230 (центръ, націоналъ-либералы, свободомыслящіе, поляки и с.-д.), а противъ компромисса 213 (консерваторы и свободные консерваторы) голосовъ. Дѣйствительность, однако жестоко разочаровала эти наивныя либеральныя надежды. Центръ, которому совершенно невозможно было голосовать противъ скромнаго предложенія прогрессистовъ, но которому, съ другой стороны, совсѣмъ не улыбалось его принятіе, прибѣгнулъ къ хитроумному маневру: въ день

рѣшительнаго засѣданія 43 изъ его 104 ландтагскихъ депутатовъ остались сидѣть дома, и... реформа избирательнаго права была провалена.

Въ обоихъ вышеприведенныхъ случаяхъ центру приходилось выступать въ качествѣ скрытой оппозиціи прогрессивнымъ преобразованіямъ, выдвигаемымъ другими партіями. Но бываютъ моменты (и довольно часто), когда католики, превратившись сами въ отвѣтственныхъ законодателей, осчастливливаютъ страну вмѣстѣ съ своими ближайшими союзниками, консерваторами, той или иной реакціонной реформой. Тогда опасность недовольства въ собственныхъ рядахъ центра становится очень вѣроятной, и для предупрежденія нежелательныхъ внутреннихъ конфликтовъ послѣдній всегда стремится снабдить свой сомнительный законодательный подарокъ какой-нибудь дешевой, но блестящей демократической погремушкой, могущей служить благодарнымъ предлогомъ для демагогическихъ упражненій его агитаторовъ. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно типичной была тактика центра во время обсужденія въ рейхстагѣ знаменитыхъ таможенныхъ тарифовъ 1902 г. Принявъ эти тарифы, означавшіе огромное вздорожаніе стоимости жизни, центръ тотчасъ же для смягченія непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго его поведеніемъ на широкія массы католическихъ рабочихъ, поспѣшилъ устами своего соціально-политическаго свѣтила, Тримборна, внести принятое рейхстагомъ предложеніе обратить „излишки", которые государственная казна должна получить отъ новыхъ таможенныхъ пошлинъ, на организацію не позже 1910 г. страхованія вдовъ и сиротъ. Къ назначенному сроку, какъ и слѣдовало ожидать, никакихъ излишковъ въ казнѣ не оказалось, а куцое страхованіе вдовъ и сиротъ, проведенное въ 1911 г., пришлось покрывать совершенно изъ иныхъ источниковъ. Но что изъ этого? Въ моментъ вотированія тарифовъ блестящая побрякушка сдѣлала свое дѣло, и этого было совершенно достаточно. А потомъ широкая масса забыла о предательствѣ, совершенномъ центромъ, и все мало-по-малу вошло въ свою колею.

Если же, однако, подчасъ подобныя упрощенныя средства оказываются почему-либо не дѣйствительными, и волненіе въ рядахъ партіи продолжаетъ расти, грозя принять серьезные размѣры, — то въ ходъ пускаются болѣе рѣшительныя мѣры: на мгновеніе центръ открываетъ свое „демократическое лицо" (про запасъ у него всегда имѣется таковое), становится въ позу народнаго трибуна и проваливаетъ одинъ или два министерскихъ законопроекта. Послѣ этого онъ дѣлаетъ легкій реверансъ въ сторону носителей государственной власти и, какъ ни въ чемъ не бывало, снова спокойно возвращается на скамьи правительственнаго большинства.

Въ политической борьбѣ случаются моменты, когда для достиженія той или иной цѣли каждая партія бываетъ вынуждена всту-

пать во временныя соглашенія съ другими своими соперницами или сосѣдками. Въ этомъ отношеніи нѣтъ, кажется, въ Германіи партіи менѣе щепетильной и разборчивой, чѣмъ католическій центръ. Во имя непосредственныхъ практическихъ выгодъ онъ готовъ объединиться съ кѣмъ угодно, хотя бы съ самимъ дьяволомъ или Вельзевуломъ. Чаще всего центръ блокируется, конечно, съ родственными ему консерваторами, но на протяженіи послѣднихъ 20 лѣтъ можно насчитать не мало его соглашеній и съ нац.-либералами, и съ свободомыслящими, и съ антисемитами, и съ поляками, и даже—horribile dictu!—съ соціалъ-демократами. При этомъ обстановка, въ которой подчасъ заключались политическіе договоры между „черными" и „красными", отличалась истинно-іезуитской пикантностью. Вотъ какъ описываетъ, напр., старый вождь германской соціалъ-демократіи Фольмаръ исторію заключенія одного изъ подобныхъ договоровъ во время выборовъ въ баварскій ландтагъ въ 1899 г.

„Я пріѣхалъ вмѣстѣ съ депутатомъ Ф. Эрхартомъ въ Шпейеръ и, по просьбѣ послѣдняго, долженъ былъ на слѣдующій день присутствовать на одномъ важномъ совѣщаніи съ представителемъ центра. Совѣщаніе было назначено въ соборѣ, такъ какъ для центра это мѣсто было всего удобнѣе. Мы вступили въ храмъ черезъ боковую капеллу, на порогѣ которой насъ встрѣтилъ соборный священникъ. Предшествуемые послѣднимъ мы—я, Эрхартъ и еще одинъ—прошли черезъ ряды колѣнопреклонныхъ молящихся во внутрь храма и затѣмъ нѣсколькими шагами дальше въ склепъ, дверь которой была передъ нами открыта самимъ священникомъ... Въ склепѣ стояли два алтаря, а передъ ними нѣсколько рядовъ скамей для молящихся, на которыя мы и опустились, выбравъ мѣста поближе отъ стѣны. Въ этой обстановкѣ разговоръ шелъ, разумѣется, не объ архитектоникѣ собора и не о какихъ-либо иныхъ „подлыхъ" вещахъ, а объ избирательномъ соглашеніи въ Пфальцѣ и объ относящихся сюда предметахъ. Во время бесѣды веселый Эрхартъ обернулся какъ-то къ находившейся за нами стѣнѣ склепа и, постучавъ по ней пальцами, сказалъ.

— А, что,—слышатъ-ли насъ тамъ старые императоры?

На это сващенникъ, улыбаясь, отвѣтилъ:

— Знаете-ли, мы и сами еще не увѣрены, есть-ли тамъ въ дѣйствительности хоть одинъ изъ нихъ.

Вскорѣ послѣ того дверь склепа съ шумомъ отворилась, церковный слуга ввелъ какого-то незнакомца, мы поднялись съ своихъ мѣстъ и вышли изъ собора" [1]).

Политическія соглашенія между центромъ и с.-д. бывали и позд-

---

[1]) „Münchener Post", 1911, № 234 отъ 1 ноября. Въ Шпейерскомъ соборѣ по преданію похоронены императоры изъ дома Габсбурговъ.

нѣе. Это однако нисколько не помѣшало католической прессѣ во время выборовъ 1912 г. въ рейхстагъ съ лицемѣрнымъ возмущеніемъ обрушиться на прогрессистовъ за то, что тѣ рѣшились заключить блокъ съ партіей пролетаріата на перебаллотировкахъ.

Обманъ, демагогія, лицемѣріе, двуличность—все это несомнѣнно очень важные и очень употребительные тактическіе методы центра. Но все-таки самымъ надежнымъ, самымъ испытаннымъ его оружіемъ, къ которому онъ прибѣгаетъ для поправленія своихъ дѣлъ въ наиболѣе затруднительныхъ случаяхъ, является вовлеченіе въ политику религіи. Обнаруживаются-ли серьезныя разногласія въ его рядахъ, наступаютъ-ли тяжелые дни избирательной кампаніи, происходитъ-ли конфликтъ между нимъ и правительствомъ,—центръ неизмѣнно даетъ по партіи одинъ и тотъ же сакраментальный пароль: „Религія въ опасности!“ Его пресса начинаетъ послѣ этого изощряться въ выискиваніи несуществующихъ фактовъ притѣсненія католицизма, а его агитаторы, разъѣзжая по странѣ, предвѣщаютъ повсюду наступленіе новаго Kulturkampf'а. И такова ужъ сила традиціи и религіозной солидарности, что еще ни разу до сихъ поръ этотъ призывный кличъ, отъ времени до времени раздающійся съ высоты „центровской башни“ не обманулъ ожиданій „черныхъ“ стратеговъ: при первыхъ же звукахъ его разстроенные ряды партіи всегда снова смыкались и давали рѣшительный отпоръ надвигающемуся врагу.

Впрочемъ, въ своей эксплуатаціи религіознаго момента центръ не ограничивается однимъ лишь вызываніемъ призрака новыхъ гоненій. Онъ извлекаетъ изъ религіи и болѣе непосредственную пользу. Его черные агитаторы въ острые моменты политическихъ столкновеній обнаруживаютъ поистинѣ неутомимую энергію, и то, что они выдѣлываютъ въ это время, стоитъ нерѣдко на границѣ съ подлиннымъ кощунствомъ. Такъ, напр., въ періодъ послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ католическіе священники вели съ амвоновъ самую откровенную политическую агитацію, призывая всюду вѣрующихъ „во имя Христа“ поддерживать кандидатовъ партіи центра. Многіе духовные отцы серьезно увѣряли свою паству, что „избирательный бюллетень наравнѣ съ свидѣтельствомъ объ исповѣди идутъ на судъ Божій“, что „хорошіе выборы для Бога значатъ больше, чѣмъ молитва о терновомъ вѣнцѣ“, что подача голоса за с.-д. кандидата равносильна вѣчной погибели души и т. д., въ томъ же родѣ. Одинъ баварскій пасторъ послѣ окончанія богослуженія потребовалъ отъ присутствующихъ троекратнаго прочтенія „Отче нашъ“ за благопріятный исходъ выборовъ, а другой его коллега не пропустилъ случая поагитировать въ пользу центра даже у раскрытой могилы одного изъ своихъ прихожанъ. Это безобразное поведеніе католическаго духовенства нашло себѣ въ началѣ нынѣшняго года даже офиціальное осужденіе въ фактѣ кассаціи высшими судебными

инстанціями Эльзасъ-Лотарингіи ряда мандатовъ центра при выборахъ въ мѣстный ландтагъ исключительно лишь въ виду незаконнаго давленія на совѣсть избирателей.

Таковы наиболѣе типичныя черты знаменитой „тактики центра", таковы методы и формы политической борьбы могущественнѣйшей партіи современной Германіи, написавшей на своемъ знамени нынѣ звучащія почти ироніей слова: „Für Wahrheit, Freiheit und Recht!" („За истину, свободу и право!")

VI

Какъ ни крѣпка и ни могуча организація центра, какъ ни тонка и хитроумна его тактика,—однако и ихъ вліяніе имѣетъ все-таки свои предѣлы. И какъ разъ въ настоящее время есть много основаній полагать, что политическій католицизмъ въ Германіи уже миновалъ высшую точку своего развитія и теперь медленно, но неуклонно вступаетъ въ полосу неизбѣжнаго распада.

Причины этого явленія вполнѣ понятны. Не подлежитъ сомнѣнію, что все направленіе современнаго культурнаго прогресса работаетъ въ сторону ослабленія религіознаго чувства, по крайней мѣрѣ, въ его старыхъ исторически-сложившихся формахъ. Но растущее ослабленіе религіознаго чувства естественно ведетъ къ паденію вліянія католической церкви, а это послѣднее, въ свою очередь, означаетъ для центра разрушеніе того единственнаго базиса, на которомъ ему удалось изъ пестраго и разношерстнаго человѣческаго матеріала построить свое величественное партійно-политическое зданіе. Такія послѣдствія несомнѣннаго „расхристіаниванія" (Entchristlichung) человѣчества въ данномъ случаѣ усиливаются въ огромной степени еще тѣмъ обстоятельствомъ, что прогрессирующее обостреніе классовыхъ противорѣчій, такъ ярко обнаружившееся въ Германіи въ послѣднія десятилѣтія, естественно способствовало развитію мощныхъ центробѣжныхъ тенденцій въ соціальномъ микрокосмѣ центра. Въ результатѣ могущественная партія, всегда гордившаяся внутреннимъ единствомъ и непобѣдимостью, вступила въ полосу тяжелаго, затяжного кризиса, который можетъ закончиться только ея полнымъ разложеніемъ.

Опасности, грозящія центру въ настоящее время, идутъ съ двухъ сторонъ. Во первыхъ, онъ явно начинаетъ терять свои рабочіе легіоны, доказательствомъ чему можетъ служить прежде всего застой въ развитіи протежируемаго центромъ христіанскаго профессіональнаго движенія. Начиная съ 1907 г. число членовъ послѣдняго стоитъ на точкѣ замерзанія, колеблясь неизмѣнно около 300 тыс., и это въ то время, когда конкуррирующее съ нимъ „свободное"

профессіональное движеніе за тотъ же самый періодъ успѣло вырости съ 1.800 до 2.500 тыс. человѣкъ. Не менѣе характерно также полное отсутствіе роста голосовъ центра на выборахъ въ рейхстагъ въ его главной рабочей твердынѣ—Рурской области: ихъ число тамъ въ 1912 г. по сравненію съ 1907 г. абсолютно почти не увеличилось, а относительно сильно упало. Все это очень зловѣщіе симптомы, и если принять во вниманіе, что въ мірѣ пролетаріата центру приходится конкуррировать съ могучимъ вліяніемъ соціалъ-демократіи, то можно съ увѣренностью утверждать, что уже въ самомъ ближайшемъ будущемъ отъ нынѣшняго христіанскаго рабочаго движенія останутся лишь мало замѣтные и ничтожные обломки. Тѣмъ самымъ изъ фундамента партійно-политическаго зданія центра будетъ выбитъ одинъ изъ его краеугольныхъ камней, отчего и все зданіе неизбѣжно должно будетъ потерять свою прежнюю устойчивость и естественно очень сильно накрениться направо.

Во-вторыхъ, и это, пожалуй, еще болѣе важно, центръ съ сравнительно недавняго времени раздирается глубокими внутренними несогласіями. Какъ всякая большая политическая партія, онъ имѣетъ свое правое и свое лѣвое крыло, и споръ между ними идетъ о вѣчно старомъ и вѣчно новомъ въ лагерѣ католиковъ вопросѣ: что же такое, собственно, представляетъ собою центръ—строго конфессіональную организацію или же политическую партію pur sang? Представители праваго крыла, группирующіеся около берлинскаго органа „Germania“ и имѣющіе во главѣ бреславльскаго архіепископа Коппа, бывшаго депутата Рёрена и нѣкоторыхъ др., стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что центръ есть строго конфессіональнее объединеніе, что поэтому выше всего онъ долженъ ставить интересы католицизма и быть во всемъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ римскаго престола. Наоборотъ, лѣвое крыло, считаюшее своимъ органомъ „Kölnische Volkszeitung“, а своими вождями Ю. Бахема, Эрцбергера, Тримборна, М. Шпана и др., энергично отстаиваетъ то защищавшееся еще Виндгорстомъ положеніе, что центръ есть такая же политическая партія, какъ и всѣ другія, хотя, разумѣется, стоящая на почвѣ католическаго міросозерцанія, и что, признавая непререкаемый авторитетъ папы въ вопросахъ религіозныхъ, она во всей остальной своей дѣятельности сохраняетъ полную свободу движеній. Зачатки этихъ (здѣсь кратко сформулированныхъ) разногласій можно прослѣдить вплоть до эпохи Kulturkampf'а, но раньше при жизни умнаго и осторожнаго папы Льва XIII, умѣвшаго тактично закрывать глаза на неизбѣжныя отступленія отъ строго-католической догмы, они не принимали особенно остраго характера. Положеніе однако рѣзко измѣнилось съ вступленіемъ на престолъ нынѣшняго папы—властнаго и воинственнаго Пія X. Подъ его непосредственнымъ вліяніемъ въ рядахъ центра выросло и окрѣпло консервативно-

католическое „берлинское“ теченіе и начало упорную борьбу за преобладаніе съ болѣе прогрессивно-демократическимъ „кельнскимъ“ направленіемъ. Въ партіи и въ рейхстагской фракціи „кельнское“ направленіе находится въ несомнѣнномъ большинствѣ и, кромѣ того, оно, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, пользуется симпатіями въ правительственныхъ кругахъ. Наоборотъ, „берлинское“ теченіе въ рядахъ самого центра много слабѣе, но зато оно имѣетъ за собой могущественную поддержку римскаго престола.

Въ послѣдніе годы раздирающія центръ разногласія особенно заострились на вопросѣ о профессіональномъ движеніи. Мнѣ уже приходилось выше упоминать, что созданныя центромъ христіанскія профессіональныя организаціи носятъ интерконфессіональный характеръ, принимая въ свою среду какъ католиковъ, такъ и протестантовъ. Этотъ интерконфессіонализмъ является несомнѣннымъ отступленіемъ отъ основъ строго католической догмы, но творцы профессіональныхъ союзовъ вынуждены были къ тому крайней необходимостью: христіанское движеніе и сейчасъ-то отличается довольно скромными размѣрами, а если бы оно начало еще дробиться по признаку религіи, то ни о какой борьбѣ съ соціалъ-демократіей, конечно, невозможно было бы и думать. Именно такъ „кельнское“ направленіе обосновываетъ и защищаетъ религіозную нейтральность профессіональнаго движенія. Но „берлинцы“ держатся на этотъ счетъ совершенно иныхъ воззрѣній: интересы католицизма, по ихъ мнѣнію, раньше всего и прежде всего, и этими интересами нельзя жертвовать даже ради борьбы съ соціализмомъ. Поэтому сторонники Ререна и Коппа ведутъ отчаянную борьбу противъ христіанскаго профессіональнаго движенія и въ видѣ конкурренціи ему создаютъ свои собственныя строго-католическія профессіональныя организаціи, влачащія, правда, довольно жалкое существованіе.

Дѣятельное участіе въ этомъ спорѣ изъ-за характера и формъ рабочихъ организацій принимаетъ и самъ верховный глава католической церкви папа Пій X. Нѣсколько лѣтъ назадъ, по доносу архіепископа Коппа, ѣздившаго спеціально въ Римъ съ жалобой на „кёльнское“ направленіе, папа готовилъ уже особую энциклику противъ христіанскихъ союзовъ. Однако, вліянію прусскаго правительства, считающаго съ своей точки зрѣнія крайне нежелательнымъ разгромъ рабочихъ организацій центра, удалось на время отсрочить занесенный ударъ. Съ своей стороны, и христіанскіе союзы дикой антисоціалистической агитаціей въ періодъ выборовъ въ рейхстагъ и предательскимъ поведеніемъ во время большой стачки углекоповъ въ 1912 г. попытались наилучшимъ образомъ зарекомендовать въ глазахъ „берлинцевъ“ свою крайнюю „благонамѣренность“ и тѣмъ самымъ купить себѣ у папы право на дальнѣйшее существованіе. Какъ сложится ихъ дальнѣйшая судьба, трудно сказать, но во вся-

комъ случаѣ надъ головой интерконфессіональнаго христіанскаго движенія нависли грозныя тучи...

Не трудно видѣть, что описанные раздоры въ лагерѣ центра не предвѣщаютъ послѣднему въ близкомъ будущемъ ничего хорошаго. Побѣда консервативно-клерикальнаго „берлинскаго“ направленія, на которую, въ виду постепеннаго отпаденія рабочихъ и ортодоксально-воинственнаго настроенія папы, приходится, повидимому, разсчитывать, нанесетъ, несомнѣнно, очень тяжелый ударъ центру, оттолкнувъ отъ него наиболѣе прогрессивные элементы католическаго міра и крайне стѣснивъ свободу его движеній въ общественно-политической сферѣ. А это, въ связи съ уходомъ пролетарскихъ элементовъ, будетъ означать сильное ослабленіе черной арміи и замѣтное суженіе ея соціальнаго базиса. Изъ партіи, обнимающей чуть ли не всѣ классы и сословія современнаго общества, центръ все болѣе долженъ будетъ превращаться въ политическое представительство одной лишь реакціонно-клерикальной мелкой буржуазіи—городской и сельской,—явственно теряющей въ Германіи почву подъ ногами и отчасти сокращающейся даже въ числѣ. Конечно, было бы большой ошибкой полагать, что намѣченный здѣсь процессъ разложенія центра явится продуктомъ уже самаго ближайшаго будущаго, чуть ли не завтрашняго дня. Какъ читатель могъ убѣдиться изъ моего предыдущаго изложенія, центръ еще очень крѣпокъ и могучъ, и сумѣетъ еще очень долго бороться за свое существованіе. Но неизбѣжное все-таки рано или поздно должно совершиться. И чѣмъ скорѣе оно наступитъ, тѣмъ лучше.

Для всякаго, знакомаго съ внутренними отношеніями современной Германіи—не тайна, что именно центръ, а не консерваторы, какъ это обычно принято думать, является самымъ главнымъ и самымъ страшнымъ препятствіемъ на пути дальнѣйшаго общественно-политическаго прогресса страны. Излишне доказывать, конечно, что нѣмецкіе консерваторы тупы, близоруки и злобно-реакціонны. Но они сами по себѣ, въ концѣ-концовъ, вовсе ужъ не такъ страшны: у консерваторовъ нѣтъ идеологіи, которая скрывала бы ихъ политическую наготу и привлекала бы къ нимъ широкія массы. Кто за ними идетъ,—идетъ лишь изъ-подъ палки, а подобное положеніе, разумѣется, не можетъ долго продолжаться. И прусскіе юнкера, конечно, давно уже были бы побѣждены, если бы они не находили себѣ могущественной опоры въ центрѣ, партіи народной, партіи демократической (по составу), имѣющей въ католицизмѣ ту идеологію, дѣйствующую на массы, которой такъ нехватаетъ консерваторамъ.

Вотъ почему всѣ прогрессивные элементы страны—и прежде всего, конечно, ея соціалистическій пролетаріатъ—будутъ съ радостью и надеждой привѣтствовать тотъ день, когда, подмытая неустаннымъ

теченіемъ времени, рухнетъ, наконецъ, величественная „башня“ центра, открывая сильной и способной 65-милліонной націи перспективы свободнаго демократическаго развитія.

Либерализмъ

I

Когда я думаю о современномъ германскомъ либерализмѣ, мнѣ всегда невольно приходятъ на память два яркихъ факта изъ его ранней исторіи: франкфуртское національное собраніе 1848—49 гг. и прусскій конституціонный конфликтъ явившійся прелюдіей объединенія Германіи. Въ тотъ періодъ либерализмъ переживалъ свою первую молодость, полную страстныхъ порывовъ и возвышающихъ душу стремленій. Онъ былъ подобенъ или, покрайней мѣрѣ, долженъ былъ быть подобенъ пылкому и смѣлому юношѣ, который, горя неистраченнымъ запасомъ энергіи и силъ, чувствуетъ крылья за спиной и въ дерзкой самонадѣянности готовъ завоевать весь міръ. Такъ во всякомъ случаѣ полагалось либерализму по возрасту,— тѣмъ любопытнѣе и поучительнѣе посмотрѣть, каковъ же былъ тогда германскій либерализмъ въ дѣйствительности.

Знаменитое франкфуртское національное собраніе открылось 18 мая 1848 г. Оно состояло изъ 600 депутатовъ отъ всѣхъ частей въ то время еще раздробленнаго нѣмецкаго отечества и имѣло своей задачей разрѣшеніе труднѣйшей проблемы эпохи—созданіе единой и нераздѣльной Германіи. Революція одержала свою первую и наиболѣе полную побѣду. Старый порядокъ былъ потрясенъ до основанія. Тиски „домартовской“ реакціи разжались, и скованный народъ вздохнулъ свободнѣе. Волны демократическаго движенія все еще перекатывались изъ конца въ конецъ по странѣ и то тамъ, то сямъ вспыхивали огненными языками гражданской войны. Все находилось въ плавильномъ тиглѣ, и массы населенія неудовлетворенныя уже сдѣланными завоеваніями, ждали отъ ближайшаго будущаго новыхъ успѣховъ, правящіе и господствующіе, напуганные внезапнымъ порывомъ народнаго гнѣва, съ тревогой готовились къ новымъ уступкамъ. Основнымъ требованіемъ проснувшейся отъ долгаго историческаго сна націи, ея завѣтнымъ стремленіемъ ея наиболѣе горячей мечтой была единая Германія и, потому, естественно, что такъ внезапно пришедшую ей въ руки власть нація поспѣшила использовать

въ желательномъ ей направленіи. Такъ родилось франкфуртское національное собраніе, бывшее попыткой революціи разрѣшить демократическимъ путемъ снизу ту сложную, но неизбѣжную политическую задачу, которая двумя десятилѣтіями позже была разрѣшена реакціонными силами сверху при помощи жестокихъ средствъ „крови и желѣза“.

При такихъ условіяхъ тактика впервые собравшагося общегерманскаго учредительнаго собранія намѣчалась какъ бы сама собой: „Слѣдовало немедленно распустить Союзный Сеймъ—писали въ свое время Марксъ и Энгельсъ въ извѣстной работѣ „Die Revolution und die Gegenrevolution in Deutschland“— въ Германіи не было болѣе непопулярнаго учрежденія—и взамѣнъ его выбрать федеральное правительство изъ своей среды; объявить себя единственнымъ законнымъ выразителемъ державной воли германскаго народа и тѣмъ придать законную силу своимъ рѣшеніямъ; а прежде всего обезпечить себѣ организованную вооруженную силу въ странѣ, достаточную для подавленія всякой оппозиціи со стороны правительствъ. И все это было легко, очень легко сдѣлать въ начальный періодъ революціи“. *) Конечно даже полное осуществленіе данной программы еще не гарантировало абсолютнаго наступленія побѣды, но во всякомъ случаѣ это былъ единственный путь, на которомъ побѣда вообще была мыслима.

Что же случилось въ дѣйствительности?

Національное собраніе, состоявшее, главнымъ образомъ, изъ либеральныхъ адвокатовъ, журналистовъ и профессоровъ разныхъ оттѣнковъ (такимъ образомъ, на либерализмъ ложится за него вся историческая отвѣтственность), не сумѣло понять требованій момента. Преисполненное самыми прекраснодушными намѣреніями оно, видимо, не подозрѣвало той простой истины которую изъ практическаго опыта превосходно знали всѣ реакціонеры и которую впослѣдствіи такъ блестяще формулировалъ Ф. Лассаль, именно, что прочность конституцій покоится не на совершенствѣ ихъ юридической конструкціи, а на тѣхъ реальныхъ силахъ, которыя онѣ могутъ выдвинуть на свою защиту. И вмѣсто того, чтобы съ перваго же дня своего существованія рѣшительно, энергично и послѣдовательно заняться созданіемъ этихъ реальныхъ силъ, франкфуртскій парламентъ ударился въ міръ политической абструкціи, въ міръ настоящей законодательной схоластики. Не было сдѣлано ни одного удачнаго практическаго шага, властно диктовавшагося нуждами положенія, но зато было произнесено цѣлое море словъ—благородныхъ, прекрасныхъ, сентиментально-восторженныхъ,—и однако лишенныхъ какого

---

*) K. Marx.—Revolution und Koutre—Revolution in Deutschland, Stuttgart, 1896, стр. 53.

бы то ни было дѣйствительнаго значенія. Эти болтливые идеологи нѣмецкаго мѣщанства и нѣмецкой буржуазіи серьезно думали, что можно „заговорить“ противниковъ и они съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, не уставали предаваться столь безплодному занятію. „Краснорѣчіе“ Національнаго Собранія по истинѣ не имѣетъ себѣ ничего равнаго въ исторіи и теперь, post factum, мы имѣемъ полное право утверждать, что именно „краснорѣчіе“ прежде всего его погубило. Не даромъ популярные стихи временъ революціи горестно-иронически по адресу собранія восклицали:

Fünf und siebzig Professoren—
Vaterland, du best verloren!
(Семдесятъ пять профессоровъ,—
Отечество, ты погибло!)

Три недѣли франкфуртскій парламентъ обсуждалъ вопросъ объ установленіи центральной имперской власти, причемъ число записавшихся ораторовъ достигло 200 чел. Пять мѣсяцевъ онъ потратилъ на выработку „Основныхъ правъ германскаго народа“—блѣдную копію знаменитыхъ „Правъ человѣка и гражданина“, вотированныхъ за 60 лѣтъ передъ тѣмъ французской конституантой. Еще полгода ушло на составленіе имперской конституціи. И это въ самый разгаръ революціонной грозы, когда жизнь и обстоятельства настойчиво требовали лихорадочно-быстрыхъ, рѣшительныхъ дѣлъ!

И вотъ въ то время, какъ Національное Собраніе безсмысленно тратило драгоцѣнныя недѣли и мѣсяцы на построеніе своего карточнаго домика—народнаго суверенитета, оно пальцемъ не шевельнуло для превращенія самого себя въ полномочное представительство германской націи. Оно нашло возможнымъ выбить особую медаль въ честь избраннаго имъ главы центральной имперской власти, но не удосужилось провозгласить свои постановленія имѣющими силу закона. Оно рѣшило цвѣта флага еще не существующаго нѣмецкаго флота, но не рискнуло выбрать изъ своей среды федеральное правительство. Меньше всего, однако, оно понимало все значеніе организованной вооруженной силы. Подъ носомъ у собранія въ Майнцѣ прусскіе войска обезоружили гражданскую милицію, и франкфуртскіе мудрецы не только не протестовали, наоборотъ стали они на сторону насильниковъ. Собраніе учредило комиссію по организаціи народнаго ополченія, но, по какимъ-то непонятнымъ причинамъ, въ нее вошли почти исключительно одни члены правой, которые дѣлали все возможное для того, чтобы тормазить ея работу. Не довольствуясь этой фатальной небрежностью къ созданію собственнаго войска, собраніе, точно пораженное какой-то странной слѣпотой приняло рядъ мѣръ спеціально направленныхъ къ тому, чтобы ослабить свою собственную позицію и въ огромной степени усилить позицію реакціи. Оно вотировало удвоеніе численности германской

арміи, доведя ее до 900 тыс. чел., (въ виду „опасности со стороны Франціи и Россіи“); оно избрало главой временнаго имперскаго правительства австрійскаго эрцгерцога Іоганна, заядлого реакціонера и послушнаго орудія въ рукахъ вѣнско-берлинской дипломатіи; оно предложило потомъ, когда Австрія отказалась признавать выработанную имъ федеральную конституцію, германскую корону... прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV, заклятому врагу демократіи. Впрочемъ, Фридрихъ-Вильгельмъ отклонилъ отъ себя эту честь. Оно обнаружило позорныя нерѣшительность и малодушіе, когда въ маѣ—іюнѣ 1849 г. въ Саксоніи, Баденѣ, Пфальцѣ, Вюртембергѣ и нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Германіи вспыхнули народныя возстанія на защиту какъ разъ той самой имперской конституціи, которую такъ долго вырабатывало собраніе. Сотни депутатовъ (и не только правыхъ, но и представителей либеральнаго центра) вышли изъ состава франкфуртскаго парламента, а оставшаяся лѣвая—въ количествѣ въ началѣ 150, а впослѣдствіи 100 чел. — все время колебалась между тайной поддержкой революціонеровъ и торжественными призывами реакціи къ законности. Въ концѣ концовъ, парламентъ или точнѣе обломки парламента должны были покинуть свою резиденцію и искать убѣжища въ Штутгартѣ, здѣсь подвергаться всевозможнымъ униженіямъ со стороны вюртембергскаго правительства, бродить изъ одного помѣщенія въ другое, пока, наконецъ, фельдфебельскій каблукъ прусской реакціи не раздавилъ окончательно народнаго движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ не положилъ конца жалкому и безславному существованію перваго общегерманскаго Національнаго Собранія...

II

Прошло 13 лѣтъ, и германскій либерализмъ снова выдвинулся на авансцену исторіи. Но теперь его полемъ дѣятельности былъ уже не весь тевтонскій міръ, а только Пруссія, его „проблемой“— не объединеніе разрозненнаго отечества, а защита народовластія отъ аттаки со стороны милитаризма и реакціи. Въ мартѣ 1862 г. закончилась кратковременная „либеральная эра“, смѣнившая собой въ 1858—59 гг. десятилѣтнюю ночь жестокой контръ-революціи. Принцъ-регентъ, впослѣдствіи король прусскій и императоръ германскій Вильгельмъ I, наслѣдовавшій престолъ Фридриха-Вильгельма IV, уволилъ въ отставку назначенное имъ передъ тѣмъ умѣренно-прогрессивное министерство Шверина-Ауэрсвальда. Одновременно была распущена нижняя палата ландтага, и „освѣженное“ реакціонно-консервативными элементами правительство стало энергично дѣлать новые выборы. Однако всѣ его усилія кончились позорнымъ фіаско. Собравшееся 19 мая 1862 г. новое народное представительство на-

считывало 235 либераловъ изъ общаго количества 352 депутатовъ, сторонники министерства—консерваторы—провели всего лишь 12 чел. Это было полное пораженіе. Поле битвы осталось, такимъ образомъ, за прогрессивнымъ бюргерствомъ, и каждый тревожно задавалъ себѣ вопросъ: что же будетъ дальше?

Въ описываемый моментъ положеніе дѣлъ въ Пруссіи, дѣйствительно, приняло очень критическій оборотъ. Въ январѣ 1860 г. военный министръ Роонъ, по спеціальному желанію принца-регента, внесъ въ палату проектъ реформы арміи, значительно увеличивавшій ея размѣры, а также нѣсколько отодвигающій на задній планъ тѣ войсковыя части, которыя были извѣстны подъ именемъ Landwehr'a. Увеличеніе арміи диктовалось все обострявшейся борьбой съ Австріей и являлось необходимой предпосылкой созданія единой Германіи. Бисмаркъ это уже тогда видѣлъ совершенно ясно, принцъ-регентъ предчувствовалъ, но не сознавалъ вполнѣ отчетливо. Палата депутатовъ встрѣтила военную реформу крайне враждебно. Либералы боялись дать королевской власти въ руки слишкомъ могущественное оружіе. Поэтому они требовали, чтобы армія не была отгорожена отъ народа каменной стѣной и настаивали на сокращеніи срока службы съ трехъ до двухъ лѣтъ. Правительство не соглашалось. Попытки компромисса не удались,—тогда началась упорная борьба между ландтагомъ и министерствомъ. Роонъ взялъ свой законопроэктъ обратно, и принцъ-регентъ, ставшій тѣмъ временемъ королемъ, рѣшилъ провести реформу въ порядкѣ управленія, за спиной народнаго представительства. Послѣднее реагировало на это попраніе своихъ правъ съ необыкновенной страстностью. Его ораторы аттаковали правительство съ безпримѣрной въ политической исторіи Германіи рѣшительностью. Достаточно сказать, что, напр., столь уравновѣшенный человѣкъ, какъ извѣстный государствовѣдъ Гнейстъ, употребилъ однажды въ своей рѣчи оборотъ: „Эта реорганизація арміи съ каиновымъ знакомъ клятвопреступленія на челѣ*)... Его члены, выражаясь словами депутата Мюлленэифена, поклялись „лучше претерпѣть смерть на своемъ посту въ палатѣ, чѣмъ взять на душу грѣхъ нарушенія присяги“. Его постановленія становились все рѣзче и категоричнѣе. 23 сентября 1862 г. ландтагъ большинствомъ 308 голосовъ противъ 11 отклонилъ расходы на военныя реформы и потребовалъ распущенія вновь образованныхъ полковъ. 22 января 1864 г. ландтагъ большинствомъ 227 противъ 51 отказалъ правительству въ разрѣшеніи выпустить заемъ, необходимый для веденія датской войны. Въ маѣ 1865 г., когда война уже была успѣшно закончена, ландтагъ снова отказалъ въ согласіи на вы-

---

*) G. Kaufmann — Politicshe Geschichte Deutschlands, Berlin, 1900 стр. 570.

пускъ займа для покрытія разходовъ, вызванныхъ кампаніей предыдущаго года. Такъ какъ, однако, Бисмаркъ, съ 1862 г. ставшій во главѣ исполнительной власти, упрямо гнулъ свою линію, не обращая вниманія на оппозицію палаты, то либералы пошли, въ концѣ концовъ, даже на такое крайнее парламентское средство, какъ отказъ въ утвержденіи военнаго бюджета. И, дѣйствительно, военные бюджеты 1862—66 гг. были незаконными бюджетами, такъ какъ правительство въ этотъ періодъ расходовало деньги безъ санкціи парламента, опираясь единственно лишь на грубую силу штыковъ. Борьба постепенно разгоралась, общественное настроеніе подымалось все выше, король, не видя исхода, собирался отречься отъ престола, и ближайшее будущее Пруссіи даже наиболѣе проницательнымъ политикомъ того времени казалось окрашеннымъ въ ярко-революціонные цвѣта...

И однако, несмотря на всѣ эти грозные симптомы, революціи все-таки не случилось, не случилось по двумъ главнымъ причинамъ. Во-первыхъ, по тому, что за весь пятилѣтній періодъ „конституціоннаго конфликта“ либеральному бюргерству ни разу не пришло въ голову, выйдя изъ душныхъ кулуаровъ парламента, аппеллировать непосредственно къ массамъ и, такимъ образомъ, вызвать для разрѣшенія своего спора съ юнкерско-милитаристской реакціей мятежный духъ народнаго возстанія. Какъ и въ 1848—49 гг. прогрессистской буржуазіи не хватало для этого гражданскаго мужества и, когда Лассаль выступилъ съ своими проектами приведенія въ движеніе демократическихъ низовъ, она набросилась на него, какъ на сѣятеля смуты и активнаго пособника правительства. За эту трусость передъ массами германскій либерализмъ, какъ увидимъ ниже, былъ жестоко наказанъ впослѣдствіи.

Во-вторыхъ—и это также не менѣе важно—революціи не произошло еще и потому, что либеральное бюргерство не обнаружило достаточной твердости въ отстаиваніи столь, казалось бы, ему близкихъ принциповъ народовластія. Его рѣзкая оппозиція узурпаторской политикѣ Бисмарка продолжалась ровно лишь до тѣхъ поръ, пока будущій „желѣзный канцлеръ“ не одержалъ побѣды надъ Австріей. Война 1866 г. вознесла творца объединенной Германіи на небывалую высоту, его имя было окружено сіяніемъ славы и всеобщаго преклоненія, и этотъ яркій внѣшній успѣхъ какъ-то внезапно примирилъ германскій либерализмъ съ беззаконіемъ и реакціонностью внутренней политики министра-президента. Конституціонные громы и молніи сразу были сданы въ архивъ, еще такъ недавно мятежный ландтагъ восторженно вотировалъ (230 голосами противъ 75) индемнитетъ правительству, громкій голосъ прогрессивной буржуазіи присоединился къ хору разнообразныхъ голосовъ, поющихъ „осанна“ великому юнкеру. Больше того: осенью 1869 г.

произошелъ первый и чреватый величайшими послѣдствіями расколъ въ единомъ до того лагерѣ либерализма. Подъ главенствомъ Беннигсена его правое, болѣе умѣренное, крыло вышло изъ рядовъ такъ наз. Fortshcrittspartei и образовало новую партію націоналъ-либераловъ, которая ставила своей задачей „не упуская изъ виду обязанностей бдительной и лойальной оппозиціи“, поддерживать тѣмъ не менѣе Бисмарка въ его „національной политикѣ“ и въ созданіи союза нѣмецкихъ государствъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, этотъ шагъ является поворотнымъ моментомъ во всей исторіи германскаго либерализма. За громъ побѣдныхъ кликовъ онъ продалъ свое политическое первородство, ради могущества „бронированнаго кулака“ во внѣ пожертвовалъ возможностями своего господства внутри. Отсюда ведетъ свое начало та линія почти непрерывнаго, неудержимаго паденія, которымъ характеризуется развитіе бюргерской оппозиціи за протекшія съ тѣхъ поръ полстолѣтія.

Таковъ былъ германскій либерализмъ въ лучшую и наиболѣе яркую пору своего существованія, въ пору молодости. Чего же можно ожидать отъ него въ наши дни?

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ болѣе детальному изображенію политическаго лица нынѣшняго германскаго либерализма, я позволю себѣ вкратцѣ остановиться на важнѣйшихъ событіяхъ его внѣшней карьеры отъ основанія имперіи до настоящаго времени.

III

Мы видѣли, что событія 1866—67 г.г. создали двѣ либеральныхъ партіи—болѣе умѣренную и болѣе крайнюю—или, какъ чаще выражаются въ Германіи, двѣ линіи либерализма—„женскую“ и „мужскую“. „Женская“ линія—это націоналъ-либералье, которые съ первыхъ же дней своего бытія представляли болѣе вліятельнѣе чѣмъ промышленные и торговые круги буржуазіи и которые поэтому, вполнѣ послѣдовательно съ годами выработали настоящій культъ Бисмарка. Еще бы: этой части буржуазіи объединеніе Германіи было дороже всего на свѣтѣ, дороже самыхъ заманчивыхъ конституціонныхъ перспективъ, а вѣдь „желѣзный канцлеръ“ былъ какъ разъ героемъ національнаго объединенія! И, дѣйствительно, мы видимъ, что десятилѣтіе 1867—77 г.г., совпавшее съ рожденіемъ и первоначальнымъ укрѣпленіемъ могущественной тевтонской имперіи проходитъ подъ знакомъ тѣсной дружбы между Бисмаркомъ и націоналъ-либерализмомъ.

Въ учредительномъ рейхстагѣ 1867 г. націоналъ-либералы составили особую фракцію, насчитывавшую въ началѣ 50, а позднѣе 80 членовъ, въ такомъ же примѣрно числѣ они появились и въ пер-

вомъ регулярномъ сѣверо-германскомъ райхстагѣ. Періодъ, отдѣляющій войну 1866 г. отъ франко-прусской кампаніи, былъ несомнѣнно наиболѣе плодотворнымъ и „блестящимъ“ временемъ въ исторіи умѣреннаго нѣмецкаго либерализма. Онъ игралъ роль правительственной партіи, шелъ рука объ руку съ Бисмаркомъ, энергично работалъ надъ собираніемъ разрозненнаго отечества и въ сравнительно довольно широкихъ размѣрахъ осуществлялъ свою волю въ законодательствѣ. Конституція Германской имперіи, бюджетное право рейхстага, уставъ о промышленности 1869 г. и рядъ другихъ крупныхъ политическихъ и экономическихъ мѣръ, легшихъ въ основу новаго государственнаго цѣлаго, обязаны своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, націоналъ-либерализму и носятъ на себѣ его несомнѣнную печать. Съ объединеніемъ Германіи націоналъ-либерализмъ на первыхъ порахъ еще болѣе выигралъ въ силѣ и значеніи. Въ рейхстагѣ 1871 г. онъ насчитывалъ—120, въ рейхстагѣ 1874 г.—152 своихъ представителей (изъ общаго количества 397), Бисмаркъ продолжалъ на него опираться и съ его помощью проводить свои финансовыя, военныя, церковныя и правовыя реформы. При его поддержкѣ онъ предпринялъ и свою знаменитую Kulturkampf. Въ серединѣ 70 г.г. „желѣзный канцлеръ“ носился даже съ мыслью о введеніи націоналъ-либераловъ въ составъ правительства и соблазнялъ Беннигсена министерскимъ портфелемъ. Беннигсенъ поставилъ однако условіемъ приглашеніе въ кабинетъ еще двухъ либераловъ (Форкенбека и Штауфенбаха) и, такъ какъ Бисмаркъ на это не согласился, то изъ всего проекта, въ концѣ концовъ, не получилось ничего.

1874 г. знаменуетъ собой поворотъ въ судьбахъ націоналъ-либеральной партіи. Въ этомъ году происходитъ ссора между ней и канцлеромъ на почвѣ экономической политики. Желая укрѣпить финансовое положеніе новорожденной имперіи, Бисмаркъ внесъ проектъ табачной монополіи, но націоналъ-либералы, въ то время еще сильно пропитанные манчестерскими идеалами, провалили его. Въ слѣдующемъ 1879 г. положеніе еще болѣе обострилось благодаря введенію первыхъ аграрныхъ пошлинъ. Фритрэдеры — націоналъ-либералы на первыхъ порахъ упорно сопротивлялись этому преобразованію, произошелъ окончательный разрывъ между ними и Бисмаркомъ, канцлеръ сблизился съ консерваторами и центромъ, и умѣренный либерализмъ волею обстоятельствъ былъ отброшенъ въ оппозицію. Наиболѣе блестящій „творческій“ періодъ его былъ законченъ, теперь началось его постепенное, но неудержимое увяданіе. Оно шло двумя путями: путемъ внутренняго дробленія и путемъ замѣтнаго ослабленія его внѣшняго политическаго вліянія.

Уже въ 1879 г. отъ націоналъ-либеральной партіи отдѣлилась небольшая группа Вёлька, ставшая на почвѣ протекціонизма и рѣ-

шившая занять мѣсто между ними и „имперской партіей“ (одна изъ разновидностей консерваторовъ). Впрочемъ, группа эта не нашла достаточнаго отклика въ широкихъ слояхъ населенія и очень быстро исчезла. Гораздо серьезнѣе былъ отколъ „слѣва“ происшедшій въ 1880 г. на почвѣ уже не экономическихъ а политическихъ вопросовъ. Цѣлый рядъ виднѣйшихъ представителей партіи, какъ Бамбергеръ, Форкенбекъ, Ласкеръ, Риккертъ и др. (всего 28 депутатовъ), недовольныхъ слабымъ и нерѣшительнымъ курсомъ Беннигсена по отношенію къ крѣпнувшей реакціи, покинули свое прежнее политическое отечество и образовали особое „Liberale Verenigung“, имѣвшее блестящій успѣхъ на выборахъ 1881 г.: оно получило 576 тыс. голосовъ и 47 мандатовъ противъ 609 тыс. голосовъ и 47 мандатовъ, полученныхъ національ-либералами. Рѣчь о дальнѣйшей судьбѣ этихъ либеральныхъ „сецессіонистовъ“ будетъ еще ниже.

Параллельно съ процессомъ дробленія шло быстрое паденіе политическаго и парламентскаго вліянія. Лишь одинъ единственный разъ за послѣдніе 35-лѣтіе—въ 1887 г.—національ-либералы получили 99 мандатовъ, но это было въ эпоху знаменитыхъ „картельныхъ выборовъ“, когда для проведенія такъ наз. „септената“ (утвержденія численности войска разъ въ 7 лѣтъ) они вошли въ блокъ съ консерваторами и центромъ; обычно же число принадлежащихъ имъ полномочій колебалось около 50. И это у партіи, въ началѣ имперской эры располагавшей, чуть не половиной всѣхъ депутатскихъ мѣстъ! Точно также количество ея избирателей обнаруживало рѣзкіе скачки вверхъ и внизъ, отъ 609 тыс. въ 1881 г. до 1.678 т. въ 1887 г. Въ 1902 г. національ-либералы вмѣстѣ съ консерваторами и центромъ энергично, поддерживали антинародный таможенный тарифъ, получившій, въ концѣ концовъ, силу закона, въ 1907—9 г.г. они принимали участіе въ пресловутомъ „консервативно-либеральномъ блокѣ“, при помощи котораго кн. Бюловъ пытался управлять страной.

IV

Обратимся теперь къ „мужской линіи“ германскаго либерализма. Здѣсь мы находимъ еще больше дробленій и группировокъ, чѣмъ въ лагерѣ національ-либерализма. Съ извѣстнымъ правомъ можно утверждать, что вся исторія лѣваго или, какъ принято выражаться въ заинтересованныхъ кругахъ, „рѣшительнаго либерализма“ (eutschiedener Liberalismus“) за минувшія 50 лѣтъ была непрерывной серіей различныхъ политическихъ новообразованій, расколовъ, объединеній, новыхъ расколовъ и новыхъ соглашеній. Вотъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ и данныхъ, подтверждающихъ только что высказанное мнѣніе.

Главной представительницей лѣваго крыла германскаго либерализма является несомнѣнно та основанная въ 1861 г. всеобъемлющая „Fortschrittspartei“ (Прогрессистская партія), во главѣ которой стояли Шульце-Деличъ, Сименсъ, Форкенбекъ и др. и которая на первыхъ порахъ включала въ свой составъ элементы будущей національно-либеральной концентраціи. Именно эта партія провела всю борьбу съ Бисмаркомъ въ эпоху прусскаго конфликта, именно она выработала тѣ взгляды и тактическіе методы, которые впослѣдствіи стали типичными для болѣе радикальной части буржуазіи. Въ 1866—67 гг., какъ мы видѣли, Fortschrittspartei претерпѣла первый и несомнѣнно самый серьезный расколъ: ея главная масса круто измѣнила свое отношеніе къ министру-президенту, ихъ рѣзкой оппозиціи къ нему перешла на положеніе правительственной опоры и вотировала индемнитетъ и федеральную конститутцію 1867 г. Въ концѣ концовъ, эта главная масса образовала національ-либеральную партію. Меньшинство, оставшіеся вѣрнымъ старому знамени, несмотря на исходъ австро-прусской войны, не измѣнило своей привычной позиціи. Оно сохранило недовѣрчиво-враждебное отношеніе къ Бисмарку и голосовало противъ индемнитета и противъ федеральной конституціи; послѣднюю оно находило недостаточно демократической. Послѣ 1871 г. главный центръ тяжести въ дѣятельности Fortschrittspartei былъ перенесенъ на борьбу съ милитаризмомъ и имперіализмомъ. Руководимая блестящимъ парламентаріемъ Евгеніемъ Рихтеромъ партія проповѣдывала „политику бережливости“ въ сферѣ военнаго дѣла, вотировала противъ увеличенія арміи и флота, выступала противъ колоніальныхъ пріобрѣтеній. Въ 1894 г., напр., она даже прямо требовала „разгруженія Германіи отъ колоніальной политики“.

Въ 1880 г., какъ выше уже было указано, отъ національ-либераловъ откололась лѣвая группа, образовавшая „Freisinnige Vereinigung“. По своимъ основнымъ политическимъ и экономическимъ стремленіямъ она весьма близко подходила къ прогрессистской партіи, но отличалась отъ послѣдней бо́льшей „современностью“, т. е. бо́льшей уступчивостью въ вопросахъ милитаризма, маринизма и имперіализма. Въ 1884 г. оба родственныя теченія слились вмѣстѣ, образовавъ „Deutsche Freisinnige Volkspartei“. Это объединеніе оказалось однако довольно кратковременнымъ. Уже въ 1893 г. въ связи съ обсужденіемъ новой военной реформы, сокращавшей срокъ службы до 2 лѣтъ и значительно увеличивавшей численность арміи, внутреннія противорѣчія въ партіи настолько обострились, что дѣло дошло до открытаго раскола: на выборахъ этого года вмѣсто „Deutsche Freisinnige Volkspartei“ фигурировали уже двѣ независимыхъ лѣво-либеральныхъ концентраціи—„Freisinnige Volkspartei“ и „Freisinnige Vereinigung“. Первая получила 666 тыс.

голосовъ и 24 мандата, вторая—258 тыс. голосовъ и 13 мандатовъ. Въ теченіе дальнѣйшихъ 16 лѣтъ обѣ партіи существовали независимо, причемъ развитіе ихъ совершалось въ прямо противоположномъ направленіи: „Freisinnige Yolkspartei“, еще въ 1893 г. мужественно боровшаяся противъ напора реакціи, къ началу XX в. сильно передвинулась вправо, и въ 1902 г. при обсужденіи таможеннаго тарифа не только отказалась отъ участія въ обструкціи, организованной соціалъ-демократами, но даже активно способствовала ея подавленію; точно также въ 1907—9 гг. она безповоротно входила въ составъ „быловскаго блока“ и до конца продѣлала всю эту глупую комедію. Наоборотъ, „Freisinnige Vereinigung“, въ послѣдніе годы все больше превращавшееся въ „академическую партію“, партію верховъ либеральной интеллигенціи (въ ея рядахъ мы находимъ цѣлый рядъ крупныхъ литературныхъ, научныхъ и политическихъ именъ, какъ Науманъ, Моммзенъ, Шрадеръ, Т. Бартъ и др.), сумѣла тверже противостоять реакціоннымъ покушеніямъ справа, ставши, въ концѣ концовъ, наиболѣе лѣвымъ теченіемъ германскаго либерализма. Въ 1902 г. „Freisinnige Vereinigung“ вмѣстѣ съ с.-д. проводило обструкцію таможеннымъ тарифамъ, въ 1907—9 гг. очень скоро вышло изъ состава „бюловскаго блока“ (не войти туда и у него не хватило мужества), а въ послѣдующіе годы энергично проповѣдывало идею великаго лѣваго блока „отъ Бассермана до Беделя“.

„Fortschrittliche Volkspartei“ и „Freisinnige Vereinigung“—это двѣ главнѣйшихъ струи лѣваго либерализма, но это еще далеко не все. Наряду съ ними съ 1868 г. въ Германіи существовала „Южно-нѣмецкая народная партія“, твердыней которой являлся по-преимуществу Вюртембергъ. Аналогичныя „народныя партіи“ передъ 1871 г. возникали и въ другихъ союзныхъ государствахъ, но въ дальнѣйшемъ они обычно сливались съ какими-нибудь болѣе крупными родственными теченіями (въ Саксоніи, напр., съ соціалъ-демократіей). Въ Вюртембергѣ „народная партія“ однако уцѣлѣла и въ теченіи болѣе, чѣмъ четырехъ десятилѣтій олицетворяла собой едва-ли не самую демократическую разновидность нѣмецкаго либерализма, нѣсколько партикуляристскую и интернаціонально-гуммонитарную по духу, но удѣлявшую всегда, съ другой стороны, большое вниманіе проблемамъ соціальнаго порядка. „Южно-нѣмецкая народная партія“ получала на выборахъ въ рейхстагъ обычно около 100 тыс. голосовъ и насчитывала въ парламентѣ 6—11 депутатовъ.

Еще лѣвѣе, чѣмъ „Южно-нѣмецкая партія“, стояли такъ наз. „націоналъ-соціалы“, основавшіе въ 1896 г. въ Эрфуртѣ „National-sozialer Verein“, идейнымъ и практическимъ отцомъ котораго былъ извѣстный пасторъ Науманъ. „Yerein“ ставилъ своей задачей поддержаніе „политики силы во внѣ и политики реформъ внутри“ го-

сударства, энергично отстаивалъ, съ одной стороны, увеличеніе арміи и флота, съ другой, широкое развитіе демократическихъ реформъ, мечталъ о созданіи „соціальной имперіи“ и тѣсномъ сотрудничествѣ между Гогенцоллернами и пролетаріатомъ. Науману удалось увлечь за собой значительныя массы передовой интеллигенціи (за нимъ шли, напр., такіе люди, какъ проф. Веберъ, Дамашке, Гёре, Мауренбреферъ и др.), но, какъ и слѣдовало ожидать, рабочій классъ остался совершенно холоденъ къ его пламенной агитаціи. На выборахъ 1898 г. „націоналъ-соціалы“ собрали 28.000 голосовъ, но не смогли провести ни одного депутата, на выборахъ 1903 г. они получили 30.000 голосовъ и 1 мандатъ. Послѣ этого „National-sozialer Verein“ былъ распущенъ, бóльшая часть его членовъ вошла въ составъ „Freisinnige Vereinigung“, меньшая—присоединилась къ с.-д.

Наконецъ, совсѣмъ недавно—въ 1909 г.—возникла еще одна лѣво-либеральная организація „Demokratische Yereinigung“, являющаяся въ сущности лишь наиболѣе радикальнымъ крыломъ знакомаго уже намъ „Freisinnige Yereinigung. Оно откололось отъ этого послѣдняго въ видѣ протеста противъ участія его въ „бюловскомъ блокѣ“ и конституировалось въ качествѣ особой партіи съ послѣдовательно-демократической программой и съ основнымъ тактическимъ лозунгомъ всегда идти вмѣстѣ съ соціалъ-демократіей противъ правыхъ. Первоначально во главѣ новой партіи стоялъ извѣстный лидеръ „Freisinnige Yereinigung“ Т. Бартъ, а послѣ его смерти (въ 1909 г.)—Герлахъ и Брейтшейдъ. Несмотря на значительное число сочувствующихъ въ кругахъ служилой интеллигенціи (особенно среди инженеровъ и техниковъ). „Demokratische Uereinigung“ развивается довольно плохо, и на выборахъ 1912 г. оно не могло провести въ парламентъ ни одного депутата. Есть много основаній полагать, что въ дальнѣйшемъ его постигнетъ участь „націоналъ-соціаловъ“, т. е. что въ ближайшемъ будущемъ оно исчезнетъ съ политической арены. Весьма симптоматичнымъ въ этомъ отношеніи является то обстоятельство, что въ 1913 г. виднѣйшій вождь „Демократическаго Объединенія“ Брейтшейдъ оффиціально перешелъ въ ряды соціалъ-демократіи.

Важнѣйшимъ событіемъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ въ исторіи „мужской линіи“ германскаго либерализма приходится считать, конечно, происшедшее въ 1910 г. объединеніе трехъ важнѣйшихъ его теченій — „Freisinnige Volksparlei“, „Freisinnige Vereenigung“ и „Süddeutsche Volkspartei“—въ „Fahrtschrittliche Volkspartei“ („Прогрессивную народную партію“), впервые начиная съ эпохи 60-хъ г.г., сочетающую въ своихъ рядахъ почти все передовое бюргерство, стоящее лѣвѣе націоналъ-либерализма (въ сторонѣ отъ новой партіи находится только „Demokratische Vereenigung“). Какъ сплоченная

фаланга, оно выступало на выборахъ 1912 г., собравъ $1^1/_2$ милл. голосовъ и проведя 43 депутата [1]). Надо думать, что эта послѣ столькихъ десятилѣтій внутреннихъ раздоровъ достигнутая, наконецъ, консолидація лѣваго либерализма окажется достаточно устойчивой и не разлетится вдребезги при первомъ подходящемъ случаѣ. Но, если это даже и будетъ такъ, все-таки останутся вполнѣ справедливы слѣдующія слова лучшаго историка германскаго либерализма О. Клейнъ-Гаттингена, которыми онъ заключаетъ свой новѣйшій двухтомный трудъ:

„Нѣмецкій либерализмъ никогда не былъ единствомъ, никогда не былъ организаціей, никогда не былъ партіей. Наоборотъ, онъ всегда былъ разрозненъ, расколотъ, лишенъ внутренной сплоченности. Онъ всегда напоминалъ собой бойца съ слабо развитой правой рукой. Онъ подобенъ былъ федераціи армій, сражающихся подъ одинаковыми знаменами, но не имѣющихъ единаго плана и единаго главнокомадующаго“ [2]).

V

Чего хочетъ германскій либерализмъ? Во что онъ вѣритъ? Къ чему стремится?

Когда вы начинаете знакомиться съ безчисленными программами, избирательными манифестами, „основными положеніями“ и прочими оффиціальными документами, въ такомъ изобиліи выпускавшимися на протяженіи минувшаго полустолѣтія различными партіями и группами нѣмецкаго либерализма, вы, въ концѣ концовъ, приходите къ выводу, что на бумагѣ всѣ они говорятъ приблизительно одно и то же.

---

1) Считаю нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя общія цифровыя данныя объ избирательныхъ успѣхахъ либерализма.

	Націон.-Либер.		Свобод. Союзъ.		Прогрессисты.		Южно-герм. парт.	
	Голоса. (тыс.)	Мандаты.	Голоса. (тыс.)	Мандаты.	Голоса. (тыс.)	Мандаты.	Голоса. (тыс.)	Мандаты.
1871	1.276	116	—	—	420	44	7	5
1874	1.875	155	—	—	572	49	12	1
1877	1.911	141	—	—	437	35	70	4
1878	1.622	109	—	—	473	26	51	3
1881	609	47	576	46	899	60	133	9
1884	997	51	997 тыс.			67	96	7
1887	1.678	99	973 „			32	89	—
1890	1.177	42	1.150 „			66	148	10
1893	997	53	258	13	666	24	169	11
1898	971	46	196	12	558	29	108	8
1903	1.317	51	243	9	538	21	91	6
1907	1.630	54	359	14	736	28	139	7
1912	1.663	45		1.497 тыс.			42	

2) O. Klein-Hattingen,—Die Geschichte des deutschen Liberalismus, Berlin-Schöneberg, 1911-12г., т. II, стр. 631.

Между лѣвымъ и правымъ крыломъ есть, конечно, извѣстная разница въ оттѣнкахъ мысли, въ ньюансахъ требованій, еще чаще въ степени опредѣленности формулировки, но въ основномъ и существенномъ они, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ несомнѣнно едины. И точно также на бумагѣ вы не найдете никакихъ рѣзкихъ измѣненій, никакихъ ярко-бросающихся въ глаза эволюцій, при сравненіи документовъ 60-хъ гг. съ документами нынѣшними.

Дѣйствительно, идеологія и общая программа германскаго либерализма за протекшій со времени основанія имперіи періодъ не претерпѣли сколько-нибудь серьезныхъ сдвиговъ и вплоть до нашихъ дней остаются однѣ и тѣ же, какъ у „мужской", такъ и у „женской" линіи послѣдняго. Основы этой либеральной „теоріи" настолько популярны и хорошо извѣстны рускому читателю, что, характеризуя ихъ, я могу ограничиться здѣсь лишь самыми бѣглыми штрихами.

Въ сферѣ политики оба крыла нѣмецкаго либерализма стоятъ на почвѣ демократическаго парламентаризма англійскаго стиля. Они—сторонники всеобщаго избирательнаго права, но отнюдь не республиканцы. Наоборотъ, они монархисты чистой воды. Послѣдняя программа націоналъ-либераловъ 1907 г., такъ прямо и начинается торжественнымъ возгласомъ: „Ненарушимая вѣрность императору и имперіи!" А прогрессисты еще въ 90-хъ гг. прошлаго столѣтія по настоянію Е. Рихтера исключили изъ партіи одного гамбургскаго депутата только за то, что онъ рѣшался желать, да и то лишь „въ идеалѣ" установленія республики въ Германіи. Въ области культуры либералы всѣхъ оттѣнковъ стремятся къ созданію свободной и независимой свѣтской школы, къ обезпеченію свободы искусства и науки, къ демократизаціи дѣла народнаго образованія. Они требуютъ далѣе широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія, равенства всѣхъ предъ закономъ, гарантій дѣйствительной гражданской свободы, поощренія прямого налоговаго обложенія и т. д. Менѣе опредѣленна позиція либерализма въ соціально-экономической сферѣ. Первоначально—въ 60—70-хъ гг.—въ ихъ рядахъ безусловно господствовало манчестерство, всѣ они были фритродерами, убѣжденными сторонниками рабочей самопомощи и невмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь. Позднѣе однако, подъ вліяніемъ уроковъ дѣйствительности, имъ пришлось измѣнить свою точку зрѣнія и они были вынуждены признать, какъ протекціонизмъ, такъ и соціальную политику. Но, хотя между правымъ и лѣвымъ крыломъ въ данномъ пунктѣ имѣются кой-какія различія, въ общемъ и цѣломъ и тутъ они обнаруживаютъ очень значительное сходство. Не слишкомъ широка и смѣла вся эта программа, мѣщанская ограниченность то и дѣло проглядываетъ въ ней, но все-таки нельзя отрицать, что она несомнѣнно прогрессивна и еще,—что она имѣетъ

за собой полустолѣтнюю давность. По внѣшности своей она мало измѣнилась съ 60-хъ гг. прошлаго вѣка, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ какъ бы о твердости и выдержанности германскаго либерализма. И, если тѣмъ не менѣе въ настоящее время въ имперіи Гогенцоллерновъ глубокое и безнадежное вырожденіе бюргерскаго свободомыслія считается общепризнаннымъ и не подлежащимъ сомнѣнію фактомъ, то это объясняется не какими-либо дефектами въ его идеологіи, а прежде всего и раньше всего органическими пороками его нынѣшнихъ методовъ дѣйствія. Ибо роковой проблемой современнаго нѣмецкаго либерализма является не его программа, а его тактика.

Партіи, какъ и люди, для завоеванія успѣха и признанія нуждаются въ характерѣ. Онѣ должны не только вполнѣ опредѣленно знать, чего онѣ хотятъ, но также обладать твердой волей и несокрушимой энергіей въ преслѣдованіи того, что онѣ считаютъ своимъ идеаломъ. Надо откровенно сказать, что изъ четырехъ крупнѣйшихъ политическихъ силъ Германіи три—консерваторы, центръ и соціалъ-демократія—въ полной мѣрѣ отвѣчаютъ указаннымъ требованіямъ, но зато четвертая и послѣдняя—либерализмъ—совершенно лишена того станового хребта, который одинъ лишь въ состояніи дать прочность и устойчивость партійно-политическому организму. Здѣсь ахиллесова пята либерализма, здѣсь основная причина всѣхъ его многочисленныхъ злоключеній и бѣдъ. Для того, чтобы нагляднѣе иллюстрировать читателю вопіющія безхарактерность и близорукость прогрессивнаго бюргерства Германіи, я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на его отношеніи къ тремъ кардинальнымъ вопросамъ нѣмецкой государственной жизни, которыя, подобно лакмусовой бумажки, способны выявлять истинную физіономію политической партіи. Эти вопросы для краткости можно обозначить такъ: пролетаріатъ, юнкерство, имперіализмъ.

Въ 60-хъ гг. прошлаго столѣтія германскій либерализмъ разсматривалъ себя, какъ представительство „третьяго сословія" въ соотвѣтствіи съ этимъ аппелировалъ не только къ буржуазіи, но и къ рабочему классу, носившему, правда, въ тотъ періодъ по-преимуществу ремесленный характеръ. Дѣствительно, мы знаемъ, что въ разсматриваемую эпоху лѣвое крыло прогрессистской партіи находило очень широкій откликъ въ рядахъ пролетаріата, что Шульце-Деличъ считался тамъ почти пророкомъ, что страна была густо покрыта либеральными „рабочими образовательными ферейнами" и что будущій вождь германской соціалъ-демократіи А. Бебель принадлежалъ къ числу наиболѣе страстныхъ партизановъ свободомыслящаго бюргерства. Когда Лассаль въ 1862 г. началъ свою знаменитую агитацію за образованіе независимой отъ буржуазіи рабочей партіи, онъ не встрѣтилъ большого сочувствія въ пролетар-

ской средѣ и до конца дней своихъ долженъ былъ довольствоваться сравнительно очень скромными успѣхами. Несмотря однако на столь благопріятно складывавшіяся условія, либерализмъ— и въ этомъ лежитъ несомнѣнно его величайшая историческая ошибка—не сумѣлъ удержать за собой трудящіяся массы. Уже во время „прусскаго конфликта“ онъ съ крайней подозрительности относился къ слишкомъ демократическимъ и революціоннымъ тенденціямъ „четвертаго сословія“, тѣмъ самымъ подготовляя почву для взаимнаго отчужденія, а, когда послѣ 1866 г. большая часть прогрессистовъ превратилась въ національ-либераловъ и потеряла всякую оппозиціонность, расколъ между пролетаріатомъ и буржуазіей въ политической области сталъ совершившимся фактомъ. Соціалъ-демократія заняла мѣсто лѣваго либерализма и въ короткое время сумѣла подчинить весь міръ труда своей безусловной идейной гегемоніи.

Прошедшія съ той поры пять десятилѣтій были эпохой систематическаго обостренія отношеній между обѣими политическими силами, эпохой все больше нароставшей, между нами открытой и непримиримой вражды. Ярче всего этотъ процессъ обнаружился въ средѣ націоналъ-либераловъ. Уже въ 1878 г. они, перепуганные покушеніями Геделя и Нобилинга на императора, голосуютъ исключительный законъ противъ соціалистовъ и затѣмъ въ теченіи 12 лѣтъ поддерживаютъ его, совершая тѣмъ самымъ вопіющее нарушеніе собственной программы, требующей равенства всѣхъ предъ закономъ. Не безъ основанія упоминавшейся уже выше О, Клейнъ-Гаттингенъ называетъ этотъ шагъ „апогеемъ паденія либерализма, апогеемъ вырожденія его въ націоналъ-либерализмъ, въ реакціонный либерализмъ, въ призрачный либерализмъ“ [1]). Въ 80-хъ г.г. націоналъ-либералы поддерживаютъ „соціальную политику“ Бисмарка, но не ради ея объективной цѣнности, а лишь какъ *средство* борьбы съ соціалъ-демократіей. Когда же выяснилась ея полная безплодность въ данномъ отношеніи, націоналъ-либералы открыто перешли въ оппозицію. Съ начала 90-хъ г.г. они стали жаловаться на обремененіе германской индустріи соціально-политическими мѣропріятіями, стали всячески тормозить ихъ дальнѣйшее развитіе, открыли упорную борьбу съ профессіональнымъ движеніемъ и торжественно провозгласили такъ наз. „Herr im Haus Standpunkt“, т.-е. идеологію чистѣйшаго индустріальнаго феодализма, превращающаго рабочаго въ безправный, всецѣло зависящій отъ воли предпринимателя придатокъ машины. За послѣдніе 25 лѣтъ не было ни одного покушенія на коалиціонное право пролетаріата или на его завоеванія въ сферѣ соціальнаго законодательства, въ которомъ не учавствовала бы „женская линія“ либерализма. И то же самое набдюдалось въ

---

[1]) O. Klein-Hattingen, ibid, т. II, стр. 637.

области политики. Сторонники всеобщаго голосованія по программѣ націоналъ-либералы, изъ страха и ненависти къ трудящейся демократіи, поддерживали всѣ реакціонныя реформы избирательнаго права въ ландтагахъ отдѣльныхъ государствъ (въ Гамбургѣ, Саксоніи) и упорно сопротивлялись перенесенію рейхстагской избирательной системы на Пруссію. Они охотно привѣтствовали бы отмѣну демократическаго избирательнаго права и въ имперскій парламентъ, и, если этого до сихъ поръ не случалось, то виной тому является во всякомъ случаѣ не излишняя принципіальность націоналъ-либераловъ. О блокѣ всѣхъ лѣвыхъ „отъ Бассермана до Бебеля" они, конечно, и слышать не хотятъ, и Бассерманъ достаточно опредѣленно это засвидѣтельствовалъ, заявивъ на партейтагѣ 1905 г. въ Дрезденѣ: „О коалиціи лѣвой съ с.-д. никогда, ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи!" [1])

Менѣе ярко и выпукло, но все-таки вполнѣ отчетливо аналогичная эволюція происходила и въ рядахъ лѣваго крыла либерализма. Въ 1878 и послѣдующихъ годахъ прогрессисты подъ главенствомъ Риттера энергично выступали противъ „исключительнаго закона", и въ дальнѣйшемъ они всегда боролись съ различнаго рода реакціонными набѣгами на права пролетаріата. Въ 80-хъ г.г. они, какъ чистые манчестерцы, были-противниками „соціальной политики", впослѣдствіи однако, когда государственное страхованіе и всѣ связанныя съ нимъ мѣропріятія, стали совершившимся фактомъ, прогрессисты примирились съ ними и даже отчасти способствовали ихъ развитію къ усовершенствованію. Они не враги профессіональныхъ союзовъ, не сторонники капеталистическаго „патріархализма". Они—апологеты всеобщаго голосованія и стоятъ за перенесеніе рейхстагской избирательной системы на прусскій ландтагъ. Они, наконецъ, не абсолютные противники „лѣваго блока" (изъ ихъ рядовъ какъ разъ вышла эта идея) и отъ случая къ случаю не прочь идти вмѣстѣ съ соціалъ-демократіей. Но—и это, съ интересующей насъ точки зрѣнія, самое важное—лѣвые либералы, выражаясь словами Апокалипсиса, „ни холодны и ни горячи, а только теплы". Они не противъ опредѣленныхъ преобразованій или тактическихъ шаговъ, они теоретически даже несомнѣнно за нихъ, — и однако на практикѣ у нихъ не хватаетъ ни воли, ни энергіи для того, чтобы хоть пальцемъ шевельнуть въ пользу осуществленія своихъ pia elesideria. Если какая-нибудь посторонняя внѣшняя сила реализуетъ все то, что стоитъ въ ихъ программѣ, они не станутъ протестовать, они, пожалуй, даже окажутъ ей „моральную" поддержку. Но самимъ заняться этимъ, казалось бы, необходимымъ дѣломъ, самимъ воевать, бороться, оплакивать пораженія, вдохновляться побѣдами — нѣтъ, для этого

[1]) O. Klein Hattingen, т. II, 613.

прогрессисты слишкомъ вялы и дряблы, слишкомъ политически малокровны, для этого у нихъ всегда слишкомъ много „сомнѣній“. И, потому, оставаясь теоретически не враждебны пролетаріату, они тѣмъ не менѣе на практикѣ не только не оказываютъ ему сколько-нибудь существенной поддержки, но очень часто даже прямо вредятъ. Ибо ихъ любимымъ занятіемъ является критическое брюзжаніе по адресу всѣхъ сколько-нибудь широкихъ и рѣшительныхъ выступленій рабочей демократіи и, такъ какъ въ ихъ рукахъ находится очень многочисленная и вліятельная лѣво-либеральная пресса, читаемая также и пролетаріатомъ, то результатомъ этого брюзжанья всегда бываетъ извѣстная депрессія въ рядахъ соціалистическихъ массъ. Вдобавокъ благодаря своей безхарактерности и внутреннему духовному средству съ національ-либералами прогрессисты очень часто становятся простымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ для прикрытія фиговымъ листочкомъ своего партійнаго имени реакціонныхъ гешефтовъ право-либеральнаго бюргерства.

И вотъ, когда окидываешь общимъ взглядомъ политику либерализма по отношенію къ пролетаріату, не можетъ удержаться отъ невольнаго восклицанія: какая безхарактерность, какая поразительная близорукость! Одно изъ двухъ: или либерализмъ отказывается отъ самого себя, отъ своего прошлаго, своихъ требованій и стремленій,— тогда онъ долженъ сдѣлать это открыто и открыто же измѣнить свою писанную программу. Или же онъ остается самимъ собой, остается вѣренъ своимъ реформаторскимъ стремленіямъ и задачамъ,— тогда онъ долженъ искать сближенія съ соціалъ-демократіей, съ пролетаріатомъ, ибо внѣ или помимо рабочей демократіи въ современной Германіи невозможно никакое дѣйствительное движеніе впередъ. Либерализмъ не дѣлаетъ однако ни того, ни другого. Онъ, точно страусъ, прячетъ голову подъ крыло, шатается между прогрессивной программой и реакціонной практикой и тѣмъ самымъ естественно обрекаетъ себя на полную немощность и политическое беплодіе.

VI

Въ рѣзскомъ контрастѣ съ этой постоянной, все растущей враждебностью либерализма къ пролетаріату находится его отношеніе къ юнкерской реакціи. Читатель помнитъ, конечно, рѣзкія политическія схватки между прогрессистами и консерваторами, борьбу между либеральнымъ бюргерствомъ и Бисмаркомъ въ эпоху прусскаго конфликта. Событія 1866—67 гг. и здѣсь явились поворотнымъ пунктомъ развитія. Съ этого момента между обоими лагерями выкидывается бѣлый флагъ перемирія, которое въ теченіи послѣдующихъ десятилѣтій постепенно переходитъ во все болѣе интимное сближе-

ніе, временами почти въ полный контактъ. Несомнѣнно коронная роль въ этой многознаменательной эволюціи принадлежитъ національ-либераламъ.

Мы знаемъ, что какъ разъ желаніе разорвать съ старой политикой „безплодной оппозиціи“ и искать союза съ Бисмаркомъ на почвѣ вопросовъ національнаго объединенія послужило причиной самого возникновенія „женской линіи“ либерализма. Этотъ духъ отреченія отъ своего прошлаго (хотя бы и относительнаго) мужества, духъ приспособленія къ могучей личности „желѣзнаго канцлера“, стоявшей у колыбели новой партіи, легъ свинцовой тяжестью на всю ея дальнѣйшую исторію. Колебанія, нерѣшительность, трусость, боязнь разгнѣвить своего „господина“, боязнь аппелировать противъ него къ народнымъ массамъ и, какъ результатъ, безнадежная половинчатость, готовность къ компромиссамъ, по-истинѣ овечья безропотность въ снесеніи оскорбленій со стороны юнкерства и его вождей— таковы наиболѣе характерныя черты праваго крыла прогрессивнаго бюргерства въ его отношеніи къ властителямъ нонишней Германіи. Националъ-либералы никогда не умѣли использовать даже наиболѣе благопріятной для нихъ коньюнктуры противъ реакціи—для этого имъ всегда не хватало ни твердости, ни воли, ни энергіи. Въ 1867 г. при обсужденіи конституціи сѣверо-германскаго союза, послужившей впослѣдствіи образцомъ для имперской конституціи, националъ-либералы находились въ чрезвычайно выгодномъ, почти рѣшающемъ положеніи и однако они не сумѣли настоять ни на отвѣтственности министерства, ни на депутатскихъ діэтахъ—двухъ требованіяхъ, которыя лежали особенно близко у нихъ на сердцѣ, но противъ которыхъ протестовалъ Бисмаркъ. Въ 1876 г. при обсужденіи въ рейхстагѣ юридическаго законодательства националъ-либералы предлагали внесенія цѣлаго ряда существенныхъ поправокъ—судъ присяжныхъ для преступленій печати, свободное обжалованіе чиновниковъ предъ судомъ и т. д. Для всѣхъ этихъ поправокъ въ палатѣ имѣлось обезпеченное большинство, но этихъ поправокъ не хотѣлъ канцлеръ, и националъ-либералы не рѣшились ничего требовать, а фактически сдались на конституцію безъ боя. Около того же времени (въ 1872 г.) въ Пруссіи реформировалась система сельскаго управленія, и паціоналъ-либералы, ярые сторонники независимости коммунъ отъ бюрократическихъ вліяній и не менѣе ярые противники землевладѣльческаго засилія въ деревенскихъ округахъ, вотировали Бисмарку „преобразованіе“, явно насмѣхавшееся надъ обоими этими стремленіями. О роли націоналъ-либераловъ въ исторіи съ закономъ противъ соціалистовъ уже упоминалось выше. Здѣсь стоитъ только еще прибавить, что они столь же энергично поддерживали все исключительное законодательство противъ католиковъ въ эпоху Kulturkampf'а, хотя и оно не менѣе, чѣмъ законъ противъ соціали-

стовъ, являлось вопіющимъ нарушеніемъ принципа гражданскаго равенства. Въ 1879 г. Бисмаркъ, ставшій къ тому времени протекціонистомъ, внесъ свой первый проектъ аграрныхъ пошлинъ и, хотя националъ-либералы еще наканунѣ упорно провозглашали фритрэдерство, они, въ концѣ концовъ, круто перемѣнили фронтъ и начали также поддерживать таможенные тарифы.

Это все примѣры изъ того періода, когда правые либералы составляли правительственную партію и когда они были крайне необходимы „желѣзному канцлеру". И, не смотря на это, они ни разу ни въ одномъ серьезномъ вопросѣ не рискнули проявить достаточной рѣшимости, ни разу не позволили себѣ поставить Бисмарка предъ дилеммой: или уступка или борьба! Ихъ обычная тактика была совсѣмъ иного рода: сначала — въ первомъ чтеніи — рѣзко-либеральное выступленіе, потомъ—закулисные переговоры, давленіе со стороны правительства, далѣе — во второмъ чтеніи—неизбѣжное „Umfall" (паденіе) и, наконецъ,—въ третьемъ чтеніи—единодушное вотированіе какого-нибудь „гнилого компромисса", приносящаго всѣ выгоды консервативному друго-противнику. Ибо основной нотой націоналъ-либеральной психологіи всегда было: „Nur nicht drängen!" (только не навязывать!) и еще: „Es muss etwas zustandekommen!" что въ вольномъ русскомъ переводѣ можетъ означать: лучше синица въ руки, чѣмъ журавль въ небѣ. Удивительно-ли, при такихъ условіяхъ, что люди и партіи, обладающія болѣе крѣпкимъ позвоночникомъ, чѣмъ націоналъ-либералы, всегда относились къ послѣднимъ съ чувствомъ презрительнаго сожалѣнія? Удивительно-ли также, что Бисмаркъ третировалъ крупнѣйшаго вождя праваго крыла либерализма Бенигсена буквально en canaille? „Желѣзный канцлеръ", самъ обладавшій могучей волей, не могъ не чувствовать: „ёнъ"— этотъ жалкій политическій слизнякъ — все стерпитъ,— такъ стоитъ-ли съ нимъ стѣсняться?

Съ конца 70-хъ гг. націоналъ-либералы были волею судебъ отброшены въ оппозицію, въ каковой они оффиціально остаются вплоть до настоящаго дня, но—Богъ мой!—что эта была за оппозиція! Слабая, безформенная, малодушная, больше всего на свѣтѣ тяготившаяся бременемъ своей оппозиціонности, готовая лизать руки реакціи всякій разъ, какъ та милостиво позволяла ей это дѣлать. Націоналъ-либералы съ восторгомъ учавствовали въ картельныхъ выборахъ 1887 г., о которыхъ рѣчь еще будетъ ниже, спасли военную реформу 1893 г., вотировали таможенные тарифы 1892 г. И единственная компенсація, которую имъ удавалось получить за всѣ свои безчисленныя услуги со стороны правящаго юнкерства,—это лишь привлеченіе отъ времени до времени на министерскіе посты отдѣльныхъ націоналъ-либераловъ (Микель—прусскій министръ финансовъ, Дернбургъ—имперскій министръ колоній), очень быстро

становившихся, конечно, прекрасными консервативными министрами.

Значительно тверже и опредѣленнѣе была позиція лѣваго крыла либерализма по отношенію къ юнкерской реакціи. Это крыло также чрезвычайно цѣня всѣ выгоды и объединенія Германіи, все-таки даже въ самые горячіе моменты, не забывало интересоваться вопросомъ: а каково будетъ это объединеніе? и какой цѣной оно будетъ достигнуто? Сами прогрессисты желали консомедаціи нѣмецкаго отечества на „свободныхъ демократическихъ основаніяхъ“, и, потому, когда они увидѣли, какую конкретную форму государственное зданіе единой имперіи принимаетъ подъ руками Бисмарка, они рѣшительно выступили противъ него. Они голосовали противъ сѣверогерманской федеральной конституціи и въ дальнѣйшемъ сохранили въ общемъ и цѣломъ строго-оппозиціонную линію по отношенію къ Бисмарку и къ правящему юнкерству. Особенно въ эпоху Евгенія Рихтера, наиболѣе яркаго и талантливаго представителя лѣваго либерализма, прогрессисты, несмотря на свою численную слабость въ рейхстагѣ, сумѣли добиться очень значительнаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, главнымъ образомъ въ сферѣ бюджетнаго права парламента. Извѣстно, что Бисмаркъ въ одно и то же время и глубоко ненавидѣлъ и глубоко уважалъ Рихтера — это служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ большой силы воли и политической честности, какъ самого лидера прогрессистовъ, такъ и руководимой имъ партіи. Дѣйствительно, въ періодъ 70—90-хъ гг. прошлаго столѣтія она была весьма мало заражена тлетворнымъ духомъ министеріализма, по правилу смѣло выступала развернутымъ фронтомъ направо и въ противоположность національ-либераламъ не забывала о своей программѣ. Она голосовала противъ исключительныхъ „католическихъ“ и „соціалистическаго“ законовъ, она энергично боролась съ попытками Бисмарка ограничить контроль рейхстага въ военной области, она вотировала противъ компромисовъ канцлера съ національ-либералами во время обслуживанія юридическихъ реформъ 1876 г., она осталась вѣрна своей оппозиціи протекціонизму вплоть до настоящаго времени и отказала въ своей санкціи тарифамъ 1902 г. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что на рубежѣ XX ст. въ поведеніи лѣваго крыла либерализма наступаетъ извѣстный, чреватый большими послѣдствіями поворотъ: его энергія, его жизнеспособность, какъ объ этомъ уже говорилось выше, начинаютъ быстро падать и параллельно съ этимъ происходитъ его явственное и все болѣе ускоряющееся перемѣщеніе вправо. Для того, чтобы понять причины даннаго явленія, необходимо бросить бѣглый взглядъ на отношеніе германскаго либерализма къ третьему кардинальному вопросу нѣмецкой политики—къ имперіализму.

Серьезное значеніе данная проблема стала пріобрѣтать лишь съ

80-хъ гг. минувшаго вѣка. Въ 1884—86 гг. Германіей были пріобрѣтены первыя колоніи, въ 1889 г. начата постройка первой желѣзной дороги въ Малой Азіи. Прямымъ послѣдствіемъ уклоненія въ сторону Weltpolitik явилось могущественное усиленіе милитаризма и нѣскольыо позднѣе маринизма. Въ 1880, 1882, 1887, 1890, 1893, 1896 и слѣдующихъ годахъ правительство требовало значительнаго увеличенія арміи. Въ 1897 г. морскимъ министерствомъ былъ назначенъ адмиралъ Тирпицъ и вслѣдъ затѣмъ началась лихорадочно быстрая постройка военнаго флота. Какъ отнеслось либеральное бюргерство къ этому новому повороту имперской политики?

Правое крыло — національ-либералы — всецѣло и всемѣрно привѣтствовали эпоху „міровой политики" и всѣ вытекающія отсюда послѣдствія. Безъ колебаній они вотировали всѣ требуемыя правительствомъ законы и необходимыя для ихъ проведенія средства. Въ 1887 г. они съ этой цѣлью вступили въ блокъ съ консерваторами и центромъ, принесшій между прочимъ удлиненіе легислатуры рейхстага съ 3 до 5 лѣтъ, въ 1893—4 гг. они грудью отстаивали увеличеніе арміи отъ оппозиціи с.-д., лѣвыхъ либераловъ и католиковъ, въ 1898—900 гг. они восторженно апплодировали первымъ „флотскимъ программамъ", заявляя, что „отечество выше партій" и что ради „охраны чести и независимости имперіи" они готовы на всякія жертвы (особенно изъ чужого кармана). Въ дальнѣйшемъ вплоть до военной реформы 1913 г. національ-либералы продолжали твердо вести все ту же линію, одновременно энергично выступая въ пользу агрессивно-колоніальной внѣщней политики. И это неудивительно: правое крыло германскаго либерализма въ послѣднія десятилѣтія все больше превращалось въ типичное представительство крупной финансово-индустріальной буржуазіи, являющейся, какъ извѣстно, повсюду носительницей современнаго имперіализма.

Сложнѣе обстояло дѣло съ лѣво-либеральными группами. Ихъ соціальный составъ (мелкая и средняя буржуазія, интеллигенція), ихъ идеологія и традиціи дѣлали ихъ менѣе воспріимчивыми къ имперіалистской заразѣ, болѣе способными къ отстаиванію исконно-либеральныхъ принциповъ. И, дѣйствительно въ теченіи почти цѣлой четверти вѣка мы видимъ съ ихъ стороны судорожныя попытки удержаться на старомъ пути, что находитъ свое наиболѣе яркое выраженіе въ ихъ борьбѣ съ прогрессирующимъ ростомъ вооруженій и колоніальныхъ увеличеній. Въ теченіи 80-хъ гг. лѣво-либеральныя группы неизмѣнно голосуютъ противъ усиленія арміи и противъ пріобрѣтенія заокеанскихъ владѣній, въ 1893 г. онѣ своей оппозиціей военной реформѣ доводятъ дѣло до провала правительственнаго законопроекта и роспуска райхстага, въ 1898—900 гг. онѣ (въ большей своей части) вотируютъ противъ морскихъ программъ. Но затѣмъ, съ начала нынѣшняго вѣка, вдругъ приходитъ

рѣзкій, но давно подготовлявшійся переломъ. Я упоминалъ уже выше, что еще въ 80-хъ гг. между „Freisenuige Volkspartei“ и „Freisinuige Vereinigung“ существовало извѣстное различіе во взглядахъ на такъ наз. „національные вопросы“, упоминалъ также, что въ 1893 г. на почвѣ отношенія къ военной реформѣ между ними произошелъ открытый расколъ, продержавшійся въ теченіи цѣлыхъ 16 лѣтъ. Расколъ этотъ питался „имперіалистическими соками“: „Freisinuige Volkspartei“ еще боролась противъ всемогущихъ тенденцій эпохи, между тѣмъ какъ „Freisiunige Vereinigung“ уже пошло по теченію, единодушно вотируя правительству и новые батальоны (въ 1893 г.) и новыя суда (1898—900). Но „Frelsiunige Vereinigung“ составляло все-таки лишь меньшинство лѣваго крыла либерализма. Въ концѣ концовъ, однако случилось то, что было неизбѣжно и что должно было рано или поздно случиться,—„Freisiunige Volkspartei“ тоже поклонилась новому богу: военная реформа 1913 г. была единодушно поддержана всѣми либералами отъ крайняго праваго до крайняго лѣваго крыла оставляя въ оппозиціи милитаризму только одну соціалъ-демократію. Этотъ фактъ знаменовалъ собой завершеніе цѣлаго цикла въ политическомъ развитіи Германіи: волна имперіализма захлестнула-таки и лѣвый флангъ прогрессивнаго бюргерства, неудержимо увлекая его въ сторону націонализма, культа и реакціи [1]).

Имперіализмъ съѣлъ либерализмъ, и, быть можетъ, наиболѣе яркимъ свидѣтельствомъ этого многознаменательнаго факта былъ тотъ знаменетый „бюловскій блокъ“ 1907—9 гг., который неоднократно уже упоминался въ предыдущемъ изложеніи. Какъ извѣстно, въ декабрѣ 1906 г. рейхстагъ соединенными силами центра и с.-д. провалилъ кредиты на продолженіе колоніальной войны въ юго-западной Африкѣ. Въ результатѣ палата была распущена и при дѣятельномъ участіи канцлера образована консервативно-либеральная избирательная коалиція съ лозунгомъ: „противъ черныхъ и красныхъ“, перешедшая затѣмъ въ постоянный парламентскій блокъ. Что націоналъ-либералы пошли на длительное объединеніе съ прусскими аграріями,—не представляло собой ничего удивительнаго. Изъ предыдущаго изложенія читателю, надѣюсь, ясно, что разница между тѣми и другими въ настоящее время не такъ ужъ велика, и что линіи ихъ политическаго развитія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ все равно должны были пересѣчься. Въ „бюловскомъ блокѣ“ однако учавствовало не только правое крыло либерализма, но также и все его лѣвое, и это было уже явленіемъ совсѣмъ иного порядка. Тотъ фактъ, что прогрессисты и свободомыслящіе рѣши-

---

[1]) Подробнѣе о взаимоотношеніи либерализма и имперіализма см. главу „Основы германскаго имперіализма“.

лись вступить въ длительный парламентскій контактъ съ консерваторами, съ злѣйшими врагами политической свободы, демократіи, и культурнаго прогресса, ясно свидѣтельствовалъ, какъ далеко уже продвинулся процессъ внутренняго разложенія лѣваго либерализма. Это былъ полный отказъ отъ своего прошлаго, отъ традицій Евгенія Рихтера, отъ принциповъ сколько-нибудь уважающаго себя либерализма. И что было куплено такой безконечно дорогой цѣной? Министерскіе посты для лидеровъ оппозиціи, какъ когда-то Бисмаркъ предлагалъ Беннигсену? Общій поворотъ политики отъ реакціи къ свободомыслію? Ничего подобнаго! Либерализмъ сильно измельчалъ за минувшее тридцатилѣтіе и теперь онъ удовлетворился чистыми пустяками. Онъ получилъ: новый биржевой законъ, небольшое смягченіе параграфа уголовнаго уложенія объ оскорбленіи величества, да имперскій законъ 1908 г. о союзахъ и собраніяхъ, сильно обезображенный къ тому же запрещеніемъ употреблять на публичныхъ собраніяхъ иной языкъ, кромѣ нѣмецкаго, — стрѣла, направленная главнымъ образомъ противъ поляковъ (прогрессисты и это проглотили). По-истинѣ жалкіе итоги! Неудивительно, что преступно-слабое поведеніе лѣваго либерализма вызвало извѣстное возмущеніе даже въ его собственныхъ рядахъ, что имѣло своимъ послѣдствіемъ выходъ изъ его состава нѣкоторыхъ выдающихся представителей буржуазнаго демократизма (напр., проф. Л. Брентано) и отколъ слѣва болѣе радикальной группы, образовавшей „Demokratische Vereinigung". Но то же преступно-слабое поведеніе лѣваго либерализма сильно прояснило внутренно-политическую ситуацію въ странѣ. Оно съ полной очевидностью показало, что въ Германіи больше нѣтъ настоящаго либерализма, что какъ націоналъ-либералы, такъ и прогрессисты глубоко отравлены ядомъ имперіализма и реакціи и что единственнымъ оплотомъ и носителемъ демократическаго прогресса въ монархіи Гогенцоллерновъ является только соціалистическій пролетаріатъ. Исторія произнесла свой нелицепріятный судъ надъ полувѣковымъ развитіемъ свободомыслящаго бюргерства, и „бюловскій блокъ" вкупѣ съ одобрѣніемъ военной реформы 1913 г. были лишь послѣдними гвоздями, заколоченными въ гробъ германскаго либерализма...

VII

Двѣ главныя причины обусловили дряблость и безсиліе нѣмецкой буржуазной демократіи. Первая и наиболѣе существенная изъ нихъ — это разрывъ либерализма съ трудящимися массами, начало которому было положено еще въ 60-хъ гг. прошлаго столѣтія. Либерализмъ, выростающій въ оппозиціи къ господствующей земельной аристократіи, можетъ быть энергиченъ и жизнеспособенъ только въ томъ

случаѣ, если онъ опирается либо на многочисленную и крѣпкую мелкую буржуазію, либо на пролетаріатъ. Первый случай мы имѣемъ во Франціи (гдѣ либерализмъ носитъ одѣяніе республиконскаго радикализма), второй — въ Англіи. Въ Германіи не было ни того, ни другого. Стремительный ростъ капитализма, знаменовавшій собой въ ея развитіи послѣднее полустолѣтіе, повелъ къ стремительному же вырожденію мелкой буржуазіи и такимъ образомъ, вырвалъ изъ подъ ногъ либерализма наиболѣе подходящую для него почву. Съ другой стороны, духовное плѣненіе быстро растущаго пролетаріата по англійскому образцу нѣмецкому прогрессивному бюргерству благодаря его идейной ограниченности, а также цѣлому ряду иныхъ историческихъ условій совершенно не удалось. Основаніе Лассалемъ въ 1864 г. своего „Германскаго Рабочаго Союза", послужившаго исходнымъ пунктомъ с.-д. движенія, сказалось поэтому, смертельнымъ ударомъ для либерализма. Послѣднему, очевидно, оставалась теперь въ качествѣ базы и сферы воздѣйствія лишь крупная и средняя буржуазія, да сравнительно немногочисленныя группы различныхъ промежуточныхъ элементовъ въ родѣ интеллигенціи, верхняго слоя торговыхъ и промышленныхъ служащихъ, нѣкоторыхъ частей еще продолжающей бороться за свое существованіе мелкобуржуазной массы и т. п. Въ добавокъ въ сферѣ крестьянства у свободомыслящаго бюргерства выросъ столь могущественный конкурентъ, какъ католическій центръ. Неудивительно при такихъ условіяхъ, что либерализмъ долженъ былъ хронически страдать отъ демократическаго малокровія и все больше склоняться направо въ сторону интересовъ и стремленій „капиталовъ" биржи, промышленности и торговли.

Но была и другая причина, обрекавшая прогрессивное бюргерство на не избѣжное политическое безсиліе.—Это исторія объединенія Германіи. Въ теченіи цѣлаго ряда десятилѣтій консолидація разрозненнаго нѣмецкаго отечества была наиболѣе страстной, наиболѣе завѣтной мечтой націй, диктовавшейся ей всей совокупностью экономическихъ, политическихъ и культурныхъ интересовъ. Либерализмъ дважды—въ эпоху революціи и въ началѣ 60-хъ гг.—пытался осуществить эту пламенную мечту и... потерпѣлъ полное фіаско. Но вотъ пришелъ Бисмаркъ, какъ представитель консервативнаго юнкерства, и, умѣло пользуясь центростремительными тенденціями эпохи, „желѣзомъ и кровью" объединилъ страну. Объединилъ посвоему, объединилъ не совсѣмъ такъ, какъ того хотѣли прогрессивные слои населенія, но все-таки объединилъ. Это былъ несомнѣнно громадный шагъ впередъ, это была блестящая побѣда, и ея виновникъ (т.-е. по существу прусское юнкерство) сталъ истиннымъ національнымъ героемъ предъ которымъ склонились друзья и враги". Тѣмъ самымъ нанесенъ былъ тяжелый моральный ударъ либерализму,

какъ серьезной и дѣйственной политической силѣ, и представители его невольно стали рисоваться народному сознанію чѣмъ-то вродѣ прекраснодушныхъ, но безплодныхъ болтуновъ, которые не годятся ни на что серьезное и которые въ критическія минуты неспособны вывести отечество изъ затрудненія. Такъ создался и выросъ неоспоримый авторитетъ консервативнаго юнкерства въ Германіи, предъ которымъ, въ концѣ концовъ, склонился и самъ либерализмъ.

Соціалъ-демократія

Организація и текущая дѣятельность партіи

Основной организаціонной единицей соціалъ-демократической партіи является союзъ соціалъ-демократовъ даннаго рейхстагскаго избирательнаго округа. Въ любомъ уставѣ мѣстной соціалъ-демократической организаціи вы прочтете, что задачей такого союза является пропаганда соціалъ-демократическихъ идей, политическое и экономическое просвѣщеніе массъ и, въ особенности, выставленіе и агитація за партійнаго кандидата во время парламентскихъ выборовъ. (Слѣдуетъ замѣтить, что каждый избирательный округъ вполнѣ самостоятельно намѣчаетъ своего рейхстагскаго или ландтагскаго кандидата). Изъ общаго количества 397 рейхстагскихъ избирательныхъ округовъ въ 383 въ настоящее время имѣются мѣстныя соціалъ-демократическія организаціи.

Соціалъ-демократическіе союзы нѣсколькихъ смежныхъ округовъ образуютъ такъ наз. областную организацію (Gauverband), имѣющую свое областное правленіе и свои областные съѣзды, происходящіе обыкновенно каждые два года. На обязанности областной организаціи лежитъ пропаганда и агитація въ предѣлахъ ея района, изданіе летучихъ листковъ, основаніе соціалъ-демократическихъ газетъ, установленіе высоты членскаго взноса и т. д. Такихъ областныхъ организацій въ Германіи насчитывается 33, изъ нихъ 23—въ Пруссіи, 6—въ Саксоніи и 4—въ Баваріи.

Областныя организаціи одного и того же государства, въ свою очередь, объединяются въ такъ называемую Landesorganisation (государственная организація), имѣющую такъ же, какъ и областные союзы, свое особое правленіе и свои особые собирающіеся разъ въ 2 или 3 года партейтаги. Права Landesorganisation уже значительно шире, чѣмъ права областной организаціи: Landesorganisation устанавливаетъ тактику партіи во время ландтагскихъ выборовъ, направляетъ дѣятельность своей ландтагской фракціи, регулируетъ въ послѣдней ин-

станціи всѣ партійныя дѣла, касающіяся даннаго государства, и вырабатываетъ даже, если находитъ это нужнымъ, свою особую программу, которая не можетъ, однако, находиться въ противорѣчіи съ общепартійной—извѣстной эрфуртской программой, и отдѣльныя государственныя организаціи иногда дѣлаютъ употребленіе изъ этого своего послѣдняго права. Такъ, напримѣръ, баварская, баденская и нѣкоторыя другія соціалъ-демократіи имѣютъ спеціальную аграрную программу, которой, какъ извѣстно, нѣтъ у общегерманской партіи. Какъ бы желая рѣзче подчеркнуть свою внутреннюю автономію, всѣ Landesorganisationen носятъ названія не союзовъ или организацій, а „партій": „Соціалъ-демократическая партія Баваріи", „Соціалъ-демократическая партія Саксоніи" и т. д. Такихъ мѣстныхъ „партій" въ Германіи въ настоящее время насчитывается 19 [1]).

Наконецъ, всѣ „государственныя организаціи" вмѣстѣ объединяются въ послѣднюю высшую организацію—общеимперскую „Соціалъ-демократическую партію Германіи" съ центральнымъ органомъ „Vorwärts" и центральнымъ правленіемъ въ Берлинѣ, съ особой контрольной комиссіей, наблюдающей за дѣятельностью послѣдняго, и съ ежегодными партейтагами, являющимися высшей и окончательной инстанціей для рѣшенія всѣхъ и всяческихъ партійныхъ дѣлъ и вопросовъ.

Такова общая организаціонная конструкція современной германской соціалъ-демократіи. Слѣдуетъ при этомъ еще добавить, что основная организаціонная единица—соціалъ-демократическій союзъ избирательнаго округа—не представляетъ собой по направленію внизъ послѣдней организаціонной ступени, а, въ свою очередь, распадается на болѣе мелкія ячейки. Обычно каждый такой союзъ дѣлится на то или иное количество территоріальныхъ секцій, а секціи, въ свою очередь, подраздѣляются на участки, состоящіе по правилу изъ нѣсколькихъ кварталовъ. Такимъ образомъ, строго говоря, первичной организаціонной клѣткой соціалъ-демократической партіи является „участокъ", связанный непрерывной цѣпью организаціонныхъ звеньевъ съ высочайшей вершиной партіи—центральнымъ правленіемъ въ Берлинѣ.

Отъ описанія внѣшнихъ организаціонныхъ формъ перейдемъ къ ознакомленію съ наполняющимъ ихъ содержаніемъ и присмотримся ближе къ повседневной работѣ партіи. Остановимся прежде всего на жизни и дѣятельности мѣстной с.-д. организаціи.

Во главѣ подобной организаціи стоитъ обычно немногочисленный партійный комитетъ, выбираемый ежегодно на общемъ собра-

---

[1]) Организаціи всѣхъ государствъ, за исключеніемъ Пруссіи, Баваріи и Саксоніи, въ виду ихъ незначительныхъ размѣровъ не дѣлятся на областные союзы, а составляютъ просто одну „государственную организацію",

нія ея членовъ. Комитетъ этотъ руководитъ всѣми дѣлами организаціи, ведетъ ея кассовыя книги, созываетъ собранія, устраиваетъ манифестаціи, издаетъ и распространяетъ летучіе листки и т. д. Въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ—назову, напр., Мюнхенъ,—кромѣ только что упомянутаго „узкаго комитета" (engerer Ausschuss), существуетъ еще такъ называемый Gesamtausschuss (пленарный комитетъ), состоящій изъ членовъ „узкаго комитета" плюсъ предсѣдатели всѣхъ городскихъ секцій. „Пленарный комитетъ" собирается не рѣже раза въ мѣсяцъ и рѣшаетъ всѣ важнѣйшія дѣла текущей организаціи. „Узкій" же комитетъ играетъ по отношенію къ нему, главнымъ образомъ, роль исполнительнаго органа.

Участіе широкой массы членовъ партійной жизни проявляется прежде всего въ посѣщеніи общихъ собраній организаціи, созываемыхъ обычно нѣсколько разъ въ годъ. Одно изъ этихъ собраній непремѣнно носитъ строго дѣловой характеръ: на немъ дается ежегодный отчетъ о дѣятельности организаціи и выбираются всѣ ея исполнительные органы (правленіе, „комиссія прессы" и т. д.). Далѣе, каждые 3 мѣсяца происходитъ такъ наз. Quartalversammlung (четвертьгодовое собраніе), обсуждающее различные вопросы текущей политики. Выборы делегатовъ на общегерманскій партейтагъ и выслушиваніе ихъ отчета требуетъ еще минимумъ двухъ общихъ собраній. Наконецъ, 1—2 экстренныхъ собранія вызываются обычно въ теченіе года какими-либо непредвидѣнными обстоятельствами. Такимъ образомъ, даже въ самое нормальное время мѣстная организація въ среднемъ 8—9 разъ въ годъ собирается на общегородское собраніе.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что посѣщаемость и оживленность членскихъ собраній оставляютъ желать очень многаго, и это, въ сущности, совершенно понятно. Рядовая масса членовъ партійной жизнью обыкновенно интересуется очень мало, все ея участіе въ организаціи ограничивается лишь чтеніемъ соціалъ-демократической газеты да уплатой членскаго взноса; посѣщеніе же собраній она считаетъ совершенно излишней тратой времени. Благодаря этому на собранія ходитъ только наиболѣе энергичная и передовая часть рабочихъ,—настоящіе или будущіе Vertrauensmänner [1]),—охватывающая максимумъ 10—15% общаго количества членовъ. Мюнхенская партійная организація, напримѣръ, насчитываетъ 18.000 членовъ, а на общихъ собраніяхъ рѣдко бываетъ больше

[1]) Именемъ Vertrauensmann („довѣренный человѣкъ") въ нѣмецкихъ рабочихъ организаціяхъ обозначается каждый членъ, выбранный своими товарищами для несенія какой-либо организаціонной обязанности и не получающій за свой трудъ никакого опредѣленнаго вознагражденія. Въ с.-д. партіи подъ это имя, такимъ образомъ, подойдутъ всѣ ея секціонные предсѣдатели, секціонные кассиры, представители участковъ и т. д.

1.000 человѣкъ; въ лейпцигской организаціи при количествѣ членовъ свыше 30,000 собранія посѣщаются въ среднемъ 2—3.000 человѣкъ, и т. д. Этотъ абсентеизмъ членовъ представляетъ собой настолько укоренившееся явленіе, что въ уставахъ соціалъ-демократическихъ организацій обычно имѣется даже особый §, устанавливающій законность общихъ собраній при всякомъ числѣ явившихся.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ оживленностью партійныхъ собраній. Меня вначалѣ сильно поражала ихъ монотонность, малочисленность выступающихъ ораторовъ и почти полное отсутствіе горячихъ, возбужденныхъ дебатовъ. Отчасти подобный характеръ собраній объясняется, конечно, нѣмецкимъ темпераментомъ, но главная причина лежитъ, несомнѣнно, не здѣсь, а въ нѣкоторыхъ особенностяхъ внутренней конституціи соціалъ-демократическихъ организацій. Дѣло въ томъ, что обычно каждому болѣе важному общему собранію предшествуетъ собраніе Vertrauensmänner организаціи, которое обсуждаетъ и принимаетъ постановленія по всѣмъ вопросамъ, стоящимъ въ порядкѣ дня общаго собранія. Тѣмъ самымъ предрѣшается исходъ будущихъ голосованій, и все общее собраніе превращается, въ сущности, въ одну простую формальность. Естественно, что при такихъ условіяхъ оно не можетъ носить яркаго и импозантнаго характера. Зато совѣщанія Vertrauensmänner отличаются обычно и большимъ оживленіемъ и шумными дебатами.

Но одними общими собраніями не исчерпывается текущая работа соціалъ-демократической организаціи. Мѣстный соціалъ-демократическій союзъ дѣлится на секціи, и вотъ въ этихъ-то секціяхъ и сосредоточивается главная жизнь всего партійнаго организма. Каждая секція имѣетъ свое особое правленіе, свою небольшую кассу и свой опредѣленный локалъ, въ которомъ она собирается одинъ или два раза въ мѣсяцъ. Въ первой половинѣ секціоннаго собранія читается по правилу докладъ или рефератъ на какую-либо политическую, экономическую или научную тему, послѣ котораго слѣдуетъ дискуссія, а во второй части обсуждаются различные дѣловые и практическіе вопросы, касающіеся секціонной работы. Посѣщаемость секціонныхъ собраній также не велика—рѣдко приходитъ свыше 20% членовъ,—но зато оживленіе на нихъ бываетъ большое. Люди чувствуютъ себя здѣсь нѣсколько по-семейному, въ тѣсномъ кругу товарищей и знакомыхъ, а это сильно развязываетъ языки. Вотъ почему на секціонныхъ собраніяхъ очень часто возникаютъ интересные, подчасъ даже страстные дебаты, во время которыхъ человѣкъ обнаруживается весь, со всѣми своими достоинствами и недостатками.

Особый институтъ с.-д. организацій представляютъ собой такъ

наз. собранія Vertrauensmänner. Эти собранія бываютъ секціонныя, въ которыхъ участвуютъ только „довѣренныя лица“ одной какой-либо секціи, и общія, на которыя являются „довѣренныя лица“ всѣхъ секцій даннаго партійнаго „избирательнаго союза“. Собранія Vertrauensmänner обсуждаютъ и принимаютъ рѣшенія по всѣмъ важнѣйшимъ организаціоннымъ, политическимъ, экономическимъ и всякимъ инымъ вопросамъ, выдвигаемымъ предъ соціалъ-демократіей специфическими задачами момента. И, хотя юридически рѣшенія подобныхъ собраній носитъ лишь чисто совѣщательный характеръ, однако, до сихъ поръ не было еще случая, когда бы постановленія Vertrauensmänner не были приняты и общими собраніями секцій или всего „избирательнаго союза“. Такимъ образомъ, мало по-малу фактическая власть въ организаціи сосредоточивается въ рукахъ „довѣренныхъ людей“, объединяющихъ въ своихъ рядахъ всѣ наиболѣе сознательные, энергичные и идеалистически настроенные элементы партіи. Этотъ естественный процессъ нашелъ уже себѣ кое-гдѣ даже чисто „правовое“ выраженіе. Такъ, напр., верховной законодательной инстанціей организаціи „Gross-Berlin“ (Берлинъ и окрестности) является не общее собраніе ея членовъ, а коллегія делегатовъ, выбираемыхъ въ опредѣленномъ количествѣ всѣми участниками берлинскихъ избирательныхъ союзовъ. Точно такъ же въ Мюнхенѣ право выставленія кандидатовъ на парламентскихъ выборахъ принадлежитъ не непосредственно широкой массѣ, а особой „конференціи избирательнаго округа“, состоящей изъ делегатовъ отъ секцій, посылаемыхъ послѣдними въ извѣстной пропорціи (1 делегатъ на 50 членовъ). Въ томъ же „парламентарномъ“ направленіи идетъ развитіе и въ другихъ большихъ партійныхъ организаціяхъ.

Для того, чтобы покончить съ описаніемъ внутренней жизни мѣстнаго с.-д. союза, я долженъ упомянуть еще о его финансовомъ аппаратѣ. Членскіе взносы въ с.-д. организаціяхъ обычно невысоки (въ среднемъ 35—40 пф. въ мѣсяцъ), но сборъ ихъ поставленъ повсюду, поистинѣ, безукоризненно. Каждая секція выбираетъ изъ своей среды особаго кассира, и этотъ послѣдній обходитъ регулярно изъ мѣсяца въ мѣсяцъ всѣхъ членовъ данной секціи, продавая имъ партійныя марки, наклеиваемыя потомъ въ членскія книжки участниковъ организаціи. За свой нелегкій трудъ секціонный кассиръ получаетъ небольшое вознагражденіе въ размѣрѣ 2—3% съ собранной имъ суммы денегъ. Благодаря подобной системѣ кассиръ всегда лично заинтересованъ въ аккуратномъ поступленіи партійнаго налога, и это обстоятельство крайне благопріятно отражается на состояніи партійныхъ финансовъ. Разъ въ мѣсяцъ всѣ секціонные кассиры производятъ разсчетъ съ главнымъ кассиромъ организаціи—однимъ изъ членовъ комитета—и получаютъ отъ него опредѣлен-

ное число партійныхъ марокъ для дальнѣйшей продажи. Собираемыя такимъ образомъ суммы не остаются, однако, цѣликомъ на мѣстѣ: 20% изъ нихъ, согласно статуту, поступаютъ въ кассу центральнаго правленія въ Берлинѣ; далѣе, опредѣленные взносы дѣлаются въ кассу областной и „государственной“ организацій. Въ Баваріи, напр., въ пользу областныхъ организацій отчисляется $13^1/_3$ проц. и въ пользу „государственной организаціи“—$33^1/_3$ проц., такъ что въ кассѣ мѣстнаго союза остается только третья часть всѣхъ его поступленій. Впрочемъ большинство локальныхъ организацій для покрытія своихъ текущихъ расходовъ взимаютъ съ своихъ членовъ еще особые дополнительные взносы, достигающіе иногда 20—25 пф. въ мѣсяцъ. Приблизительно подобныя же отношенія существуютъ и въ с.-д. партіяхъ другихъ союзныхъ государствъ.

Каждая политическая организація стремится, естественно, къ привлеченію на свою сторону все новыхъ и новыхъ сторонниковъ, къ расширенію своего вліянія на массы населенія. Стремится къ этому и соціалъ-демократія. И какъ разъ данная сторона партійной дѣятельности поглощаетъ максимумъ силъ и средствъ любого мѣстнаго с.-д. союза. Различныя событія политической и общественной жизни страны, вздорожаніе предметовъ массоваго потребленія, преслѣдованія рабочаго движенія, угроза международныхъ осложненій, проекты реакціонныхъ преобразованій и т. д.—все служитъ партіи пролетаріата подходящимъ поводомъ для развитія самой энергичной, самой широкой агитаціи. Агитація эта бываетъ двоякаго рода: устная и письменная.

Для того, чтобы дать читателю нѣкоторое представленіе о размѣрахъ и характерѣ агитаціи перваго рода, я приведу здѣсь для примѣра (приблизительно то же самое происходитъ вездѣ) перечень массовыхъ публичныхъ собраній, созванныхъ въ теченіе 1910—11 отчетнаго года въ крупнѣйшемъ центрѣ Саксоніи, Лейпцигѣ. Общее количество подобныхъ собраній составило за годъ 44, изъ которыхъ 4 были посвящены требованію всеобщаго избирательнаго права для коммунальныхъ учрежденій, 5—протесту противъ вздорожанія жизни, 3—протесту противъ кёнигсбергской рѣчи императора Вильгельма о „божественныхъ“ правахъ монархической власти, 8—выборамъ въ городскую думу, 5—агитаціи среди женщинъ въ связи съ повышеніемъ цѣнъ на жизненные продукты, 8—требованію школьной реформы въ Саксоніи, 6—введенію налога на пиво, 3—протесту противъ ухудшенія законовъ о государственномъ страхованіи и, наконецъ, по одному—протесту противъ налоговой политики лейпцигскаго городского самоуправленія и интернаціональной манифестаціи въ пользу женскаго равноправія. Кромѣ того, въ связи съ борьбой за новое распредѣленіе избирательныхъ округовъ при выборахъ

въ коммунальное управленіе партіей была устроена уличная демонстрація, въ которой приняло участіе до 10.000 чел. [1]).

Но, конечно, одной устной агитаціей соціалъ-демократія удовлетвориться не можетъ. При господствующей въ Германіи огромной политической дифференціаціи на собранія, созываемыя какой-либо одной партіей, ходятъ по правилу только ея сторонники (этимъ, между прочимъ, и объясняется отсутствіе на большихъ нѣмецкихъ собраніяхъ оживленныхъ дебатовъ, такъ поражающее на первыхъ порахъ русскаго наблюдателя). Поэтому, если бы соціалъ-демократія ограничивалась одной лишь словесной агитаціей, она рисковала бы вести свою пропаганду только въ кругу уже спропагандированныхъ людей, т.-е. до нѣкоторой степени „вариться въ собственномъ соку“. Во избѣжаніе этой опасности партія обращаетъ особенное вниманіе на развитіе письменной агитаціи, такъ какъ при помощи печатнаго слова она можетъ добраться до такихъ инертныхъ и отсталыхъ элементовъ населенія, которыхъ никоимъ образомъ нельзя было бы залучить на собранія.

Простѣйшей формой письменной агитаціи является распространеніе летучихъ листковъ,—и справедливость требуетъ сказать, что въ этой области соціалъ-демократія стоитъ, безусловно, внѣ конкуренціи. Мнѣ пришлось два раза близко наблюдать замѣчательную процедуру распространенія партійныхъ „летучекъ“, и оба раза я былъ пораженъ необыкновенной быстротой и ловкостью, проявляемыми въ этихъ случаяхъ соціалъ-демократическими работниками. Первый разъ это было въ Мюнхенѣ во время борьбы мѣстнаго населенія съ владѣльцами молочныхъ лавокъ, внезапно повысившими на 2 пф. цѣну за литръ молока. Партія вела пропаганду за бойкотъ тѣхъ лавокъ, гдѣ молоко продается дороже 20 пф. за литръ, и съ этой цѣлью рѣшила возможно шире распространить летучій листокъ по поводу „молочной войны“. Листокъ былъ отпечатанъ въ количествѣ 250.000 экземпляровъ и былъ распространенъ по городу въ теченіе всего лишь 2-хъ часовъ (отъ 9 до 11 ч. дня)! Другой еще болѣе поразительный случай касается Берлина. Въ связи съ извѣстными моабитскими событіями берлинская соціалъ-демократія увидала себя вынужденной протестовать при помощи особаго летучаго листка противъ различныхъ реакціонныхъ обвиненій, которыми осыпала ее въ тѣ дни вся буржуазная пресса. Листокъ былъ изданъ въ количествѣ милліона экземпляровъ и распространенъ по всему городу въ продолженіе одного воскреснаго утра! Кто знакомъ съ характеромъ массовой работы,—

[1]) Всей партіей въ цѣломъ за годъ было созвано свыше 13.000 публичныхъ митинговъ и собраній. А, вѣдь, 1910—11 г. былъ вполнѣ нормальнымъ годомъ, прошедшимъ безъ выборовъ въ рейхстагъ и даже безъ выборовъ въ болѣе крупные мѣстные ландтаги!

тотъ сумѣетъ по достоинству оцѣнить эти образчики организаціоннаго совершенства.

А, между тѣмъ, ничего сложнаго, ничего таинственнаго въ этой замѣчательной процедурѣ распространенія абсолютно нѣтъ. Наоборотъ, все отличается необыкновенной ясностью и простотой. Обычно наканунѣ дня распространенія въ мѣстной соціалъ-демократической газетѣ печатается приглашеніе ко всѣмъ членамъ партіи явиться на слѣдующее утро въ опредѣленный часъ въ свой секціонный локалъ; въ назначенное время туда собираются Vertrauensmänner и наиболѣе энергичные изъ рядовыхъ членовъ, дѣлятъ между собой огромныя стопы листковъ, разосланныхъ въ секціи изъ общегородского партійнаго секретаріата, и отправляются на работу. И, такъ какъ секціонный районъ обычно не очень великъ, а число распространителей сравнительно очень значительно,—то естественно, что на долю каждаго изъ нихъ приходится не больше 1—2 кварталовъ. Рѣдкій распространитель тратитъ больше $1^1/_2$—2 ч. на разнесеніе листковъ по квартирамъ своего участка, и, тѣмъ не менѣе, въ какихъ-нибудь 3—4 часа огромный городъ оказывается буквально засыпанъ соціалъ-демократическими „прокламаціями“. Каждый мѣстный „избирательный союзъ“, по крайней мѣрѣ, нѣсколько разъ въ годъ прибѣгаетъ по разнымъ поводамъ къ распространенію летучихъ листковъ въ широкихъ ръзмѣрахъ и нерѣдко добивается при этомъ весьма значительныхъ успѣховъ. Та же лейпцигская организація, напр., распространила за 1910—11 г. свыше $1^1/_2$ милл. экз. воззваній и плакатовъ, а вся партія въ цѣломъ — не меньше $33^1/_2$ милл. Цифры, какъ видимъ, гигантскія, дающія нѣкоторое представленіе объ исполинскихъ размѣрахъ агитаціонной дѣятельности соціалъ-демократіи.

Какъ ни велико, однако, значеніе летучихъ листковъ съ точки зрѣнія пропаганды партійныхъ принциповъ въ широкихъ слояхъ населенія,—эта форма письменной агитаціи имѣетъ, однако, одинъ очень существенный недостатокъ: ея дѣйствіе можетъ быть только кратковременнымъ, мгновеннымъ. Обыватель получилъ воззваніе, прочиталъ его, одобрилъ (если одобрилъ) и затѣмъ выбросилъ въ мусорный ящикъ, какъ негодный кусокъ бумаги. Весьма вѣроятно, что содержаніе листка оказало на его психику извѣстное вліяніе, но даже въ самомъ лучшемъ случаѣ это вліяніе могло быть лишь очень слабымъ и поверхностнымъ. Средствомъ поставить обывателя подъ систематическое, длительное воздѣйствіе соціалистическаго міросозерцанія является ежедневная партійная пресса. И соціалъ-демократія прилагаетъ поистинѣ колоссальныя усилія для расширенія круга абонентовъ своей печати, совершенно справедливо разсуждая: лишь бы демократическій обыватель началъ читать партійную газету, а тамъ ужъ онъ неизбѣжно рано или поздно при-

детъ подъ знамя пролетарскаго движенія. Впрочемъ, я не стану сейчасъ подробно останавливаться на этой сторонѣ партійной дѣятельности, т. к. ниже мнѣ придется говорить о с.-д. печати особо.

Если мѣстный „союзъ избирательнаго округа" живетъ и работаетъ въ непосредственномъ контактѣ съ широкими массами, олицетворяя собой локальный элементъ въ партійномъ организмѣ, — то, наоборотъ, областная и затѣмъ выше „государственная" организаціи являются по преимуществу представительницами болѣе общихъ тенденцій въ с.-д. движеніи. Дѣятельность областной организаціи, Gauverband' а, носитъ главнымъ образомъ, техническо-агитаціонный характеръ. Въ нормальное время областное правленіе, выбираемое обычно на два года съѣздомъ представителей отъ избирательныхъ союзовъ данной области, бываетъ завалено безконечной массой буднично-кропотливой канцелярской, организаціонной, технической и всякой иной работы. Одной изъ главныхъ задачъ областного правленія является внесеніе единообразія и планомѣрности въ дѣятельность „подвѣдомственныхъ" ему мѣстныхъ организацій. Съ этой цѣлью оно поддерживаетъ оживленную переписку съ правленіями отдѣльныхъ избирательныхъ ферейновъ, даетъ отзывы о присылаемыхъ ему послѣдними отчетахъ, слѣдитъ за правильнымъ веденіемъ кассовыхъ книгъ на мѣстахъ, помогаетъ совѣтомъ и указаніями молодымъ, еще не окрѣпшимъ организаціямъ и т. д. Въ сферѣ агитаціонной роль областного правленія также очень значительна: оно созываетъ собранія въ районѣ своей дѣятельности, завѣдуетъ распредѣленіемъ ораторскихъ силъ, пишетъ и издаетъ летучіе листки, разсылаетъ на мѣста партійную литературу, а съ наступленіемъ предвыборнаго періода превращается въ центральный избирательный комитетъ для своей области.

Много шире и разнообразнѣе текущая дѣятельность „государственной организаціи", концентрирующаяся, естественно, въ рукахъ ея главнаго правленія, такъ наз. Landesvorstand'а. Конечно, и послѣднему приходится тратить немало времени и силъ на агитаціонную работу, на изданіе летучихъ листковъ и брошюръ, на созывъ массовыхъ собраній въ различныхъ частяхъ страны, на согласованіе дѣятельности областныхъ организацій партіи между собой и т. п. Однако, на ряду съ этой технической и просвѣтительной работой вѣдѣнію Landesvorstand'а подлежитъ также и руководство всей политической дѣятельностью партіи въ предѣлахъ даннаго союзнаго государства. Vorstand организуетъ большія политическія кампаніи, касающіяся всего государства въ цѣломъ, какъ, напр., борьбу за реформу избирательнаго права въ ландтагъ, борьбу противъ введенія новыхъ налоговъ и т. д. Онъ же проводитъ выборы въ мѣстное народное представительство, направляетъ дѣятельность

ландтагской фракціи, заключаетъ избирательныя и всякія иныя соглашенія съ буржуазными партіями и представляетъ свою Landesorganisation, съ одной стороны, по отношенію къ высшимъ инстанціямъ с.-д. организма и, съ другой, по отношенію ко всему вообще внѣшнему міру. Landesvorstand и Landesorganisation вполнѣ суверенны въ принимаемыхъ ими рѣшеніяхъ, поскольку послѣднія не противорѣчатъ общепартійнымъ программѣ и статуту или постановленіямъ общегерманскихъ партейтаговъ.

Переходя, наконецъ, къ самой высшей ступени организаціонной іерархіи нѣмецкой соціалъ-демократіи, къ такъ наз. Gesamtpartei, носящей официальное названіе: „Германская с.-д. партія", слѣдуетъ замѣтить, что ея текущая дѣятельность въ общемъ и цѣломъ является увеличенной копіей дѣятельности Landesorganisation. Она такъ же, какъ и послѣдняя, обращаетъ большое вниманіе на развитіе письменной и устной агитаціи, но, конечно, въ соотвѣтственно увеличенномъ масштабѣ; такъ же стремится къ согласованію работы своихъ отдѣльныхъ составныхъ частей—мѣстныхъ партій; такъ же организуетъ различныя политическія кампаніи, но уже въ предѣлахъ всей имперіи; такъ же руководитъ дѣятельностью с.-д. фракціи, но не въ ландтагѣ, а въ имперскомъ рейхстагѣ; наконецъ, она такъ же ведетъ переговоры и заключаетъ соглашенія съ буржуазными партіями, поскольку эти переговоры и соглашенія выходятъ за предѣлы какого-либо одного союзнаго государства [1]).

Это строгое раздѣленіе функцій и правъ между различными членами с.-д. организма, раздѣленіе, сложившееся въ итогѣ 40-лѣтняго развитія движенія, является одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ организаціоннаго строенія партіи. Несмотря, однако, на широкую автономію отдѣльныхъ частей, партія представляетъ собой единый стройный механизмъ, всѣ рычаги и винтики котораго чувствуютъ свою органическую связь съ центромъ и другъ съ другомъ. Эта

---

[1]) Считаю нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя цифровыя данныя относительно числа членовъ партіи и числа полученныхъ ею на выборахъ въ рейхстагъ голосовъ и мандатовъ. Число членовъ, начиная съ 1906 г. (только съ этого года ведется точная статистика), измѣнялось слѣд. образомъ: 1906 г.—384 тыс., 1907 г.—530 тыс., 1908 г.—587 тыс., 1909 г.—633 тыс., 1910 г.—720 тыс., 1911 г.—837 тыс., 1912 г.—970 тыс., 1913 г.—983 тыс. Избирательные успѣхи соціалъ-демократіи за послѣднее 25-лѣтіе представляютъ такую картину:

	Число голосовъ.	Число мандатовъ.
1890	1.427.000	35
1893	1.787.000	44
1898	2.107.000	56
1903	3.011.000	81
1907	3.259.000	43
1912	4.250.000	110

связь создается и поддерживается благодаря общей программѣ, общему статуту, денежнымъ отчисленіямъ мѣстныхъ организацій въ пользу различныхъ партійныхъ инстанцій, постановленіямъ общегерманскихъ партейтаговъ, которымъ обязаны слѣдовать всѣ члены партіи въ своей повседневной дѣятельности, и, наконецъ, самымъ партейтагамъ, собирающимся каждый годъ и являющимся высшей законодательной инстанціей для всей соціалъ-демократіи.

Мнѣ лично пришлось присутствовать на трехъ партійныхъ съѣздахъ—лейпцигскомъ 1909, магдебургскомъ 1910 и іенскомъ 1911 гг.— и долженъ откровенно сознаться, что всѣ эти съѣзды произвели на меня очень сильное впечатлѣніе.

Нѣмцы вообще большіе мастера импозантно обставлять всякія свои выступленія,—эта ихъ черточка очень ярко сказывается и въ организаціи соціалъ-демократическихъ партейтаговъ. Торжественное открытіе съѣзда, продолжающагося цѣлую недѣлю, происходитъ обычно въ воскресенье вечеромъ при большомъ стеченіи рабочихъ. Въ центрѣ красиво декорированнаго красной матеріей, зеленью и бюстами выдающихся дѣятелей соціализма зала размѣщаются делегаты: галлереи и проходы заполняются пришедшей публикой. Рабочій хоръ привѣтствуетъ партейтагъ соціалистической пѣснью; представитель организаціи того города, гдѣ происходитъ съѣздъ, и одинъ изъ членовъ центральнаго партійнаго правленія произносятъ соотвѣтственныя случаю торжественныя рѣчи; за этимъ слѣдуютъ выборы бюро и конституированіе партейтага, и затѣмъ снова раздается пѣніе хора, заканчивающаго своимъ выступленіемъ всю церемонію открытія. Утреннее засѣданіе въ понедѣльникъ (засѣданія происходятъ отъ 9—1 ч. и отъ 3—7 ч.) уходитъ обычно на произнесеніе привѣтственныхъ рѣчей делегатами иностранныхъ соціалистическихъ партій (а ихъ бываетъ довольно много), и только съ послѣобѣденнаго понедѣльничнаго засѣданія начинается, собственно говоря, дѣловая работа партейтага. Впрочемъ, она идетъ не безпрерывно всѣ 6 дней: во вторникъ вечеромъ по правилу устраивается въ честь делегатовъ концертъ, сопровождаемый привѣтственными рѣчами, а въ четвергъ послѣ обѣда — прогулка за городъ или осмотръ какихъ-либо мѣстныхъ достопримѣчательностей. Въ субботу около часу дня съѣздъ заканчиваетъ свои занятія, и подъ звуки рабочей марсельезы, хоромъ исполняемой всѣми делегатами, партейтагъ объявляется закрытымъ.

Но не только эта прекрасно разработанная внѣшняя сторона производитъ на наблюдателя очень сильное впечатлѣніе. Еще больше дѣйствуетъ самая картина засѣданій съѣзда, самый характеръ его работы. Прежде всего поражаетъ необыкновенное обиліе пожилыхъ физіономій и сѣдыхъ волосъ на партейтагѣ; молодыхъ лицъ, густыхъ юношескихъ кудрей почти не видно. Не менѣе поражаетъ и замѣ-

чательная дѣловитость и самодисциплина собранія. Современные соціалъ-демократическіе партейтаги довольно многочисленны: на нихъ присутствуютъ делегаты отъ мѣстныхъ организацій [1]), члены центральнаго правленія, контрольной комиссіи и соціалъ-демократической фракціи рейхстага плюсъ нѣкоторое количество иностранныхъ гостей, въ общемъ не меньше 350—400 человѣкъ. И, однако, какой образцовый порядокъ господствуетъ на засѣданіяхъ, какую способность къ продуктивной работѣ обнаруживаетъ это столь многочисленное собраніе! Рѣчи ораторовъ обычно кратки и ясны, лишены не идущаго къ дѣлу паѳоса и различныхъ реторическихъ украшеній, дебаты—послѣдовательны и логичны, число говорящихъ сравнительно очень не велико, ибо каждый делегатъ понимаетъ, что говорить надо только тогда, когда это дѣйствительно необходимо. Бюджетныя пренія въ Магдебургѣ, напримѣръ, тянулись два дня и носили очень бурный характеръ, и, однако, въ нихъ приняло участіе всего на все лишь около 30 ораторовъ

Обращаетъ вниманіе на себя также и отношеніе партейтага къ центральному правленію. Авторитетъ послѣдняго, поистинѣ, громаденъ: если правленіе вноситъ какую-нибудь резолюцію, можно быть увѣреннымъ, что ея принятіе вполнѣ обезпечено, и, наоборотъ, почти невозможенъ случай, чтобы партейтагъ принялъ рѣшеніе, противъ котораго высказалось высшее учрежденіе партіи. При этомъ не слѣдуетъ, однако, думать, что рядовые делегаты проявляютъ какой-либо Personenkultus (культъ личности), какое-либо подобострастіе по отношенію къ членамъ центральнаго правленія. Ничего подобнаго. Дѣятельность и слова послѣднихъ критикуются на партейтагахъ такъ же смѣло и рѣшительно, какъ дѣятельность и слова любого изъ делегатовъ, но даже самый рѣзкій критикъ и въ самый разгаръ полемики ни на минуту не забываетъ, что въ правленіи сидятъ люди, уже не одно десятилѣтіе вѣрой и правдой служащіе партійному дѣлу, и что это обязываетъ считаться съ ихъ взглядами и убѣжденіями. Любопытнымъ свидѣтельствомъ огромной авторитетности центральнаго правленія служитъ отношеніе къ нему ревизіонистовъ. Большинство лицъ, находящихся въ правленіи, попало туда еще въ то время, когда дѣленія партіи на правое и лѣвое крыло почти не существовало. Затѣмъ появился ревизіонизмъ, началась борьба между нимъ и ортодоксальнымъ направленіемъ, вся германская соціалъ-демократія раздѣлилась на два очень явственно очерченныхъ лагеря, а составъ центральнаго правленія остался все тотъ же, несмотря на то, что почти всѣ его члены оказались

---

[1]) Представительство организацій на партейтагѣ организовано по слѣдующему принципу: организаціи съ числомъ членовъ до 1.500 посылаютъ 1 делегата, отъ 1.500—3.000—2, отъ 3.000—6.000—3, отъ 6—12.000—4, отъ 12—18.000—5, свыше 18.000—6.

принадлежащими къ радикальному крылу. Изъ года въ годъ они снова переизбирались, и ревизіонисты даже не поднимали вопроса о предоставленіи имъ права имѣть свое представительство въ высшемъ учрежденіи партіи [1]).

Политическія кампаніи

Разумѣется, описанными формами дѣятельность с.-д. партіи далеко не исчерпывается. На предыдущихъ страницахъ я пытался въ самыхъ общихъ чертахъ набросать текущую, будничную работу политической организаціи пролетаріата. Но, вѣдь, за буднями наступаютъ праздники, за долгими періодами спокойнаго „мирнаго житія"— моменты острыхъ битвъ и широкихъ столкновеній. Любому крупному „союзу избирательнаго округа" на протяженіи года приходится обычно не одинъ разъ высказывать свое отношеніе,— Stellung nehmen, какъ говорятъ нѣмцы,—къ самымъ разнообразнымъ событіямъ политической и общественной жизни. И, пожалуй, ни въ чемъ такъ ярко не обнаруживается огромный опытъ и блестящая организованность соціалъ-демократіи, какъ именно въ ея поразительномъ умѣніи подготовлять и проводить различныя политическія кампаніи, Для того, чтобы дать читателю нѣкоторое представленіе объ этой сторонѣ дѣятельности партіи, я опишу здѣсь двѣ подобныхъ кампаніи, являющихся очень типичными для даннаго рода с.-д. выступленій.

Какъ извѣстно, зима 1908—09 г. проходила въ Германіи подъ знакомъ тяжелаго промышленнаго кризиса. На міровомъ рынкѣ господствовалъ экономическій застой, фабрики и заводы усиленно сокращали свое производство, и толпы безработныхъ наполняли улицы большихъ городовъ. Съ особенной рѣзкостью всѣ эти явленія выступили въ Берлинѣ—крупнѣйшемъ центрѣ нѣмецкой индустріи, насчитывающемъ до 600 тыс. рабочихъ,— и потому нисколько не удивительно, что с.-д. фракція столичнаго муниципалитета, пользуясь подходящимъ моментомъ, подняла въ городской думѣ вопросъ о скорѣйшемъ введеніи страхованія отъ безработицы, а впредь до осуществленія послѣдняго—объ организаціи общественныхъ работъ для оказанія помощи пострадавшимъ отъ послѣдствій кризиса. С.-д. предложенія натолкнулись, однако, на упорное сопротивленіе прогрессистскаго большинства муниципалитета, съ давнихъ поръ славившагося своей крайней реакціонностью въ области соціальной политики. Все, чего удалось добиться на этотъ разъ представителямъ пролетаріата, было постановленіе городской думы о

---

[1]) Читатель, конечно, не долженъ забывать, что рѣчь здѣсь идетъ о партіи, какъ она была до начала войны.

производствѣ регулярныхъ переписей безработныхъ 4 раза въ годъ по такъ наз. „явочной системѣ“: каждый безработный долженъ былъ въ назначенный день явиться въ опредѣленный локалъ и тамъ занести себя въ списки не имѣющихъ занятія. Первая подобная перепись была произведена 17 ноября 1908 г. и обнаружила присутствіе въ Берлинѣ 41.000 безработныхъ.

Для всякаго знакомаго съ положеніемъ дѣлъ было совершенно ясно, что приведенная цифра далеко ниже дѣйствительности. Неполнота данныхъ, полученныхъ при помощи переписи. объяснялась, главнымъ образомъ, несовершенствомъ метода, примѣненнаго для установленія количества безработныхъ: вмѣсто единственно-цѣлесообразной „системы обхода домовъ“ муниципалитетъ остановился на „явочной системѣ“ и тѣмъ самымъ лишилъ перепись всякаго серьезнаго значенія. Тотчасъ же по опубликованіи результатовъ подсчета партіей пролетаріата было созвано особое собраніе въ составѣ правленія берлинской с.-д. организаціи, берлинской картели профессіональныхъ союзовъ и с.-д. фракціи берлинскаго муниципалитета. На собраніи этомъ единодушно было постановлено обратиться къ городской думѣ съ требованіемъ немедленной организаціи общественныхъ работъ и примѣненія „системы обхода домовъ“ при производствѣ ближайшей переписи безработныхъ, назначенной на 17 февраля 1909 г. Для поддержки этихъ требованій особо избранная собраніемъ депутація посѣтила берлинскаго обербургомистра, и имѣла съ нимъ довольно длинный разговоръ, не приведшій, впрочемъ, ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Безуспѣшной оказалась также и попытка с.-д. фракціи добиться отъ городской думы удовлетворенія требованій пролетаріата: вмѣсто организаціи общественныхъ работъ либеральное большинство предлагало пострадавшимъ отъ послѣдствій кризиса лишь унизительную помощь въ формѣ „пособія для бѣдныхъ“ (Armenunterstützung); не сочло оно также возможнымъ и примѣненіе системы обхода домовъ при ближайшей переписи безработныхъ.

Соціалъ-демократы энергично протестовали противъ подобнаго поведенія муниципалитета и, желая обнаружить полную несостоятельность явочной системы, рѣшили параллельно съ коммунальной произвести также свою собственную перепись безработныхъ, разумѣется, по предложенной ими системѣ. Эта соціалъ-демократическая перепись, состоявшаяся 14 февраля 1909 г., превратилась въ импозантную демонстрацію поразительной организованности пролетаріата. На призывъ партіи и союзовъ явилось 45.000 счетчиковъ-добровольцевъ, и вся огромная работа обхода домовъ $3^1/_2$ милліоннаго города и заполненія десятковъ тысячъ бланковъ была выполнена ровно въ 2 дня. Соціалъ-демократическая перепись обнаружила

въ Берлинѣ 106 тысячъ безработныхъ, а состоявшаяся два дня спустя муниципальная перепись насчитала ихъ только 24.000!

Впечатлѣніе, произведенное описаннымъ выступленіемъ соціалъ-демократіи, было огромно, и даже такой серьезный научный журналъ, какъ „Soziale Praxis“, отозвался объ организаціи и результатахъ переписи съ величайшимъ сочувствіемъ. Не оказало никакого видимаго дѣйствія данное выступленіе только на либеральное большинство городской думы. Несмотря на доказанную наличность вопіющей нищеты въ рядахъ рабочаго населенія столицы, это большинство рѣшительно отказалось отъ принятія какихъ-либо дѣйствительныхъ мѣръ для борьбы съ безработицей, за что и получило жестокое возмездіе на ближайшихъ коммунальныхъ выборахъ, происходившихъ осенью того же 1909 г.

Другая политическая кампанія, о которой я хочу здѣсь разсказать, разыгралась въ концѣ 1910 г. въ южной столицѣ Германіи, Мюнхенѣ. Причины, вызвавшія её, были чисто экономическаго характера. Осенью названнаго года владѣльцы молочныхъ заведеній города внезапно повысили цѣну молока съ 20 до 22 пф. за литръ и тѣмъ вызвали сильное возбужденіе въ широкихъ слояхъ демократическаго населенія. Какъ всегда, когда рѣчь идетъ объ интересахъ народныхъ массъ, въ дѣло немедленно же энергично вмѣшалась соціалъ-демократія. Свой походъ противъ „молочныхъ ростовщиковъ“ мѣстная партійная организація открыла созывомъ массоваго митинга протеста противъ покушенія торговцевъ на народное здоровье. Митингъ состоялся въ самомъ большомъ залѣ Мюнхена—знаменитомъ Kindl-Keller'ѣ — и привлекъ до 6.000 человѣкъ, въ томъ числѣ очень много женщинъ. Въ резолюціи, единодушно принятой всѣми присутствовавшими, объявлялась борьба на жизнь и на смерть (буквально: Krieg bis aufs Messer) „молочнымъ ростовщикамъ“, и все населеніе баварской столицы приглашалось къ строгому бойкоту тѣхъ лавокъ, гдѣ молоко продается дороже 20 пф. за литръ. Такъ началась „молочная война“, въ теченіе $2^1/_2$ мѣс. составлявшая наиболѣе острую злобу дня мѣстной жизни, и въ тѣсныхъ улицахъ огромнаго города закипѣла безмолвная, но ожесточенная соціальная борьба.

Дѣятельность с.-д. организаціи во время „молочной войны“ была очень энергична и чрезвычайно разнообразна. Прежде всего въ цѣляхъ популяризаціи даннаго ею лозунга она отпечатала и распространила по городу 250 тыс. экземпляровъ летучаго листка съ призывомъ населенія къ бойкоту „молочныхъ ростовщиковъ“. Затѣмъ, въ мѣстномъ партійномъ органѣ, „Münchener Post“, былъ заведенъ особый отдѣлъ подъ заголовкомъ: „Молочная война“, въ которомъ ежедневно помѣщались всевозможныя статьи, замѣтки, сообщенія и т. д., касавшіяся различныхъ событій на театрѣ воен-

ныхъ дѣйствій. Далѣе, рабочій кооперативъ, существующій въ городѣ, закупилъ огромную партію конденсированнаго молока и въ особыхъ объявленіяхъ, напечатанныхъ въ газетахъ и расклеенныхъ по улицамъ, рекомендовалъ населенію употребленіе его какъ временной замѣны свѣжаго молока. Наконецъ, с.-д. фракція мюнхенскаго муниципалитета, ссылаясь на кипѣвшую въ городѣ борьбу, настойчиво требовала отъ коммунальныхъ властей вмѣшательства, въ создавшееся положеніе въ интересахъ широкихъ массъ населенія. Въ цѣляхъ приданія большаго вѣса требованію фракціи партія созвала въ концѣ декабря 1910 г. 13 собраній протеста въ различныхъ частяхъ города, энергично поддержавшихъ выступленіе коммунальныхъ представителей соціалъ-демократіи.

Это комбинированное примѣненіе парламентскихъ и внѣпарламентскихъ методовъ борьбы не преминуло оказать свое благотворное дѣйствіе. Уже одинъ бойкотъ молочныхъ лавокъ, проводившійся демократическими массами съ большимъ ожесточеніемъ, поставилъ большинство мелкихъ и среднихъ торговцевъ въ очень критическое положеніе и заставилъ ихъ не разъ пожалѣть о столь необдуманно принятомъ рѣшеніи. Окончательный же ударъ представителямъ воинствующаго капитала былъ нанесенъ принятымъ подъ давленіемъ с.-д. постановленіемъ муниципалитета о такъ наз. молочныхъ „вагонахъ-бассейнахъ". Нѣсколько крупныхъ фирмъ уже давно добивались отъ городской думы разрѣшенія на продажу молока изъ особыхъ цистернъ, развозимыхъ по улицамъ. Теперь муниципалитетъ поспѣшилъ дать имъ это разрѣшеніе, но подъ условіемъ, что въ теченіе 10 ближайшихъ лѣтъ цѣна продаваемаго ими молока не должна превышать 20 пф. за литръ. Нѣсколько дней спустя „вагоны-бассейны" появились на улицахъ города, и подъ вліяніемъ ихъ уничтожающей конкуренціи торговцы вынуждены были начать отступленіе по всей линіи. „Молочная война" была цѣликомъ выиграна населеніемъ, и эта побѣда имѣла чрезвычайно благопріятныя послѣдствія для соціалъ-демократіи: съ одной стороны, побѣда очень подняла ея авторитетъ въ глазахъ широкихъ слоевъ городской демократіи, а съ другой, сильно встряхнула женскую половину пролетарскихъ массъ, начавшую подъ вліяніемъ пережитой борьбы мало-по-малу втягиваться въ соціалистическое движеніе.

Обѣ описанныя политическія кампаніи носятъ чисто мѣстный, локальный характеръ. Но соціалъ-демократіи приходится нерѣдко вести борьбу и въ неизмѣримо болѣе широкомъ масштабѣ, захватывая въ сферу военныхъ дѣйствій не одинъ какой-либо городъ или промышленный центръ, а цѣлыя области, отдѣльныя союзныя государства и даже всю страну. Конечно, въ этихъ послѣднихъ случаяхъ роль руководящей инстанціи изъ рукъ мѣстнаго с.-д. комитета естественно переходитъ въ руки „государственнаго" правле-

нія или даже центральнаго партійнаго правленія въ Берлинѣ, и самая борьба благодаря бóльшей важности преслѣдуемыхъ цѣлей, болѣе широкому захвату и неизмѣримо бóльшимъ массамъ, участвующихъ въ ней, принимаетъ обычно гораздо болѣе яркія и импозантныя формы. Достаточно вспомнить хотя бы о тѣхъ грандіозныхъ уличныхъ манифестаціяхъ, которыя разыгрались въ Германіи въ связи съ борьбой за демократизацію прусскаго избирательнаго права (въ 1910 г.) Однако, ничего особенно новаго и специфически своеобразнаго въ организаціонномъ отношеніи по сравненію съ вышеприведенными примѣрами эти имперскія политическія кампаніи обычно не представляютъ. Да оно и понятно: на практикѣ исполинское выступленіе, распространяющее свое дѣйствіе на всю страну, распадается на сотни небольшихъ мѣстныхъ политическихъ кампаній, которыя организуются и проводятся приблизительно по тому же самому плану, какъ и вышеописанныя берлинская борьба за введеніе страхованія отъ безработицы или мюнхенская „молочная война".

Пресса

Старый другъ и соратникъ В. Либкнехта, Адольфъ Гепнеръ, даетъ, между прочимъ, въ своихъ воспоминаніяхъ очень любопытную картинку редакціонной жизни перваго центральнаго органа соціалъ-демократической партіи, основаннаго въ 1869 г., лейпцигскаго „Uolksstaat'a" („Народное Государство"). Редакція этого органа состояла изъ двухъ лицъ: В. Либкнехта, получавшаго за свой трудъ 40 талеровъ (около 56 р.) въ мѣсяцъ, и его помощника— самого автора воспоминаній, получавшаго 25 талеровъ (около 35 р.). Бебель безплатно завѣдывалъ экспедиціей газеты, тиражъ которой вначалѣ не превышалъ $1^1/_2$—2.000 экземпляровъ. О самыхъ условіяхъ редакціонной работы Гепнеръ разсказываетъ слѣдующее:

„Редакція помѣщалась въ маленькой и тѣсной квартирѣ Либкнехта. Полгода спустя появился на свѣтъ малютка Карлъ [1]), первенецъ отъ второй жены Либкнехта. Никогда ни до, ни послѣ того мнѣ не приходилось встрѣчать ребенка съ такимъ сильнымъ и пронзительнымъ голосомъ. Негодованіе и удивленіе попеременно смѣнялись въ нашихъ сердцахъ, когда это крошечное существо, не обращая вниманія на интересы редакціи, начинало заявлять о своемъ существованіи.

„Послѣ продолжительныхъ и безплодныхъ попытокъ парламентарнаго воздѣйствія на ребенка редакція пришла, наконецъ, къ героическому рѣшенію снять и меблировать для себя особое помѣще-

[1]) Нынѣшній соціалъ-демократическій депутатъ рейхстага и прусскаго ландтага.

ніе. Либкнехтъ и его ассистентъ—оба не слишкомъ-то практичные люди—нашли за 4 талера (около 6 р.) въ мѣсяцъ подходящую комнату поблизости отъ типографіи; столъ и стулья, купленные у старьевщика, обошлись въ нѣсколько грошей.

„Однако, Бебель, министръ финансовъ всего предпріятія, совершенно не подозрѣвалъ обо всѣхъ происшедшихъ перемѣнахъ, и на долю автора этихъ строкъ выпала не слишкомъ пріятная задача въ возможно болѣе мягкой и осторожной формѣ сообщить ему о совершившемся государственномъ переворотѣ.

„Моментъ этого разговора останется мнѣ навсегда памятнымъ. Бебель, пораженный моимъ сообщеніемъ, отступилъ на шагъ отъ своего токарнаго станка и воскликнулъ:

„— Откуда же вы возьмете деньги? Четыре талера въ мѣсяцъ! Вы оба совершенно не умѣете разсчитывать! Четыре талера въ мѣсяцъ!

„— Но младенецъ кричитъ все сильнѣе!—возразилъ я.—Иначе совершенно невозможно работать!

„— Ну, пожалуй,—нѣсколько смягчившись, согласился Бебель. Однако, видно было, что это далось ему не легко“.

Съ тѣхъ поръ прошло 40 лѣтъ, и положеніе соціалистической прессы въ Германіи радикально измѣнилось. Нынѣшній центральный органъ партіи, берлинскій „Vorwärts“, расходится въ количествѣ свыше 160.000 экземпляровъ и имѣетъ 11 редакторовъ, получающихъ каждый по 6—8.000 марокъ въ годъ. „Vorwärts“ печатается въ собственной громадной типографіи и помѣщается въ собственномъ прекрасномъ зданіи, расположенномъ на одной изъ крупнѣйшихъ улицъ столицы. Годовой оборотъ „Vorwärts'a“ достигаетъ почти 4 милліоновъ мк., а чистый доходъ, принесенный имъ въ 1911 г., опредѣлялся въ 165.000 мк. [1]) Какая огромная, какая неизмѣримая разница между „тогда“ и „теперь“! Въ этомъ сопоставленіи „Vorwärts'a“ и „Volksstaat'a“ какъ бы символизируется тотъ длинный и побѣдоносный путь, который прошелъ германскій пролетаріатъ за минувшія 40 лѣтъ.

Но не только сопоставленіе центральныхъ органовъ ярко иллюстрируетъ перемѣну, происшедшую въ силѣ и размѣрахъ рабочаго движенія Германіи. О томъ же говоритъ и сопоставленіе провинціальной партійной печати. Въ эпоху „Volksstaat'a“ число мѣстныхъ соціалъ-демократическихъ органовъ было не велико—въ 1873 г. оно достигло 12,—ихъ тиражъ—крайне незначителенъ, а вліяніе—ничтожно. Не то теперь. Въ настоящее время вся Германія покрыта густой сѣтью соціалъ-демократическихъ партійныхъ газетъ, нѣкоторыя изъ которыхъ представляютъ изъ себя очень крупныя и солид-

---

[1]) Въ 1913 г. чистая прибыль достигла почти 200 тыс. мк.

ныя предпріятія. Въ томъ же 1911 г. партія имѣла 81 ежедневный органъ съ общимъ тиражомъ свыше 1.300.000 экземпляровъ, въ (1913 г.—90 органовъ съ тиражомъ 1.465.000 экз.), что даетъ средній тиражъ около 16.000 экземпляровъ на органъ. Однако, распространеніе цѣлаго ряда газетъ въ крупныхъ городахъ и промышленныхъ центрахъ далеко превосходитъ эту среднюю цифру. Такъ, второй по величинѣ соціалъ - демократическій органъ Германіи, „Hamburger Echo“, расходится въ количествѣ 75.000 экземпляровъ, „Chemnitzer Volksstimme“ имѣетъ тиражъ 60.000, „Leipziger Volkszeitung“—около 50.000, „Volksblatt für Halle“—свыше 40.000, тиражъ бреславльской „Volkswacht“, франкфуртскаго „Volksstimme“, „Dresdener Volkszeitung“, нюрнбергской „Fränkische Tagespost“ и нѣкоторыхъ другихъ колеблется между 30—40.000 экземпляровъ. Общая сумма доходовъ соціалъ-демократической прессы за 1911 г. достигла 13.693.000 мк., изъ которыхъ 7.840.000 получено въ качествѣ подписной платы, а 5.853.000 было доставлено объявленіями. Для того, чтобы читатель могъ судить не только о современномъ состояніи, но также и о тенденціяхъ развитія нѣмецкой соціалъ-демократической прессы, я приведу здѣсь только слѣдующія двѣ цифры: въ 1904 г. тиражъ всѣхъ ежедневныхъ партійныхъ органовъ достигалъ 600.000 экземпляровъ, а въ 1911 г., какъ уже выше приводилось, онъ превышалъ 1.300.000. Такимъ образомъ, всего лишь за семь лѣтъ число читателей рабочей печати болѣе, чѣмъ удвоилось.

Этотъ могучій подъемъ соціалистической прессы за послѣдніе годы приходится объяснить отчасти общимъ ростомъ пролетарскаго движенія Германіи, отчасти же цѣлымъ рядомъ чрезвычайно остроумныхъ и энергичныхъ мѣръ, принимаемыхъ соціалъ-демократической партіей для распространенія свободнаго слова въ массахъ трудящагося населенія. Среди этихъ мѣръ на первомъ планѣ приходится, несомнѣнно, поставить щедрую денежную поддержку, оказываемую центральной партійной кассой еще не вполнѣ укрѣпившимся молодымъ органамъ, и широкое примѣненіе системы такъ называемыхъ Kopfblätter.

Обычный путь возникновенія соціалъ-демократической газеты представляется въ настоящее время въ слѣдующемъ видѣ. На общемъ собраніи мѣстной партійной организаціи принимается рѣшеніе объ изданіи своего собственнаго органа и вслѣдъ затѣмъ дѣлаются энергичные шаги къ образованію такъ называемаго „товарищества съ ограниченной отвѣтственностью“ (нѣчто въ родѣ товарищества на вѣрѣ) съ мелкими акціями [1]). Среди членовъ организаціи начинается усиленная агитація за покупку этихъ акцій, и, если потреб-

---

[1]) Такова юридическая форма большинства газетныхъ издательствъ партіи.

ность въ газетѣ, дѣйствительно, ощущается, то вступленіе во вновь образованное „товарищество" идетъ очень успѣшно. Когда такимъ путемъ бываетъ уже собрана значительная сумма денегъ, мѣстная организація обращается съ просьбой къ высшимъ инстанціямъ партіи („государственному" или центральному правленію) оказать поддержку возникающему предпріятію. Если послѣднее обѣщаетъ быть успѣшнымъ, высшія инстанціи обычно отвѣчаютъ на просьбу согласіемъ,— тогда мѣстная организація созываетъ общее собраніе, выбираетъ т. наз. Presskommission („комиссію прессы") вѣдающую въ каждой соціалъ-демократической газетѣ всѣ вопросы, касающіеся веденія органа, приглашенія и увольненія редакціоннаго персонала и пр., и пускаетъ машину въ ходъ. Такъ появляется на свѣтъ новый органъ, призванный служить интересамъ пролетаріата. И потомъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, пока органъ не станетъ на ноги и не начнетъ себя окупать, партійная касса покрываетъ его дефициты. За послѣднія 20 лѣтъ партія истратила спеціально на поддержку печати свыше 1.250.000 мк. Въ томъ же 1911 г. партія покрыла дефицитъ 12 органовъ на сумму 71.000 мк.

Не меньше значенія для широкаго распространенія соціалъ-демократической прессы имѣетъ и примѣненіе очень остроумной системы такъ называемыхъ Kopfblätter. Поясню смыслъ этого нѣсколько загадочнаго названія слѣдующимъ примѣромъ. Въ Мюнхенѣ издается довольно большая и хорошо обставленная партійная газета, „Münchener Post", а въ сосѣднемъ небольшомъ баварскомъ городѣ Регенсбургѣ издается своя мѣстная газета, „Neue Donau-Post". И вотъ, если вы какъ-нибудь возьмете въ руки номера обоихъ органовъ за одно и то же число, то будете поражены почти абсолютнымъ тождествомъ обѣихъ газетъ: та же передовица, тѣ же статьи, тѣ же сообщенія и телеграммы, касающіяся общей политики. Разницу вы найдете только въ мѣстномъ отдѣлѣ: въ „Münchener Post" печатается мюнхенская хроника, а въ „Neue Donau-Post" — регенсбургская. Не думайте, однако, что въ данномъ случаѣ вы имѣете дѣло съ плагіатомъ. Ничего подобнаго. Просто „Neue Donau-Post" вляется Kopfblatt'омъ мюнхенскаго органа. Издавать свою собственную вполнѣ самостоятельную газету съ большимъ штабомъ сотрудниковъ, типографіей, телеграфными сообщеніями и пр. маленькой регенсбургской организаціи было бы не подъ силу. Но, разъ регенсбургскій органъ дѣлается на $^3/_4$ простой перепечаткой Münchener Post (воспроизводимой вдобавокъ съ того же самаго набора въ типографіи послѣдней),—въ огромной степени сокращаются расходы по изданію, и благодаря этому открывается возможность даже небольшой организаціи имѣть свою собственную хорошо обставленную газету. Конкуренціи между „Münchener Post" и „Neue Donau-Post" не можетъ быть никакой, такъ какъ оба органа являются чисто-

мѣстными органами съ совершенно различными территоріальными сферами распространенія. И эта система Kopfblätter примѣняется соціалъ-демократической прессой Германіи очень широко: достаточно сказать, что изъ 81 ежедневнаго партійнаго органа 32 являются Kopfblätter болѣе крупныхъ близлежащихъ газетъ.

Наконецъ, огромную роль въ дѣлѣ развитія соціалистической печати играетъ повсемѣстная и неустанная агитація за нее. Агитируютъ за нее на всѣхъ политическихъ и общественныхъ собраніяхъ, созываемыхъ партіей, агитируютъ въ профессіональныхъ союзахъ и кооперативахъ, агитируютъ въ мастерскихъ, на фабрикахъ, на квартирахъ. Тахъ называемая „квартирная агитація" за прессу (Hausagitation), примѣнчемая все чаще въ послѣднее время, даетъ особенно благопріятные результаты: разъ или два въ годъ, въ связи съ какимъ-нибудь крупнымъ событіемъ общественной жизни, Uertrauensmänner организаціи обходятъ всѣ квартиры своихъ участковъ и убѣждаютъ ихъ обитателей подписаться на партійный органъ. Случается, конечно, иногда при этомъ, что незваннаго агитатора выгоняютъ изъ квартиры въ шею,—тѣмъ не менѣе, справедливость требуетъ сказать, что подобный способъ распространенія газеты обычно приноситъ очень хорошіе результаты. Я знаю, напримѣръ, что уже упоминавшаяся „Münchener Post" именно такимъ путемъ пріобрѣла за первую половину 1910 года свыше 6.000 новыхъ абонентовъ.

Въ цѣляхъ облегченія редакціонной работы на мѣстахъ партіей организовано съ 1908 года особое Pressbureau въ Берлинѣ, задачей котораго является снабженіе соціалъ-демократической печати необходимымъ статистическимъ матеріаломъ, сообщеніями и статьями по вопросамъ законодательства, текущей политической и экономической жизни и т. д. Въ цѣляхъ же достиженія возможно большаго техническаго совершенства соціалъ-демократическихъ газетныхъ предпріятій съ начала 1911 года учреждена спеціальная должность ревизора печати, на обязанности котораго лежитъ объѣзжать по нѣскольку разъ въ годъ всѣ партійныя издательства и типографіи и наблюдать вездѣ за правильнымъ веденіемъ дѣла.

Впрочемъ, современная соціалистическая печать Германіи замѣчательна не только своимъ огромнымъ тиражомъ и техническимъ совершенствомъ,—не менѣе интересна она и по своему содержанію, по своему своеобразному характеру. Нѣмцамъ удалось выработать образцовый типъ рабочей политической газеты, прекрасно приспособленной къ уровню и потребностямъ рабочаго читателя, и этотъ типъ можетъ до нѣкоторой степени служить указателемъ для всѣхъ другихъ странъ и народовъ.

Первое, что вамъ бросается въ глаза при чтеніи любой нѣмецкой соціалъ-демократической газеты, это—сравнительное обиліе ста-

тей и замѣтокъ редакціоннаго характера. Въ современной буржуазной печати, какъ извѣстно, „информаціонный отдѣлъ“ все больше вытѣсняетъ отдѣлъ публицистическій и литературный. Даже такія большія газеты, какъ, напримѣръ, „Berliner Tageblatt“, помѣщаютъ обычно 2—3 статьи на первой страницѣ, а все остальное пространство своей довольно объемистой тетради заполняетъ телеграммами корреспондентовъ, хроникой, сообщеніями и т. п. И подобный характеръ буржуазной прессы вполнѣ естественъ и понятенъ, ибо она разсчитана на читателя, который ищетъ въ газетѣ не поученія, а текущихъ свѣдѣній и сенсацій.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ соціалъ-демократической печати. Эта печать имѣетъ на ряду съ информаціонной еще чрезвычайно важную пропагандистскую задачу, и потому, сообщая о какомъ-нибудь событіи общественной жизни, она не ограничивается только простой передачей совершившагося факта, а сейчасъ же высказываетъ и свое собственное отношеніе къ нему. Отсюда большое количество редакціонныхъ статей, отсюда также особая манера изложенія хроники и фактовъ: почти всѣ болѣе крупныя замѣтки хроникерскаго характера въ соціалъ-демократическихъ газетахъ обычно бываютъ написаны въ формѣ маленькой агитаціонной статейки.

Но этого мало. Каждая соціалъ-демократическая редакція прекрасно знаетъ, что широкая масса ничего, кромѣ газеты, не читаетъ,—поэтому, помимо текущихъ статей на различныя злободневныя темы и прекрасно поставленной рабочей хроники, она даетъ своему читателю еще огромную массу всякаго культурно-образовательнаго матеріала. Въ каждомъ даже не очень большомъ партійномъ органѣ вы всегда найдете еженедѣльные или двухнедѣльные обзоры экономической жизни, различныя статьи по вопросамъ науки, искусства, литературы, иностранной жизни и т. д. Въ такъ называемыхъ ежедневныхъ „Beilage“ (приложеніе) обычно печатаются какія-либо беллетристическія произведенія, при чемъ при выборѣ ихъ газета опять-таки руководится „идейными“ соображеніями. Такъ, напримѣръ, цѣлый рядъ нѣмецкихъ соціалъ-демократическихъ органовъ напечаталъ въ свое время „Мать“ Горькаго. Иногда эти органы перепечатываютъ на своихъ страницахъ и старыя, но хорошія произведенія, въ родѣ „Углекоповъ“ Золя, „Казаковъ“ Толстого и т. д. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ достигается двойная выгода: съ одной стороны, авторамъ произведеній не приходится платить гонорара, а, съ другой, читателямъ дается интересный и дѣйствительно художественный матеріалъ, въ большинствѣ случаевъ имъ еще не извѣстный (вѣдь, иностранная литература для широкой рабочей массы представляетъ собой еще всю прелесть новизны).

Не ограничиваясь обычными ежедневными „приложеніями“, нѣкоторыя большія газеты отъ времени до времени даютъ еще

спеціальныя приложенія, посвященныя одному какому-нибудь вопросу или одной какой-либо сферѣ дѣятельности. Такъ, напр., „Dresdener Volkszeitung“ и „Münchener Post“ имѣютъ двухнедѣльное приложеніе, посвященное женскому движенію, „Hamburger Echo“ и „Dortmunder Arbeiterzeitung“ даютъ 1—2 раза въ мѣсяцъ особое приложеніе для юношества, нѣкоторые органы даютъ въ качествѣ приложенія „шахматную газету“, „модную газету“ и т. д. Кромѣ того, большинство партійныхъ газетъ даетъ въ видѣ безплатнаго приложенія еще особый иллюстрированный еженедѣльникъ, „Die neue Welt“. Печатнаго матеріала, какъ видимъ, немало. При всемъ томъ подписная цѣна на соціалъ-демократическіе органы крайне ничтожна и обычно не превышаетъ 80—90 пфенниговъ (37—42 коп.) въ мѣсяцъ, которые для большаго удобства рабочей публики могутъ быть, въ св ою очередь, уплачиваемы въ разсрочку по-недѣльно

Излишне, конечно, прибавлять, что соціалъ-демократическая пресса отличается абсолютной неподкупностью и крайне щепетильной чистоплотностью: ни одно мало-мальски сомнительное объявленіе не найдетъ себѣ мѣста на страницахъ партійной газеты. Точно также страницы соціалистическихъ органовъ совершенно закрыты для объявленій тѣхъ предпринимателей, которые находятся въ борьбѣ со своими рабочими или отказываются выполнять требованія профессіональныхъ союзовъ. Эти высокія моральныя качества нѣмецкой рабочей печати признаютъ даже злѣйшіе враги соціалистическаго движенія.

Кромѣ обширной ежедневной прессы, партія располагаетъ еще цѣлымъ рядомъ органовъ, появляющихся въ различные болѣе или менѣе продолжительные сроки. Сюда относятся: научный еженедѣльникъ партіи „Die neue Zeit“ (тиражъ 10.500), муниципальный еженедѣльникъ „Kommunale Praxis“ (3.500 экземпляровъ), спеціальный женскій двухнедѣльникъ „Die Gleichheit“ (112.000), юношескій двухнедѣльникъ „Arbeiter Jugend“ 100.000), юмористическій двухнедѣльникъ „Der wahre Jakob“ (370.000) и около 20 еженедѣльныхъ, двухнедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ органовъ, предназначенныхъ, главнымъ образомъ, для сельскаго населенія, съ общимъ тиражомъ около 150.000 экземпляровъ. Нѣсколько особнякомъ стоитъ одинъ спеціальный двухнедѣльный органъ — „Sozialdemokratische Parteikorrespondenz“ (4.100), имѣющій своей задачей давать текущій политическій и экономическій матеріалъ руководителямъ рабочихъ организацій для цѣлей агитацій и пропаганды.

Кромѣ перечисленныхъ чисто-партійныхъ органовъ, необходимо упомянуть еще нѣсколько органовъ, издаваемыхъ близкими къ партіи рабочими организаціями и выходящихъ обычно одинъ или два раза въ мѣсяцъ. Таковы: „Arbeiter-Radfahrer“ (150.000)—органъ союза рабочихъ-велосипедистовъ, „Arbeiter-Turnzeitung“

(свыше 100.000) и „Freie Turnerin“ (12.000)—органы гимнастическихъ рабочихъ союзовъ, „Deutsche Arbeiter-Sängerzeitung“ (65.000)—органъ союза рабочихъ-пѣвцовъ, „Der abstinente Arbeiter“ (4.500)—органъ рабочаго союза абстинентовъ, „Athletik“(4000)—органъ союза рабочихъ-атлетовъ, „Arbeiter-Stenograph“ (3.000)—органъ союза рабочихъ-стенографовъ, „Der Wanderfreund“ (1.000)—органъ союза рабочихъ-туристовъ, и „Der Bibliothekar“—спеціальный органъ, обслуживающій интересы рабочихъ библіотекъ. Наконецъ, необходимо еще указать на извѣстный двухнедѣльникъ, „Sozialistische Monatshefte“, являющійся теоретическимъ органомъ германскаго ревизіонизма. Если подсчитать тиражъ всѣхъ этихъ партійныхъ и непартійныхъ соціалъ-демократическихъ органовъ, получимъ огромную цифру въ 2 слишкомъ милліона экземпляровъ. Таковъ тотъ исполинскій потокъ печатнаго слова, который соціалъ-демократія неустанно направляетъ въ широкіе ряды пролетарской массы.

Въ заключеніе одно замѣчаніе, касающееся названій соціалъ-демократическихъ органовъ. Изъ 81 имени ежедневныхъ партійныхъ газетъ, имѣвшихся въ 1911 г., 61 начиналось со слова: „народный“ („Народная Газета“, „Народный Голосъ“ и т. д.) и только 5—со слова: „рабочій“ („Рабочая Газета“, „Рабочій Голосъ“ и т. д.). Точно также большинство газетъ носятъ подзаголовокъ: „Organ für die Interessen des gesamten werktätigen Uolkes“ „(Органъ для защиты интересовъ всего трудящагося народа)“. Это частое употребленіе имени „народа“ отнюдь не является случайностью. Не только въ соціалистической печати, но и въ парламентскихъ рѣчахъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ и въ рѣчахъ соціалъ-демократическихъ ораторовъ на публичныхъ собраніяхъ вы постоянно услышите слова: „народъ“, „ народные интересы“ и т. д. Невольно получается впечатлѣніе, что, несмотря на свой строго классовый составъ, германская соціалъ-демократія чуствуетъ или, по крайней мѣрѣ, желаетъ чувствовать себя партіей не одного только пролетаріата, но партіей всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ трудящихся.

Культурная работа

Было бы большой ошибкой представлять себѣ современное соціалистическое движеніе Германіи въ видѣ исключительно политическаго движенія, имѣющаго своей задачей только политическую организацію рабочихъ массъ для завоеванія или политической власти въ государствѣ. Конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что политическая борьба является центральнымъ пунктомъ въ дѣятельности германскаго соціализма, но такъ же мало подлежитъ сомнѣнію и то обстоятельство, что на ряду съ

этимъ современный соціализмъ представляетъ собой огромное культурное движеніе, въ сильнѣйшей степени способствующее могучему умственному и духовному подъему пролетарскихъ массъ.

Уже самое участіе рабочихъ въ соціалъ-демократической организаціи, ихъ подчиненіе ея добровольной товарищеской дисциплинѣ, чтеніе соціалъ-демократическихъ газетъ, посѣщеніе общихъ и секціонныхъ собраній, распространеніе летучихъ листковъ и т. д.— вся эта долгая школа демократической партійной жизни оказываетъ огромное развивающее вліяніе на чувства и созданіе рядовой массы членовъ. Люди учатся на практикѣ пониманію своихъ собственныхъ интересовъ, привыкаютъ къ методамъ коллективнаго дѣйствія, начинаютъ сознательными глазами смотрѣть на пеструю панораму окружающихъ событій. А эта сложная духовная эволюція имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ общее повышеніе культурнаго уровня массы. И, пожалуй, трудно найти достаточно сильныя слова для того, чтобы по достоинству оцѣнить ту поистинѣ гигантскую воспитательную работу, которую совершила въ указанномъ направленіи германская соціалъ-демократія за 40 лѣтъ своего существованія.

Но партія пролетаріата никогда не ограничивалась въ своей дѣятельности лишь этой ролью косвеннаго воспитателя массы. Сознавая огромное значеніе умственнаго и духовнаго подъема трудящихся классовъ, она всегда энергично отстаивала права народа на всѣ блага культуры и просвѣщенія—напомню, напримѣръ, ея роль въ провалѣ знаменитаго lex Heinze въ 1900 году—и, поскольку позволяли условія времени и мѣста, сама активно выступала въ роли неутомимаго сѣятеля всего „разумнаго, добраго, вѣчнаго“.

Эту работу сѣятеля соціалъ-демократія выполняетъ и въ настоящее время, хотя справедливость требуетъ сказать, что размѣры ея культурно-просвѣтительной дѣятельности пока еще не выходятъ за довольно скромные предѣлы. О партійной прессѣ и научно-популярныхъ рефератахъ на секціонныхъ собраніяхъ я уже говорилъ. Остановлюсь теперь нѣсколько подробнѣе на иныхъ формахъ культурной работы партіи. Здѣсь прежде всего приходится обратить вниманіе на густую сѣть такъ называемыхъ „мѣстныхъ образовательныхъ комитетовъ“, покрывающихъ въ настоящее время почти всю Германію. Эти комитеты состоятъ поровну изъ представителей партіи и профессіональныхъ союзовъ и имѣютъ своей задачей всѣми мѣрами способствовать развитію просвѣтительной работы въ широкихъ пролетарскихъ массахъ. Мѣстные комитеты объединены „Центральнымъ образовательнымъ комитетомъ“ въ Берлинѣ, направляющимъ и руководящимъ культурной дѣятельностью рабочихъ организацій во всей странѣ. Для того, чтобы дать нѣкоторое представленіе о размѣрахъ и характерѣ работы образо-

вательнаго аппарата пролетарскаго движенія, приведу здѣсь слѣдующія немногія данныя. Въ 1913 г. во всей Германіи насчитывалось 364 мѣстныхъ комитета, которые устроили за годъ въ 215 мѣстахъ 420 лекціонныхъ курсовъ по вопросамъ естествознанія, соціальныхъ наукъ, юриспруденціи и т. д. съ общимъ количествомъ посѣщеній около 45.000. Центральнымъ образовательнымъ комитетомъ за то же время были организованы въ 188 мѣстахъ 599 отдѣльныхъ докладовъ популярно-научнаго характера съ количествомъ посѣщеній свыше 118.000. Если принять во вниманіе, что партія въ 1913 г. насчитывала около 1 мил. членовъ,—эти цифры нельзя будетъ не признать чрезвычайно скромными.

Впрочемъ, дѣятельность образовательныхъ комитетовъ не ограничивается одними лишь курсами и рефератами. Современныя рабочія организаціи Германіи задаются цѣлью облагородить не только умъ, но и чувство трудящейся массы и, поскольку это допускаютъ внѣшнія условія, стараются способствовать превращенію каждаго пролетарія въ всесторонне развитую культурную личность. Поэтому на ряду съ сообщеніемъ рабочему цѣлаго ряда свѣдѣній изъ различныхъ областей знанія организаціи стараются развить въ немъ также пониманіе искусства, стремленіе къ красотѣ и изяществу, любовь ко всему прекрасному, музыкальному и гармоническому. Именно въ этихъ видахъ тѣми же образовательными комитетами въ 1913 году былъ устроенъ цѣлый рядъ литературныхъ вечеровъ, посвященныхъ Гете, Шиллеру, Гейне, Фрейлиграту, Горькому, А. Негри и др., и рядъ музыкальныхъ вечеровъ, на которыхъ были исполнены произведенія Бетховена, Шопена, Моцарта, Вагнера, Мендельсона и Шумана. Далѣе, въ очень многихъ городахъ были организованы „пестрые“ художественные вечера безъ опредѣленной программы, „сказочные“ вечера для дѣтей и большое количество различныхъ вечеровъ иного рода. Всѣ подобныя начинанія образовательныхъ комитетовъ находили необыкновенно горячій откликъ въ рабочей средѣ, и залы устраиваемыхъ концертовъ и вечеровъ обычно ломились отъ наплыва публики.

Не ограничиваясь организаціей собственныхъ литературныхъ и музыкальныхъ выступленій, комитеты, въ цѣломъ рядѣ городовъ (назову, напримѣръ, Гамбургъ, Лейпцигъ, Мюнхенъ) входили въ сношеніе съ мѣстными театрами и доставляли рабочимъ и ихъ семьямъ возможность по удешевленнымъ цѣнамъ посѣщать театральныя представленія. Больше того. Въ Берлинѣ уже сравнительно давно образовалась особая рабочая организація, „Neue Freie Volksbühne“, избравшая своей спеціальной задачей постановку театральныхъ представленій для пролетарской публики. (Въ 1910 году ею было организовано 183 такихъ представленія). Договоры, подобные соглашеніямъ съ театрами, были заключены образовательными коми-

тетами во многихъ городахъ съ концертными и музыкальными обществами. Кромѣ того, комитетами были организованы многочисленныя посѣщенія музеевъ, картинныхъ и скульптурныхъ галлерей и проч., а также устроено свыше 100 выставокъ художественныхъ стѣнныхъ украшеній и литературныхъ произведеній, рекомендуемыхъ для юношества. Подробный списокъ этихъ послѣднихъ былъ изданъ „Центральнымъ образовательнымъ комитетомъ" въ видѣ особой брошюры и получилъ очень широкое распространеніе въ массахъ пролетарской молодежи. Само собой разумѣется, что образовательные комитеты обращали и обращаютъ особенное вниманіе на поддержаніе существующихъ и созданіе новыхъ библіотекъ и читаленъ для рабочихъ. Въ 1911 г., напр., центральныя рабочія библіотеки существовали въ 217 пунктахъ страны—среди нихъ такія крупныя, какъ лейпцигская съ 60.000 томовъ, гамбургская—съ 22.000 и др.,—кромѣ того, въ 55 городахъ имѣлось около 400 отдѣльныхъ библіотекъ, принадлежащихъ различнымъ рабочимъ организаціямъ (партіи, союзамъ и т. д.). Для того, чтобы покончить съ описаніемъ дѣятельности образовательныхъ комитетовъ, прибавлю еще, что общая сумма ихъ расходовъ за 1911 г. превысила 500 тыс. мк., въ 1913 г. она достигла 700 тыс. мк.

Но культурно-просвѣтительная работа соціалъ-демократіи не исчерпывается лишь указанными формами. Партія имѣетъ съ 1906 г. особую партійную школу въ Берлинѣ съ 6-тимѣсячнымъ курсомъ, задачей которой является подготовка образованныхъ дѣятелей соціалистическаго движенія [1]). Партія же не жалѣетъ денегъ и на изданіе всевозможныхъ научныхъ, популярныхъ и популярно-научныхъ произведеній для самаго широкаго распространенія ихъ въ массахъ. О размѣрахъ этой издательской дѣятельности соціалъ-демократіи можно судить хотя бы по тому, что центральное партійное издательство „Vorwärts" въ Берлинѣ только за одинъ 1910 годъ пустило въ оборотъ около 500.000 экземпляровъ различныхъ книгъ, брошюръ, листовокъ и т. д. культурно-просвѣтительнаго характера. А, вѣдь, кромѣ „Vorwärts'a", имѣются еще крупныя соціалъ-демократическія издательства въ Штутгартѣ, Гамбургѣ и Лейпцигѣ, не считая менѣе

---

[1]) Въ 1906/10 году курсъ партійной школы состоялъ изъ 820 учебныхъ часовъ, распредѣлявшихся по отдѣльнымъ предметамъ слѣдующимъ образомъ: политическая экономія (лекторъ Р. Люксембургъ)—230 часовъ, исторія общественнаго развитія (Г. Куновъ)—144, устное письменное изложеніе мыслей (Г. Шульцъ)—120, рабочее право и соціальное законодательство (А. Штадтгагенъ)—76, нѣмецкая исторія (Ф. Мерингъ)—72, познаніе природы (Э. Вурмъ)—46, уголовное и гражданское право (Г. Гейнеманъ и К. Розенфельдъ)—48, техника газетнаго дѣла (Г. Шульцъ)—16 и коммунальная политика (Э. Вурмъ)—12.

значительныхъ издательскихъ предпріятій въ цѣломъ рядѣ другихъ городовъ.

Особенное значеніе въ своей культурной работѣ партія придаетъ, если можно такъ выразиться, медицинской пропагандѣ. Во всѣхъ соціалъ-демократическихъ и профессіональныхъ органахъ вы встрѣтите довольно часто статьи по различнымъ вопросамъ медицины и гигіены; въ изданіи „Vorwärts'a“ вотъ уже не одинъ годъ появляется и очень широко распространяется дешевая „Библіотека здоровья“ для рабочихъ. Кромѣ того, отъ времени до времени во многихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ для рабочихъ устраиваются популярныя лекціи и собесѣдованія на самыя разнообразныя медицинскія темы. При такихъ условіяхъ нисколько не удивительно, что нѣмецкіе врачи при столкновеніи съ пролетарской массой обычно поражаются ея основательнымъ знакомствомъ съ важнѣйшими понятіями медицины и гигіены. Какъ видно изъ предыдущаго, эта медицинская культурность пролетарской среды является заслугой не врачебныхъ обществъ, не государства, не коммунъ, а прежде всего и больше всего энергичной просвѣтительной дѣятельности рабочихъ организацій. Забота о здоровьи, неустанно пропагандируемая въ массахъ партіей и профессіональными союзами, естественнымъ образомъ ведетъ къ созданію цѣлаго ряда учрежденій, имѣющихъ своей задачей поддержаніе свѣжести, крѣпости и бодрости человѣческаго организма. Таковы, напримѣръ, многочисленные рабочіе гимнастическіе ферейны, насчитывающіе свыше 100.000 членовъ (работницы объединены въ особые женскіе гимнастическіе союзы съ 12.000 членами), таковъ союзъ рабочихъ-атлетовъ съ 4.000 членами, таковы существующіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочіе „союзы плаванія и купанья“, таковы же, наконецъ, пока еще очень немногочисленные союзы рабочихъ абстинентовъ. Здѣсь, пожалуй, умѣстно будетъ упомянуть о недавно основанной партіей организаціи рабочихъ-слѣпцовъ, для которыхъ съ 1910 года издается даже спеціальный органъ, „Die neue Zeit“, печатаемый особымъ шрифтомъ для слѣпыхъ.

Этотъ живой интересъ, проявляемый рабочими массами къ вопросамъ гигіены и медицины, нашелъ себѣ необыкновенно яркое, можно сказать, историческое выраженіе во время знаменитой гамбургской холеры 1892 года. Въ тѣ страшные дни, когда вся зажиточная гамбургская буржуазія въ паническомъ страхѣ позорно бѣжала изъ охваченнаго эпидеміей города, главную тяжесть борьбы съ ужасной азіатской гостьей вынесли на своихъ плечахъ рабочія организаціи. По просьбѣ растерявшагося сената партія и союзы печатали и распространяли черезъ своихъ Vertrauensmänner листки къ населенію съ указаніемъ предупредительныхъ мѣръ противъ заболѣванія, ихъ члены принимали дѣятельное участіе въ „комите-

тахъ помощи“, образованныхъ въ различныхъ частяхъ города, обслѣдовали очаги эпидеміи, вели статистику нуждающихся, перевозили трупы умершихъ на кладбище, дезинфецировали зараженныя жилища и т. п. Это мужественное и сознательное поведеніе рабочихъ во время ужаснаго общественнаго бѣдствія произвело такое сильное впечатлѣніе на страну, что даже гамбургская плутократія вынуждена была пойти на уступки и открыть доступъ къ избирательному праву въ мѣстный ландтагъ пролетарскимъ массамъ.

Изъ другихъ организацій культурнаго характера можно указать еще на упоминавшійся выше союзъ рабочихъ-велосипедистовъ. „Солидарность“, насчитывающій около 150.000 членовъ, союзъ рабочихъ-стенографовъ съ $2^1/_2$—3.000 членовъ и союзъ рабочихъ-пѣвцовъ съ 60.000 членовъ. Всѣ эти союзы имѣютъ, какъ то и подобаетъ каждой доброй нѣмецкой организаціи, свои центральныя правленія, свои областные комитеты, своихъ Vertrauensmänner, свои органы, свои съѣзды и праздники. Помню весной 1910 года баварскіе пѣвческіе ферейны устроили въ Нюрнбергѣ свое союзное торжество. Это была очень импозантная картина: въ Нюрнбергѣ собралось свыше 10.000 рабочихъ-пѣвцовъ со всѣхъ концовъ Баваріи, а на самомъ празднествѣ присутствовало около 40.000 человѣкъ. Впрочемъ, лучшіе въ Германіи рабочіе хоры находятся не въ Баваріи, а въ Саксоніи, въ Лейпцигѣ. Я познакомился съ ними на одномъ концертѣ, устроенномъ во время лейпцигскаго партейтага 1909 г., въ честь делегатовъ послѣдняго, и долженъ откровенно сознаться, что рѣдко мнѣ приходилось слышать профессіональныхъ артистовъ, выполняющихъ различные музыкальные номера съ такимъ техническимъ совершенствомъ, съ какимъ это дѣлали лейпцигсккіе любители-пѣвцы.

Трудно учесть въ точныхъ цифрахъ и фактахъ всю сумму культурно-просвѣтительнаго вліянія, оказываемаго рабочими организаціями на пролетарскія массы, но, что оно огромно,—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Это вы чувствуете сразу же, непосредственно, при первомъ столкновеніи съ рабочей средой Германіи. Поговорите съ любымъ нѣмецкимъ интеллигентнымъ рабочимъ, и вы будете поражены высотой его культурнаго уровня, обширностью и разносторонностью его познаній и въ особенности тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, съ которымъ онъ относится не только къ наукѣ, но также и къ изящной литературѣ, къ живописи, къ музыкѣ, вообще къ искусству. Въ Лейпцигѣ я зналъ одного рабочаго-упаковщика, бывшаго очень энергичнымъ Vertrauensmann'омъ союза транспортныхъ рабочихъ,—его настоящей страстью была библіоманія. Въ тотъ моментъ, когда я съ нимъ познакомился, его библіотека состояла изъ 600 томовъ, стоившихъ въ общей сложности, по меньшей мѣрѣ, 1.000 марокъ. Онъ не разъ мнѣ признавался, что

библіотека является его любимымъ дѣтищемъ, его гордостью, и этому легко было повѣрить, наблюдая то радостное возбужденіе, которое неизмѣнно охватывало его всякій разъ, какъ онъ оказывался среди своихъ тщательно разставленныхъ по полкамъ и разсортированныхъ книгъ. Въ Мюнхенѣ мнѣ пришлось столкнуться съ однимъ каменщикомъ — также Vertrauensmann'омъ, но уже союза строительныхъ рабочихъ,—который положительно поклонялся искусству въ его самыхъ разнообразныхъ формахъ и проявленіяхъ. По натурѣ это былъ настоящій поэтъ, а судьба заставила его держать въ рукахъ молотокъ и лопаточку. Онъ безумно увлекался Гомеромъ и Софокломъ, часами простаивалъ предъ картинами мюнхенскихъ пинакотекъ, посѣщалъ въ народномъ университетѣ лекціи по исторіи музыки и, тратя послѣдніе гроши, бѣгалъ на концерты и въ оперу послушать дивную музыку Вагнера, Бетховена или Шумана. Въ томъ же Мюнхенѣ я зналъ одного чиновника профессіональнаго союза, слабостью котораго были цвѣты. Свое бюро онъ превратилъ въ цвѣтущій садъ, изъ выходящаго на улицу балкона сдѣлалъ зеленую, увитую ліанами бесѣдку и все свое свободное время проводилъ, копаясь въ землѣ и ухаживая за цвѣтами и растеніями.

Конечно, я очень хорошо понимаю, что приводимыя мной фигуры являются отнюдь не общимъ правиломъ, а скорѣе исключеніемъ изъ него. Это, однако, нисколько не лишаетъ указанные примѣры ихъ огромнаго показательнаго значенія: какъ высокъ долженъ быть средній культурный уровень рабочей массы для того, чтобы въ ея средѣ могли появляться подобные типы, хотя бы даже въ видѣ исключенія, и притомъ не слишкомъ рѣдкаго исключенія!

Юношеское движеніе

Къ сферѣ культурной дѣятельности социалъ-демократіи приходится отнести и столь быстро развившееся въ послѣднее время такъ наз. юношеское движеніе. Первыя попытки въ этомъ направленіи были сдѣланы почти одновременно на сѣверѣ и на югѣ Германіи. Въ концѣ 1903 и въ началѣ 1904 гг. по иниціативѣ извѣстнаго вождя ревизіонистовъ, д-ра Франка, въ Оффенбахѣ и Маннгеймѣ были основаны первыя соціалистическія юношескія организаціи. Опытъ удался, и скоро примѣру двухъ названныхъ городовъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ рабочихъ центровъ южной Германіи. Въ февралѣ 1906 г. въ Карлсруэ собралась первая конференція представителей 9 южно-германскихъ юношескихъ организацій, постановившая объединить всѣ существующіе мѣстные союзы въ единый „Союзъ молодыхъ рабочихъ Германіи“ („Verband junger Arbeiter Deutschlands“) и начать изданіе ежемѣсячнаго органа „Die Junge

Garde" („Юная гвардія") подъ редакціей д-ра Франка. Въ сентябрѣ того же года въ Маннгеймѣ состоялось первое генеральное собраніе новаго союза, на которомъ присутствовали делегаты уже 37 юношескихъ организацій. Собраніе это приняло цѣлый рядъ важныхъ рѣшеній: такъ, оно открыло доступъ въ союзъ молодымъ работницамъ, установило мѣсячный взносъ въ размѣрѣ 20 пф., приняло организаціонный статутъ, построенный на принципѣ децентрализаціи, и намѣтило планъ ближайшей работы. Изъ резолюцій послѣдняго рода особенное значеніе имѣли постановленія объ образованіи при юношескихъ организаціяхъ спеціальныхъ комиссій для защиты труда учениковъ, о борьбѣ съ алкоголизмомъ и объ антимилитаристской пропагандѣ. Кромѣ того, конечно, въ первую очередь были выдвинуты общеобразовательныя задачи и распространеніе популярно-научной литературы въ различныхъ областяхъ знанія. Развитіе новаго союза пошло очень быстрыми шагами впередъ, и къ 1-му іюля 1907 г. онъ насчитывалъ въ своихъ рядахъ уже 73 мѣстныхъ организаціи съ общимъ количествомъ около 4.500 членовъ.

Въ концѣ 1904 г. возникла и первая юношеская организація на сѣверѣ—въ Берлинѣ. За Берлиномъ послѣдовали Кёнигсбергъ, Гамбургъ и др. города сѣверной Германіи; въ декабрѣ 1906 г. 15 мѣстныхъ организацій съ $2^1/_2$ тыс. членовъ объединились въ „Союзъ свободныхъ юношескихъ организацій Германіи" („Vereinigung der freien Jugendorganisationen Deutschlands") и признали своимъ органомъ ежемѣсячникъ „Arbeitende Jugend" („Рабочее Юношество"), начавшій съ 1905 г. выходить въ Берлинѣ.

Это раздѣленіе движенія на сѣверное и южное объяснялось не столько географическими, сколько полицейскими причинами. Въ болѣе свободныхъ государствахъ южной Германіи юношескія организаціи могли носить не только просвѣтительный и экономическій, но отчасти и политическій характеръ (антимилитаризмъ). Наоборотъ, въ реакціонныхъ Пруссіи и Саксоніи онѣ могли существовать исключительно лишь какъ образовательныя и экономическія учрежденія. Впрочемъ съ изданіемъ закона о собраніяхъ и союзахъ 1908 г., простирающаго свое дѣйствіе на всю Германію, дѣленіе организацій на сѣверныя и южныя потеряло почти всякое значеніе, и нюрнбергскій партейтагъ германской соціалъ-демократіи считался лишь съ совершившимся фактомъ, когда постановлялъ распустить оба юношескихъ союза (сѣверный и южный) и прекратить изданіе обоихъ органовъ: „Die Junge Garde" и „Arbeitende Jugend". Вмѣсто старыхъ союзовъ было создано въ Берлинѣ особое „Jugendzentrale" („Центральная организація юношества"), объединяющее дѣятельность мѣстныхъ организацій всей Германіи, а вмѣсто двухъ прежнихъ ежемѣсячниковъ съ 1 января 1909 г. появился новый двухнедѣльникъ, „Arbeiter-Jugend" („Рабочая Юность"). Впрочемъ,

единаго централизованнаго союза, охватывающаго всѣ мѣстныя юношескія организаціи страны, до сихъ поръ еще не существуетъ: это объясняется отчасти молодостью движенія, отчасти полицейскими препятствіями. Въ виду подобной децентрализаціи контроль и руководство юношеской работой на мѣстахъ, согласно рѣшенію нюрнбергскаго партейтага, поручены особымъ комиссіямъ, состоящимъ изъ представителей партіи, профессіональныхъ союзовъ и юношескихъ организацій.

Развитіе соціалистическаго юношескаго движенія за самые послѣдніе годы представляетъ сплошной рядъ изумительно быстрыхъ успѣховъ. Число юношескихъ организацій осенью 1913 г. достигало 655, число ихъ членовъ приблизительно 100.000 человѣкъ, тиражъ „Arbeiter-Jugend"—свыше 100.000 экземпляровъ. Для правильной оцѣнки этой послѣдней цифры нужно принять еще во вниманіе, что нѣкоторые соціалъ-демократическіе органы, какъ уже упоминалось выше, ввели у себя особыя приложенія, предназначенныя спеціально для юношества. Въ цѣломъ рядѣ городовъ имѣются десятки юношескихъ домовъ, устраиваются курсы и лекціи по различнымъ отраслямъ знанія, организуются комиссіи для защиты учениковъ отъ эксплуатаціи предпринимателей, ведется энергичная борьба съ алкоголизмомъ и распространеніемъ порнографической литературы, устраиваются игры, прогулки, гимнастическія упражненія, посѣщенія музеевъ и пр. Въ самое послѣднее время въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ и нѣкоторыхъ другихъ центрахъ сдѣланы очень успѣшныя попытки создать юношескія отдѣленія также при отдѣльныхъ профессіональныхъ союзахъ (металлистовъ, рабочихъ по дереву и др.).

За время моей жизни въ Германіи мнѣ неоднократно приходилось сталкиваться съ движеніемъ соціалистической молодежи, и всегда изъ этихъ столкновеній я выносилъ самое свѣтлое, самое бодрящее впечатлѣніе. Главнымъ достоинствомъ этого движенія является, несомнѣнно, то широкое право самоуправленія, которое предоставлено юношеству въ веденіи всѣхъ дѣлъ, касающихся внутренней жизни его организацій. Сами члены, въ подавляющемъ большинствѣ юноши и дѣвушки въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ [1]), вершатъ судьбы своихъ небольшихъ ферейновъ, сами созываютъ собранія, сами собираютъ членскіе взносы (обычно въ размѣрѣ 5—10 пф. въ мѣсяцъ), сами обсуждаютъ и рѣшаютъ различные вопросы, сами ведутъ агитацію, наконецъ, сами же нерѣдко читаютъ лекціи и рефераты. Какое огромное воспитательное значеніе имѣетъ подобная система, конечно, нечего доказывать: это ясно само собой.

---

[1]) Соціалистическое юношеское движеніе распространяетъ сферу своего вліянія только на подростковъ уже окончившихъ школу, т.-е. старше 14 лѣтъ.

Изъ многочисленныхъ встрѣчъ съ соціалистическимъ юношескимъ движеніемъ мнѣ особенно врѣзались въ память двѣ, происшедшія въ одномъ изъ крупныхъ городовъ средней Германіи, и, я думаю, читатель на меня не посѣтуетъ, если я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на передачѣ тѣхъ впечатлѣній, которыя мнѣ пришлось вынести изъ своихъ тогдашнихъ наблюденій.

Заинтересованный той упорной борьбой, которую прусская полиція ведетъ противъ движенія соціалистической молодежи, я попросилъ одного знакомаго члена юношеской организаціи сводить меня какъ-нибудь на собраніе послѣдней. Мое желаніе было исполнено, и нѣсколько времени спустя я получилъ приглашеніе пожаловать въ опредѣленный день и часъ на рефератъ, устраиваемый юношескимъ союзомъ для своихъ членовъ. Къ указанному времени я былъ на мѣстѣ. Когда я вошелъ въ залъ, гдѣ должно было происходить собраніе, стулья и скамьи были уже густо заняты молодежью обоего пола. Присутствовало отъ 100—120 человѣкъ, все больше въ возрастѣ 16—18 лѣтъ, представлявшихъ собой чуть ли не полную гамму всѣхъ профессій и отраслей современнаго промышленнаго труда. За предсѣдательскимъ столомъ возсѣдалъ юноша лѣтъ 17, съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, столярный подмастерье, и о чемъ-то озабоченно бесѣдовалъ съ нѣсколькими такими же безусыми, какъ онъ, „руководителями“ организаціи. Можетъ быть, тема бесѣды могла дѣйствительно вызвать озабоченность на лицахъ членовъ юнаго правленія, но мнѣ почему-то показалось, что ихъ дѣловито-серьезный видъ былъ обусловленъ не столько содержаніемъ самаго разговора, сколько сознаніемъ „тяжести“ возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Тема реферата гласила: „Америка, ея жизнь и нравы“. Референтъ,—довольно извѣстный въ городѣ с.-д. муниципальный совѣтникъ,—въ яркихъ живыхъ образахъ нарисовалъ передъ слушателями картину соціально-политическихъ и бытовыхъ отношеній, господствующихъ въ великой заатлантической республикѣ, при чемъ особенно подробно остановился на изображеніи той почти безграничной политической свободы, которой пользуются американскіе граждане. Во время своего доклада ораторъ неоднократно проводилъ параллели и дѣлалъ сопоставленія между Соединенными Штатами и Германіей, и при этомъ всегда у него какъ-то такъ выходило, что въ Америкѣ очень многое обстоитъ куда лучше, чѣмъ въ столь знакомой слушателямъ имперіи Гогенцоллерновъ.

Рефератъ выслушанъ былъ съ затаеннымъ дыханіемъ, и, когда докладчикъ, наконецъ, смолкъ, залъ огласился шумными рукоплесканіями. За рефератомъ послѣдовала продолжительная дискуссія. Юноши и дѣвушки наперерывъ засыпали оратора самыми разнообразными вопросами и просили объяснить его различныя непонятныя

для нихъ явленія или дополнить въ нѣкоторыхъ пунктахъ свое изложеніе. Ораторъ охотно отвѣчалъ на всѣ запросы и недоумѣнія, такъ что, въ концѣ концовъ, дискуссія приняла характеръ оживленной бесѣды между референтомъ и толпой его молодыхъ слушателей.

Въ 10 ч. дебаты были прекращены, и въ рукахъ у всѣхъ присутствующихъ появились небольшія книжечки—сборникъ соціалистическихъ пѣсенъ, изданный берлинской „Jugendzentrale“. „Точно молитвенники въ церкви“,—мелькнуло у меня въ головѣ. Еще моментъ, и по знаку предсѣдателя залъ огласился знакомыми звуками рабочаго „Интернаціонала“. Пѣли всѣ, пѣли весело и громко, не очень стройно, зато съ большимъ чувствомъ и одушевленіемъ. Затѣмъ собраніе было объявлено закрытымъ, и публика мало-по-малу стала расходиться.

Недѣли двѣ спустя мнѣ пришлось присутствовать на празднествѣ соціалистическаго юношества, устроенномъ организаціей того города, въ которомъ я тогда находился. На празднество это должны были съѣхаться представители юношескихъ союзовъ изъ близлежащихъ промышленныхъ центровъ—всего что-то около 600—700 чел.—и сообща съ мѣстными товарищами принять дѣятельное участіе во всѣхъ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ рѣдкаго торжества. Въ назначенный день въ двухъ спеціальныхъ поѣздахъ желанные гости, дѣйствительно, прибыли и, встрѣченные на вокзалѣ офиціальными представителями мѣстной организаціи, стройной толпой по четыре человѣка въ рядъ прошли черезъ весь городъ къ „Юношескому Дому“. Было воскресенье, ярко свѣтило солнце и многочисленная публика, гулявшая по улицамъ, съ любопытствомъ и изумленіемъ смотрѣла на эту странную процессію, такую молодую и веселую, всѣ участники которой были украшены красными гвоздиками—въ петлицахъ пиджаковъ или на шляпахъ.

Въ „Юношескомъ Домѣ“ гостей ожидали члены мѣстной организаціи, — тоже не меньше 600 — 700 чел. Здѣсь гости и хозяева соединились и подъ звуки музыки небольшого оркестра, состоявшаго почти исключительно изъ представителей молодежи, двинулись густыми рядами по направленію къ большому подгородному парку, гдѣ, собственно, и должно было состояться самое торжеетво. Тамъ, на большой полянѣ, окруженной огромными буками и дубами, стояла невысокая ораторская трибуна, былъ устроенъ небольшой закрытый занавѣсомъ помостъ и разставлены даннные деревянные столы, исчезавшіе подъ грудами фруктовъ, сластей, неизмѣнныхъ сосисокъ и безчисленныхъ бутылокъ различныхъ свободныхъ отъ алкоголя напитковъ.

Когда растянувшійся цугъ, наконецъ, заполнилъ живописную поляну, на трибуну взошелъ одинъ изъ членовъ мѣстной юношеской организаціи и въ краткой рѣчи привѣтствовалъ пріѣхавшихъ гостей,

высказывая убѣжденіе, что сегодняшній праздникъ послужитъ дѣлу сближенія соціалистической молодежи всего окрестнаго района. Отъ имени гостей отвѣчалъ предсѣдатель юношескаго союза ближайшаго крупнаго города. Затѣмъ приступлено было къ выполненію программы: пѣлись пѣсни, говорились стихотворенія, игралъ кружокъ юношей-цитристовъ, ставились живыя картины и т. д.—все при дѣятельномъ участіи самихъ членовъ организаціи. Когда же офиціальная часть празднества закончилась, собравшіеся были предоставлены самимъ себѣ. Надъ поляной зазвенѣлъ веселый юношескій смѣхъ, начались шумныя игры, пѣніе и танцы, затянувшіеся до глубокаго вечера. Домой возвращались уже съ наступленіемъ ночи (при свѣтѣ звѣздъ и уличныхъ фонарей). Возбужденные такъ весело и необычно проведеннымъ днемъ, радостные и довольные, эти хмурыя дѣти большого города крѣпко пожимали на прощанье другъ другу руки и обмѣнивались послѣдними дружескими привѣтствіями:

— До свиданія, товарищи!

— До свиданія! Пріѣзжайте еще разъ къ намъ!..

Покидая послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія празднество, я былъ совершенно очарованъ, покоренъ этимъ смѣло подымающимъ голову соціалистическимъ юношескимъ движеніемъ. Сколько бодрости, свѣжести, здоровыхъ неистраченныхъ силъ чувствуется въ немъ, какія широкія перспективы передъ нимъ открываются! Ибо, если старое поколѣніе—„отцы“, начавшіе свой жизненный путь въ душной атмосферѣ мелкобуржуазныхъ традицій и предразсудковъ, сумѣли, тѣмъ не менѣе, создать такое мощное и исполинское движеніе, какимъ является рабочее движеніе современной Германіи,—то чего же можно дожидать отъ нынѣшнихъ „дѣтей“, съ раннихъ лѣтъ воспитывающихся въ соціалистическихъ идеалахъ и привыкающихъ къ понятіямъ и формамъ разумной человѣческой жизни?!.

Красные выборы

I

13 декабря 1906 г. тогдашній канцлеръ имперіи, кн. Бюловъ, придравшись къ отказу рейхстага вотировать 29 милл. марокъ на веденіе колоніальной войны въ юго-западной Африкѣ, распустилъ непокорное народное представительство и, вмѣшавшись съ давно невиданной энергіей въ самую гущу избирательной борьбы, принялъ непосредственное участіе въ „дѣланіи" новыхъ парламентскихъ выборовъ.

Требованіе кредитовъ на колоніальныя надобности было отклонено соединенными силами центра и соціалъ-демократіи. Поэтому избирательный пароль, данный теперь правительствомъ всѣмъ охранительнымъ элементамъ, гласилъ: „противъ черныхъ и красныхъ!" Но, давая этотъ пароль, кн. Бюловъ преслѣдовалъ не только цѣль созданія новаго парламентскаго большинства, гарантирующаго ему финансовую возможность безпощадной расправы съ готтентотами,—эта цѣль, въ сущности, была легко достижима и въ старомъ рейхстагѣ—намѣренія имперскаго канцлера шли значительно дальше: своей тактикой онъ разсчитывалъ, съ одной стороны, сокрушить могущество соціалъ-демократіи, со своими 80 парламентскими мандатами становившейся все болѣе неудобной для правительства,—съ другой стороны, нанести чувствительный ударъ католическому центру и такимъ путемъ освободитъ себя отъ необходимости заискивать передъ этой властолюбивой партіей ватиканскихъ прислужниковъ.

Но, объявляя открытую войну двумъ крупнѣйшимъ политическимъ силамъ страны, кн. Бюловъ, какъ искусный стратегъ, долженъ былъ, конечно, своевременно озаботиться созданіемъ достаточно прочной опоры для себя въ рядахъ другихъ партій современной Германіи. Эту опору онъ и нашелъ въ лицѣ консерваторовъ и... либераловъ всѣхъ толковъ и направленій (отъ Бассермана

до Наумана), которые при благосклонномъ содѣйствіи имперскаго канцлера заключили между собой избирательную коалицію и, опираясь на могущественную поддержку правительственнаго аппарата, развили въ странѣ лихорадочную реакціонно-націоналистическую агитацію. Усилія бюловскаго блока не остались совершенно безплодными, и тяжелый угаръ шовинистическаго возбужденія оказалъ сильное вліяніе на настроеніе широкой массы избирателей. Выборы 25 января 1907 г.—эти, по установившейся нѣмецкой терминологіи, „готтентотскіе" выборы—принесли имперскому канцлеру значительное удовлетвореніе. Правда, центръ разбить ему не удалось, и послѣдній, увеличивъ на 300 тыс. количество своихъ голосовъ, вернулся въ парламентъ въ прежней силѣ,—зато соціалъ-демократія потерпѣла частичное пораженіе: несмотря на приростъ голосовъ въ 250 тыс., она потеряла почти половину своихъ мандатовъ и провела въ новый рейхстагъ всего лишь 43 депутата. Однако главнымъ успѣхомъ „готтентотскихъ" выборовъ съ точки зрѣнія кн. Бюлова было то, что онъ располагалъ теперь въ парламентѣ достаточно крупнымъ консервативно-либеральнымъ большинствомъ и, благодаря этому, могъ себя чувствовать независимымъ отъ надоѣдливой опеки католиковъ.

Описанный исходъ выборовъ былъ встрѣченъ бурными проявленіями восторга въ рядахъ всего буржуазнаго общества. Въ ночь съ 25 на 26 января улицы нѣмецкихъ городовъ сдѣлались свидѣтелями шумныхъ патріотическихъ манифестацій. Въ Берлинѣ огромная толпа устроила подъ окнами канцлерскаго дворца настоящую овацію кн. Бюлову, и даже самъ императоръ Вильгельмъ въ порывѣ радостнаго возбужденія съ балкона своего палаццо обратился съ широковѣщательной рѣчью къ народу. Въ этой рѣчи онъ обѣщалъ націи наступленіе новой эры въ Германіи и говорилъ о „разбитой" и „поверженной" соціалъ-демократіи. Въ ту же памятную ночь саксонскій король Августъ, не будучи въ состояніи сдержать своего восторга отъ патріотическаго исхода выборовъ въ его „красныхъ владѣніяхъ" (въ Саксоніи с.-д. потеряли цѣлыхъ 14 мандатовъ), срочно телеграфировалъ своему царственному собрату въ Берлинѣ: „Хорошо жить! Еще не умерла старая саксонская вѣрность!"

Такъ родился „готтентотскій" рейхстагъ 1907 г., открывшій собой одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ политической исторіи Германіи. Послѣдующія пять лѣтъ дѣятельности этого замѣчательнаго парламента распадаются на двѣ почти совершенно равныя по продолжительности эпохи, знаменовавшія собой господство двухъ различныхъ партійныхъ комбинацій: консервативно-либеральнаго блока кн. Бюлова и „черно-голубого блока" консерваторовъ и центра.

Какъ ни странно звучитъ само по себѣ это словосочетаніе, консервативно-либеральный блокъ остался не только кратковременной предвыборной коалиціей,—съ открытіемъ новаго рейхстага онъ превратился даже въ офиціальное правительственное большинство въ парламентѣ. Наивные политики либеральнаго бюргерства, восхищенные нѣсколькими туманными намеками имперскаго канцлера, пророчили теперь избирателямъ наступленіе новой эры въ общественной жизни Германіи и съ негодованіемъ отвергали предупрежденія немногихъ скептиковъ, говорившихъ, что, въ сущности, ничего особеннаго не случилось, и все въ этомъ лучшемъ изъ міровъ останется по-старому. Конечно, на повѣрку оказалось, что именно скептики-то и были правы.

За все болѣе чѣмъ двухлѣтнее существованіе бюловскаго блока либераламъ удалось провести лишь одну-единственную прогрессивную реформу—новый законъ о союзахъ и собраніяхъ. Къ сожалѣнію, однако, и эта единственная прогрессивная реформа была, по требованію консерваторовъ, настолько обезображена цѣлымъ рядомъ реакціонныхъ ограниченій, что потеряла, по крайней мѣрѣ, половину своего положительнаго значенія. Всѣ же остальные крупные законодательные акты 1907—8 гг. носятъ на себѣ столь опредѣленно выраженную печать аграрно-консервативныхъ вожделѣній, что въ характерѣ ихъ партійнаго происхожденія не приходится ни минуты сомнѣваться. Въ этотъ же первый періодъ существованія прошлаго рейхстага былъ принятъ, между прочимъ, и новый законъ о реформѣ военнаго флота, сыгравшій, какъ мы сейчасъ увидимъ, роковую роль въ исторіи консервативно-либеральнаго сожительства.

Законъ о реформѣ флота понижалъ срокъ дѣйствительной службы военныхъ судовъ съ 25 до 20 лѣтъ. Естественнымъ послѣдствіемъ данной реформы явилась потребность въ постройкѣ 5 новыхъ броненосныхъ гигантовъ, а естественнымъ послѣдствіемъ этой потребности—необходимость обезпечить финансовую возможность осуществленія рѣшенныхъ преобразованій. Поставленный предъ этой послѣдней задачей кн. Бюловъ нашелъ выходъ изъ непріятнаго положенія въ проектѣ такъ называемой „финансовой реформы", долженствовавшей давать государственной казнѣ ежегодно около 500 милл. марокъ лишнихъ доходовъ. По существу дѣла, эта „реформа" сводилась къ повышенію нѣкоторыхъ старыхъ и введенію цѣлаго ряда новыхъ налоговъ, при чемъ 400 милл. предполагалось добыть при помощи косвеннаго обложенія, а 100 милл. путемъ прямого налога на болѣе крупныя наслѣдства: кн. Бюловъ хотѣлъ быть пріятнымъ обѣимъ частямъ своей парламентской коалиціи!

Но тутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Консерваторы рѣшительно отказались вотировать „финансовую реформу" до тѣхъ поръ, пока изъ нея не будетъ выкинутъ налогъ на наслѣд-

ства; либералы же, опасаясь окончательно потерять всякій престижъ въ странѣ, не соглашались разстаться съ этимъ единственнымъ демократическимъ привкусомъ въ общемъ довольно-таки горькой для народныхъ массъ финансовой пилюли. Результатомъ обнаружившихся глубокихъ разногласій явилось распаденіе въ іюлѣ 1909 г. консервативно-либеральнаго блока и отставка его хитроумнаго творца, кн. Бюлова.

Теперь началась новая эпоха въ существованіи „готтентотскаго" рейхстага. Кн. Бюлова на канцлерскомъ посту замѣстилъ „молчаливый философъ" Бетманъ-Гольвегъ, и этой перемѣнѣ въ рядахъ высшаго правительства соотвѣтствовала такая же перемѣна и въ группировкѣ парламентскихъ партій. Либералы силой вещей были отброшены въ оппозицію, и на мѣсто противоестественной коалиціи „карпа и кролика" теперь сталъ болѣе прочный и жизнеспособный союзъ католическаго попа съ дикимъ помѣщикомъ. Послѣдующіе $2^1/_2$ года были періодомъ неограниченнаго торжества „черно-голубого блока", и надо отдать справедливость входящимъ въ его составъ партіямъ—онѣ сумѣли за этотъ сравнительно короткій срокъ вызвать къ себѣ глубокую ненависть въ самыхъ широкихъ слояхъ населенія. Что дала, въ самомъ дѣлѣ, странѣ эпоха господства „черно-голубого блока"? Блокъ додѣлалъ бюловскую „финансовую реформу", замѣнивъ налогъ на наслѣдства рядомъ другихъ косвенныхъ налоговъ, ввелъ новый налогъ на судоходство, т.-е. иными словами способствовалъ удорожанію воднаго транспорта, внесъ многочисленныя ухудшенія въ существующее законодательство о государственномъ страхованіи, усилилъ преслѣдованіе рабочаго движенія, подготовилъ реформу германскаго уголовнаго уложенія, грозящую пролетаріату новыми скорпіонами, и приступилъ даже къ энергичной кампаніи въ пользу ограниченія коалиціоннаго права рабочихъ. Единственнымъ свѣтлымъ исключеніемъ на этомъ мрачномъ фонѣ политической дѣятельности консервативно-клерикальной реакціи явились лишь законъ о страхованіи частныхъ служащихъ, принятый рейхстагомъ наканунѣ самаго роспуска, да введеніе довольно демократической конституціи въ Эльзасъ-Лотарингіи, обязанной, впрочемъ, своимъ осуществленіемъ лишь энергичной поддержкѣ соціалъ-демократической фракціи.

Естественнымъ результатомъ работы „черно-голубыхъ" былъ огромный ростъ раздраженія и недовольства противъ господствующей политики не только въ пролетарскихъ кругахъ, но также и въ широкихъ слояхъ буржуазнаго общества. Тяжелая рука культурно-политической реакціи такъ жестоко и безпощадно опустилась на страну, что даже дряблый и безкровный германскій либерализмъ вынужденъ былъ невольно ощетиниться. Эта рѣзкая перемѣна въ настроеніи широкихъ массъ населенія нашла свое наиболѣе яркое

выраженіе въ рядѣ ландтагскихъ и дополнительныхъ рейхстагскихъ выборовъ, ознаменовавшихся блестящими побѣдами лѣвыхъ партій, особенно же соціалъ-демократіи [1]).

Массовое народное недовольство, вызванное общеполитическими причинами, съ середины 1911 года нашло себѣ новую пищу въ фактѣ необыкновеннаго вздорожанія жизни, сильно ударившаго по карману городское, а отчасти и сельское населеніе. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на выясненіи причинъ общаго повышенія цѣнъ на предметы массоваго потребленія,—достаточно будетъ сказать, что въ Германіи это повышеніе зависитъ главнымъ образомъ отъ характера экономической политики имперіи, направленной на одностороннюю защиту интересовъ крупнаго помѣстнаго землевладѣнія. При такихъ условіяхъ, вполнѣ естественно и понятно, что осенняя дороговизна 1911 г. должна была въ огромной степени усилить раздраженіе демократическихъ слоевъ населенія противъ виновниковъ этой новой напасти, противъ „хлѣбныхъ ростовщиковъ" и „эксплуататоровъ народа", т.-е. все противъ тѣхъ же партій „черно-голубого блока". И чѣмъ ближе подходила къ концу послѣдняя сессія „готтентотскаго" рейхстага, тѣмъ глубже злоба и негодованіе охватывали широкія народныя массы, и тѣмъ чаще по адресу господствующей коалиціи раздавалась угроза: „Погодите жь, въ день выборовъ мы съ вами поквитаемся"!

При господствѣ такого настроенія старый рейхстагъ былъ, наконецъ, 6 декабря 1911 г. распущенъ императорскимъ указомъ. Никто, кромѣ „черно-голубыхъ" братьевъ и ихъ канцлера, не пролилъ слезъ по бѣдномъ покойникѣ, такъ много погрѣшившемъ при жизни противъ народныхъ интересовъ и заставившемъ страну пережить длинный рядъ тяжелыхъ, черныхъ лѣтъ. И едва двери парламента захлопнулись за пестрой толпой недавнихъ народныхъ представителей, какъ на обширномъ полѣ избирительной битвы закипѣла ожесточенная борьба между различными политическими партіями. Но на этотъ разъ предвыборная ситуація имѣла совершенно иной видъ, чѣмъ пять лѣтъ тому назадъ. Отъ шовинистскаго угара „готтентотскихъ" выборовъ не осталось больше и слѣда, и группировка политическихъ силъ страны приняла теперь гораздо болѣе нормальный и естественный характеръ. По одну сторону избирательнаго поля въ тѣсномъ союзѣ оказались партіи „черно-голубого" блока: центръ, антисемиты и консерваторы различныхъ оттѣнковъ,—все, что есть въ странѣ наиболѣе дикаго, некультурнаго и злобно-реакціоннаго, по другую сторону соціалъ-демократы, свободомыслящіе и

---

[1]) С.-д. за два года 1910—1911 провели на дополнительныхъ выборахъ 10 депутатовъ и такимъ образомъ повысили численность своей рейхстагской фракціи съ 43 до 53 чел.

національ-либералы, т.-е. вся прогрессивная Германія „отъ Бассермана до Бебеля". Кажется, еще никогда за всю 40-лѣтнюю исторію германскаго парламентаризма рѣзкое размежеваніе между правой и лѣвой политическими концентраціями не выступало такъ ярко и отчетливо, какъ на выборахъ 1912 г. Именно это обстоятельство наложило особый отпечатокъ на всю предшествовавшую имъ избирательную кампанію и въ сильнѣйшей степени отразилось на окончательномъ исходѣ великой политической битвы.

II

Люди, переживавшіе парламентскіе выборы въ Англіи, Франціи или Соединенныхъ Штатахъ, нашли бы избирательную кампанію въ Германіи необыкновенно сѣрой, будничной и однотонной. Въ самомъ дѣлѣ, выборы въ народное представительство въ одной изъ названныхъ странъ ставятъ на ноги буквально все населеніе и сопровождаются цѣлымъ рядомъ яркихъ, поражающихъ вниманіе явленій. Созываются огромные митинги подъ открытымъ небомъ, устраиваются шумныя манифестаціи на площадяхъ и на улицахъ, произносятся пламенныя рѣчи, въ политическую борьбу вовлекаются не только взрослые граждане, но и дѣти, на помощь агитаціи привлекаются всѣ новѣйшія завоеванія науки и техники, населеніе засыпается непрерывнымъ дождемъ избирательныхъ воззваній, брошюръ и летучихъ листковъ и мало-по-малу подъ комбинированнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ вліяній доходитъ до состоянія непрерывнаго политическаго кипѣнія, нерѣдко находящаго себѣ выходъ въ различнаго рода эксцессахъ и кровавыхъ столкновеніяхъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль страна бываетъ выбита изъ колеи нормальной жизни и во все это время думаетъ, говоритъ, интересуется, пишетъ и читаетъ только о выборахъ и по поводу выборовъ. Когда англійское либеральное министерство въ послѣдній разъ (въ ноябрѣ 1910 г.) распускало парламентъ, оно было очень озабочено вопросомъ о томъ, какъ бы періодъ избирательной кампаніи не совпалъ по времени съ наступающими святками, т. к. въ этомъ послѣднемъ случаѣ вся рождественская торговля должна была бы пойти на смарку. И, дѣйствительно, срокъ новыхъ выборовъ былъ установленъ съ такимъ расчетомъ, чтобы къ 10 декабря политическая битва по всей линіи была бы уже закончена.

Совсѣмъ иную картину видимъ мы въ Германіи. Взять, напр., избирательную кампанію, о которой идетъ сейчасъ рѣчь. Не подлежитъ сомнѣнію, что она была одной изъ наиболѣе страстныхъ и оживленныхъ, пережитыхъ когда либо страной,—и, однако, какъ въ общемъ спокойно, методично и разсудочно все время велась политическая борьба! Конечно, на протяженіи 7 недѣль усиленной из-

бирательной агитаціи при желаніи можно было насчитать немало яркихъ моментовъ и отдѣльныхъ оригинальныхъ выступленій. Такъ. въ Гамбургѣ въ день выборовъ была устроена массовая импозантная манифестація съ требованіемъ избирательнаго права для женщинъ. Въ Мюнхенѣ въ тотъ же день по городу разъѣзжали извозчики и автомобили, сверху до низу увѣшанные разноцвѣтными избирательными афишами и немолчнымъ ревомъ своихъ мѣдныхъ рожковъ привлекавшіе къ себѣ вниманіе прохожихъ. Въ Берлинѣ по улицамъ бѣгали большія и маленькія собаки, къ спинамъ которыхъ были привязаны воззванія различныхъ политическихъ партій. Во многихъ мѣстахъ послѣднія, не ограничиваясь сухой прозой предвыборныхъ плакатовъ, старались тронуть сердце избирателя хромоногими виршами или символическими картинами. Дрезденскіе національ-либералы пошли еще дальше и въ цѣляхъ политической агитаціи рѣшили использовать столь модное въ настоящее время воздухоплаваніе: они пустили надъ городомъ небольшой баллонъ съ привязаннымъ къ нему воззваніемъ въ пользу своего кандидата д-ра Гинце (эта экстраординарная мѣра не помѣшала, впрочемъ, д-ру Гинце провалиться). Вечеромъ въ день главныхъ выборовъ и затѣмъ въ дни слѣдующихъ за ними перебаллотировокъ на улицахъ, передъ зданіями редакцій большихъ газетъ, скоплялись огромныя толпы народа, не расходившіяся до глубокой ночи и бурно реагировавшія на различныя извѣстія объ исходѣ голосованія. Въ нѣкоторыхъ городахъ при этомъ—назову Берлинъ, Кельнъ, Дортмундъ, Саарбрюккенъ и др.—дѣло доходило до шумныхъ манифестацій на улицахъ и кое-гдѣ даже до столкновеній съ полиціей.

Какъ однако ни красочны и ни драматичны порой названные моменты, они остаются все-таки только отдѣльными яркими штрихами, лишь еще рѣзче подчеркивающими спокойствіе и однотонность основного фона картины. Пріѣзжая въ періодъ избирательной кампаніи въ нѣмецкій городъ, вы развѣ только по разноцвѣтнымъ объявленіямъ о предвыборныхъ собраніяхъ могли бы догадаться, что страна переживаетъ сейчасъ моментъ великаго политическаго рѣшенія. Ни по внѣшнему виду улицъ, ни по характеру заполняющаго ихъ движенія, ни по лицамъ и разговорамъ прохожихъ вы этого не замѣтили бы. И если бы вы даже, заинтересовавшись ходомъ избирательной борьбы, отправились на одно изъ многочисленныхъ предвыборныхъ собраній,—вы, вѣроятно, были бы сильно разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ: ни пламенныхъ рѣчей, ни рѣзкаго столкновенія мнѣній, ни бурныхъ страстныхъ сценъ, такъ захватывающе дѣйствующихъ на толпу напряженныхъ слушателей! Все очень умно, толково, дѣловито, но спокойно, удивительно спокойно. И подобный характеръ собраній вполнѣ понятенъ. При господствующей въ Германіи глубокой политической дифференціаціи

на собранія, созываемыя какой-либо одной партіей, по правилу ходятъ только ея сторонники, противники же или вовсе не являются или, если и являются, то лишь очень рѣдко выступаютъ съ возраженіями. Откуда же взяться въ такомъ случаѣ особому оживленію на собраніяхъ? Еще у либераловъ, плохо организованныхъ и мало дисциплинированныхъ, гдѣ чуть не каждый членъ партіи имѣетъ по всѣмъ вопросамъ своё особое мнѣніе, иногда разгораются довольно интересные дебаты. На собраніяхъ же центра или соціалъ-демократіи пренія можно услышать лишь крайне рѣдко. При такихъ условіяхъ роль городскихъ избирательныхъ собраній въ Германіи сравнительно не очень велика (иное дѣло въ деревнѣ), и, созывая ихъ. партіи преслѣдуютъ главнымъ образомъ цѣли воодушевленія собственныхъ сторонниковъ и произведенія нѣкотораго внѣшняго эффекта.

Впрочемъ, эта бѣдность драматическаго элемента въ германской избирательной кампаніи отнюдь не означаетъ собой равнодушія населенія къ политическимъ судьбамъ страны. Совсѣмъ наоборотъ. На двухъ послѣднихъ выборахъ 1907 и 1912 гг. въ голосованіи участвовало по 85% общаго количества избирателей,—фактъ, ярко свидѣтельствующій о глубокомъ интересѣ самыхъ широкихъ круговъ націи къ исходу избирательной борьбы. Но только внѣшнее проявленіе этого интереса, благодаря на рѣдкость холодному темпераменту нѣмцевъ и особымъ политическимъ условіямъ ихъ страны, принимаетъ здѣсь совершенно иныя формы, чѣмъ, напр., въ Англіи или Франціи. Политическая борьба въ Германіи изъ сферы открытой общественной жизни переносится въ частную жизнь каждаго гражданина и потому протекаетъ мало замѣтно для поверхностнаго наблюдателя. Отъ этого однако борьба сама по себѣ отнюдь не становится менѣе горячей и ожесточенной.

Въ нѣмецкой избирательной агитаціи первенствующая роль принадлежитъ, несомнѣнно, печатному слову. Каждый нѣмецъ читаетъ ежедневно по вечерамъ „свою“ газету и почерпаетъ изъ нея обычно всю свою политическую, экономическую, и иную мудрость. Уже этого одного факта совершенно достаточно для того, чтобы дать въ руки борющихся политическихъ партій могущественное орудіе для воздѣйствія на души избирателей. Оттого-то каждая изъ этихъ партій прилагаетъ въ предвыборный періодъ самыя энергичныя усилія для увеличенія числа своихъ абонентовъ. Вліяніе ежедневной прессы дополняется распространеніемъ летучихъ листковъ, находящихся въ непосредственной связи съ различными моментами избирательной кампаніи. Распространеніе это происходитъ нѣсколько разъ въ теченіе всего предвыборнаго періода, причемъ къ послѣднему передъ днемъ голосованія листку прилагается избирательный бюллетень съ именемъ партійнаго кандидата и небольшая кар-

точка съ указаніемъ номера и бюро того избирательнаго участка, въ которомъ данный избиратель долженъ подать свой голосъ. Летучіе листки распространяются обычно въ колоссальномъ количествѣ—сотняхъ тысячъ и даже милліонахъ экземпляровъ—и попадаютъ буквально въ каждую квартиру.

На ряду съ письменной агитаціей огромную роль въ подготовкѣ выборовъ играетъ еще такъ наз. Kleinagitation, буквально „мелкая агитація", т.-е. повседневная агитація въ сферѣ частной, служебной, профессіональной и всякой иной жизни массы избирателей. Различныя партіи прибѣгаютъ при этомъ къ помощи различныхъ методовъ и средствъ для оказанія наибольшаго вліянія на слѣдующія за ними группы населенія. Соціалъ-демократы пользуется для достиженія названной цѣли главнымъ образомъ могучимъ аппаратомъ профессіональнаго движенія на всѣхъ большихъ и малыхъ профессіональныхъ собраніяхъ (а они устраиваются въ каждомъ крупномъ городѣ ежедневно десятками), на фабрикахъ и заводахъ, въ ресторанахъ и пивныхъ, за рабочимъ станкомъ и въ частной квартирѣ за дружеской бесѣдой,—вездѣ членами партіи (являющимися обычно одновременно и членами союзовъ) неустанно ведется энергичная и упорная предвыборная агитація. Католическій центръ опирается въ своей избирательной борьбѣ преимущественно на огромное вліяніе церковной организаціи: пасторская каѳедра, алтарь и исповѣдальная являются еще понынѣ его испытаннымъ орудіемъ въ дѣлѣ желательной политической „обработки" болѣе отсталыхъ слоевъ населенія. Консерваторы, держащіе въ своихъ рукахъ всю мощь административнаго правительственнаго аппарата, на ряду съ щедрой раздачей „дешевой" водки и не менѣе „дешевыхъ" сигаръ пускаютъ въ ходъ всѣ мѣры самаго грубаго и беззастѣнчиваго давленія на совѣсть непокорнаго избирателя. Наконецъ, либералы находятъ обширное поприще для своей агитаціонной дѣятельности въ мірѣ банковъ, биржи, торговыхъ конторъ, промышленныхъ заведеній и т. д. съ ихъ многочисленнымъ штатомъ служащихъ, приказчиковъ, кліентовъ и всякихъ иныхъ зависимыхъ или полузависимыхъ людей. Вся эта мало замѣтная, но неустанная и потому крайне дѣйствительная ежедневная, ежечасная агитація въ теченіе нѣсколькихъ недѣль пропитываетъ собой атмосферу всей страны и ко дню выборовъ доводитъ массы избирателей до высочайшей степени политическаго напряженія. Таковъ германскій методъ избирательной кампаніи. Лучше онъ или хуже, чѣмъ французскій или англійскій,—вопросъ особый, но что онъ очень дѣйствителенъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Внѣшнее спокойствіе предвыборной борьбы 1912 г. объяснялось также отчасти и той позиціей, которую на этотъ разъ заняло имперское правительство. Выше я уже упоминалъ о томъ, что въ 1907 г.

кн. Бюловъ принялъ дѣятельное участіе въ „дѣланіи“ новыхъ парламентскихъ выборовъ. Бетманъ-Гольвегъ, къ счастью, не обнаружилъ подобной активности. Правда, въ своемъ „новогоднемъ письмѣ“, появившемся въ офиціозной „Norddeutsche Allg. Zeitung“, канцлеръ сдѣлалъ попытку выйти изъ своего „философскаго“ безстрастія и обратился ко всѣмъ буржуазнымъ партіямъ съ призывомъ составить общую коалицію для совмѣстной борьбы съ соціалъ-демократіей. Однако традиціонный избирательный пароль, пускавшійся въ ходъ чуть ли не каждымъ имперскимъ канцлеромъ, прозвучалъ на этотъ разъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и не произвелъ никакого впечатлѣнія на либеральныя партіи, по адресу которыхъ онъ собственно и былъ направленъ. Потерпѣвъ неудачу съ своей попыткой „Sammlungspolitik“, Бетманъ-Гольвегъ однако не сразу успокоился. Въ особомъ обращеніи къ государственнымъ служащимъ, напечатанномъ все въ той же „Nordd. Allg. Zeitung“, онъ объявилъ, что подача соціаль-демократическаго избирательнаго бюллетеня не совмѣстима съ присягой, даваемой каждымъ гражданиномъ при поступленіи на правительственную службу, и что, поэтому, долгъ и обязанность всякаго чиновника вотировать на выборахъ за представителей охранительныхъ партій. Однако и это второе выступленіе имперскаго канцлера увѣнчалось не большимъ успѣхомъ, чѣмъ первое. Громкій ропотъ, раздавшійся въ отвѣтъ на обращеніе Бетманъ-Гольвега изъ рядовъ низшихъ слоевъ бюрократіи, не оставлялъ никакого сомнѣнія въ характерѣ настроенія большинства послѣдней, и ни для кого въ Германіи не составляетъ секрета, что многіе десятки тысячъ чиновниковъ подъ защитой тайны голосованія опустили въ урну избирательные бюллетени съ именами соціалъ-демократическихъ кандидатовъ.

Потерпѣвъ такимъ образомъ полное фіаско въ своихъ попыткахъ оказать вліяніе на ходъ избирательной кампаніи, Бетманъ-Гольвегъ снова впалъ въ состояніе столь привычнаго ему „философскаго“ покоя и предоставилъ дальнѣйшій ходъ вещей ихъ естественному теченію. Благодаря этому, избиратели были избавлены отъ излишняго давленія правительственнаго аппарата, и предвыборная борьба политическихъ партій могла развиваться въ болѣе или менѣе свободныхъ условіяхъ. Конечно въ городѣ, а не въ деревнѣ (о томъ, что дѣлалось въ предвыборный періодъ въ сельскихъ мѣстностяхъ читатель увидитъ ниже).

Отъ этой общей характеристики методовъ и формъ избирательной борьбы перейдемъ теперь къ болѣе близкому ознакомленію съ дѣятельностью и работой отдѣльныхъ политическихъ партій. Это ознакомленіе тѣмъ болѣе поучительно и интересно, что какъ разъ въ эпоху выборовъ всѣ, если можно такъ выразиться, партійныя индивидуальности принимаютъ наиболѣе яркія и законченныя очертанія.

III

Огромный, длинный залъ, нѣсколько низкій для своихъ гигантскихъ размѣровъ, залитъ до краевъ черной, волнующейся человѣческой массой. Люди сидятъ за столами, стоятъ въ проходахъ между стульями, лѣпятся по стѣнамъ, густо заполняютъ хоры и даже лѣстницы на хоры. Съ высоты эстрады, занятой представителями прессы и наиболѣе почетными лицами мѣстной партійной организаціи, видно только безконечное море головъ, все утонувшее въ синеватыхъ клубахъ дыма. Въ собраніи жарко и душно. Чувствуется напряженіе и приподнятость, вызываемыя всегда большимъ скопленіемъ людей.

На трибунѣ старый вождь соціалъ-демократической партіи, вотъ уже въ девятый разъ выставляемый кандидатомъ въ рейхстагъ отъ одного и того же избирательнаго округа. Онъ—одинъ изъ немногихъ еще оставшихся въ живыхъ ветерановъ движенія, одинъ изъ той все рѣдѣющей „стаи славной", которая заложила основы нынѣшняго могущества партіи пролетаріата и теперь мало-по-малу сходитъ со сцены. Тяжелая болѣзнь наложила свою жестокую руку на организмъ этого гиганта въ человѣческомъ образѣ, согнула его фигуру, покрыла его голову сплошною сѣдиной. Въ обычное время, подчиняясь предписанію врачей, старый вождь рѣдко появляется на публичныхъ собраніяхъ. Но въ моментъ избирательной борьбы, когда на недолгій срокъ впередъ рѣшаются политическія судьбы страны, онъ долженъ, онъ не можетъ не быть на посту!

— Товарищи и уважаемые слушатели! — начинаетъ ораторъ. Смѣшанный гулъ тысячеголосой толпы, наполнявшій передъ тѣмъ обширное помѣщеніе, постепенно затихаетъ, и въ огромномъ залѣ воцаряется мертвая тишина.

— Ровно пять лѣтъ тому назадъ въ этомъ же самомъ залѣ мнѣ пришлось бесѣдовать съ вами послѣ жестокой битвы 25 января. Вы помните, невеселое настроеніе господствовало въ то время въ нашихъ рядахъ. На „готтентотскихъ" выборахъ 1907 г. мы потерпѣли частичное пораженіе, и многіе вѣрные товарищи подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этой неудачи впали въ нѣкоторое уныніе и малодушіе. Буржуазный міръ торжествовалъ свою временную побѣду надъ пролетаріатомъ, и, чѣмъ громче раздавались ликованія въ станѣ враговъ, тѣмъ сумрачнѣе становилось въ нашемъ лагерѣ. Но жизнь течетъ, и отношенія измѣняются. Пять лѣтъ, отдѣляющія насъ отъ рожденія „готтентотскаго" рейхстага, прошли не даромъ. И, если мы окинемъ въ настоящее время взоромъ наши политическія позиціи, то будемъ поражены поистинѣ исполинской разницей между положеніемъ соціалъ-демократіи „тогда" и „теперь". За этотъ ко-

роткій промежутокъ времени число членовъ нашей партіи болѣе, чѣмъ удвоилось; наша пресса проникла въ самые отдаленные уголки страны; наше парламентское и коммунальное представительство обнаружило небывалое развитіе; наша роль, наше значеніе въ политической жизни страны увеличились, какъ никогда въ прошлые годы. Кто осмѣлится теперь говорить о „поверженной“ и „разбитой“ соціалъ-демократіи? Кто осмѣлится предрекать намъ близость неизбѣжнаго конца?

Ораторъ на минуту останавливается и дѣлаетъ небольшую передышку. Обширный залъ оглашается шумными рукоплесканіями.

— Но гдѣ же, въ чемъ заключается причина этихъ поразительныхъ успѣховъ соціалъ-демократіи?—продолжаетъ ораторъ.—Она заключается, несомнѣнно, въ той энергіи и настойчивости, въ той готовности къ жертвамъ, въ той вѣрѣ въ торжество нашего дѣла, которыя обнаружили въ послѣдніе годы тысячи и десятки тысячъ нашихъ товарищей. Но не только въ этомъ одномъ. Тайна нашихъ побѣдъ кроется также и въ характерѣ той правительственной политики, которая явилась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ „готтентотскихъ“ выборовъ и господства „черно-голубого блока“.

— Вѣрно!—громко раздается въ толпѣ, и залъ снова оглашается аплодисментами.

Теперь ораторъ переходитъ къ политической жизни страны въ теченіе минувшаго пятилѣтія и къ оцѣнкѣ переживаемаго Германіей предвыборнаго момента. Крупными, яркими штрихами, при бурномъ одобреніи слушателей, онъ рисуетъ картину внутренней эволюціи имперіи со времени рожденія „готтентотскаго“ рейхстага: положеніе партіи послѣ выборовъ 1907 г.; жалкую исторію консервативно-клерикальной коалиціи; паденіе кн. Бюлова; созданіе реакціоннаго „черно-голубого блока“ и результаты его болѣе чѣмъ двухлѣтняго парламентскаго господства. По мѣрѣ развертыванія политической панорамы настроеніе въ залѣ постепенно повышается, голосъ оратора крѣпнетъ, и возбужденіе среди слушателей замѣтно растетъ. Рѣчь стараго вождя все чаще прерывается бурными рукоплесканіями, криками „браво“, „правильно“, „очень хорошо“ и т. д., а когда, характеризуя соціальную политику „черно-голубого блока“, онъ упоминаетъ о томъ, что, согласно новому закону о страхованіи рабочихъ, пособіе будутъ получать не всѣ вдовы, лишившіяся своего кормильца, а только вдовы-„инвалиды“, залъ оглашается громовымъ:

— Пфуй!

— Гдѣ выходъ изъ создавшагося невозможнаго положенія? Гдѣ путь, по которому страна могла бы выбраться изъ того историческаго тупика, въ который его загнала политика господствующихъ партій? Этотъ выходъ, этотъ путь—въ разгромѣ „черно-голубого блока“ на предстоящихъ выборахъ въ рейхстагъ. По мнѣ-

нію оратора, данная цѣль въ настоящее время вполнѣ достижима, такъ какъ и германскій либерализмъ послѣ печальнаго опыта послѣднихъ пяти лѣтъ пришелъ къ выводу о необходимости освобожденія Германіи отъ ига консервативно-клерикальной реакціи. Конечно, соціалъ-демократіи не приходится предаваться какимъ-либо иллюзіямъ насчетъ стойкости, послѣдовательности и демократичности нѣмецкихъ либераловъ,—исторія бюловскаго блока у всѣхъ еще въ памяти,—но, поскольку либералы захотятъ вести серьезную войну съ „черно-голубыми“ братьями, они могутъ всегда разсчитывать на дѣятельную поддержку пролетаріата.

— Товарищи!—заканчиваетъ ораторъ свою съ силой и энергіей сказанную рѣчь.—Въ теченіе 30 лѣтъ вы оказывали мнѣ честь избраніемъ меня на почетный и отвѣтственный постъ вашего парламентскаго представителя. Насколько хватало моихъ силъ и способностей, я всегда стремился оправдать ваши надежды и ожиданія. И, если теперь, въ началѣ четвертаго десятилѣтія вы снова сочтете меня достойнымъ представлять ваши интересы въ рейхстагѣ я могу вамъ только обѣщать, что и въ дальнѣйшей своей дѣятельности я останусь тѣмъ же, чѣмъ я былъ до сихъ поръ.

Ораторъ кончилъ и медленно сходитъ съ трибуны. Залъ оглашается криками „браво“ и бурными, долго не смолкающими рукоплесканіями. Многіе встаютъ съ своихъ мѣстъ и въ порывѣ воодушевленія машутъ шляпами и платками.

Раздается рѣзкій звонокъ, и предсѣдатель, гарантируя каждому оппоненту полную свободу слова, приглашаетъ присутствующихъ высказываться по поводу рѣчи соціалъ-демократическаго кандидата. Однако, желающихъ не находится: представителей другихъ партій въ залѣ, видимо, нѣтъ, а единомышленники во всемъ согласны съ ораторомъ. Тогда слово беретъ самъ предсѣдатель и въ краткой, но съ воодушевленіемъ и огонькомъ сказанной рѣчи напутствуетъ собравшихся на трудную работу.

— Всѣ предзнаменованія,—говоритъ онъ,—обѣщаютъ соціалъ-демократіи на нынѣшнихъ выборахъ блестящую побѣду, но пусть присутствующіе не обольщаются ложными надеждами. Побѣду надо завоевать, а для этого прежде всего необходимы энергія, упорная работа, готовность къ жертвамъ и дисциплина, желѣзная дисциплина!

— Правильно! Вѣрно!—громко подтверждаетъ толпа.

Свой горячій призывъ предсѣдатель заканчиваетъ пожеланіемъ успѣха партіи въ начинающейся избирательной кампаніи и громкимъ „Hoch“! въ честь интернаціональной соціалъ-демократіи. При послѣднихъ словахъ вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, подымается со своихъ мѣстъ, въ воздухѣ мелькаютъ шапки и шляпы, и обширный залъ троекратно оглашается громовымъ:

— Hoch! Hoch! Hoch!

Собраніе закрыто. Недалеко отъ эстрады раздаются хорошо знакомые звуки рабочей „Марсельезы". Тысячи голосовъ сразу подхватываютъ эту популярнѣйшую пѣсню пролетарской Германіи, и подъ мощные аккорды соціалистическаго гимна рабочая масса начинаетъ медленно выливаться изъ зала на улицу...

Я нарочно подробно остановился на описаніи соціалъ-демократическаго предвыборнаго собранія, такъ какъ все въ немъ чрезвычайно характерно для политической партіи пролетаріата: и самый методъ агитаціи, и поведеніе кандидата, и воодушевленіе массы, и ея готовность къ жертвамъ во имя общаго соціалистическаго дѣла, и ея поразительная дисциплина, чувствующаяся въ каждомъ движеніи, въ каждомъ порывѣ, чуть ли не въ каждомъ вздохѣ собравшейся многотысячной толпы. И справедливость требуетъ сказать, что всѣ эти прекрасныя качества нѣмецкой рабочей массы нашли себѣ въ періодъ избирательной кампаніи необыкновенно широкое примѣненіе.

Слѣдуя своей обычной тактикѣ, соціалъ-демократія выставила и на выборахъ 1912 г. своихъ кандидатовъ во всѣхъ 397 округахъ страны [1]). И, вполнѣ сознавая огромное значеніе избирательной кампаніи, она сумѣла развить на всемъ протяженіи имперіи поистинѣ исполинскую агитацію. Ея обширная пресса въ теченіе 7 недѣль была охвачена настоящей избирательной горячкой и думала и писала только о томъ, что такъ или иначе касалось предстоящихъ выборовъ. Ея типографіи печатали, а ея организаціи распространяли въ городѣ и въ деревнѣ милліоны экземпляровъ иллюстрированныхъ и не иллюстрированныхъ листковъ, плакатовъ и воззваній къ населенію. Ея агитаторы неутомимо разъѣзжали по странѣ и созывали тысячи разнообразныхъ собраній, проникая подчасъ въ самые глухіе уголки чисто сельскихъ областей и районовъ. Рабочіе, служащіе, чиновники, крестьяне, нѣмцы, датчане, поляки—всѣ въ большей или меньшей степени подвергались политической „обработкѣ" со стороны партіи пролетаріата, никто не ускользалъ отъ дѣйствія смѣлаго соціалъ-демократическаго слова. Насколько широка и всеобъемлюща была эта лихорадочная агитація, можно прекрасно судить хотя бы по тому факту, что въ Берлинѣ было устроено даже одно спеціальное собраніе слѣпцовъ—соціалъ-демократовъ, на которомъ оживленно обсуждались вопросы, касающіеся избирательной борьбы. Въ день самыхъ выборовъ 12 января представителей партіи можно было найти въ каждомъ избирательномъ локалѣ, занятыхъ распространеніемъ с.-д. избирательныхъ бюллетеней, контролемъ

[1]) Никакая другая партія не рѣшилась на подобный шагъ. Нац.-либералы выставили 200 кандидатовъ, центръ—183, прогрессисты—175, консерваторы—132 и т. д. Общее количество выставленныхъ всѣми партіями кандидатовъ достигало 1428 чел.

за правильностью выборнаго производства, работой въ участковыхъ избирательныхъ комитетахъ, тасканіемъ лѣнивыхъ избирателей, и т. д. Въ эти трудныя недѣли энергичную поддержку людьми, совѣтомъ, указаніями, устной и печатной агитаціей, нерѣдко даже деньгами оказывали партіи профессіональные союзы. Какое огромное значеніе имѣло это обстоятельство для успѣха избирательной борьбы соціалъ-демократіи, конечно, нечего доказывать,—это ясно само собой.

И, если принять во вниманіе, что для выполненія всей колоссальной избирательной работы, громадность которой начинаешь, какъ слѣдуетъ, понимать, только наблюдая ее собственными глазами, потребовались десятки, если не сотни тысячъ преданныхъ и энергичныхъ людей; если принять далѣе во вниманіе, что эти десятки тысячъ людей, дѣйствительно, нашлись, и что всѣ они въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ выполняли свой нелегкій трудъ совершенно безвозмездно, получая отъ партіи только возмѣщеніе собственныхъ расходовъ,—то придется признать, что широкая масса соціалистическаго пролетаріата обнаружила во время избирательной кампаніи такую силу идеализма, сознательности и преданности общему дѣлу, какой мы тщетно стали бы искать въ лагерѣ ея буржуазныхъ противниковъ.

IV

Однимъ изъ характернѣйшихъ моментовъ выборовъ 1912 г. является сильное внѣдреніе соціалъ-демократіи въ чисто деревенскіе районы. Политика „черно-голубого блока" до такой степени ожесточила широкія массы демократическаго населенія, что даже скромный и набожный нѣмецкій крестьянинъ началъ обнаруживать признаки самаго подлиннаго политическаго недовольства. И потому, какъ ни сильно и ни могущественно давленіе административно-церковнаго аппарата въ деревнѣ,—въ той стѣнѣ, которая отгораживаетъ сельскихъ избирателей отъ остального міра, все чаще начали обнаруживаться предательскія бреши. Благодаря этому, оппозиціоннымъ партіямъ, и прежде всего соціалъ-демократіи, во время описываемой избирательной кампаніи впервые удалось проникнуть въ такіе неприступные медвѣжьи углы, о завоеваніи которыхъ еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ не могло быть и рѣчи. Въ теченіе предвыборнаго періода мнѣ не разъ приходилось бывать на сельскихъ избирательныхъ собраніяхъ, и, я думаю, читатель на меня не посѣтуетъ, если я подѣлюсь съ нимъ своими впечатлѣніями, вынесенными изъ одной такой агитаціонной поѣздки въ деревню...

Было около 9 ч. утра, когда наша небольшая компанія высадилась на маленькой жел.-дорожной станціи, затерянной среди безконечныхъ холмовъ и долинъ южной части Германіи. Кромѣ меня,

поѣхавшаго на агитацію изъ любопытства, здѣсь находилось еще 7 человѣкъ: самъ „агитаторъ", служащій союза металлистовъ въ ближайшемъ крупномъ центрѣ; предсѣдатель соціалъ-демократической организаціи въ сосѣднемъ крошечномъ городкѣ, молодой интеллигентный столяръ, устроитель предстоявшаго намъ сегодня собранія, товарищъ предсѣдателя, высокій, черный сапожникъ, съ увѣсистымъ тюкомъ агитаціонной литературы подъ мышками; и, наконецъ, еще четверо рабочихъ изъ того же городка, съ различными духовыми инструментами въ рукахъ. Присутствіе музыкальныхъ инструментовъ меня особенно интриговало, и я не преминулъ спросить „агитатора" объ ихъ назначеніи. Однако тотъ въ отвѣтъ только лукаво улыбнулся и загадочно бросилъ:

— А вотъ увидите.

Мѣстность, въ которой мы находились, носила чисто сельскій характеръ и считалась неприступной твердыней центра. На выборахъ 1907 г. кандидатъ послѣдняго прошелъ здѣсь въ первомъ же избирательномъ „турѣ", собравъ до 75% всѣхъ поданныхъ голосовъ, — остальныя партіи получили всего лишь по 1000—1500 записокъ. Соціалъ-демократическихъ собраній никогда въ округѣ до сихъ поръ не бывало, и крестьяне, со словъ агитаторовъ центра, рисовали себѣ представителей пролетаріата въ видѣ какихъ-то невѣдомыхъ существъ съ песьими головами и пышущими изо рта языками пламени. Сегодня имъ предстояло впервые увидать этихъ страшныхъ чудовищъ во плоти и, конечно, разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Все это успѣлъ намъ разсказать словоохотливый столяръ-предсѣдатель во время пути отъ вокзала до небольшой деревенской пивной, въ которой назначено было собраніе. Тѣмъ интереснѣе должна была быть предстоявшая намъ встрѣча.

Несмотря на то, что всѣ объявленія о собраніи, вывѣшенныя за два дня передъ тѣмъ въ селѣ, были кѣмъ-то сорваны, а мѣстами даже соскоблены, низкій темноватый залъ пивной при нашемъ появленіи оказался переполненнымъ разношерстной деревенской публикой. Пріятно изумленные этимъ обстоятельствомъ, мы быстро размѣстились за единственнымъ свободнымъ столомъ въ переднемъ концѣ комнаты и хотѣли было уже, не теряя драгоцѣннаго времени, приступить непосредственно къ дѣлу. Но тутъ совершенно неожиданно обнаружилось крупное препятствіе. Къ намъ подошелъ хозяинъ пивной и, путаясь и сбиваясь, какъ провинившійся, школьникъ, объявилъ, въ концѣ концовъ, что, къ его величайшему сожалѣнію, соціалъ-демократическое собраніе сегодня никакъ не можетъ состояться. Онъ, хозяинъ, правда, обѣщалъ „господину предсѣдателю" свое помѣщеніе, но крестьяне, узнавъ объ этомъ, пригрозили его заведенію бойкотомъ, а онъ, какъ человѣкъ бѣдный и многосемейный, не можетъ рисковать своимъ положеніемъ. Къ

тому же онъ, въ сущности, даже и не хозяинъ, а только арендаторъ пивной и, потому, все зависитъ не отъ него, а отъ самого владѣльца предпріятія.

„Господинъ предсѣдатель“ былъ возмущенъ этимъ вѣроломствомъ до глубины души.

— Но, позвольте, — накинулся онъ на арендатора, — вѣдь не только вы, а и самъ владѣлецъ пивной мнѣ также обѣщалъ залъ подъ собраніе! Гдѣ онъ? Мы его сейчасъ возьмемъ за жабры!..

Однако владѣльца пивной не оказалось дома, а его жена— рыхлая, сырая женщина,—перепуганная внезапнымъ появленіемъ раздраженнаго „соци“, упорно твердила, что ничего не знаетъ и слезно просила оставить ее въ покоѣ. Положеніе становилось совершенно критическимъ. Однако предсѣдатель не хотѣлъ такъ скоро сдаться. Не добившись толку отъ жены хозяина, онъ заявилъ арендатору, что, такъ какъ владѣлецъ пивной три дня назадъ категорически обѣщалъ ему залу подъ собраніе и такъ какъ слова своего тотъ назадъ не взялъ, то собраніе, не смотря ни на что, должно здѣсь состояться. Предсѣдатель рѣшительно взялъ въ руки колокольчикъ и, обратившись къ присутствующимъ, началъ:

— Уважаемые слушатели!..

Кончить ему однако не удалось. При первыхъ же звукахъ рѣчи предсѣдателя группа крестьянъ человѣкъ въ 15 подъ предводительствомъ какого-то толстаго, грузнаго господина, оказавшагося членомъ мѣстнаго патріотическаго ферейна воиновъ-инвалидовъ, приступила къ спасенію отечества при помощи обструкціи. Дробный стукъ пивныхъ кружекъ по столу, крики „долой!“, свистъ, улюлюканье, собачій лай и кошачье мяуканье,—все слилось въ какую-то дикую какофонію, наполнившую невысокую залу харчевни. Предсѣдатель переждалъ, пока первое волненіе, вызванное выступленіемъ обструкціонистовъ, нѣсколько улеглось, и сдѣлалъ новую попытку обратиться къ собранію. Однако и вторая попытка его увѣнчалась не большимъ успѣхомъ, чѣмъ первая. Обструкціонный концертъ возобновился съ удвоенной силой, вдобавокъ скандалисты завели еще стоявшій въ углу граммофонъ, и тотъ сталъ пронзительно наигрывать какой-то разухабистый военный маршъ.

Становилось ясно, что при такихъ условіяхъ вести собраніе невозможно. Но что было дѣлать? Сдаться и уйти изъ села, оставивъ поле битвы за противникомъ? Покориться судьбѣ и пропустить столь удобный случай для агитаціи? Это было бы слишкомъ обидно. Мы медлили съ окончательнымъ рѣшеніемъ, точно надѣясь, что какой-нибудь счастливый случай поможетъ намъ съ честью выйти изъ затруднительнаго положенія. И мы, дѣйствительно, не ошиблись. Должно быть, разыгрывающаяся сцена для всякаго элементарно-порядочнаго человѣка представляла слишкомъ возмутительное зрѣ-

лице, потому что одинъ изъ присутствовавшихъ въ залѣ крестьянъ, въ концѣ-концовъ, не выдержалъ и, обратившись къ публикѣ, воскликнулъ:

— Пойдемте прочь отсюда! У меня есть достаточно большое помѣщеніе для собранія,—тамъ мы сможемъ спокойно побесѣдовать о выборахъ!

Предложеніе это было сочувственно принято большинствомъ присутствующихъ, и почти вся толпа, вываливъ изъ негостепріимной пивной наружу, двинулась по широкой деревенской улицѣ къ указанному мѣсту. Во главѣ толпы очутилась наша компанія, и тутъ-то по знаку, данному предсѣдателемъ, музыканты взялись за свои инструменты. Эффектъ этого дѣйствія оказался поистинѣ необычайный: въ нѣсколько минутъ на громкіе звуки музыки сбѣжалась почти вся деревня, и когда наше шествіе приблизилось къ цѣли своего движенія, толпа, слѣдовавшая за нами, состояла, по меньшей мѣрѣ, изъ 250—300 чел. Теперь я понялъ назначеніе музыкальныхъ инструментовъ!

„Помѣщеніе", о которомъ говорилъ намъ свободолюбивый крестьянинъ, на повѣрку оказалось большой, довольно чистой и свѣтлой конюшней, могущей вмѣстить отъ 100—150 чел. Къ конюшнѣ примыкалъ четырехугольный, огороженный заборомъ дворъ, на которомъ могли расположиться остальные слушатели: черезъ открытую широкую дверь до нихъ должны были доноситься слова оратора. Мы съ облегченіемъ вздохнули: казалось, всѣ мытарства были кончены, и мы могли хотя бы въ столь оригинальной обстановкѣ открыть злополучное собраніе. Однако, не тутъ-то было. Едва публика успѣла занять отведенныя ей мѣста, какъ на горизонтѣ появился мѣстный жандармъ и, рѣшительными шагами подойдя къ нашей группѣ, объявилъ еще не начавшееся собраніе противозаконнымъ на томъ основаніи, что оно не было ему, какъ полагается, заявлено за 24 часа. Это было уже прямо комично. Предсѣдатель вытащилъ изъ кармана текстъ закона о собраніяхъ и союзахъ и попросилъ браваго блюстителя порядка прочитать тѣ его статьи, которыя гласятъ о томъ, что избирательныя собранія не подлежатъ заявкѣ полиціи. Сконфуженный жандармъ покраснѣлъ, какъ піонъ, и поспѣшилъ благоразумно удалиться. Въ воротахъ онъ столкнулся съ высокимъ грузнымъ католическимъ патеромъ, привѣтствовавшимъ его, какъ добраго знакомаго. Патеръ медленно прошелъ черезъ разступившуюся передъ нимъ толпу и, остановившись у входа въ конюшню, присѣлъ здѣсь на услужливо кѣмъ-то ему подставленный деревянный обрубокъ.

Но вотъ, всѣ затрудненія, наконецъ, улажены, всѣ препятствія преодолѣны, и собраніе сельскихъ избирателей объявляется открытымъ. Предсѣдатель, примостившійся на какомъ-то большомъ пере-

вернутомъ вверхъ дномъ ящикѣ, указываетъ въ краткихъ чертахъ на значеніе наступающихъ выборовъ и затѣмъ предоставляетъ слово самому „референту“.

— Уважаемые слушатели!—начинаетъ референтъ.—Я выступаю здѣсь передъ вами въ качествѣ представителя партіи, пользующейся въ деревнѣ самой отвратительной репутаціей. Изъ центровской прессы и отъ центровскихъ агитаторовъ вы знаете, конечно, что мы, соціалъ-демократы, ужасные люди, что мы хотимъ уничтожить религію, разрушить семью и государство, изгнать королей изъ страны и передать отечество непріятелю. Не такъ ли?

— Правильно!—громко подаетъ реплику какой-то пожилой сѣдобородый крестьянинъ, примостившійся на длинной колодѣ, изъ которой поятъ лошадей.

— Но, если вѣрно все то, что насказали вамъ о насъ агитаторы центра,—продолжаетъ ораторъ,—то не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что въ Германіи все-таки находятся $3^1/_4$ милл. избирателей, которые голосуютъ за эту изумительную партію? Неужели вы думаете, что всѣ эти 3 милліона круглые дураки, что они такъ-таки ровно ничего не понимаютъ въ политикѣ?

Вопросъ поставленъ рѣзко и умѣло и, видимо, производитъ нѣкоторое впечатлѣніе на собраніе. Ораторъ улавливае колебаніе, начинающееся въ душахъ присутствующихъ, и спѣшитъ использовать его въ своихъ интересахъ.

— Мы хотимъ уничтожить религію?—говоритъ ораторъ.—Ничего подобнаго! Наоборотъ, мы считаемъ религію частнымъ дѣломъ каждаго человѣка, въ которое партія не можетъ и не должна вмѣшиваться. Мы хотимъ разрушить бракъ и семью? Какой вздоръ! Развѣ сами мы не имѣемъ семей? Развѣ сами мы живемъ внѣ брака?— Мы хотимъ предать отечество непріятелю? Гнусная ложь! Вмѣстѣ съ нашими товарищами въ другихъ странахъ мы стремимся къ полному уничтоженію войны и установленію всесвѣтнаго мира.—Мы хотимъ замѣны монархіи республикой? Вѣрно. Но развѣ у насъ въ составѣ Германской имперіи уже нѣтъ въ настоящее время трехъ республикъ,—трехъ ганзейскихъ городовъ Гамбурга, Бремена и Любека? И развѣ народу живется тамъ хуже, чѣмъ въ различныхъ герцогствахъ и королевствахъ?..

Ораторъ говоритъ о ближайшихъ требованіяхъ соціалъ-демократіи, о политическомъ положеніи въ странѣ, о господствѣ „черно-голубого блока“ и его преступленіяхъ, — говоритъ ясно, рѣзко, упрощая до послѣдней степени свое изложеніе и стараясь все время иллюстрировать свои слова различными примѣрами. Цифръ и логическихъ разсужденій онъ избѣгаетъ, какъ огня. Зато сильно налегаетъ на шутки, пословицы и прибаутки. Съ точки зрѣнія общепринятыхъ городскихъ масштабовъ его рѣчь, пожалуй, и не выдер-

живаетъ строгой критики, она слишкомъ ужъ проста, слишкомъ груба и схематична. Но я смотрю на окружающую публику и начинаю понимать, что иначе здѣсь нельзя говорить. Что за люди, что за лица кругомъ! Гигантскія фигуры—косая сажень въ плечахъ,—съ квадратными физіономіями, пудовыми кулаками, въ смазныхъ высокихъ сапогахъ, съ неизмѣнными крючковатыми трубками въ зубахъ. Мы, горожане, кажемся предъ ними какими-то тщедушными карликами. При взглядѣ на эти фигуры невольно какъ-то жутко становится, жутко за то живое, человѣческое слово, которому выпало на долю расшевелить сознательную мысль въ глубинѣ этихъ тяжелыхъ каменнообразныхъ череповъ.

И однако человѣческое слово дѣйствуетъ! Чѣмъ долѣе говоритъ ораторъ, тѣмъ несомнѣннѣе, тѣмъ явственнѣе обнаруживается перемѣна въ настроеніи собранія. Первоначальное недовѣріе постепенно смѣняется интересомъ, а интересъ мало-по-малу переходитъ въ прямое сочувствіе и симпатію къ этому невысокому, живому человѣку, такъ смѣло выступающему на защиту всѣхъ угнетенныхъ и обиженныхъ, и къ его колючимъ саркастическимъ словамъ. Чувствуется—и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе, — что подъ вліяніемъ выслушанной рѣчи въ этихъ четырехугольныхъ темныхъ головахъ начинается какая-то мучительная работа мысли, что въ ихъ сознаніи, порабощенномъ суевѣріями и предразсудками, медленно приподымается какая-то тяжелая завѣса, и старый, такъ хорошо знакомый и привычный міръ вдругъ открывается предъ ними весь въ новыхъ краскахъ, весь въ новомъ небываломъ освѣщеніи. Они еще не убѣждены, еще не перешли на сторону новаго ученія,—о, нѣтъ!—но ихъ прежнее цѣльное міросозерцаніе сегодня дало непоправимую трещину...

Ораторъ кончилъ. Раздаются громовыя рукоплесканія. Здѣсь, въ деревнѣ, хлопаютъ не такъ, какъ въ городѣ. Апплодируютъ, точно изъ пушекъ стрѣляютъ. Сомнѣнія нѣтъ,—рѣчь произвела на присутствующихъ очень сильное впечатлѣніе: вѣдь ничего подобнаго они еще никогда въ жизни не слыхали! Одинъ молодой крестьянинъ, сидящій неподалеку отъ меня, находится въ совершенномъ восторгѣ: влюбленными глазами онъ смотритъ на оратора, неистово хлопаетъ въ ладоши и почти вопитъ:

— Браво! Браво!

Предсѣдатель звонитъ и приглашаетъ несогласныхъ съ только что выслушанной рѣчью выступить съ возраженіями. Всѣ взоры невольно обращаются на высокую фигуру патера, продолжающаго спокойно сидѣть у входа въ конюшню. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ подымается и проситъ слова.

— Дѣти мои!—начинаетъ патеръ вкрадчивымъ слегка хрипловатымъ голосомъ, — вы слышали только что волка, явившагося къ вамъ въ овечьей шкурѣ, и апплодировали его словамъ. Но волкъ

всегда остается волкомъ, и горе вамъ, если, соблазнившись его сладкими рѣчами, вы отдадите свои голоса партіи переворота. Вы погубите тѣмъ самымъ свое тѣло здѣсь, на землѣ, и свою душу, тамъ, на небесахъ!

Патеръ театрально подымаетъ руку вверхъ и окидываетъ пристальнымъ взоромъ все собраніе. Однако, теперь, непосредственно послѣ рѣчи с.-д. агитатора этотъ привычный жестъ не производитъ на „стадо Христово“ никакого впечатлѣнія. Патеръ, видимо, и самъ чувствуетъ, что съ одними заклинаніями и деклараціями здѣсь сейчасъ ничего не подѣлаешь, а потому, оставивши въ сторонѣ жестикуляцію и паѳосъ, спѣшитъ перейти къ „опроверженію“ соціалистическихъ лжеученій. Я слушаю это замѣчательное опроверженіе, и на память мнѣ невольно приходятъ слова гоголевскаго Ивана Никифоровича: „Господи Боже мой, чего тутъ только нѣтъ! Хотѣлъ бы я знать, чего тутъ только нѣтъ!“ Цитата изъ Бебеля и цитата изъ Каутскаго, слова Либкнехта и слова Лассаля, старыя басни о соціализмѣ, въ которыя теперь больше ужъ никто не вѣритъ, и глупыя базарныя сплетни о жизни и дѣятельности вождей пролетарскаго движенія. И все это, густо сдобренное многочисленными текстами изъ священнаго писанія и крѣпко посоленное грубыми шутками и остротами!

Референту не стоитъ, конечно, особаго труда по достоинству раздѣлаться съ той пестрой окрошкой, которую представляетъ изъ себя рѣчь католическаго патера. И надо отдать ему справедливость — онъ не жалѣетъ при этомъ ни рѣзкихъ словъ, ни ядовитаго сарказма, ни гнѣвнаго негодованія по адресу духовенства, активно вмѣшивающагося въ политику. Для патера наступаетъ тяжелый моментъ: онъ то краснѣетъ, то блѣднѣетъ и подъ конецъ, не выдержавъ непривычнаго испытанія, вскакиваетъ съ своего мѣста и удаляется прочь.

Поле битвы такимъ образомъ остается за нами, и, когда ораторъ заканчиваетъ свои возраженія, конюшня оглашается еще болѣе шумными рукоплесканіями, чѣмъ въ первый разъ. Собраніе завоевано — это не подлежитъ больше ни малѣйшему сомнѣнію. Крестьяне довѣрчиво подходятъ къ намъ, берутъ летучіе листки, номера газетъ и избирательные бюллетени и обѣщаютъ въ день выборовъ голосовать за соціалъ-демократическаго кандидата [1]). Прощаясь съ нами и крѣпко, по-медвѣжьи, пожимая намъ руки, они приглашаютъ:

---

[1]) Послѣ 12 января я поинтересовался узнать, какъ голосовали крестьяне того села, гдѣ происходило описанное собраніе, Оказалось, что изъ 163 поданныхъ въ селѣ бюллетеней 57 было соціалъ-демократическихъ. На выборахъ же 1907 г. за с.-д. въ этомъ селѣ не было подано ни одного голоса!

— Пріѣзжайте къ намъ еще разъ! До свиданья!

Уже сидя въ поѣздѣ желѣзной дороги на обратномъ пути домой, референтъ говорилъ мнѣ:

— Сила честнаго демократическаго слова поистинѣ огромна. Передъ ней ничто не можетъ устоять. Я глубоко убѣжденъ, что, если бы въ каждой нѣмецкой деревнѣ можно было устроить хотя бы по одному такому собранію, какое мы съ вами видѣли сегодня,— отъ „черно-голубого блока" остались бы только рожки да ножки! Но какъ ихъ устроить? Въ этомъ-то весь вопросъ!

V

Совсѣмъ иную картину представляетъ собой предвыборная дѣятельность либерализма. Первое, что рѣзко бросается въ глаза, когда начинаешь ее сравнивать съ вышеописанной соціалъ демократической дѣятельностью,—это огромная количественная разница между ними. Возьмите любой крупный городъ,—Лейпцигъ, Мюнхенъ, Бреславль, не говоря ужъ о Берлинѣ или Гамбургѣ,—въ періодъ избирательной кампаніи с.-д. то и дѣло созываютъ по 5, 7, 10 массовыхъ собраній одновременно, при чемъ залы всѣхъ этихъ собраній обычно ломятся отъ наплыва публики, и тысячи желающихъ еще не находятъ себѣ въ нихъ мѣста. Не то у либераловъ. Либералы никогда не созываютъ больше одного собранія въ одинъ и тотъ же вечеръ, и лишь рѣдко залъ этого единственнаго собранія бываетъ, дѣйствительно, переполненъ. Не иначе и съ летучими листками. Если соціалъ-демократы рѣшаютъ обратиться къ населенію съ какимъ-либо лозунгомъ или призывомъ, они всегда дѣлаютъ это въ чрезвычайно широкомъ масштабѣ: распространяются сотни тысячъ экземпляровъ воззваній, и весь городъ бываетъ буквально наводненъ соціалъ-демократическими партійными „летучками". Иное дѣло опять-таки либералы: во-первыхъ, съ призывами къ населенію они обращаются вообще очень рѣдко: а во-вторыхъ, если иногда и обращаются, то дѣлаютъ это далеко не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, какъ соціалъ-демократы.

Скромность масштабовъ политической дѣятельности либерализма объясняется прежде всего его никуда негодной организаціей. Какъ извѣстно, германскій либерализмъ лишенъ необходимаго внутренняго единства: онъ распадается на двѣ партіи,—болѣе лѣвую „прогрессивную народную партію" и болѣе правую „національ-либераловъ". Несмотря на большую идейную и тактическую близость, существующую между обоими названными теченіями, отношенія между ними довольно натянутыя, и нерѣдки случаи, когда обѣ партіи на выборахъ выставляютъ кандидатовъ другъ противъ друга. Такъ было въ 1912 г., напр., въ Гессенѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Хуже однако, чѣмъ это отсутствіе внутренняго единства, тотъ полный организаціонный хаосъ, который представляетъ собой каждая изъ двухъ названныхъ партіи въ отдѣльности. Если бы вы задали вождямъ прогрессистовъ или національ-либераловъ вопросъ, сколько же членовъ насчитываютъ руководимыя ими партіи, вы поставили бы ихъ въ очень затруднительное положеніе, ибо этого въ точности никто не знаетъ. Либеральныя партіи не образуютъ собой стройной централизованной организаціи съ сотнями мѣстныхъ отвѣтвленій и регулярно собирающимися законодательными съѣздами, какой является, напр., соціалъ-демократія. Совсѣмъ наоборотъ. Либеральныя партіи состоятъ изъ довольно расплывчатыхъ мѣстныхъ и областныхъ группъ и объединеній, слабо связанныхъ другъ съ другомъ и съ центромъ и дѣйствующихъ по большей части, какъ нѣмцы говорятъ, auf eigene Faust, т.-е. мало заботясь о рѣшеніяхъ высшихъ партійныхъ инстанцій и постановленіяхъ собственныхъ партійныхъ конгрессовъ. При этомъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ политическихъ и соціальныхъ условій, эти областныя либеральныя туманности, смотря по городу или государству, обнаруживаютъ весьма существенныя отличія другъ отъ друга. Такъ, напр., южно-германскій, въ особенности же баварскій и баденскій либерализмъ, можетъ въ общемъ похвалиться довольно живымъ и демократическимъ характеромъ. Наоборотъ, либерализмъ саксонскій или рейнско-вестфальскій, по существу дѣла, мало чѣмъ отличается отъ партій самой черной реакціи.

Эта слабая организованность германскаго либерализма, конечно, не является какой-либо случайностью, а вполнѣ естественно вытекаетъ изъ его своеобразнаго соціальнаго состава. Соціалъ-демократія опирается на единый, цѣльный общественный классъ съ общими интересами и общими стремленіями,—ей, поэтому, относительно легко охватить этотъ классъ звеньями строгой централизованной организаціи и вывести на поле избирательной битвы не пестрыя толпы многочисленныхъ сторонниковъ, а стройные дисциплинированные рабочіе легіоны. Не то у либераловъ. Помню, на одномъ предвыборномъ собраніи видный либеральный кандидатъ заявилъ, что подъ понятіе прогрессивнаго бюргерства подходятъ: промышленники, купцы, банковскіе дѣятели, люди свободныхъ профессій, государственные и коммунальные чиновники, частные служащіе и мелкіе сельскіе хозяева. Попробуйте-ка, въ самомъ дѣлѣ, сочетать въ единое партійное цѣлое всю эту пеструю и разноязычную компанію! Неудивительно, что германскій либерализмъ оказывается не въ силахъ удовлетворительно справиться съ поставленной предъ нимъ трудной задачей. Въ послѣдніе годы большія надежды въ смыслѣ собиранія либеральныхъ силъ возлагаются на основанный въ 1909 г. такъ наз. Hansabund, поставившій своей задачей защиту политиче-

скихъ интерессовъ промышленности и торговли. Въ описываемой избирательной кампаніи „денежные мѣшки“ Hansabund'а сыграли очень крупную роль и несомнѣнно сильно облегчили либеральнымъ партіямъ ихъ борьбу съ реакціей. Удастся-ли однако новой организаціи вдохнуть душу живу въ хилое тѣло нѣмецкаго либерализма и стянуть его разрозненныя силы въ единую боевую фалангу,— подлежитъ очень большому сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ дать категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ пока еще не представляется возможнымъ.

Необыкновенная пестрота соціальнаго состава неизбѣжно осуждаетъ либеральныя партіи на вялую, нерѣшительную, половинчатую политику. Онѣ хотятъ всѣмъ угодить, обо всѣхъ позаботиться и потому слишкомъ часто вызываютъ противъ себя лишь всеобщее неудовольствіе. По извѣстному выраженію Апокалипсиса, онѣ не холодны и не горячи, а только теплы и, потому, лишены твердости характера, дѣйственнаго мужества, энергіи и двигающей горами вѣры въ свое дѣло. Зайдите на либеральное предвыборное собраніе, и вы почти всегда будете поражены отсутствіемъ огня и настроенія въ присутствующей человѣческой толпѣ. Кругомъ—просѣянная „чистая“ публика: откормленныя сытыя физіономіи, блестящіе бѣлые воротнички, душистыя сигары, перстни и толстыя золотыя цѣпочки на толстыхъ округлившихся животахъ. Все это въ большинствѣ случаевъ рыцари банка, биржи и прилавка, у которыхъ есть только одинъ манящій идеалъ—золотой телецъ; только одно, дѣйствительно, мощное стремленіе—собственное обогащеніе. Они снисходительно слушаютъ оратора, въ особенно удачныхъ мѣстахъ снисходительно же ему аплодируютъ и по окончаніи положеннаго времени расходятся по ресторанамъ и кафэ въ полной увѣренности, что своимъ присутствіемъ на собраніи они принесли уже вполнѣ достаточную жертву на алтарь партійнаго дѣла. При такихъ условіяхъ нисколько не удивительно, что самопожертвованіе и воодушевленіе меньше всего являются добродѣтелями либеральной арміи, и что почти вся огромная техническая работа, связанная съ избирательной кампаніей, выполняется у либераловъ при помощи наемнаго персонала. Курьезнѣе всего однако то, что какъ разъ именно эти люди не перестаютъ твердить о своей преданности „идеальнымъ“ цѣлямъ и задачамъ и сердито нападаютъ на соціалъ-демократію за то, что та защищаетъ будто бы одни лишь „матеріальные“ интересы.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что выдержать послѣдовательно роль политической Mädchen für alles,—прислуги, годной на всякую работу,—германскому либерализму удается далеко не всегда. Все-таки доминирующимъ элементомъ въ его рядахъ является крупный индустріальный и торговый капиталъ, и это накладываетъ особый отпечатокъ на всю дѣятельность обѣихъ либе-

ральныхъ партій. Онѣ въ общемъ болѣе или менѣе прогрессивны въ области политической, религіозной и культурной, но зато достаточно реакціонны въ области соціальной политики. Не говоря уже о національ- либералахъ, относящихся явно враждебно къ вопросамъ рабочаго законодательства, даже болѣе лѣвые прогрессисты далеко не всегда являются надежными сторонниками различнаго рода соціальныхъ реформъ. Для характеристики германскаго либерализма весьма показателенъ также тотъ фактъ, что введеніе новыхъ исключительныхь мѣропріятій противъ рабочаго движенія и соціалъ-демократіи не встрѣчаетъ съ его стороны особенно большихъ принципіальныхъ возраженій. По крайней мѣрѣ, вождь Hansabund'a, проф. Риссеръ на одномъ избирательномъ собраніи въ Мюнхенѣ заявилъ, что либеральное бюргерство готово было бы принять активное участіе въ борьбѣ съ красной опасностью, если бы ему было обезпечено подобающее мѣсто въ правящемъ механизмѣ Германской имперіи.

Ко всѣмъ своимъ вышеперечисленнымъ свойствамъ нѣмецкіе либералы (безъ различія направленій) вдобавокъ еще отчаянные націоналисты и имперіалисты. Предвыборныя рѣчи либеральныхъ ораторовъ прямо до тошноты пестрили выраженіями въ родѣ: „наше нѣмецкое отечество", „наше милое нѣмецкое отечество", „наши національные интересы", „наша національная гордость" и т. д. А о вопросахъ вооруженія, объ усиленіи арміи и флота ораторы говорили не иначе, какъ съ дрожью благоговѣйнаго трепета въ голосѣ. Одинъ видный представитель Hansabund'a дошелъ въ своемъ патріотическомъ усердіи даже до того, что назвалъ стремленіе соціалъ-демократіи къ всеобщему братству народовъ не утопіей,—нѣтъ, а преступленіемъ. Вечеромъ въ день второй серіи перебаллотировокъ (22 января) мнѣ пришлось быть на большомъ либеральномъ собраніи, созванномъ для сообщенія публикѣ результатовъ голосованія. День этотъ въ политическомъ отношеніи выдался очень удачный, „черно-голубой блокъ" терпѣлъ повсюду пораженія, и число оппозиціонныхъ побѣдъ съ каждымъ часомъ увеличивалось. Подъ вліяніемъ столь радостныхъ извѣстій настроеніе въ собраніи быстро повышалось (это было единственное либеральное собраніе съ подъемомъ, которое мнѣ пришлось видѣть за все время избирательной кампаніи) и, достигнувъ своего апогея, вылилось, наконецъ, въ массовое пѣніе...„Deutschland, Deutschland über alles"! Въ этомъ былъ весь германскій либерализмъ!

VI

Какъ ни велика разница, существующая между соціалъ-демократіей и либерализмомъ, между ними есть однако и цѣлый рядъ не-

сомнѣнныхъ точекъ соприкосновенія: какъ-никакъ, оба теченія говорятъ на языкѣ современной культуры, оба цѣнятъ и признаютъ современную цивилизацію, и оба стремятся—конечно, далеко не въ равной мѣрѣ и не одинаковыми способами—къ ея дальнѣйшему развитію и усовершенствованію. Соціалъ-демократію и либерализмъ раздѣляютъ въ настоящее время глубокія принципіальныя и тактическія разногласія. Но, если даже и считать ихъ полярно-противоположными, то невозможно все-таки отрицать, что оба они являются полюсами одного и того же міра, міра капиталистическаго.

Совсѣмъ иной характеръ носятъ двѣ другія крупныя политическія силы Германіи: католическій центръ и консерваторы [1]. Переходя къ знакомству съ ихъ избирательной тактикой и дѣятельностью, испытываешь невольно такое чувство, точно изъ свѣтлыхъ, просторныхъ комнатъ современнаго жилища по скользкимъ ступенямъ спускаешься глубоко внизъ, въ какіе-то темные погреба и подвалы давно минувшей эпохи. Это сравненіе отнюдь не простое реторическое украшеніе, а, къ сожалѣнію, самая подлинная, самая непреложная дѣйствительность. Мрачнымъ духомъ средневѣковой реакціи, духомъ вѣдьмъ и костровъ, рыцарскихъ потѣхъ и крестовыхъ походовъ вѣетъ отъ партій „черно-голубого блока", самымъ фактомъ своего существованія отрицающихъ глубочайшія основы современной культуры, современнаго правового государства, современной научной свободы и религіозной терпимости.

Взять, напр., хотя бы католическій центръ. Сколько бы его вожди ни пытались это отрицать, центръ былъ и остается чисто-конфессіональной политической партіей. Только на этой почвѣ центру и удалось то, къ чему тщетно стремятся германскіе либералы,—удалось сковать въ единый, стройный политическій организмъ самые разнообразные соціальные элементы: предпринимателей и рабочихъ, помѣщиковъ и крестьянъ, лицъ свободныхъ профессій и бюрократовъ высшаго ранга. Но какъ ни велико нынѣшнее могущество центра,—у него нѣтъ и не можетъ быть будущаго. Гордая центровская „башня" въ состояніи еще нѣкоторое время держаться при помощи умѣлой эксплуатаціи религіозныхъ традицій католическаго населенія, но, въ концѣ-концовъ, она должна будетъ рухнуть, такъ какъ все направленіе современнаго прогресса работаетъ въ сторону ослабленія, а не усиленія религіознаго чувства. Тѣмъ самымъ подрывается фундаментъ, на которомъ построена политическая мощь центра, и этому послѣднему уже просто въ интересахъ собственнаго самосохраненія не остается ничего больше, какъ всѣми

---

[1]) Формально консерваторы подраздѣляются на двѣ партіи: „Нѣмецкіе консерваторы" и „Имперская партія". Разница между этими партіями однако настолько незначительна, что о нихъ можно смѣло говорить, какъ объ единомъ политическомъ цѣломъ.

способами тормозить поступательный ходъ современной культуры и фанатизировать народныя массы непрерывными воплями о томъ, что католическая религія находится въ опасности. Центръ это и дѣлаетъ и—надо отдать ему справедливость—дѣлаетъ съ поразительнымъ искусствомъ и умѣніемъ.

Я, вѣроятно, никогда не забуду одного замѣчательнаго центровскаго собранія, пережитаго мной во время описываемой избирательной кампаніи, гдѣ для меня съ поразительной яркостью обнаружилась тайна политическаго могущества нѣмецкаго клерикализма. Дѣло происходило въ одномъ изъ довольно крупныхъ городовъ южной Германіи, накануне дня первой серіи перебаллотировокъ. Городъ этотъ съ давнихъ поръ считался неприступной твердыней центра и неизмѣнно въ первомъ же избирательномъ турѣ посылалъ въ рейхстагъ кандидата ультрамонтановъ. На этотъ разъ, однако, счастье измѣнило католикамъ: ихъ кандидатъ попалъ въ перебаллотировку съ соціалъ-демократомъ и, такъ какъ послѣдняго энергично поддерживали либералы, то была опасность, что центръ потеряетъ свой насиженный мандатъ. Съ цѣлью предупрежденія столь тяжелаго моральнаго удара католики пустились на самыя отчаянныя средства и, между прочимъ, накануне рѣшительнаго дня созвали большое собраніе центровскихъ избирателей, на которомъ руководители партіи должны были дать своимъ сторонникамъ послѣднее напутствіе на завтра. Въ началѣ собраніе это ничѣмъ особеннымъ не отличалось отъ обычнаго плана политическихъ предвыборныхъ собраній. Сперва говорилъ самъ уважаемый г. кандидатъ, изливавшій потоки неприличной ругани по адресу соціалъ-демократіи; затѣмъ говорилъ редакторъ мѣстной католической газеты. И только уже въ самомъ концѣ собранія, когда публика готовилась совсѣмъ было расходиться, на трибуну неожиданно взошелъ высокій, молодой, весь закутанный въ черную сутану католическій священникъ съ блѣднымъ вдохновеннымъ лицомъ и лихорадочно горящими глазами. При его появленіи толпа какъ-то сражу насторожилась. Священникъ молитвенно вытянулъ впередъ свои худыя, узловатыя руки и, обратившись къ собранію, глухимъ, нервнымъ, полнымъ сдержанной страсти голосомъ началъ:

— Во имя Христа, нашего Спасителя, я заклинаю васъ, братья! Стойте чутко настражѣ, ибо врагъ человѣческій не дремлетъ! Трудныя времена переживаетъ святая вѣра Христова. Несмѣтныя полчища враговъ обложили станъ Господень. Либералы и соціалъ-демократы, Дьяволъ и Вельзевулъ, въ тѣсномъ союзѣ работаютъ на погибель нашей матери Церкви. Подкупомъ и насиліемъ, коварными рѣчами и лицемѣрнымъ сочувствіемъ они обольщаютъ тысячи колеблющихся и увлекаютъ ихъ души на путь вѣчной погибели. Ихъ цѣль—уничтоженіе религіи, ихъ задача—разрушеніе

церкви Христовой, ихъ радость—паденіе партіи центра, единственнаго оплота христіанскихъ началъ въ политической и общественной жизни. Но да не будетъ этого! Завтра—день великаго рѣшенія. Во имя Христа, нашего Спасителя, во имя матери святой Церкви, во имя будущаго блаженства вашихъ безсмертныхъ душъ, я заклинаю васъ, братья, завтра голосовать только за кандидата партіи центра!..

Священникъ оказался великолѣпнымъ ораторомъ. Его рѣчь длилась недолго—всего 15—20 минутъ,—но онъ сумѣлъ затронуть ею какія-то глубокія струны въ душахъ присутствующихъ, сумѣлъ цѣликомъ овладѣть собраніемъ, увлечь его, захватить, зажечь, заразить своимъ горячимъ вдохновеніемъ. И, когда послѣдній звукъ пламенной рѣчи, наконецъ, замолкъ, и священникъ, отирая капли пота съ блѣднаго лба, сошелъ съ трибуны,—въ залѣ разразилась настоящая буря восторга: люди что-то кричали, зачѣмъ-то вскакивали съ мѣстъ, хлопали въ ладоши, стучали ногами, барабанили пивными кружками по столамъ. Огромная двухтысячная толпа буквально бѣсновалась и неистовствовала, и горе было бы всякому оппоненту, рѣшившемуся выступить на этомъ собраніи,—его разорвала бы на клочки озвѣрѣвшая нафанатизированная масса!

На другой день кандидатъ центра побѣдилъ своего соперника большинствомъ въ нѣсколько сотенъ голосовъ, и мнѣ думается, что въ этомъ провалѣ соціалъ-демократа не послѣднюю роль сыграло и описанное мной собраніе.

Центръ обязанъ своей политической мощью тому огромному вліянію, которое онъ умѣетъ оказывать на сердца и умы католическаго населенія. Иначе обстоитъ дѣло у консерваторовъ. Потомки средневѣковыхъ феодальныхъ бароновъ, грабившихъ на большихъ дорогахъ безоружныхъ путниковъ,—они вплоть до настоящаго дня сохранили въ полной неприкосновенности культъ кулака и сабли, какъ наилучшихъ методовъ разрѣшенія всѣхъ сложныхъ вопросовъ современности. Слишкомъ некультурные и ничтожные для того, чтобы оказывать какое-либо духовное вліяніе на массы, консерваторы ищутъ и находятъ единственную опору для своего господства лишь въ грубой силѣ, въ безпощадномъ подавленіи всѣхъ инакомыслящихъ элементовъ, въ самомъ беззастѣнчивомъ и вопіющемъ административно-правительственномъ терроризмѣ (вѣдь весь бюрократическій аппаратъ въ Вост. Пруссіи, гдѣ главнымъ образомъ и произрастаютъ консерваторы, находится въ ихъ рукахъ). Основнымъ принципомъ практической политики этихъ нѣмецкихъ Марковыхъ и Пуришкевичей являются знаменитыя слова римскаго цезаря: „Пусть ненавидятъ, лишь бы боялись!“ И, конечно, даннымъ принципомъ проникнута отъ начала до конца вся ихъ избирательная тактика и дѣятельность.

Можно было бы заполнить цѣлые томы описаніемъ всѣхъ тѣхъ насилій, беззаконій, превышеній власти, злоупотребленій и самыхъ подлинныхъ преступленій, которыя были совершены консерваторами въ теченіе только одной избирательной кампаніи 1912 г. Я не имѣю здѣсь, однако, ни времени, ни возможности подробно останавливаться на этой темѣ, и, потому, ограничусь лишь нѣсколькими наиболѣе характерными и типичными примѣрами.

Въ декабрѣ 1910 г. либеральная организація остъэльбскаго округа Кольбергъ-Кёслинъ разослала владѣльцамъ 242-хъ находящихся въ округѣ ресторановъ и пивныхъ открытыя письма съ запросомъ, согласны ли послѣдніе предоставить свои залы подъ либеральныя собранія во время избирательной кампаніи въ рейхстагъ. Результатъ этой анкеты получился слѣдующій: 70 владѣльцевъ ресторановъ вовсе не отвѣтили на запросъ, 155 отвѣтили отказомъ и только 17 отвѣтили положительно. Изъ 155, отвѣтившихъ отрицательно, 153 мотивировали свой отказъ единственно тѣмъ, что они боятся преслѣдованій со стороны администраціи.

Такъ, въ четырехъ десяткахъ консервативныхъ округовъ свобода слова и собраній для оппозиціонныхъ партій фактически почти совершенно уничтожается. Но это не удовлетворяетъ еще благородныхъ аграріевъ. Время и рость политическаго сознанія массъ постепенно пробиваютъ бреши даже въ самыхъ неприступныхъ твердыняхъ реакціи. Въ эпоху описываемыхъ выборовъ и соціалъ-демократамъ, и либераламъ удавалось иногда устраивать свои собранія въ самыхъ глухихъ уголкахъ Вост. Пруссіи. И вотъ для того, чтобы противодѣйствовать этому проникновенію политической заразы въ ихъ исконныя вотчины, консерваторы организовали въ цѣломъ рядѣ мѣстъ особыя банды громилъ, разгонявшихъ оппозиціонныя собранія, забрасывавшихъ грязью и каменьями ихъ участниковъ, стрѣлявшихъ даже подчасъ въ кандидатовъ и ораторовъ. Въ округѣ Грюнбергъ, не довольствуясь обычными мѣрами воздѣйствія, консерваторы прибѣгли къ поистинѣ героическому средству и заставили одного изъ своихъ молодцовъ въѣхать верхомъ на лошади въ залъ, гдѣ происходило либеральное собраніе.

Но не только свобода устной агитаціи подвергалась жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны реакціоннаго юнкерства. Тѣ же вопіющія насилія и беззаконія характеризовали и всѣ остальные моменты выборнаго производства. Такъ, вопреки предписаніямъ центральнаго правительства, избирательные участки сплошь да рядомъ устанавливались столь ничтожныхъ размѣровъ (были участки, насчитывавшіе по 15—20 избирателей), что о тайнѣ голосованія, конечно, не могло быть и рѣчи. Самыя избирательныя бюро очень часто помѣщались въ замкахъ бароновъ или въ квартирахъ полицейскихъ чиновниковъ, при чемъ роль избирательныхъ урнъ играли такіе мало

подходящіе для этой цѣли предметы, какъ сигарные ящики, суповыя миски и т. п. Напоенные допьяна батраки и крестьяне подвозились гуртомъ на большихъ деревенскихъ телѣгахъ къ избирательнымъ помѣщеніямъ и подъ надзоромъ надсмотрщиковъ съ плетками въ рукахъ опускали въ урну консервативные бюллетени. Патріотическіе ферейны ветерановъ въ парадной формѣ и съ распущенными знаменами подходили церемоніальнымъ маршемъ съ отставными баронами во главѣ къ избирательнымъ бюро и по командѣ голосовали за спасителей трона и отечества. Зато горе было всѣмъ „неугоднымъ" избирателямъ, всѣмъ сторонникамъ оппозиціонныхъ партій! Съ ними въ Вост. Пруссіи не церемонились: ихъ воззванія и плакаты конфисковывались, ихъ представители выгонялись изъ помѣщеній избирательныхъ бюро, а они сами подчасъ даже совсѣмъ не допускались къ урнѣ для подачи голоса (такъ было, напр., въ округѣ Нейштеттинъ). Не довольствуясь описаннымъ, консерваторы шли подчасъ еще дальше и вступали уже въ самый недвусмысленный конфликтъ съ германскимъ уголовнымъ уложеніемъ. Такъ, въ округѣ Остербургъ-Штендаль они за фальшивой подписью с.-д. кандидата распространяли летучіе листки съ призывомъ къ с.-д. избирателямъ на перебаллотировкѣ воздерживаться отъ голосованія (въ дѣйствительности с.-д. организація дала пароль поддерживать либерала). Въ округѣ Лигницъ они пытались (но, конечно, безуспѣшно) подкупить соціалъ-демократическаго секретаря въ цѣляхъ облегченія побѣды ихъ кандидата. Въ округѣ Штральзундъ... Въ округѣ Глогау...

Но довольно, довольно. И приведенныхъ фактовъ уже вполнѣ достаточно для того, чтобы бросить яркую полосу свѣта на характеръ и методы избирательной борьбы историческихъ „опоръ престола и монархіи".

VII

Заголовокъ новогодняго номера „Simplizissimus'a" украшала слѣдующая символическая картина: на фонѣ безпредѣльной снѣжной равнины, съ виднѣющимися въ отдаленіи силуэтами деревенской колокольни и развалинами стариннаго феодальнаго замка, чернѣетъ одинокая деревянная скамейка. На скамейкѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, сидятъ католическій попъ и дикій помѣщикъ. Имъ холодно и жутко, и они старательно прикрываютъ свои тѣла небольшимъ дырявымъ зонтикомъ, распростертымъ надъ ихъ головами. Но зонтикъ малъ и не въ состояніи защитить ихъ грузныя фигуры отъ падающаго сверху частаго снѣга... густого снѣга изъ красныхъ избирательныхъ бюллетеней. Подпись подъ картиной лаконически гласила: „12 января".

Каррикатура „Simplizissimus'а“ оказалась поистинѣ пророческой. Конечно, всѣ въ Германіи ожидали—да и какъ было этого не ожидать?—сильнаго сдвига на выборахъ 1912 г. влѣво и значительнаго усиленія соціалъ-демократіи. Но то, что въ дѣйствительности случилось 12 января, оставило позади себя всѣ самые оптимистическіе расчеты. Политическая буря свирѣпствовала въ этотъ день съ еще никогда небывалой силой, и къ вечеру вся страна была, дѣйствительно, покрыта густымъ слоемъ „краснаго снѣга“ избирательныхъ бюллетеней.

Уже первыя свѣдѣнія о результатахъ выборовъ давали нѣкоторое представленіе о размѣрахъ тѣхъ перемѣнъ, которыя народное голосованіе произвело въ соотношеніи политическихъ силъ страны. 13 января утромъ стало извѣстно, что центръ сумѣлъ въ первомъ же избирательномъ турѣ провести въ своихъ „todsicheren“ („вѣрныхъ, какъ смерть“, по образному нѣмецкому выраженію) сельскихъ округахъ 81 депутата изъ 103, бывшихъ у него въ рейхстагѣ передъ концомъ существованія послѣдняго, консерваторы—27 (изъ 66), имперская партія—5 (изъ 25) и соціалъ-демократы—64 (вмѣсто 53). Печально гласили первоначальныя извѣстія для либераловъ: націоналъ-либераламъ удалось въ первый день завоевать только 4 (изъ 51), а прогрессистамъ даже ни одного (изъ 49) мандата. Невольно получалось впечатлѣніе, что „черно-голубой блокъ“ вышелъ изъ битвы 12 января значительно ослабленнымъ, но что все раздраженіе, все негодованіе широкой массы избирателей пошло на пользу исключительно соціалъ-демократіи. Еще бы: въ 1907 г. она смогла провести въ первомъ избирательномъ турѣ лишь 29 и даже въ знаменитомъ 1903 г. только 53 депутата! Наоборотъ, либерализмъ казался совершенно размолотымъ между двумя огромными политическими жерновами: консервативно-клерикальной реакціей, съ одной стороны, рабочей демократіей, съ другой.

Опубликованныя нѣсколько дней спустя цифровыя данныя о количествѣ голосовъ, поданныхъ за отдѣльныя партіи, внесли нѣкоторыя поправки въ первоначальное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касалось положенія либераловъ. Именно, эти данныя обнаружили, что партіи „черно-голубого блока“, считая въ ихъ числѣ и поляковъ, собрали 12 января круглымъ счетомъ $4^1/_2$ милл. голосовъ, т.-е. на 300 тыс. меньше, чѣмъ въ 1907 г. (одинъ центръ потерялъ почти 150 тыс.); наоборотъ, вся лѣвая, „отъ Бассермана до Бебеля“, получила въ суммѣ почти $7^1/_2$ милл. голосовъ, или на 1,350 тыс. больше, чѣмъ въ эпоху „готтентотскихъ“ выборовъ. Изъ этого колоссальнаго прироста оппозиціонныхъ голосовъ на долю прогрессистовъ приходилось 325 тыс., на долю націоналъ-либераловъ—35 тыс. и на долю соціалъ-демократіи—почти цѣлый милліонъ (точно 991 тыс. голосовъ). Такимъ образомъ, по сравненію съ вы-

борами 1907 г. партія пролетаріата сдѣлала исполинскій скачокъ вверхъ и объединила подъ своимъ знаменемъ свыше трети (34,8%) всѣхъ германскихъ избирателей! Впрочемъ, какъ показываютъ приведенныя цифры, и либерализмъ, особенно лѣвый, обнаружилъ на описываемыхъ выборахъ значительные успѣхи.

Исходъ народнаго голосованія 12 января произвелъ огромное впечатлѣніе на страну. Отвѣтъ націи на безумную политику „черно-голубого блока“ былъ ясенъ и категориченъ до послѣдней степени. И, конечно, вполнѣ естественно и понятно, что результаты главныхъ выборовъ вызвали различныя чувства въ различныхъ политическихъ лагеряхъ страны: бурный восторгъ и воодушевленіе въ рядахъ демократіи, особенно же соціалъ-демократіи, и, наоборотъ, уныніе, страхъ и озлобленіе въ станѣ консервативно-клерикальной реакціи. Въ ночь, слѣдовавшую за днемъ *этихъ* выборовъ, саксонскій король уже не чувствовалъ больше потребности оповѣщать міръ о прелестяхъ человѣческаго существованія, а словоохотливый германскій императоръ избавленъ былъ отъ необходимости прибѣгать къ услугамъ своего краснорѣчія. Въ эту ночь, какъ и пять лѣтъ тому назадъ, улицы большихъ городовъ были переполнены ликующими толпами народа, но то были другія толпы, и распѣвали онѣ не патріотическія пѣсни юнкерско-буржуазной Германіи, а революціонные гимны соціалистическаго пролетаріата.

Страна сказала свое рѣшающее слово, сказала вѣско и внушительно. Но составъ будущаго рейхстага все еще далеко не опредѣлился. Изъ 397 депутатовъ парламента 12 января было выбрано только 208. Въ 189 округахъ предстояли перебаллотировки, въ которыхъ участвовали: 121 с.-д., 64 національ-либерала, 53 прогрессиста, 42 консерватора, 29 членовъ партіи центра, 17 членовъ имперской партіи и 50 представителей различныхъ мелкихъ политическихъ группъ и теченій. И теперь-то наступилъ критическій часъ для либеральныхъ партій: какова будетъ ихъ тактика на перебаллотировкахъ? Сохранятъ ли онѣ мужество и трезвую голову и останутся вѣрны своему первоначальному лозунгу „противъ черно-голубого блока“, подъ знакомъ котораго онѣ вступили въ избирательную борьбу, или же, перепуганныя колоссальнымъ ростомъ соціалъ-демократіи, онѣ снова, какъ это уже бывало неоднократно, спасуютъ передъ призракомъ красной опасности и, во имя защиты основъ собственности и порядка, бросятся въ объятія политической реакціи? Отъ того или иного поведенія либераловъ зависѣлъ окончательный исходъ избирательной кампаніи, т. к. въ цѣломъ рядѣ округовъ либеральные голоса давали перевѣсъ либо соціалъ-демократіи, либо „черно-голубому блоку“. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ дни, слѣдующіе непосредственно за главными выборами, во многихъ либеральныхъ головахъ упорно вертѣлась мысль о спаситель-

номъ бѣгствѣ въ лагерь реакціи. Однако, ожесточеніе, вызванное въ широкихъ массахъ населенія трехлѣтнимъ хозяйничаніемъ консерваторовъ и центра, было такъ велико, что это бѣгство не смогло принять повальнаго характера, и такимъ образомъ практическіе результаты народнаго вотума 12 января не были окончательно погублены.

Относительная твердость, проявленная на выборахъ 1912 г. обычно столь безхарактернымъ германскимъ либерализмомъ (собственно, его лѣвымъ крыломъ—прогрессистами), тѣмъ болѣе замѣчательна, что со стороны правительства тотчасъ же послѣ перваго голосованія была сдѣлана попытка къ „собиранію" всѣхъ буржуазныхъ партій воедино, для совмѣстной борьбы съ соціалъ-демократіей, по крайней мѣрѣ, на перебаллотировкахъ. Попытка эта, однако, потерпѣла снова полное фіаско, такъ какъ прогрессисты совсѣмъ не явились на совѣщаніе представителей партій, созванное для данной цѣли Бетманъ-Гольвегомъ, а націоналъ-либералы, хотя и явились, оказались недостаточно сговорчивыми. Реакціонный блокъ противъ пролетаріата на этотъ разъ такимъ образомъ не состоялся, и дальнѣйшее развитіе избирательной борьбы было опять предоставлено естественному ходу событій.

Положеніе партій послѣ крушенія объединительныхъ стремленій правительства представлялось въ общемъ видѣ такъ: соціалъ-демократы, рѣшительно отклонивъ всякія сепаратныя соглашенія съ другими организаціями по отдѣльнымъ округамъ, поддерживали, согласно постановленію 1911 г. іенскаго партейтага, каждаго кандидата, дававшаго обѣщаніе выступать въ парламентѣ противъ всякаго ухудшенія избирательнаго права въ рейхстагъ, противъ ограниченія коалиціоннаго права и права собраній и союзовъ, противъ усиленія наказаній за политическія преступленія и всякихъ попытокъ исключительныхъ законовъ и, наконецъ, противъ повышенія пошлинъ и налоговъ на продукты массоваго потребленія. Въ свою очередь, на крайнемъ правомъ флангѣ консерваторы соглашались оказывать помощь на перебаллотировкахъ только тѣмъ кандидатамъ, которые обязывались выступать въ рейхстагѣ противъ всякаго ограниченія власти императора и правительства и за поддержку всѣхъ мѣропріятій, касающихся борьбы съ соціалъ-демократіей и дальнѣйшаго развитія существующихъ таможенныхъ пошлинъ. Центръ безусловно поддерживалъ всѣхъ кандидатовъ правыхъ партій, либералы же, какъ и слѣдовало ожидать, раскололись на два лагеря: націоналъ-либералы отдали почти всѣ свои голоса „черно-голубому блоку", проваливая на перебаллотировкахъ не только с.-д., но кое-гдѣ даже прогрессистовъ (такъ было, напр., въ Шлезвигъ-Голштиніи и нѣкоторыхъ др. мѣстахъ); прогрессисты же въ лицѣ своего центральнаго правленія высказались за рѣшительное продолженіе борьбы съ консервативно-клерикальной реакціей.

Къ сожалѣнію, однако, далеко не всѣ мѣстныя организаціи прогрессистовъ, а въ особенности далеко не всѣ прогрессистскіе избиратели послѣдовали данному изъ центра паролю,—дѣйствительно энергично онъ проводился только въ Баваріи и Эльзасъ-Лотарингіи, и это обстоятельство едва не привело къ настоящей политической катастрофѣ. Именно, благодаря малодушію и близорукости прогрессистовъ, во время первой серіи перебаллотировокъ, 20 января, лѣвая потеряла цѣлыхъ 16 мандатовъ, перешедшихъ въ руки „черно-голубого блока". Но вслѣдъ за тѣмъ въ поведеніи широкой массы либеральныхъ избирателей сразу наступила рѣзкая перемѣна: напуганная неблагопріятнымъ исходомъ первыхъ перебаллотировокъ, эта масса какъ-то сразу и стихійно хлынула влѣво, и дальнѣйшія перебаллотировки—22 и 25 января—превратились уже въ полное торжество оппозиціи, въ особенности крайней лѣвой оппозиціи. Окончательный суммарный исходъ парламентскихъ выборовъ 1912 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ (въ скобкахъ приведены цифры 1907 г.):

Названіе партій	Голоса (въ тыс.)		Мандаты	
Соціалъ-демократы	4.250	(3.259)	110	(43)
Центръ	2.035	(2.179)	93	(104)
Націоналъ-либер.	1.672	(1.637)	44	(56)
Прогрессисты	1.558	(1.233)	43	(50)
Консерваторы	1.129	(1.060)	42	(67)
Поляки	442	(454)	18	(20)
Имперск. партія	370	(472)	14	(25)
Антисемиты	356	(473)	13	(20)
Эльзасъ-лотерингцы	99	(103)	7	(8)
Вельфы	91	(78)	5	(2)
Баварск. крестьянск. союзъ	48	(76)	8	(1)
Нѣмецк. „ „	29	—	2	—
Датчане	17	(15)	1	(1)
Литовцы	6	(4)	–	—
Дикіе	86	(208)	2	
	12.206	(11.263*)	397	

Приведенная таблица чрезвычайно интересна и поучительна. При взглядѣ на нее прежде всего становится ясно, что основная задача избирательной кампаніи 1912 г. могла считаться достигнутой: „черно-голубой" блокъ былъ, дѣйствительно, разбитъ. Онъ располагалъ теперь только 162 голосами (центръ, консерваторы, имперская партія и антисемиты) вмѣсто 216, которые онъ имѣлъ въ старомъ рейхстагѣ. Если къ голосамъ названныхъ партій даже прибавить еще голоса поляковъ, вельфовъ, эльзасцевъ, датчанъ и ди-

*) Въ цифру 12.206 входятъ также 10 тыс. голосовъ, разбившихся между отдѣльными кандидатами, и около 8 тыс. признанныхъ недѣйствительными.

кихъ,—хотя далеко не по всѣмъ вопросамъ названныя группы солидарны съ „черно-голубыми",—то и тогда въ окончательномъ итогѣ получалось все-таки лишь 195 голосовъ, т.-е. нѣсколько меньше половины. Такимъ образомъ, консервативно-клерикальнаго большинства въ новомъ рейхстагѣ больше не существовало, и это обстоятельство естественно должно было оказать значительное вліяніе на общее направленіе дальнѣйшей политики правительства.

Потери „черно-голубого блока" на выборахъ 1912 г. были очень велики: антисемиты вышли изъ избирательной битвы совершенно разгромленными, обѣ группы консерваторовъ лишились въ суммѣ 36 мандатовъ и оставили на полѣ брани цѣлый рядъ крупныхъ партійныхъ именъ. Въ новомъ рейхстагѣ не было больше вождя „Союза сельскихъ хозяевъ" д-ра Резике; не было пламеннаго барда аграрнаго юнкерства, д-ра Гана; не было и знаменитаго друга Пуришкевича, Ольденбургъ-Янушау. Даже самъ „некоронованный король" Пруссіи, вождь консерваторовъ, фонъ-Гейдебрандъ, лишь съ крайнимъ напряженіемъ силъ могъ удержать свой мандатъ.

Еще большее значеніе имѣло ослабленіе католическаго центра. Онъ потерялъ на этотъ разъ почти 150 тыс. голосовъ и 11 мандатовъ и по количеству своихъ парламентскихъ полномочій опустился до уровня 1877 г. Въ числѣ ранъ, полученныхъ центромъ на полѣ избирательной битвы, были двѣ особенно мучительныхъ и тяжелыхъ: это—Дюссельдорфъ и Кёльнъ, особенно Кёльнъ, безъ котораго, по словамъ крупнѣйшаго вождя ультрамонтановъ, Тримборна, посылавшагося въ рейхстагъ какъ разъ этимъ городомъ, невозможно себѣ вообще представить центръ. Несмотря на самыя отчаянныя усилія католиковъ, имъ не удалось таки отстоять этой старинной твердыни германскаго клерикализма, и теперь надъ церковными главами „Нѣмецкаго Рима" развѣвалось красное знамя соціалъ-демократіи. Исторія такимъ образомъ завершила свой кругъ и вернула рейнскую столицу Германіи той партіи, которая 64 года тому назадъ начала отсюда свое побѣдоносное движеніе на страну [1]). Пожалуй, не менѣе симптоматично, чѣмъ потеря Кёльна, было также и относительное паденіе центровскихъ голосовъ въ Рейнско-Вестфальскомъ промышленномъ районѣ: по сравненію съ выборами 1907 г. центръ увеличилъ здѣсь количество послѣднихъ всего лишь на 5000, въ то время, какъ с.-д. за то же время—на 112 тыс. Видимо, партія „Истины, свободы и права" (девизъ Центра) начинаетъ терять свои рабочіе батальоны, и это означаетъ начало конца для ея неприступной „башни"...

Лѣвая,—соціалъ-демократы, прогрессисты и націоналъ-либералы вмѣстѣ съ обоими крестьянскими союзами,—располагали въ новомъ

---

[1]) Въ 1884 г. К. Марксъ издавалъ въ Кельнѣ „Новую Рейнскую Газету".

рейхстагѣ 202 голосами, т.-е. очень маленькимъ, но все-таки абсолютнымъ большинствомъ. Существуй въ Германіи нормальное распредѣленіе страны на избирательные округа, лѣвая имѣла бы 247, а „черно-голубой блокъ“ со всѣми своими союзниками—только 150 мандатовъ. На лѣвой наибольшее вниманіе привлекаетъ къ себѣ, конечно, соціалъ-демократія. Ея успѣхи на выборахъ 1912 г. носятъ почти сказочный характеръ. Она—единственная партія, которая выиграла 12 января, выиграла за счетъ всѣхъ остальныхъ—центра, консерваторовъ, либераловъ и антисемитовъ. Однимъ ударомъ она увеличила число своихъ депутатовъ въ рейхстагѣ болѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза, и такимъ образомъ за неудачу 1907 г. взяла въ 1912 г. поистинѣ блестящій реваншъ. Саксонія снова превратилась въ „красное королевство“, пославъ въ рейхстагъ 19 с.-д. изъ общаго количества 23 твоихъ депутатовъ; Баварія утроила число выбираемыхъ ею представителей пролетаріата—9 вмѣсто 3,—Эльзасъ-Лотарингія болѣе, чѣмъ удвоила—5 вмѣсто 2. Партіей впервые были завоеваны: Гагенъ—бывшій округъ Евгенія Рихтера—и императорская резиденція Потсдамъ, отъ котораго прошелъ извѣстный Карлъ Либкнехтъ. О Кёльнѣ и Дюсельдорфѣ упоминалось уже выше. Не удалось однако соціалъ-демократіи и на этотъ разъ захватить знаменитый первый берлинскій избирательный округъ, гдѣ прогрессистъ Кэмпфъ побѣдилъ соціалъ-демократа Дювелля большинствомъ всего лишь.... 9 голосовъ, голосовъ канцлера и 8 министровъ, живущихъ какъ разъ въ этомъ районѣ. Впрочемъ, такое пораженіе, пожалуй, стоитъ побѣды. Съ своими 110 мандатами и своими $4^1/_2$ милл. голосовъ—цифры еще небывалыя въ исторіи международнаго соціализма—соціалъ-демократія вступила въ рейхстагъ въ качествѣ сильнѣйшей политической партіи страны, могущей въ ходѣ парламентской работы нерѣдко занимать доминирующее положеніе. Это очень выгодно и почетно, но это ко многому обязываетъ...

Оглавленіе